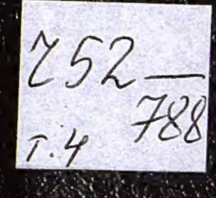

252 — 788
т. 4

В. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

ЗАПИСКИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
9	16 сверху	В стране...	В стане...
25	24 снизу	предместные...	предмостные...
25	9 »	«Скоро...	«Скорее...
35	12 »	Богунского...	Богуна...
49	3 сверху	обращения...	общения...
18	16 »	один...	одни...
24	18 снизу	вражующих...	враждующих...
57	10 »	ибо 3-я бригада Махно, находясь беспрерывно более трех месяцев	ибо и эти части вконец измучены, голы и босы и держатся только
60	19 сверху	Та фе...	Та же...
64	1 »	Все мы...	Мы...
64	19 снизу	их на что...	их ни на что...
82	14 сверху	был политкомом Богунского...	был политкомом Богунского полка
84	9 сверху	Венгрии, Болгарии, Турции	Венгрии. Болгария, Турция
114	11 »	не имел...	не имея...
120	11 снизу	разведчику 3)	разведчику 3.
150	10 сверху	П. Подвойский...	Н. Подвойский...
173	9 »	Мирновка...	Мироновка...
173	2 снизу	архия...	анархия...
195—196	22 и 16 снизу	П. Подвойский...	Н. Подвойский...
199	последняя	пример...	например...
200	5 снизу	заместителям...	заместителем...
218	5 сверху	... Фастова в Черкасском направлении...	Фастова. В Черкасском направлении...
227	18 снизу	Начоперода Киевского округа т. Пуке распорядился:	«Начбоевого участка т. Богунскому. Получены сведения, что из...
230	21 »	«Разведка...	«Разведкой...
293	18 »	15-й пограный...	15-й пограничный...
293	16 сверху	занять Петлюрой...	занят Петлюрой...
307	5 снизу	Доводи...	Доводя...
309	Последняя строка	к Ковалю.	к Ковелю.
318	10 снизу	общественных	общесоюзных
322	16 »	стальных	остальных

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь

В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

ЗАПИСКИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

С 7 СХЕМАМИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933 ЛЕНИНГРАД

Четвертый том «Записки о гражданской войне» В. А, Антонова-Овсеенко, являющийся непосредственным продолжением третьего тома «Записок», освещает боевые события на Украине в период с апреля до середины июня 1919 г.

Книга т. Антонова-Овсеенко носит характер воспоминаний активного участника событий, иллюстрируемых большим числом исторческих документов. Как отмечает сам автор, не все моменты и стороны гражданской войны на Украине освещаются им с достаточной полнотой.

Книга представляет интерес как для историка, так и для читателя–неспециалиста, интересующегося эпохой героической борьбы рабочего класса и трудового крестьянства на Украине.

К печати подготовили:
Редактор А. Душак.
Технический редактор Д. Моисеенк
Выпускающий Н. Мартюков.
Корректор Р. Тайц.
Сдано в производство 20/V—1932.
Подписано к печати 1/I—1933.
26 авт. л., $21^1/_2$ печ. л.
Формат 62×94—$^1/_{16}$.
В 1 бум. л. 95 232 знака.

Уполном. Главлита В-38 349. Зак. № 5509. Тираж 50

Ф-ка книги „Красный пролетарий“. Москва, Краснопролетарская,

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА

Четвертый том, как и три предыдущие тома наших „Записок о гражданской войне“, отнюдь не историческое исследование, а сводка основных материалов, сопровождаемых комментариями. Четвертый том охватывает период от апреля (точнее, со времени взятия нами Одессы) до середины июня 1919 г., от кульминационного пункта военных успехов Советской Украины до начала ее больших неудач в боях с деникинцами и их союзниками.

В нашем описании этих тяжелых времен конечно немало серьезных недочетов и пробелов.

Наиболее существенным пробелом является, по нашему мнению, крайняя недостаточность данных о громадной работе, проделанной нашей партией по организации советской власти на Украине, по созданию ее боевых сил. Если мы имели военные успехи, то конечно прежде всего мы этим обязаны самоотверженной работе партийцев и твердому руководству ЦК. И это независимо от некоторых, впоследствии авторитетно признанных, ошибок в направлении отдельных отраслей нашей работы на Украине.

Другим существенным недостатком данной книги является невольная односторонность и крайняя неполнота в рассказе о работе Наркомвоен Украины под руководством т. Н. И. Подвойского. Помимо недостатка документов здесь мог сказаться и некоторый субъективизм, который автор не сумел преодолеть.

Надеюсь, что компетентные товарищи восполнят эти и другие пробелы и исправят недочеты нашего труда. Автор будет считать свою задачу выполненной, если его книга послужит основой и толчком для дальнейшей работы изучения истории гражданской войны на Украине.

Антонов-Овсеенко

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Красная армия Украины у порога Средней Европы. Советская власть в Баварии. Советская власть в Венгрии. Красный Мюнхен раздавлен. Красная Венгрия героически держится и зовет нас на помощь.

К началу апреля 1919 г. Украинский советский фронт выполнил свои непосредственные задачи. Петлюровские армии в основном разбиты и рассеяны; попытка сговора „Украинской директории“ с западными интервентами сорвана победоносным натиском наших войск; интервенты сброшены в Черное море. Взятие нами Одессы и Крыма знаменовало серьезное поражение мирового империализма.

Еще до этих событий под влиянием сложившейся внутри политической обстановки во французских правящих кругах наблюдались некоторые колебания в решении „русского вопроса“.

Так помощник статс-секретаря по иностранным делам Амбари заявил во французской палате депутатов, что „французское правительство, не намереваясь совершать экспедиции в Россию, решило оказывать действительную помощь против большевиков различным нациям, находящимся в соседстве с Германией. Французское правительство будет им помогать доставкой оружия, денег, обмундирования, экипировки и продовольствия“. И в то же время „L'Humanité“ сообщало, что недавно в г. Шербурге погружены на суда французские войска, направляющиеся в Россию, и на фронте идет набор добровольцев для похода в Россию.

Любопытно в этом отношении следующее сообщение из Франции от 11 апреля, вскрывающее некоторые закулисные мотивы французской интервенции.

„В начале февраля этого года в Париже во главе с Ротшильдом образовалась компания по использованию богатств России в связи с окончательным поражением Германии, следствием которого должно было явиться очищение юга России от немцев. В число акционеров вошли видные члены палаты депутатов правого крыла, весьма солидное количество паев выпало и на долю Клемансо. Были также посланы агенты в южные города России для покупки акций русских банков, в частности была установлена связь с Рябушинским, который стал во главе комиссии, разработавшей план покупки всех земель Крыма, а также план установления сношений с группой ан-

глийских банкиров, создавших акционерное общество по покупке земель по линии Черноморского побережья Кавказа.

В связи с этим Клемансо предложил через генерала д'Ансельма Деникину, уже когда французские войска заняли Одессу, уступить Крым и Одессу Франции в аренду на 25 лет, в обмен на что предлагал техническую помощь союзников.

Ротшильдовская компания очень усиленно начала субсидировать газету Клемансо „Свободный человек", которая сильно подогревала в массах шовинистические идеи, требуя оккупации России как компенсацию за неоплаченные займы".

Этим и иным мечтаниям и планам наши победы на юге нанесли жестокий удар.

Д. Мануильский, непосредственный наблюдатель настроений тогдашней Франции, писал („Коммунистический интернационал", № 2):

„Вопрос о непосредственной военной интервенции в русские дела можно считать во Франции окончательно ликвидированным. Политика, которую правящие классы Франции проводили по отношению к России после заключения Брест-литовского мира, потерпела окончательное поражение. Двоякого рода причины способствовали банкротству этой политики. Не говоря уже о том, что после германской революции вопрос о военной интервенции потерял в глазах широких кругов населения прежний характер, приходится признать, что решающим моментом в ликвидации идеи непосредственной интервенции явились наши ошеломляющие успехи на юге. Французская буржуазная печать, изображавшая до этого момента русскую армию в виде сброда авантюристов, грабителей, трусов и дезертиров, вынуждена была переменить тон. Красная армия получила признание своей боеспособности и технической подготовки со стороны наиболее свирепых врагов рабочей революции в России".

Другим фактором огромного значения, заставившим изменить отношение к вопросу об интервенции России, были настроения в армиях империализма. Войска, прекрасно сражавшиеся на Солоникском фронте, чрезвычайно быстро утрачивали свою боеспособность, „разлагались" в борьбе с войсками Советов. Общеизвестны факты волнений в войсках и восстаний на судах французского флота.

Итак, империализм терпит поражение в его попытке непосредственной интервенции.

И это поражение империализма в прямом бою с Советами совпало с еще одним событием громаднейшего значения—с революцией в Венгрии.

Газета империалистских воротил Франции „Le temps" писала (14 апреля): „Политика Принцевых островов устарела. Ибо в тот момент, когда мы звали Ленина на Принцевы острова, мы хотели с ним разговаривать как с побежденным; после очищения Одессы и венгерской революции нам придется с ним говорить как с победителем".

Матерые волки империализма прекрасно сознавали великий исторический смысл Октябрьской революции.

И все их усилия были направлены к тому, чтобы блокировать

этот очаг грозной заразы, сжать его в рамках собственно Великороссии, окружить „санитарным кордоном“ вновь образованных буржуазно-националистических мелких государств, слепо подчиненных мощной воле Антанты. Таково было назначение Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши, Чехии, Румынии, Сербии, Украины, Казачьего Дона.

Республика советов отделялась двойной траншеей от бурлящей Германии; Республика советов бралась измором.

На этом расчете была основана политика Принцевых островов.

Она срывалась победой пролетарской революции на Украине и установлением Советской республики в Венгрии.

Советская власть в Венгрии—это далекий прорыв за линию империалистских траншей, сжимавших революцию Октября. Это—опорный пункт для воздействия революции на Балканы и на Запад.

А на Балканах и на западе Европы—все в брожении.

В стране победителей—раздор.

Еще не закончившая своих работ парижская мирная конференция протекает в атмосфере взаимного недоверия и разногласий.

Спорят о численности будущей германской армии,—спорят о размерах дани, возлагаемой на Германию, спорят о будущих германских границах. Французские стремления настолько ослабить Германию, чтобы она не представляла для Франции в будущем никакой угрозы, встречают сопротивление со стороны Англии и Соединенных штатов, не желающих осуществления французской гегемонии в Европе.

Французы упорно настаивают на том, чтобы Германия имела право не более, чем на 100 000-ную армию. Но англичане и американцы возражают, что такой армии недостаточно даже для „поддержания внутреннего порядка“.

Американские финансовые эксперты полагают, что Германия не в состоянии уплатить более чем 15 млрд. долларов контрибуции, меж тем одна Франция требует 16 млрд., Великобритания—8, Бельгия—6. И международный комитет банкиров, руководимый французскими и английскими биржевиками, заявляет, что Германия выдержит уплату и 30 млрд. долларов.

Франция требует не только „возвращения“ ей Эльзас-Лотарингии, но и присоединения всего Саарского бассейна. Остальные соглашаются на предоставление этого бассейна Франции лишь во временную эксплоатацию.

Идут споры о размерах экономического подавления Германии. Французы добиваются не только почти полного отобрания ее торгового флота, передачи им громадного количества подвижного состава германских железных дорог, но и анулирования всех сделок и контрактов, заключенных Германией до войны....

Особенно болезненно отзывается Германия на решение вопроса об ее восточных границах. Комиссия по польским делам уже предложила: предоставить Польше выход к морю через Германию путем образования Данцигского коридора. Независимые социал-демократы в ответ на это развили агитацию за союз с Советской Россией.

в таком же смысле высказался ряд рабоче-крестьянских советов Германии.

Под влиянием этих угроз союзники поколебались. Радио американского бюро печати сообщает, что Вильсон и Ллойд-Джордж признали невозможным отдать Данциг Польше и предлагают интернационализировать Данциг и железные дороги в этом районе с тем, чтобы Данциг был отдан под контроль Германии, а поляки получили право пользования им для коммерческих целей[1].

Крупные акулы империализма готовы передраться. Мелкие хищники уже почти в драке. Чехи и поляки в раздоре из-за Верхней Силезии. Румыны и сербы готовы вцепиться в горло друг другу из-за Баната. Итальянская делегация на мирной конференции грозит отъездом, если союзники пойдут в ущерб Италии навстречу сербским притязаниям на Фиуме и Адриатическое побережье.

И над этой свалкой империалистических вожделений „красная опасность“ грозно поднимает голову.

АНГЛИЯ.—„Вся христианская цивилизация находится в опасности... Старые формы производства и распределения уже не стоят на высоте современных потребностей... Война дезорганизовала транспорт и создала голод“. Так характеризует положение Роберт Сесиль. Газета „Вождь рабочих“ подчеркивает, что Англия, по словам ее правителей, находится на краю банкротства. Безработных более миллиона. Пострадала хлопчатобумажная промышленность. Льняная и полотняная промышленность переживает тяжелый кризис. Три сильнейших и влиятельнейших профессиональных союзов Англии—Национальный союз железнодорожников, Федерация шахтеров Великобритании и Федерация транспортных рабочих—образовали „тройственный союз“. Взаимно обязываются поддерживать друг друга. Он объединяет до 2 000 000 человек. В феврале тройственный союз решил начать наступление по всему фронту. Федерация шахтеров потребовала: 1) шестичасового рабочего дня, 2) повышения заработной платы на 30% и 3) национализации рудников и шахт. Железнодорожники и транспортные рабочие потребовали: 1) 48-часовой рабочей недели, 2) оставления в силе „военной заработной платы“ и 3) национализации путей сообщения с участием рабочих в управлении. Было заявлено, что все три союза объявят генеральную забастовку, если их требования не будут удовлетворены. Была назначена специальная следственная комиссия под председательством судьи Санки, „чтобы исследовать условия труда в горной промышленности и внести конкретные предложения“. Что же касается железнодорожников и транспортных рабочих, то здесь были образованы смешанные комиссии из представителей рабочих и работодателей.

Революционная настроенность масс и угроза забастовки заставили комиссию частично удовлетворить требования союзов, но забастовка все же вспыхнула в Ноттингэмшире, Дербишире и Южном Уэльсе.

---

[1] Обстановка на мирной конференции дается до заключения Версальского мира.—*А. О.*

В конце февраля была созвана конференция представителей труда и капитала, избравшая Объединенный индустриальный совет, составленный из равного числа рабочих и работодателей. Этот „совет“ должен был положить начало „индустриальному миру“. Но „в то время как вожди подписывают мир, массы готовятся к войне“,—кончает корреспондент Исполкома Коминтерна.

26 марта на съезде Федерации шахтеров решено предъявить правительству следующие политические требования:

1. Отмена обязательной воинской повинности.
2. Отозвание британских войск из России.
3. Снятие блокады (с Германии).
4. Освобождение из тюрем и концентрационных лагерей всех так называемых „противников по совести“, отказавшихся во время мобилизации вступить в армию.

Постановлено поддержать эти требования угрозой всеобщей забастовки. „Впервые в истории Англии,—пишет „Manchester Guardian“,—рабочие собираются объявить всеобщую полотическую забастовку“.

16 апреля состоялось заседание Исполнительного комитета тройственного союза. Решено поддержать требование Федерации шахтеров и „в самом ближайшем будущем“ созвать съезд профессиональных союзов для обсуждения вопроса о всеобщей забастовке.

Революционизирование масс уже получало свое оформление в Англии. Ленин при открытии I конгресса Коминтерна 2 марта 1919 г. сообщал о возникновении в Англии комитета заводских старост, сообщал, что английское правительство приняло Бирмингамский совет[1] рабочих депутатов и высказало готовность признать советы, как экономические организации.

Даже испытанные социал-предатели были вынуждены, применяясь к настроениям широких масс, говорить почти по-революционному.

Так именно и прозвучала речь Филиппа Сноудена 21 апреля у Ходерсфильде на открытии конференции независимой рабочей партии.

„Социлистический строй—вот единственное спасение Европы и всего мира. Мы видим уже начало конца капиталистической системы. Над двумя третями Европы развевается уже красное знамя. По всему миру звучат отклики русской революции...

...Парижская мирная конференция показывает, что союзники решили во что бы то ни стало добиться своих империалистических целей. Все наши опасения относительно грабительского мира, неизбежного после милитаристической победы, подтверждаются... В сущности мира нет и не может быть, потому что уже началась новая война: война классовая. Мирный договор империалистов—ничего не стоящий клочок бумаги“.

На первом заседании конференции были приняты резолюции с требованием снятия блокады с Германии и отозвания британских

[1] Представителей Бирмингамской конференции „Комитетов заводских старост“.—*А. О.*

войск из России. На втором заседании конференции обсуждался вопрос о „советах и о парламенте,—какая форма правления предпочтительнее“. Большая часть делегатов высказалась за советы и подвергла резкой критике деятельность членов Британской рабочей партии в парламенте.

ФРАНЦИЯ.—Клерикализм и националистическая реакция у власти. Генерал Фош и Клемансо заправляют. Военщина распоряжается во Франции, как в завоеванной стране. Демобилизация затягивается. По начало апреля демобилизовано из 8 000 000 лишь около полутора (да около 1 000 000 убитых...). Среди солдат в связи с этим громадное брожение.

Широкие круги населения возбуждены растущими налоговыми тяготами. (В 1913 г. бюджет равнялся 5 млрд. франков, в 1919—намечен в 22 млрд. франков.) Революционизируют сознание громкие судебные процессы,—вскрывается „пир во время чумы“. Сенатор Шарль Эмбер, вице-председатель Военной комиссии, уличен в том, что приобрел крупнейшую газету во Франции—„Журналь“ за деньги, полученные от немецких агентов. Металлургический трест, с министром вооружений Лушером во главе, обвиняется в противодействии французскому штабу в его планах атаки бассейна Брийе, занятого немцами и, по тайному договору с этим трестом, эксплоатировавшегося во время оккупации немецкой компанией.

Патриотический дурман еще неокончательно изжит, ужасная усталость от затяжной войны подкашивает революционную энергию.

Но растущее недовольство прорывается в ряде внушительных демонстраций. На оправдание убийцы Жореса Париж ответил грандиозным протестом. Более 300 000 человек участвовало в шествии перед бюстом Жореса. В рядах демонстрантов огромное количество солдат и моряков в полной форме. Многие военные сбрасывали к бюсту социалиста-трибуна свои ордена.

Конгресс горнорабочих Па-де-Кале решил потребовать введения 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы на 5%. Горнорабочие хотят войти в соглашение с железнодорожниками всей Франции, с горнорабочими Центральной и Северной Франции и с английскими рабочими, чтобы, в случае если их требования не будут удовлетворены, начать совместное движение.

Под влиянием этих настроений зашевелился обычно медлительный в вопросах улучшения рабочей жизни французский парламент. Правительство вдруг спешно внесло законопроект о 8-часовом рабочем дне и в восемь дней провело этот закон через палату и сенат.

ИТАЛИЯ.—Революционное брожение охватило все главные города полуострова. Наиболее серьезные события разыгрались в Милане в половине апреля. Во время происходившей там однодневной стачки дело дошло до столкновения толпы с войсками,—были раненые и убитые. На другой день в Турине, Болонье, Генуе и Флоренции была объявлена всеобщая забастовка в знак солидарности с миланскими рабочими. Рабочая манифестация в Милане развернула одновременно красные и черные знамена; газеты пишут, что раздавались

крики: „Да здравствует Ленин!“ Эта рабочая манифестация столкнулась с патриотической контрманифестацией, организованной кадровым офицерством и разгромившей редакцию „Аванти“. На другой день, в знак протеста против „патриотов“ типографщики забастовали, и ни одна буржуазная газета не могла появиться. Итальянская социалистическая партия и Конфедерация труда требуют амнистии всем осужденным за политические и военные преступления, демобилизации армии, немедленного отозвания итальянских войск из России, 8-часового рабочего дня и английской недели. На конгрессе в Болонье Всеобщая конфедерация труда решила пойти на все меры, вплоть до всеобщей забастовки, чтобы добиться 8-часового рабочего дня.

Левые социалисты приняли коммунистическую программу, включающую диктатуру пролетариата и немедленную социализацию богатств. Исполнительный комитет социалистической партии выразил порицание парламентской группе за ее бездеятельность и терпимость к политике, проводимой правительством в отношении России. Под таким давлением извне парламентская группа партии потребовала восстановления гражданских свобод, амнистии, уничтожения цензуры и возвращения войск из России.

„...Для непосредственного наблюдения не может быть ни малейшего сомнения в том, что Италия—накануне революции. Матросы, бывшие когда-то самыми ярыми сторонниками войны с Австрией и Германией, теперь все настроены революционно. И в рабочих массах боевое настроение растет и ширится с каждым днем. Число членов Рабочей конфедерации после объявления перемирия увеличилось с 300 000 до 1 100 000. Тираж „Avanti“ („Вперед“) с 70 000 поднялся до 300 000 экземпляров. Во многих местностях Средней и Южной Италии провозглашена власть советов. Даже умеренные элементы, в 1915 г. стоявшие за участие Италии в войне, теперь выступают против королевской династии и мечтают с помощью парламентариев-социалистов устроить „легонькую“ революцию в духе Керенского. Что же, пусть устраивают! Рабочие массы и в Италии не остановятся на полпути и доведут революцию до конца до полной победы пролетариата и мелкого крестьянства“ [1].

ГЕРМАНИЯ.—Общее состояние крайне напряженное. „Теглих Рундшау“ передает из Эссена, что возобновившееся движение среди горнорабочих Рурского района внушает серьезные опасения.

Чрезмерные требования союзников, предъявляемые Германии к предстоящим мирным переговорам, производят на германское общественное мнение возбуждающее действие. По всей Германии прокатывается волна недовольства, подымается вопрос о возобновлении отношений с Россией.

Тов. Альберт на I конгрессе Коминтерна сообщал, между прочим, что в Рейнско-вестфальской области возникло большое движение среди углекопов. Был избран центральный совет, в руках которого

---

[1] Так сообщает один из корреспондентов „Коммунистического интернационала“.

сосредоточен контроль над всеми рудниками. Не только рабочие участвовали в социализации предприятий, но и чиновничество выразило согласие проводить социализацию без капиталистов и, борясь со всякого рода саботажем, совместно с рабочими трудиться в предприятиях.

Повсюду в Германии, где только возникали осложнения, солдаты заявляли: „Против рабочих мы не боремся“. Поэтому войска потеряли всякое значение для правительства, и оно решило организовать, и организовало, по русскому образцу, белую гвардию из добровольческих полков.

В Берлине в январе 1919 г. вспыхнуло рабочее восстание. Оно было подавлено добровольческими отрядами, организованными социал-предателями. При этом убиты Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Но коммунистическое движение не удалось подавить,—оно широко разлилось по всей стране. Его питает безотрадное экономическое положение. В одном Берлине 260 000 безработных. Продовольственный кризис растет.

К концу февраля по стране прокатилась волна забастовок. От Рейнско-вестфальского угольного района, через Среднюю и Южную Германию, она в начале марта достигла Берлина. 3 марта рабочие советы Берлина провозгласили всеобщую забастовку. Их требованиями были: 1) признание рабочих и солдатских советов; 2) освобождение всех политических заключенных, особенно Ледебура и Радека, прекращение всех политических процессов, снятие подсудности военным судам, немедленный арест всех лиц, причастных к политическим убийствам; 3) немедленный роспуск всех частей, образованных путем вербовки добровольцев; 4) немедленное установление политических и экономических сношений с советским правительством России.

В ответ правительство объявило осадное положение. В ночь на 4 марта правительственные войска (вольный корпус Лютвица) заняли Шпандау, а за ним Берлин. Приступлено к разоружению „ненадежного“ берлинского гарнизона и к разгону солдатских советов. С 5 марта происходили сильные бои между войсками республиканской солдатской охраны и предательски напавшим на них корпусом Лютвица. Лютвиц победил. До полутора тысяч солдат охраны и народной морской дивизии были перебиты. Дивизия распущена. Республиканская охрана сведена почти на-нет.

Слабая численно компартия Германии не сумела использовать этого столкновения военных сил, враждебных хоть и в разной степени революционному пролетариату.

Всеобщая забастовка в Берлине под руководством социал-соглашателей вскоре угасла. Но возбуждение рабочих масс продолжало расти.

Происходит размежевка в лагере социалистов. Это показал конгресс независимой рабочей партии, об этом же свидетельствовали и заседания 2-го съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (в Берлине).

Корреспондент „Коммунистического интернационала“ писал: „Не-

[...]прочность этой организации, к которой правительство относится с полным пренебрежением (что подтвердилось в вопросе об иммунитете съезда Советов, в требовании освобождения Ледебура и второго председателя датского солдатского совета Брандеса); острая критика, которой подвергались шейдемановские добровольцы и полки пограничной стражи, превратившиеся, как подчеркнул Зееман (Кенигсберг), в орудие землевладельцев; требование отмены всех знаков отличия; резолюция, принятая против набора добровольцев; требование отмены осадного положения; требование всеобщей амнистии; бурные дебаты по поводу всеобщей стачки в Рурской области (министр снабжения Шмидт отметил с грустью, что „основные требования горнорабочих не экономического, а политического характера")—во всем этом отражается большая диференциация немецкой рабочей массы. Рихард Мюллер, оказавшийся на конгрессе вожаком левых, выразил недовольство Рабочих и солдатских советов в резком подчеркивании самого острого недоверия Центральному совету: „Массы разочаровались. Применяются меры, к которым не прибегала и самая лютая реакция. Национальное собрание окончательно село на мель, и народ возмущен. Не залить этого движения и целым морем крови". Один демократ с прискорбием указал в своей речи, что немцы попрежнему ценят не то, что имеется у них, а то, что получается из-за границы. „Теперь последнее слово—русский большевизм". И все-таки конгресс был вынужден послать приветствие Венгерской советской республике. Относительно Баварской советской республики он занял выжидательную позицию".

20 апреля Исполком Коминтерна выпустил первомайское воззвание „К трудящимся всего мира".

Яркими словами надежды говорит это воззвание: „На развалинах старого рождается новый мир. Чем больше буржуазия всех стран душила во время войны рабочее движение, с тем большей силой вырвалось теперь революционное пламя наружу.

Коммунизм вышел на улицу. Коммунистическая революция растет на наших глазах. Советская республика в России, советская республика в Венгрии, советская республика в Баварии—вот итоги борьбы рабочего класса за последнее время.

Вся Германия содрогается от напряжения гражданской войны. В Германии не осталось ни одного города, в котором рабочий класс не поднимал бы восстания против власти буржуазии и социал-патриотов.

На Балканском полуострове клокочет классовая борьба, которая переходит в гражданскую войну...

В Австрии и Чехии рабочие сплачиваются под славным знаменем коммунизма, и близится момент последнего решительного боя.

Во Франции начались громадные демонстрации рабочих. Оправдание убийцы Жореса открыло глаза самым отсталым французским рабочим.

В Италии кипит борьба, и коммунисты зовут к диктатуре пролетариата.

В Англии стачки приобрели характер эпидемии. То тут, то там создаются рабочие советы.

В Америке рабочий класс выходит на улицу и готовится к решительным схваткам.

В Японии волнения рабочих приобретают все более массовый характер.

Во всех Скандинавских странах классовая борьба начинает переходить в гражданскую войну.

В нейтральных странах, как Голландия, Швейцария, сотни тысяч рабочих недавно участвовали в политической стачке.

Руки пролетариев рвутся к мечам“.

Так говорит Исполком Коминтерна. И это—голос многих миллионов поднявшихся к борьбе пролетариев! Не являлась ли сама возможность организации Коммунистического интернационала, его оформления в единую мировую партию на конгрессе представителей свыше двадцати рабочих партий разных стран в Москве недавних царей,—величайшим показателем переломного момента мировой истории! Показателем того, что двенадцатый час начал бить для капиталистического мира!

Именно так мы воспринимали те сведения о растущем революционном брожении, которые притекали в советскую страну со всех концов мира. Да! Эти сведения нас невыразимо бодрили в обострявшейся борьбе со своей контрреволюцией и звали нас, уже, казалось, победивших своего непосредственного врага, к прямой вооруженной поддержке своих братьев, поднявших борьбу там, на Западе.

Еще до взятия Одессы командующий Украинским фронтом писал предсовнаркома Х. Раковскому:

„У Киева и Одессы ведутся в настоящее время бои, от исхода которых решающим образом зависит ближайшая судьба советской власти не только в правобережной Украине и на всем Западном фронте, но и на фронте социальной революции в Венгрии, Германии.

Овладение побережьем Черного моря до устья Днестра и линией р. Днестра, уничтожая опорный пункт для операций союзников, отдавая нам богатый средствами район, ведет также к сокращению нашего фронта и при надежной организации тыла позволяет развить серьезное наступление навстречу Советской Венгрии, навстречу всеевропейской революции.

Положение учтено нашими врагами. Союзники отчаянно защищают подступы к Одессе. Петлюра, заключив перемирие (или мир?) с поляками, поднял против нас при посредстве аппарата определенных политических партий все силы кулачества, окружил кадры своих испытанных бойцов-сичевиков и боевой шовинистской интеллигенции (прежде всего из юнкерских училищ) тысячами мобилизованных крестьян. Слабость левого фланга запарм и ближайших резервов дала ему возможность вырвать из наших рук инициативу и привести нас в оборонительное состояние у жизненно-важного центра—Бердичев—Казатин. Точно так же союзникам при подавляющем превосходстве их сил над нашими, утомленными непрерывными боями, удалось привести к обороне нашу группу, действующую в Одесском направлении...“

Через несколько дней после этого письма Красная армия Украины, сломив интервентов, вступила в Одессу и, разбив сичевиков у Бердичева, Шепетовки, продвинулись до Галиции. Казалось возможным осуществить намеченную задачу прорыва на Запад! С величайшим вниманием мы следили за событиями в Венгрии.

ВЕНГРИЯ.—20 марта в Будапеште подполковник Викс передал графу Корольи, главе венгерского правительства, ноту ген. де-Лоби, командующего войсками Антанты. В ноте предлагается в течение 10 дней, начиная с 23 марта, вывести венгерские войска за границу нейтральной зоны; тут же указаны границы этой зоны, подлежащей занятию союзными войсками: „Восточная граница—дорога, ведущая из Арада в Нагишахонта, железная дорога Нагишахонта: Орадео-Маре, Карей—Маре—Шатмар. Северная граница—река Помеш и Тисса до пункта в 5 *км* от Вашарошнамени. Западная граница проходит на северо-западе от Вашарошнамени на расстоянии 5 *км* от реки Тиссы, затем на запад в 5 *км* от Добротина, в 3 *км* на запад от Девения, на запад от Гиома и в 5 *км* на запад от Гроохага, Годмезовашаргели и Шагедина. Южная граница—река Мураш, города Орад и Сегедин, которые будут заняты союзными войсками".

Под влиянием предъявленного ультиматума правительство Корольи подало в отставку и предложило венгерским социал-демократам составить новое правительство. Социал-демократы в свою очередь обратились к вождям коммунистов, сидевшим в тюрьме, и те согласились совместно с социал-демократами взять власть (одновременно произошло слияние обеих партий в одну социалистическую партию Венгрии).

В такой исключительной, внушавшей весьма серьезные опасения обстановке, установилась советская власть в Венгрии.

23 марта по Украинскому фронту мы дали такой приказ:

„По всем армиям, дивизиям, полкам, ротам, эскадронам и батареям объявить: Реввоенсовет Российской Социалистической Республики сообщает: „В Венгрии произошла революция и ее победа. Объявлена Советская Венгерская республика. Новая Советская Венгерская республика предлагает нам свою оборону и наступление на врагов рабочих и беднейших крестьян.

„Выбран Совнарком, т. Бела-Кун избран наркомиссаром по иностранным делам. Просит у Советской Российской республики защиты и вместе с ним, с оружием в руках, пойти против врагов пролетариата Тов. Бела-Кун просит немедленно дать сведения о положении военных дел. Советская Венгерская республика шлет привет рабочим крестьянам и красноармейцам".

Да здравствует Всемирная революция!

Да здравствует Всемирная Советская республика!

Вперед, Красная армия Советской Украины!"

Но мировой империализм—на стороже.

Мы на Украине отчетливо понимали интернациональное значение нашей борьбы. Для нас было ясно, что борьба эта была борьбой со всеми силами мирового империализма, была составной частью всемирной пролетарской революции.

Мы были необычайно одушевлены вестью о победе пролетарской революции в Венгрии. С удесятеренной энергией торопились мы завершить дело очищения Украины от войск интервентов и искавших с ними смычки войск мелкобуржуазной Директории.

Мы сознавали необходимость торопиться на помощь Советской Венгрии.

Мы разделяли тревогу, выраженную московской „Правдой" (№ 70 1 апреля):

„Союзники озабочены изоляцией Венгрии от ее соприкосновения с Россией... Установление прямой связи Советской России с Будапештом дало бы Красной Венгрии много революционной энергии и сделало бы ее мощным авангардом молодой, движущейся на запад с востока революции. Державы согласия посредством румын и поляков определенно стараются помешать такому соединению. С этой целью польские отряды варшавского правительства и румынские части двинуты навстречу один другим с противоположных сторон с целью соединением в юго-восточной Галиции образовать стратегический вал между Россией и Венгрией. Поляки закрепились во Львове, а румыны занимают Буковину и вторглись по некоторым данным в Галицию с юго-востока. Соединение произойдет в ближайшем будущем".

Мы перехватили ряд радио из-за границы, свидетельствовавших о злобной тревоге воротил Антанты.

Париж, 27/III. Пишон в палате депутатов заявил:

„Речь не в том, чтобы вторгнуться в Россию, а лишь в том, чтобы протянуть санитарный кардон с целью воспрепятствовать дальнейшему распространению большевизма. Все державы должны столковаться между собой, чтобы преградить путь большевизму, который является бичом человечества".

В этих словах—уже смертный приговор советской Венгрии.

Париж, 28/III. „В Высший совет союзных держав поступило предложение генерала Фоша о мобилизации всех пограничных с Россией государств против большевиков. Но Совет не одобрил это предложение".

Париж, 30/III. „Пти Паризьен" печатает заявление румынского ген. Иллиеско, что Румыния вместе с Польшей и при содействии чехо-словаков должна образовать сильный фронт, чтобы воспрепятствовать продвижению большевиков. В назначении ген. Манжена главкомом союзными войсками в Румынии и Венгрии Иллиеско усматривает начало осуществления этого плана. Румынская армия, по словам Иллиеско, готова сражаться, но у нее недостаточно военных припасов и экипировки".

Над Красной Венгрией нависала гроза. Антанта пыталась в то же время усыпить бдительность революции.

Шла серьезная игра с революционным правительством Венгрии.

Из Будапешта (6 апреля) сообщали:

„Народный комиссар иностранных дел Бела-Кун сделал представителям печати заявление о прибытии в Будапешт ген. Сметса, который ведет переговоры с Венгерским правительством в качестве пред-

ставителя Антанты. Этот факт свидетельствует о том, что венгерское советское правительство признано как таковое державами согласия. Союзники уверяют, что не предполагают никаких враждебных действий против Венгерской советской республики. Ген. Сметс охотно принял предложение, чтобы на Парижской конференции представители всех государств, возникших на пространстве прежней Австро-венгерской монархии, собрались на конференцию. Задачей конференции должно быть разъяснение вопросов об урегулировании границ на фронте и ряд других вопросов. Переговоры со Сметсом еще не закончены".

Науэн, 9/IV. „Между Сметсом и советским правительством Венгрии произошел обмен нотами. Сметс предложил венгерскому правительству отвести свои войска к западу от новой демаркационной линии, заявив, что румынские войска в таком случае не продвинутся дальше своего настоящего положения, а нейтральная зона будет занята английскими, французскими, итальянскими и по возможности американскими войсками. Демаркационная линия, по словам Сметса, не окажет влияния на установление будущих политических границ Венгрии. В случае согласия генерал обещал ходатайствовать в Париже о снятии блокады и о привлечении венгерских представителей к обсуждению вопроса о границах Венгерского государства. Венгерское правительство заявило, что эти условия могли бы быть приняты как приказание только теми, кто согласен на этих условиях управлять страной, и обратилось к Сметсу с просьбой отодвинуть демаркационную линию дальше на восток и выразило пожелание, чтобы совещание с венгерским правительством происходило в Вене или Праге и обсуждало бы не только вопрос о политических границах Венгрии, но также и вопросы экономической жизни".

Вожди венгерского пролетариата сознавали положение вещей и энергично готовились к сопротивлению объединенным силам империализма. В наследство от правительства Корольи советское правительство Венгрии получило крайне слабо-организованную армию, числившуюся на бумаге до 70 000 человек. Насыщенная контрреволюционным офицерством, эта армия не могла считаться надежной защитницей советской республики.

30 марта советское правительство Венгрии издало декрет об организации Красной армии. Согласно декрету армия составлялась из солдат прежней „Народной армии" и пролетарских солдат, набранных из организованных рабочих. Красноармейцы должны быть рекомендованы либо партией, либо профсоюзом, либо войсковым делегатским собранием. Красные командиры назначались высшими начальниками по строгой технической и политической проверке. В общем венгерская Красная армия должна была строиться по образцу нашей Красной армии.

Тогда же т. Бела-Кун сообщал по радио в Москву:

„Через три дня Венгерский совет народных комиссаров опубликует декрет о национализации всех земель и декрет об анулировании всех государственных долгов. Я не сомневаюсь, что раз III Интернацио-

зал настаивает на наименовании партии „коммунистической партией", то созываемый через 3 недели партийный съезд решит этот вопрос в положительном смысле.

Наша власть крепка. Со стороны Антанты пока никаких сильных операций нет. Французская армия слаба и деморализована. Организация Красной армии в Венгрии проводится энергично и успешно. Русские рабочие из военнопленных принимают деятельное участие в организации армии. Почти в каждой деревне мы имеем уже советы. Австрийские рабочие солидарны с нами, но вожди, особенно Бауэр, Франц Адлер, ведут себя позорно. Югославские рабочие, также и их вожди, и даже правительственные социалисты поддерживают нас. В Австрии происходит громадное движение, то же и на юге Германии. В течение нескольких дней разгорятся решительные события".

7 апреля новое бодрящее и призывное известие,—провозглашена советская власть в Баварии.

Революционное брожение разлилось по всей Южной Германии.

Мюнхен переходил из рук в руки.

Каждый день буржуазное радио злобно вещало об обострении классовой борьбы.

Нюренберг, 13/IV. III армейский корпус из Мюнхена сообщает: „Гарнизон Мюнхена восстал против центрального совета и создал военную диктатуру. Действия за возвращение главного города протекают благоприятно.... Ландауэр, Вагнер и Мюзан арестованы".

Берлин, 14/IV. „Берлинер Тагеблат"... „В субботу после обеда произошла коммунистическая демонстрация на Терезиенском поле. После обеда было предпринято спартаковцами нападение на главный вокзал, который был занят первым отделением республиканских стрелков. Во время обстрела было большое число убитых и раненых, особенно среди проходивших. Около 10 часов последовал всеобщий штурм вокзала, причем осажденные должны были отступить. Ночью городская комендатура, главная квартира республиканской группы и другие общественные здания были заняты. Рано утром весь Мюнхен находился в руках спартаковцев. Была объявлена всеобщая забастовка, и вся вокзальная площадь занята частями Красной армии..."

Науэн, 16/IV. „Мюнхен снова во власти коммунистов. В воскресенье днем состоялись грандиозные манифестации коммунистов рабочих и солдат. Вокзал в Мюнхене, занятый правительственными республиканскими войсками, подвергся нападению со стороны советских сил, вооруженных пулеметами и бомбометами. Правительственные войска сдались. В ту ночь коммунисты овладели всеми общественными зданиями и всеми казармами, и снова восстановлена советская власть".

К середине апреля положение Венгрии определилось. Румынская армия перешла в наступление.

Вначале телеграф успокаивал: „Будапешт 19/IV. Венгерский нарком по военным делам сообщает: румыны повели наступление на фронте Шливер, Барельи, Иллих. При столкновении румыны понесли колоссальные потери. Нами захвачено много пленных".

Но шифром Бела-Кун 20 апреля говорил иное: „Из находящихся в распоряжении Венгерской советской республики военных сил 5 дивизии стоят на демаркационной линии, 3—находятся в распоряжении советской власти в качестве резерва; последние являются нашей лучшей и самой дисциплинированной силой. Противник по ту сторону демаркационной линии имеет минимум такие же силы, как и мы. Кроме того севернее Заареба стоит минимум 3 дивизии согласия между Дунаем Хоисличем (слово непонятно). Кроме того три французских и две сербских слабых дивизии. Румынские силы связаны; очевидно в распоряжении румынского командования находится всего одна дивизия в качестве подвижного резерва. Вопросом жизни Венгерской республики является, чтобы русские силы у Коломыи начали наступление против Чапа (неясно) и этим бы освободили венгерские части от румынского давления“.

С 20 апреля натиск румын усилился, вскоре и чехо-словацкие войска перешли демаркационную линию. 25 апреля шевельнулись и сербы.

Антанта выпустила когти.

Проявились попытки свержения советской власти в Венгрии. Из Будапешта сообщали:

„Раскрыт заговор. Выступление предполагалось 25 апреля. В случае неудачи повторение—1 мая. Зачинщик—оберлейтенант Гезадорм, который был арестован 25 апреля. Выдающуюся роль играл Виктор Гарвиг. Имелось в виду арестовать всех членов правительства и вождей-социалистов, установить военную диктатуру и провозгласить Мартина Завасти министром-президентом. Чтобы внушить уважение городу, решено было подвергнуть двухчасовому обстрелу Фергелеберге после освобождения его от большевиков“.

Положение на фронте Красной Венгрии несмотря на победные реляции начало радикально ухудшаться. Секретные сведения говорили о почти полной небоеспособности частей, унаследованных советской властью Венгрии от прежнего правительства. Наступление румын развивалось почти беспрепятственно. 40 000 румын Красная Венгрия смогла противопоставить едва 15 000 плохо организованных бойцов. Остальные (до 30 000) были скованы на чехо-словацком и югославском фронтах.

Наконец официальные венгерские сообщения не могли скрыть растущего успеха врага:

„В течение 23 апреля румыны продолжали продвигаться главным образом против южного крыла восточной армии. Они находились на линии Картос вдоль Леберверос Комади, далее Добрешен, Мачазалка. На Добрешен продвинулась только румынская кавалерия. Особенную храбрость выказали советские войска под Мачезалкой, где несколько дней идут кровавые бои. Мы отбили румын, продвинувшись на несколько километров от устья Унг. Чехи заняли Ордарме. Но среди чешских войск распространяется коммунизм“.

„Около Унгвара 2 чехо-словацких батальона перешли демаркационную линию венгерской территории и заявили о готовности, в

союзе с венгерским пролетариатом вести борьбу за освобождение пролетариата".

День за днем—тревожные вести...

Лион, 23/IV. „Из Будапешта сообщают, что румыны продолжают наступление. Венгерские войска находятся к востоку и югу от Грос-вардена. Французы сосредоточивают в Сегедине цветные войска".

Науэн, 24/IV. „По слухам, главная венгерская квартира войск держав согласия находится в Нейзатце, где имеется 60 000 колониальных войск в полной готовности".

24/IV. „Румыны начали атаки на всем Северном фронте. На южно-румынском фланге несколько продвинулись вперед, достигнув на севере Вассаров—Наменен, а на юге—окрестности Бжулин".

25/IV. Венгерское бюро печати: „Наши войска оказывают наступающим румынам все более и более усиливающееся сопротивление. Наше стратегическое положение значительно улучшилось. Одна из наших войсковых частей перешла в наступление и 24/IV. вернула Гайдушобашло".

Науэн, 25/IV. „Положение в Венгрии делается все более запутанным. Из некоторых источников сообщают о предстоящем падении советского правительства, но это энергично опровергается с венгерской стороны. Сообщают о продвижении румынских войск на румынской территории, будто бы дошедших до Себречина и Грос-Варлайен. По венгерским сообщениям, продвижение румын остановлено; чехо-словацкие войска проходят через венгерскую демаркационную линию. Они двигаются в направлении на Будапешт, уже достигли, а может быть и перешли железнодорожный участок Вена—Брук. Чехи находятся всего на расстоянии одного часа езды от Будапешта".

Будапешт, 25/IV. „Венгерские советские войска оказывают наступающим румынам сильное сопротивление; перейдя в свою очередь в наступление, венгерцы вернули Гайдушно-Бешло.

25/IV румыны атаками на Северном фронте достигли Нагикала по направлению к изгибу р. Тиссы, на юге проникли до Каба. На остальных участках Восточного фронта румыны только незначительно продвинулись вперед. На Южном фронте юго-славяне атаковали венгерские сторожевые части по направлению Цекард, оттеснили их на несколько верст к северу.

28 апреля румыны подошли к нижнему течению Корос и Гортоп восточнее Каргаг. Румыны безуспешно наступали вдоль Гортопского канала. В вечерние сумерки ввиду сильного наступления, направленного на фланги, наши войска принуждены были отступить. Наши войска, находящиеся восточнее Токаи и вокруг предмостного укрепления Ракамазер, благодаря мощному наступлению противника вынуждены были отступить на западный берег Тюзы. Чехи наступали выше Скипа против мостов Латорка и южнее Хидасменетт небольшими силами".

А союзники подзывали подкрепления:

„Из Галаца в Салоники (по-французски). Главной греческой квартире в Салоники. Будьте добры, отдайте распоряжение, чтобы остав-

шиеся части 2-й и 13-й дивизий погрузились возможно скорее, чтобы прибыть сюда. Ген. Нидори".

Будапештское радио стонет:

Будапешт, 1/V. „29/IV сербы и французы заняли Гадмезо-Вафардейли. Румыны занимают Сентош, Куптан, Мартин-Шезатон. Наши войска, стоявшие у Кифу-Ифала, отступили. Область, лежащая поса... (пропуск 10—12 слов) мешает Бух... Наши силы расположены под Чапом, отступили окрестность Сепероили-Унгени; нашими частями, находящимися в окрестностях Нейгилье, чехи оттеснены по направлению к Сапероили-Унгени в долине Гернада чехи отступили к долине Шанободви, они подошли к Шаясен-Потеру".

В конце апреля румынская армия установила стык с чехо-словаками и достигла линии р. Тиссы...

Х. Раковский писал нам (к 30 апреля), что „надо во что бы то ни стало помочь Венгрии".

Еще печальнее обстояло с Советской Баварией. Социал-демократическое правительство Германии честно зарабатывало благоволение Антанты.

Науэн, 24/IV. „Германское правительство объявило осадное положение в Саксонии... Министр государственной обороны Носке принял на себя с согласия баварского и вюртембергского правительства верховное командование всеми войсками, действующими против спартаковцев в Мюнхене. Силы спартаковцев в Мюнхене исчисляются от 30 000 до 60 000 человек. Действующие против спартаковцев правительственные войска подошли к Мюнхену".

Еще 28 апреля из Будапешта сообщали, что в Мюнхене „все спокойно". Но уже 30 апреля Науэнская станция вещала:

„Приготовления к военному выступлению против мюнхенских коммунистов закончены и на 29/IV было назначено выступление правительственных войск с 15 000 прусских войск, которые должны перейти Дунай".

И далее:

Науэн, 2/V. "По непроверенным слухам 1 мая, после сильного боя, Мюнхен был занят регенсбургским отрядом народного ополчения под командой лейтенанта Зегемюллера".

На деле Красный Мюнхен 2 мая еще сопротивлялся.

Из Науэна 5 мая подтверждалось, что „бои в Мюнхене продолжаются. Коммунисты защищаются с яростным упорством".

На следующий день: „Мюнхен окончательно занят правительственными войсками. На окраинах кое-где коммунисты еще оказывают сопротивление".

И,—подводя кровавый итог,—„в уличных боях убиты 159, ранены 900 человек, 1 500 человек арестованы".

Догорел Красный Мюнхен.

Но не сдавалась Советская Венгрия.

Из Будапешта 25 апреля: „Коварное нападение румынских боярских войск... Венгрия снова переживает возбуждение мобилизации. В Будапеште, как и в провинции, организованные рабочие стекаются

под красное знамя... Трудящиеся массы провинции по революционному духу и готовности к жертвам не уступают столичному пролетариату".

25/IV Будапештская секция румынской коммунистической партии в Венгрии выпустила воззвание, призывающее к демонстрации 27 апреля—в знак протеста „против румынских паразитических боярских банд, разбойничьим образом нападающих на социалистическую пролетарскую республику и посылающих против нас войска, чтобы принудить нас к тому варварскому игу, от которого страдает пролетариат и крестьянство Румынии".

Одновременно от имени Будапештской секции румынской коммунистической партии в Венгрии т. Комсен обратился с телеграммой к 3-й международной конференции в Цюрихе: „Поднимаем наш голос, чтобы протестовать против разбойничьего набега румынской боярской касты, желающей задушить Венгерскую советскую республику. Призываем все братские партии заграницы заклеймить позорные действия румынской олигархии. Солидарность мирового пролетариата должна спасти Венгрию..."

Венгерский пролетариат пружинил мускулы для отпора. Это особенно показал смотр революционных сил, прошедший с большим подъемом в Будапеште 29 апреля. Но враг наступал неотвратимо. Чтобы выиграть время, советское правительство Венгрии предложило (1 мая) румынскому главнокомандующему заключить перемирие.

4 мая в Киеве мы читали радио из Будапешта:

„Румынский генерал Мордан Мардареску, командующий Семиградскими войсками, передал следующее предложение перемирия венгерскому парламентарию, полковнику Ворту:

3 мая 1919 г. в полночь. Военное соглашение о перемирии, устанавливающее условия прекращения враждебных действий между Венгрией и Румынией: 1) Прекращаются враждебные действия венгро-румын против румын немедленно после подписания соглашения уполномоченными вражующих сторон. 2) Немедленно... (мешает другая станция). 3) Разоружение всех венгерских сил, действующих против государств, находящихся в союзе с Румынией, последует позже, согласно принятым условиям. Венгерское командование обязывается, что оно выполнит условия... (пропуск)... оружие, пулеметы, пушки всякого рода, амуниция всякого рода, автомобили, вагоны, обмундирование, продовольствие и т. д. в руки комиссаров румынской армии. 5) Обозначенные в пункте 4 материалы должны быть, самое позднее, сосчитаны 10 дней спустя после подписания настоящего мирного договора. 6) Выдача всего железнодорожного материала, который в мирное время гарантировал нормальное сообщение между Тиссой и бывшей границей Венгрии и Румынского королевства. Сдача всего захваченного в Румынии железнодорожного материала. Всего должно быть сдано 1 800 паровозов, 4 000 классных вагонов, 40 000 закрытых и 17 000 открытых багажных вагонов. Сдача этого подвижного состава должна последовать в течение месяца. 35% должно быть сдано в течение 10 дней после подписания настоящего соглашения, 35%—в течение следующих 10 дней и 30%—в дни после заключения детальных

условий. Категория, исправность и место передачи материалов будут определены комиссией, назначенной обеими сторонами. Местонахождение комиссии—Чолнок. Сдача материала, увезенного венграми при отступлении венгерских войск из западных областей Семиградья к Тиссе, категория и количество последнего будут установлены местными властями до 10 мая. Сдача последует самое позднее в течение месяца после подписания мирного договора. Подробности передачи будут определены комиссией, назначенной обеими сторонами и заседающей в Чолноке... 8) Сдача всех судов, в настоящее время находящихся в Тиссе между Чапом и Чагодиным. Сдача должна последовать в течение 3 дней после подписания настоящего договора. 9) Сдача 4 бронированных поездов, действовавших в Семиградье против румынской армии, должна последовать в течение 3 дней после подписания настоящего соглашения. 10) Сдача 800 автомобилей в хорошем состоянии с необходимыми принадлежностями Румынии при соблюдении условий в течение срока, определенного в пункте 6 относительно сдачи железнодорожного состава. 11) Немедленное возвращение на родину всех румынских военнопленных и гражданских заложников, а также населения, эвакуированного отступающими войсками. Возвращение на родину произойдет без соблюдения взаимности со стороны Румынии. Возвращение их на левый берег Тиссы последует согласно условиям пункта 5. Срок их возвращения во всяком случае не должен превышать 10 дней после подписания настоящего соглашения. 12) До выполнения условий, заключающихся в этом соглашении, румынские войска займут на правом берегу Тиссы следующие предместные укрепления: Чапткай, Тичаполгар, Чеге, Тичафюред, Кискорос, Чолнок, Чонград и Сегедин. Отступление румынских войск на левый берег Тиссы последует только после выполнения условий, заключающихся в настоящем договоре. 13) Для выполнения условий, настоящего договора будет образована в Будапеште румынская комиссия. Эта комиссия будет пользоваться всеми правами и свободой, обусловливаемой экстерриториальностью. 14) Румынские войска очистят венгерскую территорию между этнографическими границами Румынии и Тиссой после ратификации мира. 15) гВ случае если венгерское командование не выполнит условий, установленных настоящим договором в определенный срок, румынская армия начнет наступление на Венгрию". И радио из Будапешта заключало: „Само собой понятно, что на эти условия можно дать только один ответ: борьба до последней возможности".

Советская Венгрия отвергла эти неслыханные требования. „Скоро мы погибнем все до одного",—единогласно (как будто) решал Будапештский совет депутатов.

И новые батальоны рабочих добровольцев ринулись на фронт, героически удержанный на р. Тиссе.

Одна за другой, с 1 мая, приходили телеграммы об усилившемся натиске войск Румынии, чехов, сербов, но и о растущем сопротивлении красных венгерских войск.

События нарастали, торопили нас...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бодрящие призывные вести из Буковины и Бессарабии. Наш план похода против боярской Румынии. Победа Одесской армии на линии Днестра. Разведот о Румынии и Бессарабии. Мы готовы выступить на помощь Венгрии.

В начале февраля к нам в штаб прибыли тт. Ворошилов[1] и Хоровой, которые рассказывали о положении Бессарабии, откуда они выехали 22 января. Вести были такие: вся оккупированная румынами Бессарабия охвачена брожением; в Хотинском уезде советская власть продержалась месяц до прихода румын; из некоторых пунктов румыны вытеснены повстанцами. В Тирасполе отряд повстанцев в 200 человек с пулеметами — „за Советы", хотя и связан с петлюровцами; В Могилеве Подольском—до 800 человек с пулеметами. У крестьян и рабочих припрятана масса оружия. Особенно крепки уезды: Кишиневский, Оргеевский, Белицкий, Аккерманский и Бендерский. Есть ревкомы. Резкое антирумынское настроение. Борьба в Трансильвании и Буковине сковывает румын. Французских войск—не более 2000 человек, из них в Кишеневе—до 800.

10 февраля Харьковская радиостанция уловила (по-французски) такие фразы: „Бессарабия... ни директория республики, ни республиканские войска не имеют никакого отношения... по сведениям, дошедшим до главнокомандующего республиканскими украинскими войсками, местное население, в том числе молдаване, восстали... вследствие угнетения, которым они подвергались. Но это восстание подавлено румынскими войсками. Небольшая часть восставших, перешедших границу, разоружена по приказу республиканского правительства".

Подобострастное оправдание С. Петлюры перед державами Антанты пояснено было вскоре сообщением одесских газет (16 февраля): „В Кишиневе расклеено румынское официальное сообщение о событиях в Хотинском уезде, которое гласит, что „большевистское движение в Хотинском уезде подавлено", и сообщает, что семь деревень сравнено с землей и что убито 5000 человек. Румынское официальное сообщение заканчивается заявлением, что „мщение наших войск продолжается".

11 марта наштаба Киевской группы телеграфировал нам в Харьков: „В Киев прибыла делегация австро-венгерских крестьян и рабочих.

---

[1] Не К. Е. Ворошилов, а бессарабский работник.

Она сообщает, что в Будапеште был созван съезд рабочих и крестьянских депутатов. За большевистское настроение последний был разогнан. В районе Люблина имеется отряд повстанцев численностью до 5000 человек, ведущий борьбу с польскими легионами".

Эта делегация была направлена в Харьков к командукру. Крепыши-крестьяне—большевики... „Наступайте к Венгрии, через Мармореш—Сигет. В горах мы все готовы. Много оружия припрятано. Сможем вооружить до 5000, есть даже орудия и немало пулеметов",—говорили они.

Мы приободрили их и живее заинтересовались „закордонными" делами.

22 марта пришла весть о создании Венгерской советской республики.

Бодрящая и вместе призывная весть!

Венгерская советская республика—наш авангард, далеко продвинутый в глубь Западной Европы. Но этот авангард—в кольце вражеских сил. Он зовет нас на помощь.

Поход против Румынии стал представляться нам уже не только как поддержка изнывающих братьев оккупированной румынами Бессарабии, но как задача развязывания сил европейской революции, задача прорыва в Европу.

Для ее решения надлежало прежде всего организовать бессарабских повстанцев.

24 марта представители Бессарабского бюро (при ЦК компартии) представили нам следующий доклад: „Репрессии румын, призванных оккупировать Бессарабию, местными аграриями и отчасти буржуазией, заставили наиболее активных бессарабцев, а особенно пролетариат, покидать Бессарабию и отправляться на территорию Украины. Эмигрировавшие бессарабцы создали в разных частях Украины несколько организаций разной социальной окраски. Так, в Одессе было организовано два комитета. „Комитет спасения Бессарабии" и „Демократический комитет спасения Бессарабии", в г. Тирасполе под названием „Береговых охоронних сотень" скрывались боевые организации эмигрантов. В Киеве существовала „Рада бессарабских Украïнцiв", в г. Могилеве—„Комитет спасения Бессарабии". На территории Бессарабии существовали нелегально боевые и профессиональные организации: например в Бендерском и Аккерманском уездах—партизанские отряды Милашевича, в Окнице—профессиональный союз железнодорожников и почтовиков, в Хотине—„Межнациональный бессарабский союз". Этот последний, а также Киевская рада с профессиональными бессарабскими союзами и Могилевским комитетом спасения Бессарабии организовали два восстания, начавшиеся 6 и 9 января с. г. и кончившиеся неудачей. В Могилевском районе повстанцев было до 10000, а в Хотинском до 20000.

Неудача восстаний объясняется недостатком оружия, боевых припасов и командного состава.

Отряды разбитых повстанцев с женщинами и детьми перешли на территорию Украины и рассыпались по всему побережью Днестра,

в Могилевском и Каменецком уездах. Приблизительное расположение повстанцев: 8 000 в местечке Жванце, до 1 500 человек вооруженных в гор. Каменце, до 1 000 вооруженных на ст. Бар и на Юрковецком заводе, до 3 000 в районе Могилева и от 5 000 до 7 000 по прибрежным селам.

Часть их поступила в войска Украинской директории, часть была использована правительством Директории для тыловых служб.

Сам ЦК истощил свою энергию в материальном устройстве этих беженцев; из-за недостатка средств вынужден был прекратить посылку агитаторов в Бессарабию; отложили почти реализованную идею связаться с буковинцами и трансильванцами,—также находящимися под румынской оккупацией.

Вооруженные части перешли в руки Украинской директории; новые формировать запрещено ввиду начавшейся войны Украинской директории с Советской Россией.

10 февраля в Жмеринке состоялось объединение восьми экономических, политических, профессиональных бессарабских эмигрантских организаций. Центральный орган назвался „Головным штабом бессарабских повстанцев". В его среде происходила жестокая борьба правого и левого течения. Наконец отделившаяся группа левых решила объединиться с Бессарабской директорией, выделенной из своей среды Международным бессарабским союзом, которая в состав „Штаба" не вошла. Соглашение состоялось на советской платформе, причем постановлено было слить „Штаб" с „Директорией", образовав боевую революционную организацию, и немедленно приступить к работе по подготовке нового восстания".

Решено было также обратиться к советскому правительству Украины с просьбой о содействии.

По мнению Бессарабского бюро, для того чтобы поднять успешное восстание в Бессарабии, необходимо:

1. Установить связь с Центральным бессарабским бюро и коммунистическими организациями Бессарабии и Румынии.

2. Выделить нескольких активных коммунистов в распоряжение главного штаба.

3. Немедленно дать средства для организации войск, налаживания агитации и связи с буковинскими и трансильванскими революционными центрами и для помощи беженцам.

Этот доклад был дополнен следующими сообщениями делегатов Хотинского совдепа—Аджия и Ивасюка: „Наш Хотинский уезд находился в течение 9 месяцев под игом австро-венгерской монархической армии, и, когда австрийский народ проснулся от гипноза буржуазии, т. е. когда вспыхнула в Австрии революция, то Хотинский уезд считал себя свободным, но нахлынула румынская армия... стала поступать по-зверски: издеваться над народом по указам румынофилов, многих расстреливали и избивали шомполами и многих заставляли себе ямку копать. В г. Каменец-Подольске стоял 1-й Подольский полк и 4-й Конно-арматный. Нам удалось 14—16 января сделать развал среди этих полков, они стали разоружать милицию,

разгонять свои штабы и арестовывать петлюровских офицеров. Мы, бессарабцы-партизаны, воспользовались этим. В ночь на 22 января партизанский отряд (230 человек) из лесу Варницы к западу от Хотина, несмотря на обстрел румынской кавалерии, повел наступление на днестровские мосты, выбил румын из с. Атак, занял затем Хотин и к 12 часам отбросил румын на 25 верст от Хотина.

В тот день народ восстал поголовно, дрались трое суток оружейным и пулеметным огнем. Потом своими силами разбивали склады в Каменец-Подольске, в с. Руде и м. Жванец и Городок, где добыли 7 орудий, 8 000 снарядов, 70 пулеметов и 4 000 винтовок, несмотря на сопротивление гайдамаков и петлюровцев".

Петлюровский комиссар Подольской губернии Степура отказал в помощи и бежал с ротой гайдамаков в Румынию. Под натиском свежих румынских сил партизанам пришлось отступать.

„И которая деревня и село были окружены румынскими бандами-грабителями, жители мужского пола, которые не успели отступить, были все расстреляны и движимое имущество вывезено за село, а села подвергались поголовному пожару Пригородки—Рукшин, Недобауцы, Широуцы, Владычина, Кирстинцы, Ставшаны, Данкауцы—превратились в пепелище, а остальные частично. И в настоящее время беженцы находятся около 15 000 Хотинского уезда, из коих могут взять оружие в руки около 4 000. От их имени делегаты просят:

„Так как советская Красная армия скоро будет около Каменец-Подольска, то чтобы мы могли получить оружие и, присоединившись, двинуться авангардом на Бессарабию и Румынию. Мы не остановимся ни на одну минуту, пока не будет сметена с лица земли вся буржуазия и капиталисты всего мира".

Дополнительно указанные товарищи сообщили:

„У Хотинского совета имеются на учете все повстанцы, около 4 000 в Подольской губернии.

Хотинские повстанцы находятся на линии Днестра у м. Дунаевцы в числе 1 000, остальные по разным местам Каменец-Подольской губернии: в с. Гавриловцах и в м. Жванцы, и в с. Соколе, и в самом г. Каменец-Подольске.

Румынская армия в северной части Бессарабии—один полк жандармерии по деревням и селам, полк пехоты у г. Хотина, три эскадрона кавалерии передвигаются по разным местам. 3 орудия у Хотинской крепости, а 2 орудия между с. Коплевской и Анадолами и 2 орудия в с. Ленковцах".

Представители Бессарабского бюро насчитывали в Бессарабии до 40 000 повстанцев, рассеянных в многочисленных отрядах. В Могилеве уже оформилось подобие штаба 1-й Бессарабской бригады, в распоряжении которого находилось до 16 организаторов, посланных Бессарабским бюро. Другим организационным пунктом предположена Голта, где оперирует отряд т. Ткаченки.

Бессарабское бюро настаивало на создании бессарабской армии, организацией которой должен бы заняться особый штаб. Эти пред-

ложения были одобрены Х. Раковским и (за ЦК партии) Ю. Пятаковым.

Тотчас по заслушании представителей Бессарабского бюро командукр распорядился выделить ряд военных работников для организации из бессарабских повстанцев военных частей и налаживания их снабжения. 25 марта были с этой целью направлены тт. Винокур, Яровой, Битке, Зонис, Чаров, Иванов и Долгач; выделены были денежные средства (3 000 000 рублей), отпущены карты и различная литература. Повстанцев в районе Могилева предложено свести в штатную бригаду.

Предписано также взять на учет для соответствующих формирований всех боеспособных беженцев из Бессарабии на Херсонщине. Выяснилось по докладу т. Елашко (члена Московской группы бессарабцев), что значительные массы бессарабцев осели в Елизаветграде, Новоукраинке, Голте, Вознесенске и даже в Екатеринославе. Указанный товарищ отмечал также, что 1-й сводный Украинский полк (ком. т. Ткаченко), оперирующий у Бирзулы, составлен в большинстве из молдован.

Кавалерийский полк, т. Киршу (молдаванина из Подольской губ.), который находился на ст. Слободка, и в первых числах марта с красным знаменем повел наступление на Бирзулу, но был разбит, в настоящее время скрывается по деревням в районе Рыбницы, так же, как пехотный полк т. Дьятишина, который оперирует в районе Балты и стоит за советскую власть. Весь левый берег Днестра усеян бессарабцами, бежавшими от мобилизации и от румынских расправ. Среди них не ведется никакой агитации, и в настоящее время организовать эти массы некому. Они с нетерпением ждут приближения советских войск, чтобы встать в их ряды и вместе двинуться через Днестр.

Но до занятия нами Одессы мы не могли взяться вплотную за организацию бессарабских частей. Эта организация двинулась усиленно только с середины апреля; командукр однако не предполагал выделять особую армию из бессарабских беженцев,—для такой армии не имелось достаточно испытанного кадра.

* * *

Провозглашение советской власти в Венгрии (21 марта) заставляло нас особенно торопиться.

Мысль о прорыве на соединение с Красной Венгрией побуждала нас к натиску на Одессу. И, вопреки указаниям главкома о необходимости задержаться на линии Днепра, мы предприняли стремительный поход к Одессе.

5 апреля—Одесса наша. И тотчас же—все организационные силы направляются на подготовку армии к походу для поддержки Советской Венгрии.

6 апреля,—командукру представлена следующая записка, разработанная по его указаниям Малаховским (б. саперным офицером 8-й армии.

„В силу политических и социальных условий Румынское королевство является противником Советской Украинской республики. Венгрия в данный момент наш союзник и предлагает свои военные силы для борьбы против капиталистических государств.

Нам дана задача:

Вторгнуться в пределы Румынии, опираясь правым своим флангом к Венгрии и тесня румын к морю.

6 апреля 1919 г. наши красные войска по отношению к разрабатываемому театру войны находятся:

Правый фланг—ст. Богдановцы, средняя группа—район Комаровцы—Бар—Жмеринка—Вапнярка—Рудница, левый фланг—Балта—Березовка—Большой Буялык.

Всем этим группам дана оперативная задача: „Взяв Каменец-Подольский—Хотин — Могилев — Ямполь — Рыбницу—Тирасполь—Овидиополь—Аккерман, подойти вплотную к реке Днестр".

Противник занимает к 6 апреля всю Бессарабию, силой террора еле сдерживает революционно настроенное население Бессарабии.

Не имея возможности предпринимать какие-либо активные операции, противник, по последним разведывательным сводкам, на участке от Хотина, через Могилев—Ямполь—Сороки—Рыбницу—Дубосары разрушил все переправы и взорвал все мосты, строит окопы и весьма бдительно наблюдает за нашим берегом Днестра. На участке Тирасполь—Аккерман противник занимает исправные переправы и по агентурным данным выдвинул по одной дивизии на ст. Раздельная и в район Одессы, где укрепляется в районе Дальника.

В тылу у противника два театра: 1) Бессарабия и Молдавия и 2) Румыния. Первый театр охвачен организационной работой, мы имеем сведения, что там формируются боевые отряды, сформировано командование, имеются запасы вооружения и продовольствия.

Северная часть Румынии—Молдавия—страна очень бедная, сильно угнетаемая боярами-землевладельцами; там до сих пор существует крепостное право. Эта область мало подвижна в революционном отношении, процент грамотности в ней не более $1/2$.

В самой Румынии, в ее южной части весьма богатой, сейчас идет брожение среди рабочих и беднейших классов населения городов. Дальше мы примыкаем к Советской Венгрии.

Для наступления вторжения в Румынию мы имеем следующие ходовые дороги всех войн в этом районе: Хотин—Ларга—Новоселицы—Черновицы—р. Прут. Занимая этот железнодорожный путь, мы заставляем всю Буковину подчиниться нашей оперативной воле. Самая Буковина представляет собой гористую местность с путями, идущими вдоль Карпат, и только через Непокалауц—Коломню—Делатынь—Терешени связанную с Венгрией.

Через Черновицы связь через Серет с Сугавой на Ботушани и через Новоселицы—Липканы по шоссе через Терешени—Герца и Дарабани связь с Дорохой. Занятием Ботушани и Главной Дорохи мы занимаем головной участок румынских железных дорог и входим на дорогу в Тыргу—Формоз и Яссы. В Дорлом сходятся шоссе и дороги к средней группе Бессарабии, к Яссам и на Карпаты.

Вторая переправа в районе Старая Ушица—Балос—Могилев (железнодорожный мост) Яруга—Ямполь—Сороки.

На всех этих перечисленных пунктах имеются переправы, удобные спуски к особо гористым берегам Днестра и большие дороги, подходящие к ним. Тут мы входим в район тыла бывшей позиционной территории армии румынского фронта. Занятием Окницы мы обеспечиваем себе железные дороги на Ларгу—Новоселицы и входим в связь с правым флангом, а через Бриганы с Липканами и дальше на Дорогой. Из Окницы мы занимаем железную дорогу на Тырново и Бельцы, главного города Северной Бессарабии. На участок железной дороги Окница—Бельцы могут быть выведены войска из Яруги—Редко—Мара—Ямполь—Тырново—Сороки—Бельцы. Вся эта группа должна быть сосредоточена в Бельцах, откуда по шоссе сразу широким фронтом развернуть наступление на Яссы, имея связь с правофланговой группой Дорогой—Петрашени—Скулени—Яссы. Эта же группа занимает участок Яссы — Кишинев, на стыке с группой войск участках Рыбницы—Тирасполь.

Группа Рыбница—Дубосары—Тирасполь имеет марш 50 верст и, переправившись в указанных пунктах, занимает Днестр и, связавшись с Могилевско—Окницкой группой, занимает линию Яссы—Кишинев и главный город русской Бессарабии—Кишинев.

Главной линией наступления этой группы является железнодорожный мост в Рыбницах из Слободки и на Бельцы, где связь через Окницу—Могилев—Окница—Ларга—Хотин.

Группа Раздельная—Одесса наступлением на Тирасполь и Свидиополь—Аккерман занимает Днестр и, переправившись через Днестр, выходит на железную дорогу Тирасполь—Кишинев и Тирасполь—Галац. Поддерживая группу Рыбница—Бельцы занятием Кишинева, развивает наступление вдоль железной дороги на Лейпцигскую и из ст. Новокаушаны на ст. Качальник для связи с группой, наступающей от Аккермана на Гуру Чилингидер и бассейн р. Чилингидер.

К указанному периоду все группы должны быть на линии Сучава—Фольтически—Яссы—Кишинев—Лейпцигская—Бриеп, Гура Чилингидер—Жебряны на берегу Черного моря.

По окончании маневра занятия северной Молдавии и главной территории русской Бессарабии мы должны соединиться с войсками Советской Венгрии, которая к этому времени через Кирли—Бабу и Кимнолунг должна войти на Сучаву и соединиться с группой у Сучавы—Ботушани.

Исходное положение после форсирования р. Днестра определено пунктами Сучава—Яссы—Кишинев—Тирасполь—Лейпцигская—Жебряны.

Политический центр Румынии—Бухарест.

Экономические центры—на юге Румынии. Все богатство Румынии—на берегу Дуная.

Наступлением по линии Яссы—Васлуй—Фокшаны—Рымник—Плоешти—Бухарест, демонстрацией по линии Лейпцигская—Галац—Браилов—Бухарест с выходом на Дунай с совместным ударом венгерских советских войск по линии Кронштадт—Плоешти—Бухарест и демонстрацией флота у Костенджи будет нанесен такой решительный удар Румынскому королевству, что оно треснет по всем швам.

Для успешности этого маневра необходимо поднять всегда угнетенное население Добруджи.

Предложенный маневр удара на Бухарест таким образом будет совершен по линии железной дороги Ботушани—Рошан—Аджуд—Фокшаны—Рымник—Бузсо—Плоешти средствами войск Украинской советской армии. В Плосит из Кронштадта (город, принадлежащий Венгерской советской республике) должны подойти войска венгров, которые совместно с их другой группой и войсками Украинских Советов возьмут Бухарест. Для обеспечения занятия Бухареста Бессарабские войска, заняв Яссы, через Васлуй Бырлат занимают Галац, чем обеспечивают связь с Одессой. Группа, прибывшая из Одессы занимает Аккерман—Лейпцигскую—Болград—Рени.

Флот должен занять Кюстенджи и Измаил на Дунае.

Движение главной ударной колонны обеспечено с запада неприступными Карпатами, с востока р. Прут и дальше территорией Бессарабии. Как основное положение вся территория Бессарабии в ее прежних государственных границах должна быть очищена от румынских войск".

Командукром был заготовлен и проект оперативного приказа для 3-й армии:

„Противник на нашем правом фланге отходит вглубь Галиции. На участке Могилев—Сороки отброшен за р. Днестр. Противник на участке Сороки—Бендеры держит себя пассивно и наблюдает за переправами.

На левом фланге противник, после боев у Раздельной и Татарки, будучи разбитым, отходит на линию р. Днестра.

Наши части, преследуя противника, подходят к Каменец-Подольску и в дальнейшем займут Буковину для соединения с венгерскими советскими войсками и совместного наступления на Молдавию. Бессарабские части находятся на линии Могилев—Сороки. На нижнем течении Днестра, разбив противника у Раздельной—Татарки, наши части подходят к Днестру.

Вам надлежит: 1) совершив переправу у Дубосар, через р. Днестр с одновременной демонстрацией у Бендер и Аккермана, прикрываясь фланговым движением к Яссам, держа связь с наступающими повстанцами в северной части Бессарабии и Молдавии, занять Кишинев и, наступая вглубь Бессарабии, постепенным движением от Кишинева к югу взять во фланг противника, сопротивляющегося у Бендер—Аккермана, и оттеснить его к Черному морю и Дунаю. Выйдя на соединение с нашими северными частями, наступающими вглубь Бессарабии, занять Фальчи, переправу на Пруте и в дальнейшем занять Фокшаны и Южную Румынию, где войти в связь с советскими войсками Болгарии". Эта общая схема сопровождена была следующими подробными указаниями:

I. „Сосредоточив свои главные силы в районе Слободка—Раздельная, на станции Чубовка, перейти к Дубосарам и желательно, произведя там местную демонстрацию у Криуляны и Григориотеле, переправиться через Днестр у Бодулуй-Воды и занять Кишинев. Тем временем должна быть произ-

ведена демонстрация к переправе у Бендер, Чебручь и Аккермана, не настаивая на форсировании Днестра, особенно у Бендер, дабы избежать взрыва моста, ожидать предварительно занятия Кишинева. Заняв Кишинев, главные силы (нужно позаботиться о слиянии всех наших сил) должны продолжать наступление на переправу через Прут у местечка Леово, пользуясь грунтовыми путями через Малина—Багой, Резяни, Чигирляны—Гуругалбина, Ялпужель—Бештымак, хут. Лебедева, хут. Челебефки—Леово.

Одновременно, выслав вспомогательную колонну на Яссы из Кишинева, через Буюконы—Ниморены—Улома—Лозова—Баргорешты—Яссы, послав бронепоезда по железнодорожной линии Кишинев—Яссы и занять его.

II. Заняв Леово иНиганка, переправиться через Прут и занять Фальчи.

III. Войскам, производившим демонстрацию у Бендер и у Чебручь, что на Днестре, переправиться через Днестр и, приняв все меры к сохранению моста при наступлении, следовать на ст. Лейпцигская, держа связь с главной колонной по пути их марша и соединиться с колонной, следующей из Аккермана на Лейпцигскую. Колонне из Овидиополя следовать на Килию и Измаил, охраняя побережье Черного моря от всяких поползновений десанта.

IV. К этому времени занять Фальчи, правой колонне—Яссы, а левому флангу, через Лейпцигскую Галац. Побережной колонне—Измаил—Килию—Вилков.

V. Заняв Фальчи, наступать главной колонне через Бурсулы на Бырлат и дальше, на Текучь—Фокшаны—Бузю—Урзичени, переправу через Яломица, Букурешти, Журжево до соединения с болгарскими советскими войсками.

VI. Правой колонне из Яссы наступать на Пашканы и, соединившись с бессарабскими войсками, быть в резерве главной колонны.

Не будем входить в оценку всех этих оперативных соображений. Они свидетельствуют во всяком случае о серьезности наших намерений помочь венгерской революции.

О том же красноречиво говорит и другой документ—наш приказ по 1-й Советской украинской армии от 13 апреля:

„Противник, разбитый у Коростеня, Бердичева, Шепетовки, Проскурова, стягивается к Ровно и Тарнополю. Румынские войска наблюдают переправы на среднем Днестре и ведут бой с нашими у Бендер и Овидиополя. Войска Западного фронта выдерживают натиск польских легионов у Барановичей. Пинск—Ковель заняты поляками, небольшие их части наблюдают мосты у Стохода. В Холмском районе организовываются повстанческие отряды за советскую власть. Буковина и Угорщина, захваченные румынами, готовы к восстанию.

Кулацкое восстание в Вашем тылу и на флангах еще не окончательно сломлено. Вам надлежит:

1. Энергично и решительно разгромить кулацкие банды.

2. Надежно закрепить Коростеньскую линию и узел Коростень, обеспечив связь с Запфронтом у Мозыря.

3. Уничтожить неприятельские силы у Житомира и закрепить Житомир надежным гарнизоном.

4. Продолжая преследовать противника, отрезать его центральную группу (у Ровно) от Галиции, и, разгромив эту группу, закрепиться на линии реки Стырь и Стоход, обеспечив железнодорожные узлы Сарны—Ровно.

5. Занять и закрепить за собой Тарнополь.

6. На крайнем правом фланге сосредоточить бессарабские части, дабы по особому приказу: а) содействовать группе т. Худякова в походе на Румынию, б) походом через Буковину и Угорщину войти в связь с Советской Венгрией".

„...Содействовать группе т. Худякова в походе на Румынию"... Главная роль предоставляется следовательно—Одесской армии, организуемой т. Худяковым.

7 апреля Худяков сообщал из Одессы, что принял от Скачко командование. Тогда же ему была указана в качестве ближайшей следующая задача:

„Оборона—закрепление побережья, захват линии Днестра до Рыбницы включительно. Вся бригада Покуса переходит в первую армию: немедленно 15-й полк и две батареи направьте через Христиановку — Вапнярку — Жмеринку в распоряжение командгруппы[1]. Другой путь ненадежен. Остальные части сведите в дивизию, кроме Григорьева. Григорьева с тремя полками направить в распоряжение Дыбенко для расчистки Крыма. Последнее, если не встретите серьезных препятствий занятию линии Днестра. (№ 713/лк)".

В тот же день Ткаченко сообщил из Помощной: „Верблюжский полк 6-го отбыл в Вознесенск. Позиции занимают: 2 роты сводного полка и батальон 5-го полка с артиллерией. В 18 часов нами занята ст. Подгородная, в 6 верстах от Готлы, взятие которой нами ожидается к вечеру".

Но встретились серьезные затруднения к занятию линии Днестра,— из Одессы отошел к Тирасполю бандит Казюбский с большим отрядом; надо было тоже сломить сопротивление остатков добровольческих банд.

Худяков в 18 часов 12/IV доносил:

„Отдельная бригада Богунского успешно наступает к Раздельной, на соединение с частями, идущими от Одессы к Раздельной. Богун занял ст. Чума, Ченаледаю (?), Бакодо.

Полк Шевченко отступил от Раздельной под давлением противника на 10 верст. Верблюжский полк, наступая от Одессы, занял Раздельную.

Сюда же и 2-й Херсонский, который имеет направление на Тирасполь—Бендеры. Повстанцы должны наступать от сл. Плоское, в 18 верстах севернее Тирасполя, на Липканы, чтобы овладеть мостом. Должны выступить следом повстанцы и у Татарки. Противник—греки, поляки и добровольцы с бандой Козюбского (6 000 человек, большей частью уголовных)—пытался наступать, но был разбит; греки—поляки отходят к Ольвиополю и Аккерману. Козюбский—к Тирасполю и в

[1] Это распоряжение вскоре было отменено, ввиду ухудшившегося положения в Донбассе.

Бессарабию, но румыны его не пускают. Французская эскадра ушла из Одесского залива, остался один миноносец на охране транспортов с артиллерией, другой миноносец конвоирует 2 транспорта в Крым. Крейсера пытались высадить десант у Очакова.

Громадные трофеи в Одессе. До 7000 пудов бензина, отряд в 8 аэропланов с летчиками и т. д.

Недостаток работников. Через 2 недели в Одессе будут готовы 5 вполне надежных полков, которыми можно заменить нуждающиеся в переформировании".

К вечеру 13-го сообщалось:

„Нами заняты ст. Бирзула и ст. Кучурганская. Продолжается движение к Овидиополю".

В тот же день—предписание Худякову:

„Первое: сведите части в две дивизии, учтя и бригаду Богунского—пятую и шестую Советские Украинские дивизии. За боевые отличия т. Григорьев назначается начальником дивизии. Второе—готовьтесь энергично наступать на Румынию. С севера повстанцы, подчиненные до соприкосновения с вами Мацилецкому, свяжут противника. Вы ударом через Дубосары—Кишинев, откуда вспомогательным отрядом—Яссы, а главной силой—к югу в тыл противника и на соединение с нашими наступающими от Бендер и Аккермана. Этим возможно сохранить мосты и дезорганизовать врага. Затем переправа Прута в среднем течении и выход к линии р. Серет. Подробный приказ получите. О получении этого известите. Сохраните за собой полк Шевченко, а 15-й спешно обязательно вышлите Скачко (№ 783) лк)".

К вечеру 14 апреля из Одессы сообщали:

„Тираспольском направлении Ананьевский полк и полк Тараса Шевченко при поддержке четырех броневиков ведут геройское наступление на ст. Кучурган. Идет сильный бой. Противник окопался, имея проволочные заграждения на высотах у сел. Бугай и Гребенки-Никольское, что в пятнадцати верстах северо-восточнее Тирасполя. Конный дивизион Попова при пяти орудиях, высланный из Веселого Кукова через м. Плоская на Бендеры, обстреливает Тирасполь. На Овидиопольском направлении 15-й полк, наступая на Овидиополь, захватил шесть легких орудий. По сведениям противник оставил тридцать шесть орудий, зарытых в песок, принимаются меры к их розыску".

И далее:

„Бою с бандой Козюбского, в ночь на 15 апреля, полком имени Тараса Шевченко, занята ст. Кучурган. Взяты пять орудий, большое количество патронов и несколько вагонов рогатого скота. Командиром пятой роты полка имени Тараса Шевченко товарищем Маляровым был ранен бандит Казюбский. Противник сильно укрепился на высотах в районе деревень Бугай, Гребенки, Никольское, что в 20 верстах северо-восточнее Тирасполя. На Аккерманском направлении под сильным давлением наших частей противник оставил Овидиополь и отступил по направлению Аккермана".

Вместе с тем Худяков сообщал, что войска Григорьева идут на отдых.

Командукр отвечал:

„Категорически приказываю никаких войск из Одессы на отдых не отправлять. Этот приказ передайте всем командирам частей. Приготовьтесь к выполнению последнего оперативного приказа по армии (№ 831)".

18 апреля командукр прибыл в Одессу. Торжественная встреча. Смотр войскам. В горисполкоме—знакомые по парижской эмиграции (т. Калинский и иные). Жалобы на Григорьева—ультимативно получил от исполкома несколько вагонов мануфактуры и отбыл „на отдых" в Александрию, несмотря на попытки Худякова его удержать.

В порту Одессы—мертво, масса бочек. На рейде маячат суда французской эскадры.

Сильно развороченное взрывом артиллерийских складов (еще при Скоропадском) предместье. Кипучая работа РВС армии. Но формирования заторможены недостатком винтовок и кадра. В городе масса уголовных. ЧЕКА и специальный отряд Домбровского работают побоевому. Об этом отряде ходят плохие слухи.

Ряд союзных военных судов ушли, взяв на буксир массу русских пароходов и шхун.

Почти весь наш коммерческий флот уведен союзниками.

В Севастополе на рейде остались русские крейсера: „Память Меркурия", „Иван Златоуст", „Ростислав" и 3 подводных лодки.

Особой делегацией ведутся переговоры о передаче нам русского флота. Еще в Киеве получен нами следующий характерный документ:

„Сводка переговоров, веденных в Одессе на броненосце с одной стороны между представителем УСР командиром 2-й советской армии Скляр и Совета рабочих депутатов Фельдманом (пропуск), а с другой стороны адмирала французского флота и его штаба, как представителя французского командования. Переговоры по поручению т. Скляр велись на французском языке т. Фельдманом и др.... (пропуск)... из состава делегации. Ему был задан вопрос: „Что вы—друзья или враги". Ответ был: "„Мы французы—друзья русских, мы пришли сюда по приглашению русских против террора, анархии и гражданской войны. На это адмиралу было указано, что приглашали их в Россию далеко не все слои населения, а только ничтожная кучка представителей крупной буржуазии, капиталистов и белогвардейцев. После этого разговор некоторое время вращался в области политического спора между т. Фельдманом и французским адмиралом (пропуск)... При этом т. Фельдман обращал внимание на то обстоятельство, что в настоящую минуту почти вся Россия от самого крайнего севера до самого юга признала советскую форму правления. Затем при переходе к реальным вопросам адмирала спросили: „Почему вы увозите из Одессы почти все суда как принадлежащие государству, так и частным лицам (пропуск). Таким образом вы не только лишаете город Одессу имеющихся запасов, но нарушаете весь дальнейший план морского транспорта и обрекаете население на голод и холод, при

этим вы также не считаетесь с правом собственности, потому что вами вывозятся многие частные суда, принадлежащие Акционерному обществу николаевских заводов (пропуск)... Ответ: „Увожу суда потому, что считаю это нужным, судьба их зависит от того, как вы себя будете держать в дальнейшем относительно мирных жителей".

Вопрос: „Какие вы уводите суда?"

Ответ: „Это мое дело".

Вопрос: „Многие из кораблей, особенно мелкие, например баржи и полулодки, находятся в таком состоянии, что везти их на буксирее в бурную погоду равносильно их гибели. Почему вы берете такие суда, которые могут погибнуть?"

Ответ: „Это—моя ответственность".

На вопрос, почему союзный флот не покидает Одессы, последовал ответ: „Море свободно для всех". „Если вы так говорите, считаете море свободным для всех, то будете ли чинить нам препятствия в свободном общении между портами, уже занятыми Советской Россией, например в доставке угля нашим судам, стоящим в Николаеве, близ Мариуполя и хлеба в Одессу из разных портов".

Ответ: „Я не могу признать суда под красными флагами, которые не признаются в международном кодексе. Имею законное морское право считать такие корабли пиратскими. Сейчас однако я не даю окончательного ответа на этот вопрос, но считаю себя вправе его решить, могу его решить тогда, когда выяснится, как новая власть будет относиться к мирному населению. Я имею сведения, что в советском государстве происходят избиения и мучения невинных".

После этого т. Фельдман заявил самый энергичный протест против якобы творимых зверств и предложил адмиралу или его представителям немедленно посетить город и убедиться в том, что абсолютно никаких зверств не производится, и если имеются арестованные, то это исключительные лица, обвиняемые в каких-либо совершенно конкретных преступлениях. Адмирал на это возразил, что он верит, что сейчас в городе все спокойно, но не знает, будет ли это и далее. Окончательного ответа о свободном плавании сейчас дать не может, просит подождать, пока получит ответ от своего высшего командования, с которым он немедленно по этому вопросу снесется. Вопрос адмиралу: „Не можете ли вы дать полный и совершенно точный список уводимых вами судов и находящихся на них грузов?" Ответ: „Будет дан по вашему желанию". Фельдман: „По имеющимся данным, на одном из французских военных кораблей или на одном из транспортов находится двенадцать человек арестованных рабочих, несколько матросов, о судьбе которых ничего неизвестно в городе. Так ли это, и если так, то нельзя ли арестованных освободить?"

Ответ: „Никаких арестованных нет. Если таковые есть на русских судах, то они немедленно будут освобождены".

По окончании переговоров от имени т. Скляра как представителя правительства был заявлен адмиралу самый энергичный протест против действий французского командования, которые могут быть

приравнены только к грабежу. Адмирал поставлен в известность, что через т. Раковского в Киеве, т. Ленина в Москве, все правительства и народы всего мира будут немедленно по радио поставлены в известность о насильственном вывозе из порта судов, являющихся государственной собственностью и поэтому абсолютно необходимых. Переговоры продолжались около двух часов и с обеих сторон носили самый вежливый характер.

С подлинным верно. Уполномоченный Рабоче-Крестьянского правительства на Украине Скляр".

Всякого имущества в Одессе—масса. И уже понаехала уйма комиссий с длиннющими и категорическими мандатами. Все это учитывает. А выдавать войскам—нечего...

Командование озабочено помощью Южфронту и Красной Венгрии.

Командукр распорядился на месте (20 апреля):

„1. 15-й полк не позже 22 апреля отправить из Одессы в Екатеринослав в распоряжение командарм 2 (в помощь Донбассу).

2. К вам переходит партизанский отряд Дмитриева из Киева (в отряде 300 штыков, обмундирования на 600, оружия на 1 000 чел.).

3. Вам надлежит войти в теснейшую связь с болгарами и турецкими революционными слоями, настроенными для борьбы с румынами. Ваше движение в Бессарабию должно сопровождаться подъемом Болгарии против Румынии.

4. Необходимо организовать румынские части".

Тогда же по прямому—председателю Совнаркома (в Киев сообщалось):

„Очень прошу содействовать:

1) дать т. Худякову все необходимые связи с болгарами, румынами, бессарабцами, турками;

2) добиться направления в Одессу к Кривошееву т. Павлова (из Киева);

3) создать особую комиссию по организации венгерских отрядов для прочистки пути в Венгрию; комиссия должна быть подчинена РВС 1-й армии (Киев);

4) сообщить венграм по радио, что согласно их телеграммам меры будут приняты;

5) потребовать от одесских рабочих согласия заменить трехлинейные винтовки на „Гра" или „Бердан", которые должен отпустить киевский арсенал;

6) обратить внимание центра на отсутствие береговой охраны для защиты побережья;

7) в Одессе 12 шестидюймовых орудий без замков. Надо потребовать присылки из России замков для полевых шестидюймовых орудий".

21-го т. Бубнову в Киев сообщено:

„В Одессе возможны громадные формирования, нужны винтовки. Затребуйте именем Реввоенсовета главначснаб Лазимира шесть тысяч Гра или Бердана с достаточным числом патрон и пятьсот винтовок

Шхуна с 500 000 патрон. Щаденко приедет лично за ними. Сегодня еду в Александрию. Григорьев там с тремя полками, его погоню в Донбасс (№ 875)".

Между тем 3-я армия успешно выполнила задачу очищения линии Днестра.

20 апреля нами заняты Дубосары, к вечеру этого же дня мы под Бендерами. Захвачены 24 орудия, 3 000 винтовок, 14 подводных составов, много паровозов и т. д.

И, несмотря на помеху со стороны учитывающих комиссий, насланных отовсюду, формирование новых частей идет бодрым темпом. Тов. Щаденко сообщал в Киев т. Бубнову (23 апреля):

„Сейчас в Одессе, Николаеве, Херсоне, во всем районе нами формируются 15 полков. Часть из них уже сформирована. Послана на фронт. Эта работа может быть закончена недели в две".

Тогда же он извещал:

„Суда очистили порт Одессы, вчера в 12 часов дня ушли последние миноносцы. Часть захваченного нашего транспорта брошена у наших берегов. Нами выслана разведка, чтобы проследить, в каком направлении ушел неприятель. Береговая оборона также довольно успешно организуется".

24 апреля командующим 3-й армией т. Худяковым издан в развитие указаний командукра следующий оперативный приказ:

„1. Красные войска Украинского фронта продолжают успешно наступление против галицийских частей, петлюровских банд, румынских частей и добровольческих отрядов. Под давлением венгерской революции в Румынии восстание пролетариата разрастается под коммунистическими лозунгами; румынское высшее командование отводит свои войска вглубь Бессарабии к восточным границам Румынии.

2. Справа от нас на фронте Коростень—Шепетовка—Проскуров—Каменец-Подольск—Могилев—Подольск—ст. Слободка—ведет наступление 1-я Украинская армия. Слева 2-я Украинская армия, вторгшись в Крым, достигла южного побережья Крыма.

3. Задача Украинского фронта—очистить Бессарабию и энергично готовиться к наступлению на Румынию с выходом на р. Серет, дабы при содействии повстанцев северо-запада и сочувствующей нам Добруджи, совместно с советскими войсками Венгрии и Болгарии, установить в Румынии власть пролетариата.

4. Задачей 3-й армии—обеспечив переправы на реке Днестре, перейти на западный берег реки Днестра с захватом важных узлов сопротивления Бессарабии, продолжая дезорганизовать противника; освободить Бессарабию и установить там советскую власть; продолжать охранять побережья Черного моря.

5. Разграничительные линии:

Справа (между 1-й и 3-й Украинской армиями)—Гребенка, Черкассы, Цветково, Балта, Рыбница—все пункты исключительно для 3-й Украинской армии. Слева (между 3-й и 2-й Украинской армиями)—Миргород, Кременчуг, Александрия, Николаев—все пункты исключительно для 3-й армии.

6. Приказываю:

А) Бессарабский боевой участок (начдив 5 Украинской т. Пешехонов)

5-я Украинская дивизия в составе частей, согласно приказу войскам армии № 01 от 15 апреля, с приданным ей 5-м Тилигульско-Березанским полком и 1-м Бессарабским советским стрелковым полком, 1-й батареей 1-й Петроградской рабочей артиллерийской бригады, подвижного железнодорожного поезда № 1, Николаевского авиационного отряда, бронепоезда № 1 железнодорожного Одесского узла.

Обеспечив за собой переправы на реке Днестре от дер. Рыбница включительно до устья р. Днестра, занять и удерживать линию г. Кишинева, ст. Бессарабская (ст. Лейпцигская), ст. Арцис (дер. Бриеска), устье р. Кочильник, для чего, захватив Кишиневский дорожный узел с г. Кишиневым, энергичным ударом на юг в направлении на ст. Лейпцигская захватить железнодорожный узел у ст. Арцис, с целью не дать уйти противнику из-под Аккермана.

Иметь в виду новые бессарабские железнодорожные линии: одну от ст. Бессарабская через Чок—Майдан—Дезгинже—Тингель—Цыганка—Епурени—Бырист и другую от ст. Арцис через дер. Бриеска—Теплицкую—Новопокровку—Татарбунар—Измаил.

Принять все подготовительные меры для выполнения означенной задачи, каковую начать не позже первого мая с. г.

Вести перед фронтом разведку, высылая вперед особые агитационные отряды с целью подымать восстания в тылу противника.

Войти в тесную связь с левым флангом частей 1-й Украинской армии. С целью подготовки дальнейшего наступления спешно доформировать дивизию, согласно штатам № 220, вливая в дивизию повстанческие части.

Б) Оборона побережья возлагается на Одесский окрвоенком с подчинением ему в оперативном отношении всех сил красного флота и придачей конных частей 1-й Белорусской бригады. Безотлагательно организовать оборону побережья от кол. Лэстдорф включительно до г. Николаева включительно; установить береговые батареи в районе Одессы и Очакова, допустив временно как исключение установку легких орудий—вести непрерывное наблюдение, организовав воздушную и световую разведку. Озаботиться образованием резервов в узлах сопротивления и установлением минных заграждений, войти в связь с правым флангом 2-й армии.

Представить в штарм в трехдневный срок соображения по обороне с указанием расположения, боевого состава частей, мест батарей, минных заграждений и схему связи.

7. Разграничительная линия между боевыми участками кол. Люстдорф хут. Одесские, железнодорожная застава № 1, с/с Кривая Балка, Нерубайское, Фомина-Балка, далее хут. Райх-Гажибеевский лиман, река Кульник, дер. Белка, сел. Яновка—Букаемка—Нов. Фриденталь, Владиславовка, Рорбах, Н. Одесса—Антоновка.

8. В моем распоряжении: а) 6-я Украинская дивизия (район г. Александрия). б) Одесская группа—Белорусская бригада (без конных частей), особый

[1] 6-я дивизия, как будет пояснено ниже, оставлена в составе 3-й армии и пришлось отказаться от мысли направить ее на Южный фронт.—Авт.

кавалерийский полк (т. Беспалова), особый партизанский отряд ВЦК, 30-й автоброневой отряд им. т. Елина, южный мотоциклетный отряд.

9. Начдивом 5-й и 6-й Украинских стрелковых и всем начальникам названных частей принять самые энергичные меры к скорейшему сформированию своих частей.

10. Инспектору инженеров артиллерии принять безотлагательные меры к содействию переправ на р. Днестре.

11. Начальникам боевых участков и отдельных частей установить и поддерживать тесную и непрерывную связь со штабом; кроме того чаще командировать ответственных лиц в штаб армии для ориентировки.

12. Начальнику 5-й дивизии и окрвоенкому доставлять донесения о боевых действиях и разведывательную сводку в штарм отнюдь не позже 9 часов утра и 17 часов ежедневно.

13. Начальнику штарма сделать распоряжение, согласно моим указаниям, начальнику снабжения и начальнику санитарной части". Подлинный подписали: Командарм Худяков, член Реввоенсовета Н. Голубенко. Наштарм Пионтковский, Начоперод Ягода. Комиссар Левинсон.

К этому времени мы располагали следующими данными о Румынии и Бессарабии:

Румыния благодаря своему участию в мировой войне на стороне держав согласия после ухода России с боевой арены была поставлена центральными державами в исключительно тяжелое положение. Кроме уступки территории к югу от железной дороги Черноводы—Констанца Болгарии и лишения права держать вблизи ее границы свои войска Румыния должна была довести армию до минимальных размеров.

К 1 августа 1918 г. Румыния должна была иметь на действительной службе не свыше 4 пехотных дивизий, по 5 000 штыков в каждой, 1 200 артиллеристов, 1 000 кавалеристов. На каждую винтовку разрешалось иметь по 50 патрон, на пулемет—150 патрон, на орудие—5 снарядов. Остальные боевые припасы должны быть снесены в военные склады, находящиеся под наблюдением немцев и охраняемые смешанною румынско-немецкой стражей.

Военные неудачи, постигшие центральные державы летом 1918 г., дали возможность Румынии не выполнять тяжелые условия договора.

Оккупация Бессарабии летом 1918 г. столкнула Румынию непосредственно с русскими делами. В этот период в Румынии боролись два мнения: стоящая у власти партия Маргиломана придерживалась ориентации центральных держав и стремилась к присоединению Бессарабии; партия же Авереско, симпатизировавшая державам согласия и уверенная в их победе, предрекала тяжелые последствия этого шага.

С победой держав согласия Антанта не только не потребовала очистить Бессарабию, но проявила готовность санкционировать присоединение ее к Румынии, в случае активного вмешательства последней в русские дела.

Начавшая было демобилизовываться румынская армия снова была

...ращена к штатам военного времени. Из частей, предназначенных для боевых действий в России, предполагалась, по данным источника, заслуживающего полного доверия, посылка в Бессарабию и далее в Россию двух корпусов—III и V—и некоторых Каларашских и Рошиорских полков других корпусов.

Присутствие на северо-восточной границе Румынии и в Бессарабии этих корпусов подтверждало эти сведения, тем более что остальные корпуса находились на местах своих мирных стоянок; III же и V корпуса по дислокации мирного времени были расположены на юге Румынии.

Расположение III и V корпусов:

Полк	Бригада	Дивизия	Корпус	Стоянки раньше	Теперь
11	12	6	3	Галац	Галац
35	18	9	5	Силистрия	Кишинев
38	20	10	5	Браилов	Болград
52	12	—	3	Бирлады	Галац
7 5	—	6	3	Силистрия, депо Ошканы	Яссы
9	3-я Каларашская	—	—	Калараш	С. Кицкань
	5-я Каларашская	—	5	Констанцы	Кишинев Бендеры
—	11	6	3	Фокшаны	Между Кагулом и Галацем
—	—	5	—	Вузео	
—	—	12	—	Вузео	

В Бессарабии полное владычество и произвол румын. Вся Бессарабия наводнена румынскими жандармами и представителями военной и гражданской власти. Румынские коменданты, а также и офицерство, держат себя страшно заносчиво—грозя репрессиями, требуют приветствия на улице со стороны мирного населения.

В армии—падение дисциплины, среди солдат господствуют полная забитость и антагонизм к офицерству.

На румынизацию населения обращено исключительное внимание; из правительственных учреждений исключены русские служащие и заменены румынами. В результате железные дороги Бессарабии пришли в крайний упадок.

То же запустение и разруха наблюдаются в почтово-телеграфном ведомстве.

Несмотря на свое полноправное хозяйничание в Бессарабии, румыны все-таки не уверены в прочности ее присоединения. Это подтверждается вывозом имущества в Румынию, переходящим даже в грабеж, причем из Бендерской крепости вывезено все, вплоть до оконных рам, дверных ручек и мелких медных вещей.

В общем население крайне озлоблено против румын. И все более

население, даже молдаване, с нетерпением ожидают прихода русских войск.

В Бессарабии, сверх указанных румынских частей, находились (к средине апреля) еще неприятельские силы и других государств.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЧАСТИ. В Кишиневе 188-й пехотный полк; в Аккермане еще остатки штаба ген. д'Ансельма, перебирающегося в Белград, в Аккермане—17-й пехотный полк зуавов (до 1 000 штыков) и до 100 кавалеристов; в Шабо—батальон французских колониальных войск и 200 кавалеристов; ст. Бульбака—небольшой отряд; в Кишиневе—около полка неизвестного номера; мелкие отряды совместно с румынами на станции железной дороги Гидигиш—Камараш—Чурлица. Настроение французских войск „сочувственное большевикам“.

ПОЛЯКИ. 4-я дивизия (13-й, 14-й, 15-й и 16-й полки—всего около 1000 штыков), отступив из Одессы, расположилась в Аккермане в Шабо, но из-за столкновений с румынами разоружена и отправлена в лагерь военнопленных в Тульче.

ДОБРОВОЛЬЦЫ.—Будто бы также обезоружены и направлены в Тульче; бронедивизион их (6 бронемашин)—в Старо-Казачье. По другим сведениям в Бендерах—1 батальон пехоты (400 штыков), 1 эскадрон кавалерии; ст. Марены—часть Корниловского добровольческого полка (200 штыков); в Кишиневе—неизвестной численности добровольческие части при незначительной артиллерии.

В Бендерах—остатки разбитой нами под Тирасполем банды Козюбского (до 800 штыков, 200 сабель, 2 броневика, 4 орудия).

В Бендерах—также 2 батальона греков (1500 штыков).

В общем в Бессарабии к середине апреля находилось не более 35 000 неприятельских войск. Замечается отвод румынами регулярных частей (V корпуса) в Трансильванию и к болгарской границе и замена этих частей отрядами жандармов.

По всей Бессарабии—осадное положение. Проводится мобилизация достигших 20-, 21- и 22-летнего возраста.

Румынская армия—малобоеспособна. По сообщению одного источника: „Румынские офицеры того мнения, что, если большевики начнут наступать, то придется очистить всю Бессарабию, так как без помощи французов не удержаться“. Румынские крестьяне глухо волнуются. В Буковине—массовое восстание крестьян. Войска отказываются их усмирять и отводятся к границам Румынии.

К концу апреля эти данные уточняются. Выявлено, что V корпус покинул Бессарабию. I (III?), прибывший из Добруджи, остается.

1. В Кишиневе—2 пехотные бригады (32-й, 34-й, 62-й, 64-й полки ок. 10 000 штыков, 32 пулемета) и 3-й артиллерийский полк (8 тяжелых орудий).

2. В Бендерах—39 пехотный полк (1 800 штыков и 8 пулеметов) и 66-й артиллерийский дивизион (12 легких орудий); в Бендерском уезде 35-й пехотный полк (1 800 штыков, 8 пулеметов) и 8-й тяжелый мортирный дивизион (4 орудия).

3. В Аккерманском уезде 6-й пехотный полк (1 800 штыков, 8 пулеметов).
4. В Каушанах—10-й и 11-й кавалерийские полки (800 сабель).
Штаб корпуса в Ганжесты, при штабе охрана от 62-го пехотного полка и 2 батареи из 13-го артиллерийского полка.
Сверх I регулярного корпуса—2 погранполка, и 1 полк жандармов.

Разведка наша установила точно и расположение мелких частей противника, состояние укреплений и т. д. (укрепления были смехотворны).

Французские части почти целиком эвакуированы.

Итак, 3-я армия нацелилась. Но командукр, узнав, что командарм оставляет дивизию Григорьева в резерве, телеграфировал:

„Одесса, штаб армии Худякову, Щаденко.

Делаете большую ошибку, что не пускаете вперед Григорьева; не оставляйте его в тылу, дайте ему задачу переправы у Дубосар, Кишинев, Лейпцигская и часть к Фальгам. Пятая выйдет на соединение к Лейпцигской. Правый фланг прикроет партизанский отряд Дмитриева, который прежде всех направьте для перехвата путей из Яссы к Гушу Доколину. Левый фланг—рыбаки гирл Дуная, которых надо поднять особыми отрядами, через них взволновав Болгарию“.

Худяков возражал (3 мая):

„Распоряжения по наступлению войск отданы. Переформирование войск закончено, и задержка может повлечь за собой неуспех наступления. Григорьев только и делает, что присылает требования на невероятное количество снаряжения и обмундирования, не давая никаких сведений о наличном боевом составе дивизии. Ваши указания относительно партизанского (нерасшифровывается) рыбаков у Дуная будут выполнены. Григорьев в начинающихся операциях будет использован как резерв. Пускать Григорьева в первую очередь—задержит исполнение операции“.

Командукр отвечал (4 мая):

„Лучше на день, два замедлить операции, чем рисковать тылом. У Григорьева до 15 000 строевых... Григорьев пойдет совсем иначе впереди. Необходимо вам лично подтолкнуть его. Гарантий в его благонадежности нет, нельзя дать ему медлить, надо, чтобы выступил немедленно“.

Через пару часов по отправке Худякову приведенной выше телеграммы мы получили наконец отданный им еще 24 апреля приказ по армии.

Мы тотчас же указали: „Ваш приказ 02 от 24 апреля только сегодня получен. Давать точный боевой приказ за десять дней не годится. Ваш приказ не предусматривает вспомогательного движения к Яссам, в прикрытие наступления к югу. Повторяю, части Григорьева должны быть выдвинуты вперед и необходимо иметь в виду быстрым движением особого отряда захватить переправы на Пруте. Предстоит дальнейшее движение на Серет“.

Итак, 3-я армия нацелилась....

1-я армия в то же время подготовляла для действий против румын особую ударную группу в составе интернациональной дивизии и Бессарабской бригады.

Но часть кадров интернациональной дивизии была внезапно обращена Наркомвоен на формирование внеочередной дивизии, предназначенной для Донбасса. Далеко еще несформировавшийся интернациональный полк Фекете двинут, в отсутствие командукра (из Киева) против бандитов. И командарму 1 не удавалось выполнить задания командукра, указанные в следующей телеграмме от 26 апреля:

„Из Харькова направляются отрядами венгры; их организовать, вооружать „Гра" и направить на Коломею. В Коломее пустить местных повстанцев для прочистки пути. Удар на Тарнополь был бы своевременен".

Организация дивизии интернационалистов шла плохо, несмотря на то, что и главком очевидно под давлением совобороны вынужден был признать за нами задачу поддержки Красной Венгрии и распорядиться (по Всероглавштабу):

„3 мая 1919 г. Для осуществления задачи по связи Российской республики с Венгрией желательно при предстоящем наступлении в Венгрию использовать интернациональные части из венгров и румын. Предлагаю вам полк, формирующийся в Нижнем-Новгороде, как только позволят условия его формирования, немедленно направить в район Каменец-Подольск в распоряжение комфронта Украины Антонова, причем к этому полку могут быть присоединены и тыловые интернациональные части. Эта директива подлежит выполнению в срочном порядке. О принятых вами мерах и о численности направляемых частей прошу срочно сообщить. НР 2067/оп. Главком Вацетис. За военком штаба Голенко".

Это распоряжение, чрезвычайно запоздавшее, выполнялось крайне медленно...

Бессарабскую бригаду Ревсовет 1-й армии начал формировать в середине апреля. К 1 мая она состояла из двух полков—общей численностью до 1500 штыков, 60 сабель, 18 пулеметов и 8 орудий.

Комбриг Чаров доносил (5 мая): „2-м полком вверенной мне бригады, действующим на Каменец-подольском направлении, к 1 мая с. г. заняты по румынской и галицийской границам следующие пункты:

По реке Днестру сс. Исаковцы, Окопы.

По р. Збручу сс. Ляшковцы, Завалье, Кизи, Кудринцы, Черноклзницы, Шустовка, Залучье, Подфилипье, Пятничаны, Гуков, Збри.

На границе с Румынией в Хотинском направлении артиллерийская перестрелка".

Командование 1-го Бессарабского полка вело себя нелепо. Оно, за свой страх, затеяло в Аккермане какие-то переговоры с местным французским командованием.

Х. Раковский указывал (5 мая) командукру на этот факт и правильно прибавлял: „Дипломатия в Бессарабии—исключительно дело

ру ительства. Намерение французов: переговорами удерживать нас от наступления, пока румыны задушат Красную Венгрию".

К этому же времени начдив 2 сообщал, что в Каменец-Подольске остались после ухода петлюровцев штабы и части четырех пограничных бригад (в общем—246 комсостава и 1 584 солдата) и испрашивал указаний.

Мы предписали использовать имущество этих частей для Бессарабской бригады; подозрительные пограничные части расформировать, тщательно прочистить для отбора надежных элементов в Бессарабскую бригаду.

Мы твердо решили притти на помощь Красной Венгрии.

1 мая от имени советских республик России и Украины Румынии последовал известный ультиматум. В течение 48 часов:

1. Очистить Бессарабию от румынских войск, жандармов и чиновников и предоставить рабочим и крестьянам Бессарабии свободу установления своей собственной власти.
2. Предать народному суду всех виновников преступлений, совершенных над жителями Бессарабии.
3. Возвратить все военное имущество, принадлежащее России и Украине и захваченное Румынией.
4. Возвратить жителям Бессарабии все отнятое у них имущество.

3 мая Советская Украина поставила Румынии второй ультиматум: в 24 часа очистить захваченную Буковину.

Румыния оставила оба эти ультиматума без ответа...

4 мая на заседании ЦИК Украины мы торжественно обязались притти на помощь Советской Венгрии.

6 мая—в Одессе оформилось Временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабии под председательством т. Криворукова. Оно выпустило манифест об образовании Бессарабской советской республики, входящей в состав РСФСР.

4-го вечером мы указывали командарму 1:

„Немедленно точный доклад о состоянии армии во всех отношениях, в том числе и о всем вооружении, находящемся на складах и на руках отдельных частей. Ставится вам на вид отсутствие наблюдения за берегом Днестра до стыка с 3-й армией. Румынии предъявлен укрправительством ультиматум—требование очищения Буковины и Бессарабии. Срок истек. Немедленно доклад, что сделано вами для операции в Буковине на соединение с венграми. Точные разведывательные данные по всему фронту, данные о переформировании частей".

5 мая командукр приказывал командарму 1:

„Шестого мая Худяков начинает операции против Румынии в направлении Кишинева. Вам необходимо немедленно начать сильные демонстрации по всему нашему участку Днестра, имея в виду наступление через Хотин-Новоселицы—Дорогой, для отсечения Буковины и захвата путей к Яссам и проходов Дорна, Ватру и Кирлибабы через Карпаты" (№ 964 лк.).

Надо было торопиться... Радио кричало о критическом положении Красной Венгрии...

7 мая в Киев прилетел представитель венгерского правительства и привез удручающие известия — сдержать напор румын, чехов и сербов нет возможности, так как нет времени для организации новых вооруженных сил; внутри советского правительства колебания; эсдековские лидеры явно готовят измену. На предложение перемирия румынский генерал Мардареску ответил совершенно неприемлемыми требованиями. Решено сопротивляться до последней капли крови. Одна надежда на помощь Красной армии Украины.

Командукр тотчас же телеграфировал Худякову:

„Положение вещей в Венгрии резко ухудшилось. Недопустимо медлить с наступлением. Скорее двигайте Дмитриева, за ним Григорьева. Завтра выезжаю в Одессу“.

Но Григорьев в это время уже двигал свои эшелоны против советской власти... И, помимо того, угрожающе осложнилось положение на соседнем, Южном фронте....

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Победные фанфары Троцкого о положении на юге. Успешно наступаем к Таганрогу. Контрудар конницы Шкуро. Поражение Махно. Требования о помощи Донбассу. Наша помощь запаздывает. Запад или восток?—«Важнейшее—это Донбасс» (Ленин).

В марте и начале апреля—ряд самых твердых заверений о близости нашей решающей победы на южном фронте. X. Раковский в результате обращения с РВС Южфронта и РВСР привез убеждение в нашем безусловном перевесе на этом фронте. Более того, в начале марта наштаба РВСР Костяев официально обещал X. Раковскому передать нам через две недели не только все, уже взятое от Украинского на Южный фронт, но и „целую армию“. Сообщена была и основная идея наступательной операции Южфронта—2-я армия расширяла свой фронт на участок 8-й армии, последняя, под прикрытием 41-й дивизии, вся нацеливалась по центральному операционному направлению—на Новочеркасск.

В официальных приказах и речах председателя РВСР Л. Троцкого—столь же победные ноты.

1 апреля на пленуме Московского совета он заявил:

„Наша задержка в Донецком бассейне объясняется тем, что туда отправлены новые силы, еще недостаточно испытанные; с другой стороны там чрезвычайный разлив рек, бурное весеннее половодье, которое затрудняет переброску частей. Продвижение вперед наших авангардных частей вынуждено было приостановиться, чтобы они не были отрезаны разливами от питательного тыла, но эта заминка ни в коей мере не говорит о нашей слабости. Можно сказать с уверенностью, что у нас на Южном фронте значительный перевес сил...

Как только состояние рек и мостов позволит,—это дело ближайших же недель, а может быть дней,—Южный фронт станет свидетелем дальнейших решительных событий. И здесь мы с полной уверенностью скажем, что эти события будут вполне успешны для нас“.

В приказе председателя РВСР по Восточному фронту (от 5 апреля)—категорическое заверение, что не более, чем через 2 недели, Южфронт будет нами ликвидирован.

Л. Троцкий в речи от 6 апреля в Самаре говорит:

„На Дону, в Донецком бассейне, никакого наступления против нас

не вышло. Там идет и продолжается наше победоносное продвижение на Дон, а в дальнейшем пойдет и на Кавказ. Краснов разбит. Деникин будет разбит. В Донецком бассейне, где они сосредоточивают все, что у них есть, и где мы их берем в железные тиски, от Мариуполя на Таганрог, от Воронежа и Великокняжеской, через Торговую на Батайск и на Ростов,—тиски сжимаются все крепче и сильнее. Пройдет месяц весеннего половодья и двинется вперед наше наступление, развернется своим естественным путем. Мы там сильнее... В Донецком бассейне происходит сосредоточение наших сил. Ликвидация донской контрреволюции—дело ближайших недель".

12 апреля председатель РВСР в статье „Борьба за Волгу" не нашел ни слова для указания опасностей, угрожащих нам с юга. И ни одного подобного же слова мы не найдем ни в одной из его речей, статей, ни в одном из его приказов того времени.

В речи его 12 же апреля к красным морякам—тот же основной мотив:

„На Украине—победы. На Донском, Красновском фронтах все благополучно. Остатки деникинских банд окружены железным кольцом. Мы в 30 верстах от Таганрога, в тылу Ростова и Новочеркасска. Воронежская и Балашовская армии давят их с севера. Царицынская, форсировав Маныч, напирает с востока. Деникин и остатки Краснова прижаты к Каспийскому морю. В ближайшую неделю наши красные полки докончат дело на этом фронте".

По „боевому расписанию" РВСР к 1 апреля силы противника на Бахмутском (до Черного моря) участке—6 850 штыков, 1 350 сабель, 63 пулемета, 20 орудий и 4 бронепоезда; на Луганском (до ст. Штеровка—Митяклиская)—5 700 штыков, 7 500 сабель, 16 пулеметов (?), 16 орудий (из них бригада Шкуро всего—1 600 штыков, 1 600 сабель—в резерве Луганского участка). А всего в районе Донбасса: 12 550 штыков, 8 850 сабель.

В противостоящих противнику наших 8-й (к 28 марта большая ее часть была на правом берегу Донца) и 13-й армиях—36 000 штыков и 3 500 сабель. Кроме того до 10 000 штыков и до 1 000 сабель в частях 2-й Украинской армии (Махно и т. д.), действовавших в направлении Волноваха—Мариуполь, а всего 46 000 штыков, 4 500 сабель. Далее—по р. Донец 14 000 бойцов противника были связаны нашей 9-й армией, насчитывавшей 22 500 штыков и сабель.

Численный перевес сил явно на нашей стороне.

Таким образом начало апреля радовало нас успехами на Южфронте.

30 марта по 13-й армии отдан приказ перейти в решительное наступление. К вечеру 1 апреля 9-й стрелковой дивизии—выйти на линию Грабов—Кутейниково—Степановка—Кяско—Орловский; 4-й дивизии—на линию Алексеевка—Леоново. Армейскому резерву—оставаться в районе Попасная. 9-й резервной дивизии—выйти в сторону Волноваха—Мариуполь, в связи с отрядом Махно.

К этому времени наступление Махно уже развернулось—Волноваха и Мариуполь им заняты.

Каждодневно сводки приносят известия об успехах нашего про-

движения: к 10 часам 1/IV взяты нами ст. Новониколаевская и Безымянка в 10—12 верстах к северо-западу от первой; казаки сдали добровольно оружие; 11 часов 2/IV заняты Весело-Вознесенское на море, Стила и Бешево на линии Волноваха—Кутейниково. 3 апреля— „казаки массами переходят к нам“, захвачено 100 пленных. 5 апреля— бои у дер. Старое и Новое Бешево в 7 верстах от ст. Кутейниково; Б. Каракуба, Васильева в 40 верстах к востоку от Волноваха и хутор Александровский—Пудавов в 10 верстах к северо-востоку от Весело-Вознесенска.

Движение к Таганрогу подсекало коммуникационные пути из Донбасса, выводя в тыл добровольческим частям. Предпринятое по нашему почину, оно развернулось как раз в момент перехода в наступление добровольцев против 8-й армии.

27 и 28 марта противник опрокинул передовые части 8-й армии у ст. Первозвановка и Картушино; 29 марта 41-я дивизия и 2 апреля вся 8-я армия были отброшены на Луганск.

Смелое движение 13-й и особенно 2-й Украинской армии заставило противника не только приостановить натиск против 8-й армии, но спешно выдвинуть и последние тыловые резервы.

Добровольческому корпусу белым командованием было отдано приказание сменить части корпуса Шкуро и закрепиться в районе Доля—Рутченково—Авдеевка—Ясиноватая—Скотоватая и далее на восток, а корпусу Шкуро ударить с севера, вдоль железной дороги на Волноваху, ст. Кальчак и Мариуполь, с целью выдвинуться впереди линии Юзово—Мариуполь для обеспечения железнодорожной магистрали.

Давление противника приостановило продвижение бригады Махно и грозило серьезными осложнениями.

П. Дыбенко, в состав дивизии которого входила эта бригада, взывал к командукру:

„В связи с боевыми операциями в Таганрогском направлении, а также Кутейниково—Иловайской, необходимо возвращение на фронт бронепоездов № 8, он же № 10, а также „Грозного“.

Но эти бронепоезда были в ремонте, да и к их орудиям не было снарядов.

П. Дыбенко не мог оказать существенной поддержки Махно, ибо вопреки всем указаниям продвигался в Крым.

Обеспокоенный положением бригады Махно, командукр предписывал командарму 2 Скачко:

„Выезжайте спешно Екатеринослав. В случае нужды можете затребовать у т. Худякова возврата ближайших частей, ссылаясь на это мое распоряжение“. 7 апреля, желая сосредоточить в Таганрогском направлении в поддержку Махно и 2-ю бригаду Заднепровской (П. Дыбенко), командукр указывал командарму 3: „Григорьева направить в распоряжение Дыбенко с 3 полками для расчистки Крыма. Последнее, если не встретите серьезных препятствий, к линии Днестра“. Серьезного противника перед 3-й армией не было и выполнить данное указание командарм мог. Но выполнить не пытался.

13-я армия нас извещала (6 апреля):

„Противник в одиннадцати верстах от Гришино, наши части занимают позицию у Гродовки. Ст. Желанная с 3 часов 6 апреля „нейтральна“. Между Гришино и Чаплино сосредоточилось много эшелонов с войсковыми частями, нежелающими вылезать из вагонов“.

Слабость руководства этими частями не могла не вызвать неудач. О них говорит сообщение уже 8 апреля:

„Противник, сосредоточившись в районе Карповка—Авдеево—Юзово, повел наступление значительными силами под командой Шкуро на Новомихайлов, заслон со стороны Очеретино. Под напором части 9-й стрелковой дивизии (79-й полк) начали беспорядочно отступать, оставив станцию Еленовку. Обнаженный левый фланг бригады Махно, отбиваясь от штыковых схваток включительно, должен был отойти к Новониколаевску. В настоящее время наши части, по неполным сведениям, ввиду отсутствия связи, занимают позицию восточнее Очеретино—дер. Галициновку. Часть 79-го полка, отступающая на Волноваху, панически настроена, командный состав увеличивает панику. Сегодня в час отправили первый эшелон Екатеринославского полка; следующие эшелоны выйдут в 2^{10} и 2^{30} к направлению на Волноваху через Александровск. К полку в Александровске будут приданы два орудия и шестнадцать пулеметов. Начальник отряда назначается от Дыбенко; задача—прикрыть левый фланг бригады Махно, наступая в направлении на станцию Еленовка, вразрез противнику, движущемуся на Новомихайловку. Дыбенко и Петренко выезжают в Волноваху. Дыбенко просит командарма тринадцать в предстоящей операции оттянуть силы противника ударом со стороны Луганска.

8 апреля. 2 часа 15 минут (№ 0676)“.

Тогда же из штаба Укрфронта (Харьков) командукру (Киев):

„По последним сведениям положение тринадцатой армии тяжелое, что грозит нашему тылу; возможно, что Серпухов потребует резервов. Полагаю необходимым дать задание Наркомвоен на срочное формирование хотя одного полка с батареей специально этой цели“.

Тотчас же ответ:

„Один полк дается из Екатеринослава с двумя орудиями. Еще полк отзывается из-под Одессы с 4 орудиями. Скачко извещен. Если есть морские снаряды, вышлю бронепоезд (№ 726)“.

Но Скачко дополнял: „На Гришинском участке: семьдесят пятый—восьмой—восьмидесятый—первый занял линию Гродовка—ст. Желанная—дер. Желанная—Кураховка. Одиннадцатый полк занимает хутора Щербинские. Направление на ст. Железная—с. Государев Байрак. Тринадцатый полк и железнодорожный по последним сведениям находились в районе ст. Рутченково—с. Юзовка, что с ним теперь неизвестно, ввиду отсутствия связи. Из Славянска выступил бывший в резерве 74-й полк в направлении хутора Щербинские. На участке 9-й стрелковой дивизии действуют кавалерийские части противника. Левый фланг левого участка бригады Махно у Новониколаевска. На левом боевом участке Махно действует 6-й резервный, 9-й Заднепровский полки, два 42-линейные орудия, девять пулеметов, по линии железной дороги—бронепоезд „Спартак“. Ввиду прорыва решено по-

чинить 3-ю бригаду т. Дыбенко, которому приказано восстановить положение; для этого ему вероятно придется на первое время взять часть с Крымского направления, ввиду того что вновь сформированный полк в городе Екатеринославе, дойдя до города Александровска, отказался итти на Волноваху, требуя, угрожая оружием, отправки в Мелитополь, куда один эшелон уже прошел, остальные же задержаны в г. Александровске. Туда выезжает для восстановления порядка т. Тищенко (№ 0684)".

Порядок как будто удалось восстановить. Но мы не были тогда извещены, что действия 8-й и 9-й армий ослаблены восстанием казаков станиц Вешенской и Казанской в их тылу. Для борьбы с этим восстанием Южному фронту пришлось выделить до 14 000 бойцов. Мы не знали об измене командарм 9 Всеволодова, приведшей к гибели 25-ю дивизию (у Репной 2 апреля); но знали об успехе 16-й дивизии, занявшей (10 апреля) Каменскую и здесь укрепившейся.

12 апреля, 19 часов командарм 2 сообщал нам (по прямому):

„Сейчас вернулся в Екатеринослав. Положение на нашем левом фланге неустойчивое. Нахожу необходимым выехать в район Заднепровской дивизии осмотреть Крымский театр и, если возможно, снять с него некоторые силы и перебросить на левый фланг. Но сомневаюсь, чтобы можно было многое взять, а потому прошу дать мне хоть одну бригаду с кавалерийским и артиллерийским дивизионами. Дайте хоть бригаду Покуса. 15-й полк согласно вашему распоряжению должен был быть направлен Худяковым на присоединение бригаде. Без своей бригады один 15-й полк в работу не годится. У Дыбенко есть бронеавтомобили, мотоциклы, летно-пулеметные команды и грузовые колонны для быстрой переброски войск, но все это не пущено в ход за отсутствием горючего материала; прошу 1 000 пудов бензина из Одессы, где обнаружено его 7 000 пудов. Я образовал запасную маршевую бригаду в Екатеринославе, но нет оружия. В Одессе масса оружия".

И через час:

„Получено донесение, что противник, действуя кавалерийскими частями, вновь прорвал фронт на стыке Укрфронта и Южфронта и занял село Новониколаевское, что в семи верстах от Волновахи, Караньи, Розенфельд... Резервы Дыбенко исчерпаны. Он выслал последний батальон и просит подкрепления, мне нечего дать, ибо у меня ничего нет. Новый прорыв произведен опять-таки кавалерией Шкуро, бросившейся на Новотроицкое и опрокинувшей части Южного фронта. Без подкрепления и главное без кавалерии ликвидировать прорыв нечем".

И через несколько минут:

„Волноваха взята противником. Мариуполь отрезан. Прорыв расширяется, у противника появилась уже пехота. Вся серьезность положения в том, что части 9-й дивизии панически бегут, и полки самовольно снялись с позиций у Волновахи и, угрожая комендантам станции оружием, приказали вести себя через Пологи в Гришино, ссылаясь на то, что будто существует такой приказ начдив 9. Не-

которые эшелоны этих частей добежали уже до Полог. Чтоб задерживать в Пологах и для приведения их в порядок, высылаю Пологи мой последний резерв—батальон интернационалистов под руководством Тищенко. Махно выехал Мариуполь на фронт, но он не сможет проникнуть к месту боя, так как Волноваха в руках противника. Дыбенко в Симферополе, ему отдан приказ выехать в Пологи. По моему приказанию из Крыма перебросить один полк на Пологи. Но ввиду того, что все части 9-й дивизии по вчерашнему докладу комитета гришинских коммунистов не представляют никакой боевой силы, одного полка мало. Мы можем считать, что весь наш левый фланг, начиная от Гришино и Волновахи, совершенно смят. Ввиду этого необходима самая экстренная поддержка надежными украинскими частями... Настаиваю на экстренной даче мне одной бригады с кавалерийским полком. Это не паника. Но должно же быть ясно, что из ничего и не сделаешь ничего... Без подкреплений от фронта, состоящих из надежных украинских частей, мне восстановить положение нечем. Докладывая об этом, считаю, что ответственность за дальнейшее ухудшение положения лежит не только на мне, но и на фронтовом командовании".

Мы отвечали:

„Ответственность лежит всецело на вас, так как вам было указано не увлекаться Крымской операцией (13 апреля 17—40 № 777/лк)".

Но немедленно было предписано командарм 1 (Киев) направить экстренно в Екатеринослав 5-й кавалерийский полк и бригаду Покуса; Худякову (Одесса) подтверждено—вернуть 15-й полк в эту бригаду. В Николаев—военкому Шульженко—направить две сформированные батареи в Екатеринослав.

Худяков доносил (14 марта):

„15-й полк ведет бой, тем не менее, во исполнение приказа, мною сделано распоряжение вызвать на смену 15-го полка 1-й Вознесенский полк, по прибытии которого 15-й полк будет немедленно отправлен".

И когда (14-го) Скачко воззвал:

„Прошу распоряжения о выдаче 3000 комплектов обмундирования и 3000 сапог для формируемого полка, который не может быть употреблен в дело за отсутствием одежды и обуви".

Сейчас же телеграфируем начснабу т. Лазимеру:

„Немедленно распорядитесь передать Екатеринослав, штаб 2-й армии, Скачко: 3000 комплектов обмундирования и 3000 пар сапог. Это очень спешно, так как части идут сейчас же в Донбассейн. Выдать по возможности тут же в Екатеринославе".

Многое зависело от успеха формирований. В Херсоне формировалась особая Крымская бригада, которая должна была сменить части Дыбенко, освободив их для поддержки Махно.

Но 11 апреля из Одессы Губвоенком сообщал:

„Крымской бригаде помочь из Одессы бессилен. Учет Зайцева оказался неверен. На складах он считал 8000 винтовок. При моей поверке не оказалось ни одной, то же и в отношении материалов для обмундирования".

Наркомвоен подталкивал:

„Одесса. Губвоенком. Ввиду вашего донесения о том, что имеется много желающих поступить в ряды армии, безотлагательно направляйте эшелонами в Киев и Харьков всех желающих поступить в Красную армию. Эшелоны должны сопровождать стойкие политические начальники и комячейки для занятий внутри. Товарищ Ленин требует переброски на Южфронт немедленно двух дивизий. Если вы немедленно начнете перебрасывать нам эшелоны, мы сможем общими усилиями блестяще выполнить этот приказ Владимира Ильича. Интернациональные части формируйте в Одессе, смешивая все нации, не более как ротами из одной национальности в полках. Оружие и обмундирование мы пошлем (№ 399). Подвойский“.

Еще в феврале мы настаивали на переводе под Харьков в поддержку Донбасса 2-й кавалерийской дивизии, безрезультатно формировавшейся в Воронежском районе в течение нескольких месяцев. Лишь 5 апреля РВСР запрашивает нас „о согласии“ (!!) на перевод частей этой дивизии в Харьков, Ахтырку, Сумы, Чугуев, а также трех полков 1-й кавалерийской дивизии в Чернигов. Разумеется, мы согласились.

13 апреля, т. е. тотчас по получении первых сведений об ухудшившемся положении в Донбассе, командукр писал Наркомвоен т. Подвойскому:

„В связи с печальным положением в Донецком бассейне, где 9-я дивизия бежит в панике и где уже занята Волноваха, необходимо самое спешное вооружение 4-й дивизии, из которой один полк совершенно готов. Из Харькова мне сообщают, что нет винтовок, орудий и пулеметов, что нужно немедленно из Киевского арсенала направить в Харьков 3 000 винтовок и 40—50 пулеметов. Прошу уведомить о результате“.

Приходилось также подбадривать Скачко, пришедшего в крайнюю растерянность от грозных сведений относительно корпуса Шкуро.

„Сведения о Шкуро преувеличены вдвое. У меня точные сведения о Махно: шесть полков—куча отрядов, выборное начало командиров и комиссаров полков, отчетности нет, жалованье и обмундирование получаются нерегулярно. Займитесь вплотную организационной работой, подтяните Дыбенко, шлите политработников и вам готовы на месте вполне достаточные силы. Предписание бригаде Покуса и 5-му кавполку дано, они должны сейчас начинать погрузку. Но главное—не канючьте, а организуйте. Никакая кавалерия пред организованной пехотой не устоит и, повторяю, тыл противника слаб—это набег, а не наступление (791/лк)“.

Скачко возражал:

„На Волноваховском направлении противника действует корпус Шкуро. Пять тысяч великолепной и дисциплинированной кавалерии из кубанцев и горцев, неподдающихся политическому разложению. При летней погоде и в нашей степи одна пехота даже в четверном количестве справиться с такой кавалерией не может. Это аксиома начальной тактики. Вытаскивайте с запада вашу кавалерию и бросайте

ее к нам на восток, иначе дело будет плохо". (На деле, у Шкуро было 1200 всадников).

И тогда же:

„Никогда, ни в одном оперативном приказе, Дыбенко не давалось указания двигаться в глубину Крымского полуострова. Наоборот, было дано указание занять проходы и укрепления на них, не увлекаясь движением вперед. Дыбенко двинулся к Симферополю самовольно, не донеся мне об этом. Кроме того сейчас прорыв фронта произошел не в районе моей армии, а в районе Южфронта, ибо Волноваха лежит за нашей разграничительной линией. Прорыв допущен не подчиненными мне частями, а частями Южфронта. Я очутился в затруднительном положении и принужден настойчиво просить подкрепления, только из-за крушения правого фланга Южфронта, за который ответственности нести не могу (14 апреля, № 0793)".

Силы группы Скачко уменьшились с выбытием из строя для срочного ремонта обоих бронепоездов „Грозный" и „Десятый", направленных нами своевременно из-под Киева в подкрепление Донбассу.

14 апреля мы вновь сообщали Скачко (795), что к нему направляются—бригада Покуса (15-й, 16-й полки и артдивизион), а также 5-й кавполк.

Скачко повышал требования и рисовал увлекательные перспективы:

„После получения мною от вас необходимых мне для восстановления положения на Мариупольском фронте двух бригад с кавалерией и артиллерией и после занятия ими линии Мариуполь—Кутейниково—войска второй бригады, после их обмундирования и двухнедельного отдыха, будут направлены через Керчь на Кубань для удара во фланг и глубокий тыл противника для отвлечения сил добровольческой армии от Донецкого бассейна". (16 апреля)

Эта фантазия предполагала конечно перенятие инициативы у противника. Она рисует достаточно ясно неосведомленность о соотношении реальных (не количественных только) сил на Южфронте.

Мы отвечали:

„На № 0860. Для этого нужно иметь там более или менее сочувственные войска и, после взятия Таганрога, неизвестно какая будет общая стратегическая обстановка" (№ 817/лк).

В самый разгар нашей работы в поддержку Южфронту получаем приказ главкома:

„16 апреля. Для окончательной ликвидации сопротивления Южфронта, на котором противник развернул максимум своих сил, необходима самая энергичная поддержка бригады Махно, которая наступает на Таганрогском направлении крайне медленно и почти не имеет успеха. Предлагаю немедленно выслать для поддержки этой бригады еще одну бригаду Заднепровской дивизии".

И тогда же прибывает подписанная Лениным и Троцким телеграмма, требовавшая поддержки Донбассу.

Мы отвечали:

„На Донецкий бассейн с Укрфронта мною отдана уже 9-я ди-

визия, интернацбригада, укрбригада, бригада Махно в шесть полков, три бронепоезда. Теперь отправляю два бронепоезда, бригаду пехоты, десять орудий, полк кавалерии и еще кое-что пошлю, для чего еду в Одессу, Екатеринослав, Пологи. Наступление на Крым ведется почти исключительно местными силами; сорганизовав их, создадим угрозу из Керчи Новороссийску—тылу добровольческой армии. При энергии возможна, вопреки мнению кабинетных людей, переброска войск Керченским проливом. Повторяю, это будут местные силы, и двинуть их на иное не удастся. Галичане еще не ликвидированы, из Ковеля грозят поляки. Если удастся заключить мир с поляками и галичанами (я возбудил об этом вопрос и добился согласия правительства), то сможем еще дать помощь Южфронту и кроме того итти через Буковину к Угорщине, полной ненависти к Румынии, в связь с Венгрией. Сверх того, опираясь на бессарабских повстанцев, организуемых нами в полки, поход в Румынию, при поддержке Болгарии и Венгрии. Все зависит от мира с Польшей и Галицией. Кулацкие восстания еще не сломлены. Я настаиваю на введении не только украинских социалистов-революционеров, но и незалежных социал-демократов в правительство. Но здесь сильно этому противятся. Чувствуется, что преувеличиваете наши силы: подорваны они беспрерывной борьбой, плохо снабжены, тянут к земле сейчас. Крайне скверно с фуражом, обмундированием, патронами. Оружия нехватает, лошадей, из-за кулацких восстаний и полевых работ, трудно добыть, политработников страшно недостает, разлагающие влияния националистических партий и анархов крайне сильны. Ваш Антонов (№ 806—16/IV)".

Не получая во-время поддержки, части Махно оставили г. Мариуполь и ст. Мангуш.

Скачко разражался длиннющими телеграммами.

„Экстренно, комфронт Антонову.

Как я и предвидел, Мариуполь противником взят. Также взяты им Сартаны и Мангуш. Противник продвигается по направлению на Бердянск и довольно быстро; возможно, что и Бердянск постигнет судьба Мариуполя. Противопоставить движению противника нечего, ибо 3-я бригада Махно, находясь беспрерывно более трех месяцев в боях, получая только жалкие крохи обмундирования и имея в придачу таких ненадежных соседей, как 9-я дивизия, совершенно истощилась и можно считать 3-ю бригаду временно вышедшей из строя. Частей 2-й бригады из Крыма перебросить также нельзя, и эти части вконец измучены, голы и босы и держатся только потому, что втянуты в бой. При переброске частей 2-й бригады, сплошь состоящих из уроженцев района Мелитополь—Пришиб, непременно разойдутся по домам. Ударный полк, который был брошен Дыбенко из Крыма на Волноваху в район Пришиба, весь разошелся по домам, хотя на фронте он был одним из лучших полков. Дыбенко на упрек, что он не исполнил оперативного приказа и увлекся самовольно в глубину Крыма, отвечает, что сделал это по необходимости, ибо после взятия Сиваша и Перекопа в полках 2-й бригады оставалось всего по 500, 600 человек и только вид разбитого и бегущего

противника повлек полки в дальнейший бой в глубину Крыма. Будь тогда сделана попытка перебросить части на другой участок фронта, люди сочли бы это предательством и не исполнили бы приказа. Сейчас полки бригады у ворот Севастополя ведут переговоры с французским командованием о занятии города. Добровольцев в Севастополе нет, они уже ушли. Взять оттуда полки 2-й бригады невозможно. Следовательно, весь Мариупольский фронт от Гришино до Бердянска открыт, и противнику путь свободен вплоть до Перекопа и Александровска. Дыбенко называет положение катастрофическим, и я повторяю то же... Настоятельно требую присылки, кроме бригады Покуса и 15-го полка, еще одной трехполковой бригады с артиллерией и кавалерией. Требую, чтобы эти подкрепления были даны мне не через неделю, а в двухдневный срок, иначе уже будет поздно... Не снимаю с себя ответственности, ибо как военный я знаю, что должен до конца нести ответственность и за усталость своих войск, и за неспособность своих подчиненных, и за нежелание тыла дать нам обмундирование, за непонимание серьезности положения выше меня стоящими начальниками. Но не снимая с себя ответственности, я предупреждаю, что, если в трехдневный срок мне не будет дано четыре пехотных полка, два кавалерийских и два артиллерийских дивизиона, то Бердянск—Мелитополь—Пологи, а может быть и Александровск, будут взяты противником (16 апреля)".

Скачко преувеличил небоеспособность Махно. Сводка от 16 апреля сообщала:

„На фронте бригады Махно нами занят В. Анадоль, в 10 верстах севернее Волновахи. Продвижение продолжается".

Конечно ни в два, ни в три дня вырвать в Донбасс с боя части, действовавшие на расстоянии по несколько сот километров от него, было невозможно. В резерве у нас были формирования, совсем необстреленные, необученные и невооруженные. Были еще части дивизии Григорьева, ушедшие на отдых и весьма ненадежные.

И Скачко отвечено:

„Раз навсегда прекратите полемические упражнения и еще в таком недопустимом неврастеническом тоне. Взятое под Киевом вам возвращается и еще 15-й полк и две батареи из Николаева... Серьезное воспитание дает возможность направить части, куда должно. Переброска частей требует времени... Каковы силы противника у Мариуполя? Предложите мобилизацию коммунистов во всем районе, бросьте их в части для устойчивости. Харькову посылается такое же указание... Короче телеграфируйте. Оставили ли наши паровозы в Мариуполе? В Крыму создается свое правительство. Начаты переговоры с Польшей и Галицией о мире, удастся—тогда получите целую дивизию".

Скачко дополнял:

„Сейчас получил донесение, что противник занял Мангуш, Стародубовскую, Николаевск и еще некоторые пункты на полдороге от Мариуполя к Бердянску и обнаруживает намерение двигаться дальше. Положение под Волновахой, бывшее неопределенным, сейчас явно изменилось к худшему. От Махно Дыбенко получена самая отчаянная

телеграмма, в которой он требует немедленной посылки каких бы то ни было вооруженных сил. Вопрос о Севастополе еще не разрешен. На Феодосийском направлении завязались серьезные бои, ввиду чего в Крыму задержаны кавалерия и артиллерия, которые должны были быть посланы в 3-ю бригаду. Сбывается то, что я предвидел и телеграфировал вам... По дополнительному докладу члена Реввоенсовета Тищенко вполне подтверждается мое донесение, что бригаду Махно следует считать не существующей, а фронт от Мариуполя до Еленовки обнаженным. Поэтому необходимо в кратчайший срок занять этот фронт другими частями, а части бригады Махно отвести в тыл для формирования".

Главком настаивал:

„Направить на Южфронт одну дивизию и одну бригаду. Означенные части должны быть вполне боеспособные, при хорошей артиллерии. Прибытие их по назначению должно носить весьма срочный характер за вашей личной ответственностью. Причем выделение этих частей должно быть произведено по возможности из частей, действующих в южном направлении".

От предреввоенсовета—упреки за промедление в исполнении приказов о поддержке Южфронта.

Отвечено:

„Ни минуты промедления. Галичане били поляков, которые крепко дают себя знать Запфронту. Наши части разбили галичан, вчетверо сильнейших греков, союзников под Одессой, под перекрестным обстрелом прорвались сквозь названные неприступными позиции у Сиваша. Под Мариуполем части Махно, разутые, не имевшие четыре месяца передышки, отступили только после бегства 9-й дивизии. Теперь вновь идут вперед, получив от нас пока два полка поддержки. Части Укрфронта достойны лучших частей других фронтов. Безоговорочно согласен: все на Ростов, так дайте и мне со всем организационным военным и партийным аппаратом действовать на Ростов. Толкотня в Донбассе губит Донбасс, рабочий район почти умер. Давно прошу—дайте мне Гришинское или Волноваховское направление, подсекающее Донбасс, и успех обеспечен. Уходя от Укрфронта, части потеряют половину боеспособности. Во мне говорит знание местных условий и сознание своего влияния на Махно и укрчасти. Не сбрасывайте со счетов меня, нашей военной и политической организаций, используйте их целиком".

Весьма сурово воздействовал Владимир Ильич:

„Раздела Южфронта и Укрфронта нет. За первое благодарю, второе ругаю. Караю самостийность. Перебросить украинские войска для взятия Таганрога обязательно тотчас и во что бы то ни стало. Телеграфируйте" (за „первое"—это за танк, посланный в Москву для Восточного фронта).

Распоряжения командукра о поддержке 2-й армии выполнялись однако крайне медленно. Отданный 13 апреля приказ о немедленной

отправке в Екатеринослав бригады Покуса начат выполнением лишь через неделю (из Житомира выехали экстренными эшелонами 16-й пехотный полк и кавалерийский дивизион этой бригады). Эти части 22 апреля прибыли в Екатеринослав, все время плачась на свою переутомленность.

Требование о направлении в Екатеринослав артиллерийских частей, сформированных в Херсоне, проделало длительную прогулку по инстанциям Наркомвоен и так и не было выполнено до личного приезда в Николаев командукра (23 апреля).

С трудом продвигали 5-й кавалерийский полк. 18 апреля комендант ст. Знаменки сообщал, что 5-й кавалерийский полк на его станции устроил митинг, где обсуждалось—куда ехать: в Полтаву ли, где остались семьи красноармейцев, или в Екатеринослав. После настояний коменданта решили ехать в Екатеринослав, но послать делегацию в Полтаву.

О 15-м полку еще 21 апреля шла переписка с командарм 3. Командукр требовал—„Немедленно, экстренно пятнадцатый завтра в Екатеринослав“ (№ 873).

Та фе канитель и с полком Тараса Шевченко. Сформированный в Харькове пехотный полк ждал вооружения (командукр лично вмешался и дал с фронта 3 000 винтовок). Наркомвоен отказывал в отправке бригады 4-й дивизии, почти сформированной в Харькове. Отказано было также в передаче 2-й армии двух маршевых батальонов (в Екатеринославе).

Скачко имел основания нервничать. Он отвечал на указание о недопустимости полемического тона в официальных донесениях, что этот тон вызван безрезультатностью предыдущих телеграмм, положение меж тем крайне серьезно:

„Фронт мой от Мариуполя до Еленовки совершенно обнажен, ибо бригада Махно почти не существует. Незначительность оказываемого нами сопротивления поощряет противника к развитию операции. Движение к Бердянску идет усиленным темпом. Мне нужны подкрепления немедленно“.

На требование главкома, кроме бригады дать еще дивизию в подкрепление Махно, тогда же отвечено:

„Сейчас идет упорный бой у Шепетовки и Тирасполя и упорная борьба с кулацкими восстаниями повсеместно. Кроме того более половины сил—местные формирования, которые рассыпаются при переброске. Кроме данного ничего дать не могу. В Харькове ждет вооружения сформированная бригада четвертой укрдивизии. У Махно—недостаток только в снабжении и вооружении. Сформированных людей в Екатеринославе масса“.

Но 4-я формирующаяся дивизия была в распоряжении Наркомвоен, а Наркомвоен справедливо не хотел срывать ее формирования и раздергивать дивизию по частям. Он отвечал: „Наркомвоен не разрешает выдергивать из четвертой дивизии ни одного полка. В случае необходимости оказать помощь 13-й армии надлежит отправить запасный и караульный полки. Если будет назначен караульный, то обя-

занности караульной службы возложить на запасный полк. Киев 16 апреля № 629 (309) с".

Исправных винтовок у нас нехватало, ремонт испорченных шел плохо.

Моряцкие бронепоезда (а у нас их было три) находились в частичном ремонте. Много на них было упований. И вдруг приказ—моряцкие команды с бронепоездов направить на Северный фронт. Пришлось спешно формировать новые команды для бронепоездов.

Скачко продолжал нервничать и писать длинные рапорта. Особенно интересно и характерно следующее его письмо (от руки):

„Товарищ Антонов!

Разрешите мне обратиться к вам не как к командующему фронтом, а как к коммунисту и революционеру и высказать по-товарищески некоторые соображения, которые, как командующему фронтом, я не могу высказать, не нарушая подчиненности.

По моему мнению, сейчас совершается огромная ошибка, могущая погубить все дело революции в России. Ошибка эта состоит в том, что мы, имея возможность сейчас подавить Дон и занять боевую линию Ростов—Великокняжеская, не используовываем этой возможности и увлеклись операциями на Западном фронте, увлеклись возможностью работы в интернациональном масштабе, в непосредственном контакте с революционной Венгрией, оставляем восток и позволяем противнику, временно пошатнувшемуся, укрепиться и вновь восстановить сплошной Восточный фронт.

Ошибка эта началась не со вчерашнего дня. Еще в то время, когда фронт Донецкого бассейна находился в нашем ведении и когда там силы противника были очень незначительны, я просил Вас дать мне фронтовый резерв с тем, чтобы, пользуясь силой его, ликвидировать Донбасс. Вы мне ответили тогда: „не увлекайтесь Донецкими операциями", меж тем тогда ликвидировать Донецкий бассейн было нетрудно, ибо тогда в него не пришли еще подкрепления с Кубанского фронта и вся сила противника не превышала одной дивизии.

Потом Донецкая группа была взята из нашего ведения, фронтовой резерв точно так же ушел из нашего распоряжения к Южфронту и благодаря непоставленности командования в 13-й армии, благодаря отсутствию связи между штабом 13-й армии и Гришинским участком, на котором фактически не было никакого командования, ликвидация Донбасса обратилась в бесконечную кадриль Воронежско-Царицынского типа. Мы привыкли к бесконечному толчению на месте уже не нашего Бахмутско-Гришинского фронта, и перестали обращать на него внимание, будто бы совсем забыли о том, что силы противника там растут и что к 1 апреля намечена их полная концентрация с переходом к активным действиям, о чем нам отлично было известно из данных разведки.

Каюсь, что даже я, отвлеченный другими задачами на юго-западе (взятием Одессы), на время выпустил из поля зрения Донбасс, главным образом потому, что ничего не мог сделать там, не имея средств и сил.

Но известия с Восточного русского фронта вновь заставили очень быстро вспомнить нашу болячку.

Сейчас приехал разведчик З. и привез сведения о положении в добровольческой армии и ее оперативных планах.

Добровольческое командование потеряло всякую надежду на французов и относится к ним враждебно, называя их предателями. Вся надежда добровольцев теперь на Колчака и весь их план построен на соединении с ним и на создании единого Восточного фронта.

Вы знаете, как идет Колчак, Вы знаете, что Казань, Симбирск, Самара и Оренбург уже под ударом. На левом фланге Колчак имеет целью движение через Оренбург к Царицыну, в связи с этим добровольческая армия на Кубани подготовляет сильный кулак, который в начале мая должен ударить через Великокняжескую и Свято-Крест на Царицын. Пока приказано удерживаться на линии Маныча.

Ясно, необходимо и нам сосредоточить здоровый кулак в углу у слияния Дона и Донца для парирования удара во фланг движению противника на Царицын. Одновременно с ударом на Царицын предполагается десант у Астрахани, которому будет оказана поддержка со стороны Гурьева. В Гурьев сейчас шлют морем оружие, снаряды и обмундирование. С выходом Колчака на Волгу, ясно, противнику очень легко будет осуществить свои планы и восстановить единый Восточный фронт, и тогда борьба будет страшно затруднительна.

Мы можем помешать этому исключительно одним—полной ликвидацией Дона и образованием Кавказского фронта по линии Маныча от Ростова через Великокняжескую. Если мы не успеем сделать этого к началу мая, мы пропали.

Ясно, что Южфронт, благодаря своей внутренней слабости, сделать этого не может и потому ликвидировать Дон и выйти на Ростов должны мы. Для того нам нужно все свое внимание обратить на восток и двинуться по трем направлениям: 1) Крым—Керчь—Кубань, 2) Мариуполь—Таганрог—Ростов, 3) Доля—Кутейниково—Новочеркасск.

Удар по этим направлениям должен быть молниеносным и сокрушительным, а для этого необходимо дать не менее, как три дивизии. Меж тем, когда я прошу сил для этого удара Вы отвечаете: „Я дам Вам бригаду Покуса“... Это звучит иронически... У нас ведь есть три дивизии, и мы можем их дать, сняв две с Одесского и Киевского направления. Запад ничем не грозит нам сейчас. Он нам не страшен. Запад разлагается. Ни Румыния, ни Галиция не смогут вести на нас поход. После выбытия французов на западе не осталось никакой реальной силы, против которой нам нужно бороться, и меж тем мы держим на Западно-украинском фронте пять (а с кавалерийской шесть) дивизией и с этими силами лезем все вперед и вперед, мечтая о походе на Венгрию и оставляя без внимания восток, на котором тучи собираются все грознее и грознее. Мы рвемся на запад и не замечаем, что этим мы сами помогаем противнику вытеснить силы коммунистической революции из России.

Нам сейчас необходимо бросить запад и всеми силами повернуться на восток и в двухнедельный срок ликвидировать Дон. Если мы этого не сделаем к первому мая, то Колчак соединится с Деникиным, и дело коммунистической революции будет проиграно.

Об этом я кричу и воплю во всех своих телеграммах, а Вы мне отвечаете советами не волноваться и обещаниями прислать „два полка“. Вы

шка не хотите понять, что соединение Колчака с Деникиным будет гибелью русской коммунистической революции и Вы не хотите обратить внимания на то, что если русская революция будет побеждена, то виновато будет в этом наше увлечение западным походом и отвлечение всех действенных сил от Дона на Галицию и Румынию, отвлечение сил от действительной опасности к славе международной арены.

Поймите-же это наконец, обратите внимание на грозно нарастающую восточную опасность и дайте для ликвидации ее не два полка (что прямо смешно), и две дивизии с Западного фронта. Если вы в недельный срок перебросите мне эти две дивизии, Дон будет ликвидирован, Южный фронт выйдет на линию Ростов-Великокняжеская и, страшно сгустившись там, станет неодолимой преградой между Колчаком и Деникиным. Если Вы этого не сделаете, Колчак соединится с Деникиным и — война в России (годичная война) будет проиграна коммунизмом.

Две дивизии на Восточной фронт, на фронт Дон-Мариуполь!

Две дивизии или гибель революции!..

Гибель грозит не только от чисто военных неуспехов.

Есть еще одно обстоятельство, которое очевидно не учитывает правительство—это положение угольной промышленности. Каждый лишний день—толчея у Донбасса, толчея, продолжающаяся три месяца, непоправимо разрушает угольную промышленность. Дело обстояло лучше, когда мы не вторгались в Донбасс. Рабочие работали там под игом белогвардейцев, но работали и поддерживали шахты. Теперь мы наскочили на Юзовский район, не удержались и отскочили, и вместе с нами, боясь репрессии врага, ушли из Юзовского района 40 000 рабочих. Шахты брошены, а брошенная шахта в неделю разрушается так, что ее нельзя потом восстановить месяцами. Еще неделя промедления, еще неделя бесполезной, безрезультатной толчеи у Юзовского района,—и он будет погублен безвозвратно и даже при будущих успехах уже не сможет дать нам угля. А ведь это будет самый тяжкий крах нашей армии и нашей революции.

Когда я сейчас получаю известия, что Каменец-Подольск взят, что мы уже в пределах Галиции, не радостное, но злобное чувство овладевает мною. Мы сами уходим туда, куда нас вытесняет из России реакция, мы побеждаем для того, чтобы в чужих странах, в которые мы сейчас входим, как победители, оказаться в роли жалких изгнанников, потерявших свою страну, отдавших ее во власть реакции, благодаря увлечению широкими планами.

Оставьте запад, снимайте оттуда все силы и бросайте их на восток. Займитесь вплотную востоком, иначе... иначе коммунистическая Россия не справится с опасностью, надвигающейся с востока, она будет раздавлена, а вместе с нею будет раздавлена и коммунистическая Украина. И виноваты будем мы,—украинские советские военачальники, виноваты тем, что у нас были силы предотвратить эту опасность и мы ее не предотвратили.

Забыть запад! Заключить какой угодно мир с Галицией и Польшей и всеми силами обрушиться на восток и Дон! Вот единственный путь к спасению революции! Умоляю Вас, становитесь же на него, пока еще не поздно.

С коммунистическим приветом А. Скачко.

18/IV—1919 г. г. Екатеринослав".

Все мы отвечали Скачко:

„Все, что можно, делается. Ваши замечания и рассуждения неуместны. Хорошо сделаете, если прекратите рассуждения, а будете сообщать, что Вами предпринимается для спасения положения. Надо суметь создать на месте силы. Покус уже тронулся к Вам. Из Одессы еще пошло все, что можно, и лично буду у Вас (№ 865) лк. 19/IV)“.

А через пару дней отвечено более обстоятельно (письмом):

„Письмо Ваше 8/IV полно недоразумений. Донбасс с середины декабря, когда Кожевникова отняли у меня,—не наш. И напрасны были мои и Глаголева уговоры дать нам хотя бы Гришинское (к Иловайской) направление. Полтора месяца тому назад Костяев заявил т. Раковскому, и Кожевников мне, что через две недели Донбасс и Новочеркасск будут ликвидированы—дела шли хорошо и в резерве была вся 8-я армия. Наши силы выросли лишь при взятии Киева, а до того были вчетверо слабее. Никакой стратегической ошибки с нашей стороны не было и нет. По моему настоянию, задолго до Ваших телеграмм, решено вести переговоры с Польшей и Галицией о мире. Далее, все в тех же целях сэкономить силы для борьбы на востоке, я настаивал перед укрправительством и общероссийским на введении в укрправительство украинских социалистов-революционеров и незалежных социал-демократов в ущерб коммунизму, но в успокоение некоторых элементов крестьянства. Та же мысль в основе признания самостоятельности советской республики в Крыму.

Ваши соображения о западе—слабоваты: там наш толчок развязывает новые силы, которые сами доделают свое дело. Сейчас румыны наступают на Венгрию, Болгария готова броситься на Румынию, в Турции громадное брожение. Весь Балканский полуостров кипит. И вся задача в организации удара, способного сокрушить последние барьеры для развития революции. Сил для этого много на местах и их на что другое не отвлечешь. Раз там тронется—руки у нас целиком развязаны.

Ошибка есть у нас и большая—в организационной работе. У Махно ничего не сделано,—а его сил вполне было бы достаточно, чтобы противостоять натиску „корпуса“ Шкуро. Только эти силы надо было сорганизовать. Комфронт Антонов“.

В свете последующих событий нашего поражения на юге и развития наступления Деникина—приведенное письмо Скачко приобретает как будто особую значительность.

Командукр в ответе Скачко вовсе не думал отрицать серьезности положения на Южном фронте и совсем не собирался противопоставлять задачи Южного фронта „западным“ задачам. Он подчеркивал в своем ответе, что на „запад“ предположено бросить сравнительно незначительные силы, способные лишь развязать назревшую, по его представлению, там революцию, которая „сама уж завершит свое дело“. Но не было ли переоценки в рассуждениях командукра о революционном напряжении на Балканах и т. д.? Трудно судить. Это к сожалению не было „прощупано красным штыком“.

Помимо общих значительных по смыслу рассуждений письмо

Скачко было однако полно целым рядом совершенно бесспорных неточностей.

Прежде всего Скачко было отлично известно, что, когда он требовал „фронтовой резерв“ в свое распоряжение, этот резерв сводился к бригаде 9-й резервной дивизии, которую мы так и не успели использовать на своем фронте, так как она почти тогда же была передана Южному фронту по приказу главкома. А еще раньше на Южфронт мы отдали бригаду Текенджанца, сформированную нами интернациональную бригаду, пару бронепоездов и две батареи. Скачко также знал, что это по нашему почину Махно предпринял наступление к Таганрогу и что для поддержки Махно предполагалось использовать части П. Дыбенко. Поэтому-то и указывал—не наступать в глубь Крымского полуострова, но лишь „замкнуть Крым“.

Скачко знал, что лишь десять дней, как мы овладели Одессой; лишь с неделю, как устранили непосредственную опасность для Киева, и что, по существу, мы еще решительно ничего не сделали для „запада“.

Импульсивный командарм вдруг забыл, что бригада Покуса посылалась ему в помощь по его же просьбе да еще с придачей кавалерийского полка, двух батарей и двух бронепоездов. И требовал он этих сил отнюдь не для „удара“ в трех направлениях против добровольческой армии, а лишь для закрепления правого фланга Южфронта.

Теперь, после доклада только что прибывшего к нему разведчика, он называл насмешкой отправку раньше им же испрошенных подкреплений и требовал целых трех дивизий для активных операций. И вполне откровенно привирал, что кричит об этих боевых задачах во всех своих телеграммах (ни одной таковой на деле не было).

Требовать три дивизии!—это в то время, когда еще шли упорные бои с петлюровцами под Шепетовкой, со смешанными белыми силами под Тирасполем и почти целая наша дивизия была скована подавлением внутренних восстаний; три дивизии, т. е. по существу все, что было нами кое-как сформировано. Остальное ведь был хаос, в котором надо было еще разобраться. И среди этого хаоса—дивизия Григорьева, о котором были упорные и чрезвычайно тревожные сведения...

Дать три боеспособных дивизии на Южфронт, кроме того что было нами уже ему отдано, это значило в тогдашних условиях не только отказаться от „прорыва на запад“, но очистить для петлюровцев (далеко еще не сломленных) Украину.

Район Екатеринославщины сам по себе располагал громадными силами (из одного Юзовского округа, по сообщениям того же письма Скачко, ушло до 40 000 рабочих). При напряженной работе партии и советских организаций можно было бы создать здесь в короткий срок целую армию. Этой работы не было проделано в районе Екатеринославщины и громадная доля ответственности за ее отсутствие падает на того же Скачко.

К вечеру 19-го Скачко сообщал:

„На Мариупольском фронте началось общее беспорядочное отступление 3-й бригады...“

Следом:

„Ввиду неполучения до сих пор никаких подкреплений, о которых я умолял целую неделю с 12-го сего апреля, и ввиду невозможности держаться с оставшимися силами против противника, в пять раз превышающего численностью, для спасения остатков 3-й бригады Заднепровской дивизии и для предотвращения окружения 2-й бригады, мною завтра, 20-го апреля, отдается приказ об оставлении Крымского полуострова и об отступлении 2-й бригады на линии Перекоп—Геническ и об отступлении 3-й бригады на линии Бердянск—Новоспасское—Цареконстантиновка—Кременчик—Максимилиановка“.

Командукр отвечал:

„Немедленно ответ—выполнена ли вами странная угроза о Крыме? Подобных вещей, без разрешения моего, вы не должны делать“.

Ответ:

„До сего времени еще не выполнено, но если своевременно не будет подкрепления, то быть может вынужден буду это сделать“.

Командукр распорядился:

1. Ускорить продвижение бригады Покуса и 5-го кавалерийского полка в Екатеринослав.

2. Кроме 15-го и полка Тараса Шевченко направить в Екатеринослав из Одессы и Вознесенский пехотный полк.

3. Задержать отправку моряков с бронепоездов на „север“.

Нач. бронепоездов Лепетенко (в Кременчуг): „Немедленно, без задержки, взяв снаряды, направиться в Екатеринослав ком. Скачко“.

4. Наркомвоен Подвойскому—просьба подтолкнуть передачу Скачко двух батарей, сформированных в Николаеве, передать в его распоряжение 9-й и 11-й запасные батальоны, сформированные в Екатеринославе, а также 3-ю бригаду 4-й Украинской дивизии (Наркомвоен этого не выполнил).

Скачко сообщено (20 апреля):

„Из Одессы 15-й выедет завтра. Еду Николаев выжать, что можно. Завтра у Григорьева—три его полка с ним. Но это будет трудно“.

Тем временем пришел запрос от Совета обороны—получено ли нами предписание—передать всю 2-ю армию (Екатеринослав) в подчинение Южфронту?

Мы прекрасно понимали правильность этого распоряжения с военной точки зрения: единый объект—единое командование. Но мы считали, что Южфронт не справится с организационными задачами, лежащими на 2-й армии.

И мы отвечали:

„Приказ передачи 2-й армии Южфронту не получен. В дальнейшем прошу иметь в виду, что сейчас Укрфронт выделить больше ничего не может без крайнего ущерба—в тридцати верстах от Киева кулацкое восстание (до 3 000 хорошо вооруженных с 8 орудиями), у Шепетовки враг еще не сломлен, поляки от Ковеля наступают к Ровно, тесня теснимых и нами петлюровцев, но угрожая и нам; Венгрия умоляет о помощи. Происходит переформирование расшатавшихся частей, слабо с артиллерией, части почти разуты, недостаточно

дисциплинированы. Нельзя их без вреда отсылать в другое командование. (Должен заметить, что передача 2-й армии Южфронту вполне правильная с чисто военной точки зрения—единый объект, единое командование—на деле крайне вредна, ибо не считается с местными особенностями, с организационными возможностями Укрфронта и Южфронта—задача организации Новороссии для борьбы не по плечу последнему, плохо справляющемуся и с Доном).

Опять прошу предоставить Таганрогское направление Укрфронту—здесь громадная военноорганизационная задача, которая не по плечу Южфронту".

Взятые в скобки места в этой телеграмме были вычеркнуты нами, приводим их однако (из рукописного подлинника) как крайне характерные для тогдашних наших оценок.

Скачко же мы телеграфировали (20 апреля):

„Решение вопроса относительно второй неправильно, выждите моего приезда. Передайте привет частям за то, что своим мужественным наступлением сумели отвлечь на себя лучшие неприятельские силы. Что нужно и возможно—будет сделано. Обещанное на дороге к вам (№ 869)".

На категорические требования главкома о поддержке Махно отвечено (21 апреля):

„НР 175. Из оперативных сводок было ясно положение: бригада Махно своим наступлением оттянула на себя корпус Шкуро и теперь разбита, как 9-я дивизия. Все, что можно, снимается с Киевского и Одесского направления; но это дела не поправит, если не разовьется наступление 8-й армии (№ 872)".

Это было конечно вполне резонное заявление. Наступление Шкуро было коротким ударом, а не боевой операцией „дальнего прицела". Сосредоточение нами достаточных сил требовало времени. Лишь решительное наступление 8-й армии к жизненным центрам казачества могло исправить дело. Авторитетно вмешался Ленин.

Он писал лично Раковскому:

„Сокольников телеграфирует мне, что Деникин в Донбассейне великолепно использовал отсрочку, укрепился и собрал более свежие силы, чем наши. Опасность—громадная. Украина обязана признать Донбассейн безусловно важнейшим Украинским фронтом и во что бы то ни стало немедленно выполнить задания Главкома—дать солидное подкрепление на участок Донбассейна—Мариуполь. Из материалов Подвойского я вижу, что военного имущества на Украине, даже не считая Одессы, имеется масса, не надо копить его, а тотчас формировать части для взятия Таганрога и Ростова. Мобилизовали ли вы всех офицеров на Украине? Во что бы то ни стало надо бы значительно увеличить силы против Деникина. Телеграфируйте подробнее. 22 апреля, № 118. Предсовобороны Ленин".

Донбасс—важнейший участок Укрфронта.

Это было нами осознано. Командукр выехал лично в расположение 3-й, 2-й армий и в Крым, дабы принять все возможные меры к поддержке Донбасса. Большие надежды при этом возлагались на Григорьева.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тревожные сведения о Григорьеве и его частях. Неудача наших попыток овладеть этими частями. Верблюжка против коммуны. Разговор командукра с Григорьевым. Направляем Григорьева вместо Донбасса — на румын. Слабость новых формирований в г. Николаеве. Информация разведчика З. о намерениях добровольческой армии. Дыбенко завязает в Крыму.

Григорьеву, перешедшему к нам от петлюровцев, мы естественно не доверяли. Уже при первом свидании с ним (в феврале) мы настояли, вопреки мнению Х. Раковского, на переорганизации его отрядов в регулярные части.

Войска Григорьева сводились в бригаду штатного состава. Эта бригада вошла затем в состав Заднепровской дивизии, начальником которой назначен был П. Дыбенко. Выше приводились неоднократные распоряжения командукра, клонившиеся к обузданию Григорьева. В середине марта дважды предписывали командгруппой Скачко под каким-нибудь предлогом сместить Григорьева. Но Скачко не выполнил этого приказа, так как части Григорьева были в бою, и нельзя было лишить их привычного командира.

Непрерывно поступали тревожные сведения о самом Григорьеве, об его штабе, о дебоширстве его частей. Комиссары и краскомы, посланные Наркомвоен в эти части, были недостаточно тверды и опытны, чтоб прибрать к рукам партизан Херсонщины—Екатеринославщины и овладеть григорьевским штабом.

Военная инспекция, производившая в первых числах марта обследование бригады Григорьева, докладывала:

„Штаб Григорьева до первых чисел марта находился в Александрии—центре повстанческого движения, выдвинувшего атамана Григорьева. Партизан—до 5 000. Разбиты они на три ударные группы, головная движется из Снегиревки на Херсон—Николаев.

По вине местного ревкома существовали трения между ним и Григорьевым, основанные на мелких придирках, хотя Григорьев в деятельность гражданских организаций не вмешивался. Вместе с тем никакой коммунистической партийной и культурно-просветительной работы в красноармейских партизанских массах не велось. Советский аппарат в Александрии не налажен и не инструктирован. Нет работников.

Эсеры левые и украинские прочно засели в бригаде и окрестных

волостях. При отряде Григорьева имеется „Информационное бюро“, нечто вроде эсеровского политуправления бригады. Бюро создано постановлением политработников бригады, в большинстве левых эсеров. Бюро имеет вагон-типографию, печатающую листовки, воззвания с эсеровской отсебятиной (протесты окрестных волостей и т. п.). Хотя в районе разбросано много серьезных эсеровских работников, но бюро к счастью работает лениво. Бюро имеет связь с эсеровскими ЦК Украины и России. Эсеровские работники беспрепятственно пребывают в отряде. На съезд комячеек фронта прибыли по ошибке от Григорьева 60 делегатов (думали съезд политработников). Последние вынесли резолюцию протеста против ареста эсеровских вождей. Левые эсеры возлагают большие надежды на отряд Григорьева, а на Николаевском партийном съезде вынесли резолюцию „сделать отряд Григорьева центром военных сил под флагом партии и призывать всех членов партии записываться в отряд Григорьева“. „Батько“ Махно также присылал связь к Григорьеву.

Однако левоэсеровская агитация особым успехом партизан не пользуется. Несмотря на то, что эсеры „из кожи лезут вон“, партизаны твердят: „Мы большевики“. Настроение частей бодрое, революционное, но уровень их политической сознательности очень низок.

Григорьев—украинский эсер и старается не допустить в коммунистическую партию своих партизан. Он честолюбивый, хитрый, с тонким политическим чутьем. Это ясно по его умению учитывать центробежное стремление немцев из Херсонщины домой, на основании которого он их теснил не столько реальной силой, сколько психическим воздействием, угрозами. Григорьев—противник коммунистической тактики, но, видя неизбежность подчинения коммунистической советской власти (опыт Муравьева), идет на уступки. Он хотя и ворча, но поддается давлению политкома, которым уже подписываются все бумаги. При связи политкома с центром и его нажиме на Григорьева его можно прибрать к рукам. Справедливо подтрунивает Григорьев, что ему Политотдел Реввоенсовета и подив прислали сразу двух политкомов и что ему десятки инстанций отдают параллельные распоряжения („прислали 30 комиссаров, комиссии, телеграммы, кроме необходимых сапог“).

Необходимо: 1) срочно прислать в бригаду и в окрестные волости коммунистов-организаторов; 2) необходимы немецкие агитаторы для работ среди местных колонистов, недоверчиво настроенных; 3) необходима энергичная присылка литературы, в которой красноармейцы и крестьяне ощущают острую нужду“.

Итак, с первого же взгляда военная инспекция четко уловила положение, ее характеристика полна предостерегающих нот. Однако положение продолжало оставаться прежним—„настроение частей бодрое, революционное“, они называют себя „большевиками“, но большевистской работы среди них нет. Григорьева „можно прибрать к рукам“, но этих рук не видно: в частности комиссар бригады Ратин оказался совершенно не на месте, он с удовольствием подписывал хвастливые телеграммы—приказы Григорьева, но не замечал, что у

него под носом организовывалась измена. (Лишь в начале апреля в войска Григорьева направлен передвижной фронтовой клуб с драматической труппой, кинематографом, одной центральной и 30 ротными библиотеками, 3 агитатора, до 5 000 комплектов подарков и т. д.).

Коммунистическая работа проводилась крайне слабо не только в частях Григорьева, но и среди населения Херсонщины. Это сказывалось совершенно отчетливо на положении местных советов.

31 марта в Херсоне открылся уездный съезд советов. Большинство—левые эсеры и беспартийные. Президиум—левые эсеры и один коммунист. Коммунисты предложили избрать почетными председателями Ленина и Раковского. В противовес левые эсеры предложили Спиридонову. Когда коммунисты объявили об уходе со съезда, эсеры струсили, сняли свое предложение, приняв заявление коммунистов к сведению. Доклад мандатной комиссии выяснил неправомочность съезда: 204 делегата избраны обществами, а только 119 делегатов советами. По аграрному вопросу была вынесена резолюция о признании необходимости социализации. Кулацкие страсти разгорелись во всю. Коммунисты не голосовали вопросов, расходящихся с постановлениями 3-го съезда советов Украины.

В последний день состоялись выборы исполкома: 15 левых эсеров и 5 украинских эсеров. Гнойная атмосфера создалась вокруг съезда. Контрреволюционная преступная агитация левых эсеров разложила гарнизон, со стороны которого была задумана организация восстания. Надежные красноармейцы комендантских рот сотнями отравлены и свезены в больницу. Энергичными, своевременно принятыми увоенкомом мерами и помощью, вызванной из Николаева, удалось обезоружить „железный батальон“, организовавший восстание. Главари арестованы.

Советская власть однако имела такой авторитет, что и партизаны Херсонщины подчинялись формально ее руководству.

По свидетельству Скачко Григорьев личным вмешательством предотвратил погром, начатый было (15 марта) его частями в Николаеве.

Григорьев вначале довольно точно исполнял наши распоряжения. Об этом в частности свидетельствуют отданные им по бригаде строевые приказы.

В приказе № 1 от 13 марта, объявляя о назначении его „Приказом Временного правительства Украины“ командующим 1-й бригады 1-й Советской Заднепровской дивизии, Григорьев извещает всех красноармейцев Херсонщины и Таврии, что „отряды переформировываются в полки“ и что надлежит „беспрекословно исполнять“ все требования Временного правительства и указания „Временного руководства по организации войск“.

Командиром 1-го Верблюжского полка он назначает Горбенко, 2-го Херсонского—Ясинского, 3-го Таврического—Мосенко, артиллерийского дивизиона—Соловьева, тяжелой батареи—Тука, легкой батареи—Кабузана. Начальником штаба бригады—Тютюника.

Все названные выше считаются на своих должностях с 1 января 1919 г., а Тютюник — с 12 марта (не выяснено, откуда он попал в

бригаду; мы проглядели это назначение, а впоследствии выяснилось, что Тютюник был основным вдохновителем и организатором григорьевской измены).

Далее в приказе № 1, как и в последующих,—четкое указание на необходимость твердо держаться штатов, сдавать начснабжения лишнее вооружение, обмундирование и т. д. Аккуратно опубликовываются приказы фронтового командования, а также и декреты Временного рабоче-крестьянского правительства Украины.

В приказе № 6 от 23 марта упоминается, что сформирован 4-й полк бригады (комполка—Мосенко, а взамен него 3-м полком—Павловский).

В приказе № 7 от 28 марта указано о присоединении к бригаде 30-го броневого отряда Российской Федеративной республики (три броневика и т. д.). Тут же оформляется прибытие в бригаду (27 февраля) политкома Ратина и его секретаря Кляра.

В приказе № 8 (от 1 апреля)—по бригаде Григорьева сообщается о вступлении в нее с 31 марта 5-го Тилигульско-Березанского советского полка.

В приказе № 9 (от 2 апреля) Григорьев, обходя указание штаба дивизии о неприемлемости внештатных формирований, объявляет 4-й полк „резервным". В том же приказе сообщается о прибытии в бригаду т. Савицкого и о назначении его пом. наштаба по оперативной части (т. Савицкий—из украинских коммунистов боротьбистов, был направлен нами из Киева по соглашению с ЦК для усиления контроля над григорьевским штабом).

Эта внешняя подчиненность нас не успокаивала. Как неоднократно рассказано выше, мы не доверяли Григорьеву, стремились его окружить своими людьми и устранить от командования, но людей подходящих не было, а устранению своенравного и ненадежного атамана мешала боевая обстановка.

Уже в разгаре наступления на Одессу, 1 апреля, мы писали политсекретариату Харьковской группы по поводу обвинения Григорьевым 15-го полка в бесчинствах:

„Никогда 15-й полк не был прикомандированным к бригаде Григорьева. Если вы судили о полку на основании рассказов Григорьева, то вы не политработники, а политнедоглядки,—Григорьев против коммунистов и только".

Мы боролись с самовольством Григорьева по отношению к железным дорогам. Боролись и с заискивающим тоном, допускавшимся в отношении Григорьева нашими советскими органами. Боролись конечно лишь потому, что при крайнем самолюбии и самомнении Григорьева такое обращение воспитывало в нем самодура, укрепляло в нем ненадежного партизана.

Например 6 апреля мы писали:

„В Управление делами Совнаркома Украины, копия предсовнарком т. Раковскому, наркомвоен Подвойскому.

Некоторые Ваши бумаги, как например телеграмму № 317, вы направляете с копией „т. Антонову, т. Григорьеву", совершаете со-

вершенно недопустимое возвеличение бригадного командира Григорьева и крайне вредите установке нормальных отношений в Красной армии. Предлагаю непосредственно Григорьеву копии распоряжения правительства не посылать, а адресовать его начальству".

На это письмо предсовнарком отозвался:

„В ответ на ваше отношение за № 581 извещаю Вас, что телеграмма 317 касалась срочного дела, не имеющего никакого отношения к оперативным заданиям; в порядке управления правительство может обращаться ко всем агентам власти на местах. Правительству стало известно, что григорьевские части занимаются грабежами Аскании-Нова и режут там бизонов. И впредь правительство может сталкиваться с необходимостью для большей авторитетности и быстроты непосредственно обращаться к властям на местах, от чего авторитет высшего начальства ничуть не терпит урона, ибо ему посылается копия всех распоряжений".

Мы возразили:

„Вопрос вовсе не в обращении к представителям власти, а в обращении к подчиненным военным лицам. Это особенно важно по отношению к Григорьеву, Махно. Обращение ко мне и рядом к ним ставит меня в ложное положение. Достаточно обращаться ко мне, и я отдам надлежащий приказ. У военных такова уж дисциплина. Не годится усиливать престиж авантюриста Григорьева. Антонов".

Такое же указание нам пришлось дать и наркомпуть т. Жарко (17 апреля).

Так как Григорьев и его ближайшие подчиненные пользовались без разрешения экстренными поездами,—приказом по фронту отдано: „С тех, кто пользуется экстренными поездами без разрешения, штраф по железнодорожному тарифу—до 2 000 рублей".

5 апреля—сообщения о бесчинствах в районе Каховки 3-го Таврического полка бригады Григорьева, который Дыбенко удалось оттянуть (для ослабления Григорьева) в свое непосредственное подчинение для действий в Крыму. Полк удалось урезонить.

Неожиданное наступление петлюровцев на Киев (конец марта—начало апреля) заставило нас повернуть в поддержку Киевской группе части 2-й дивизии, предназначавшиеся для атаки Одессы.

Таким образом наступление к Одессе было проведено главным образом григорьевскими частями. Скачко, посланный нами для командования всеми силами Одесского направления, оставался в тени; Григорьев действовал самостоятельно, пожиная лавры, увеличивая свою популярность.

10 апреля он телеграфировал:

„Тов. Раковскому, по месту нахождения, Харьков штаб т. Антонова, Александровск штаб т. Дыбенко, Гуляй-Поле—Батько Махно, Колосовка командиру 3-го полка Павловскому, Александрия штаб атамана Григорьева, Верблюжка Александровского уезда Горбенко, Большая Александровка Херсонского уезда, Военнореволюционный комитет, Николаев председателю Совета Соколову.

Исключительными усилиями, лишениями, жертвами командуемых мною революционных войск банды хищников трижды разбиты на голову, вытолкнуты с позором в море вместе с попами и двумя стами благородных девиц из института. Одесса взята штурмом. Несмотря на колоссальную усталость революционных войск командуемых мною частей надежно охраняем Одессу от возможных авантюр наемников буржуа. Славный Верблюжский полк и наша могучая артиллерия, не успев передохнуть, уже разят врага в двух верстах от ст. Раздельной. Сегодня пал смертью храбрый начальник артиллерийской бригады незабвенный товарищ Соловьев, а доблестный Верблюжский полк уже потерял 7 убитых и 2 раненых. Стальной Херсонский полк т. Желенского—головными частями уже разит врага. В Одессе нами захвачена мануфактура на миллиарды рублей. И спасши Украину от мануфактурно-галантерейной хоробы, я издал приказ о выборе из каждого полка командуемых мною войск по одному члену в Одесский ревком, дабы представители Красной армии могли принять участие в спасении Одессы и Украины от разных голодов. Прошу всех, от кого это зависит, обратить особое внимание на Одессу, иначе Одесса умрет с голоду, а спекулянты сгноят мануфактуру в сырых погребах. Атаман Григорьев. Начштаба Тютюник. Политком Ратин".

И следом:

„Киев, Раковскому. Копия т. Подвойскому, т. Антонову. Александровск т. Дыбенко.

Доношу дополнение прежним донесениям. Одесса взята исключительно моими войсками моей школы. Ни одного красноармейца других полков в боях под Одессой не было. Одессу взяли крестьяне 52 волостей, которые составляют мой кадр. Потери, понесенные мною под Одессой, около 200 человек убитых и до 700 раненых; между прочим, ранены 3 командира полков, 7 батальонных командиров, 11 ротных командиров, подо мною убита лошадь, и ружейная пуля прошла через кожух, между ног. Нами взяты колоссальнейшие трофеи вооружения, снаряжения, мануфактура и галантерея. Мануфактуры хватит на всю Украину. Крестьяне, что лили кровь свою под Одессой, просят дать мануфактуру всем деревням по твердым ценам. У нас в деревнях женщины шьют платья из мешков. Убедительно прошу всю мануфактуру направить немедленно крестьянам Украины. Эти крестьяне все время, когда их земляки и жены засеивают поля, брали штурмом укрепленную проволокой позицию. Под городом Одессой есть села, которые дали по 800 бойцов. Одессе дайте хлеба. Атаман Григорьев".

Командукр по соглашению с предсовнаркомом отвечал:

„Начдив Григорьеву:

С мануфактурой будет конечно поступлено, как вы пишете, но без указания вашего командарма частей никуда не уводите, сами останьтесь обязательно в Одессе, куда к вам прибудет особое назначение".

Тогда же от Скачко:

„Одесса взята исключительно войсками Григорьева. В двух недельных беспрерывных боях эти войска выказали беспримерную выносливость и выдающуюся революционную доблесть, а их командиры примерность, храбрость

и редкостную военную талантливость. Из взятой Одессы настойчиво ходатайствую: первое о награждении первого Верблюжского и второго Херсонского полков Почетными Красными знаменами, второе, ходатайствую о т. Григорьеве, который лично подавал примеры мужества, все время участвуя в боях на передовой линии, причем под ним было убито две лошади и его одежда была прострелена в нескольких местах, и который своим искусством добился победы над сильнейшим противником с малыми потерями, наградить знаками отличия Красного знамени и, третье, о награждении командиров первого Верблюжского полка Горбенко и второго Херсонского полка Ясинского почетным оружием. № 01154. Комгр. Скачко. Член Реввоенсовета Дупис".

Мы послали ходатайство:

„Рабоче-крестьянскому правительству Украины.

Реввоенсовет армий Украинского фронта представляет к награде за боевые отличия командира Заднепровской бригады т. Григорьева, командира Верблюжского полка т. Горбенко и командира 2-го Херсонского полка т. Ясинского".

Итак, от Скачко и не только от него, в то время—ни одного порочащего сообщения о поведении григорьевских частей в Одессе, и только со слов Григорьева,—о 15-м полку). В действительности этот полк сражался под Одессой не менее лихо, чем Верблюжский— и зря Григорьев бахвалился, а Скачко его поддерживал, что, мол, исключительно „григорьевцами" взята Одесса).

Однако поведение Григорьева и его частей все более нас озабочивало.

14 апреля Ю. Пятаков—секретарь ЦК партии—писал:

„Реввоенсовет—тт. Антонову, Бубнову и Щаденко:

Уважаемые товарищи!

Неоднократно Центральный комитет получает сведения о том, что атаман Григорьев и командный состав его частей являются элементом политически в высокой степени ненадежным. Приложенный к настоящему отношению доклад Александрийского партийного комитета с большой полнотой рисует характер политической, с позволения сказать, деятельности атамана Григорьева.

Центральный комитет просит отнестись со всем вниманием к докладу Александрийского комитета и сообщить ему, что Реввоенсовет думает по этому поводу предпринять.

Мнение Центрального комитета заключается в том, что Григорьева нужно, как можно скорее, ликвидировать и указанных в этом докладе черносотенных офицеров убрать немедленно".

На это письмо Реввоенсоветом фронта дан следующий ответ:

„Будет предпринято все возможное после детального ознакомления лично членов РВС—Щаденко, Антонова. Ликвидация во всяком случае,—дело сложное, и ее нельзя провести сразу безболезненно. Григорьева побудили предать явных контрреволюционеров суду. Бубнов". (Еще 4 апреля командукр предписывал через Худякова Григорьеву предать суду командира комендантской роты Нестерова (№ 677).

Нами с одобрения предсовнаркома и секретаря ЦК было решено стараться усыпить бдительность Григорьева, овладевая извнутри руководством его частей, части эти использовать для отдельных боевых операций и подготовить устранение лично Григорьева секретным образом (поручение такого рода дано т. Чалому через Особый отдел).

Доклад Александрийского комитета был действительно тревожен:

„Партия левых эсэров на Украине в силу исторической необходимости разлагается. Мелкая буржуазия в процессе пролетарской революции изживает свои иллюзии и постепенно встает на точку зрения пролетариата и усваивает его психологию. Таким образом социальная база левых эсеров исчезает, а вожди этой партии в данное время стали на путь авантюризма. Партия левых эсэров превращается в партию безумцев, играющих легкомысленно с огнем и бросающих нередко революцию на Украине в опасность (события под Бахмутом). К сожалению эта партия, потерявшая влияние среди рабочих и крестьянских масс, опирается в данное время на довольно большие вооруженные полки и имеет среди видных командиров своих представителей. Александрийский комитет, стоя близко возле работы последнего оплота, партии левых эсеров—отрядов Григорьева, видит ту грозную опасность для дела пролетарской революции, которую представляют из себя действия Григорьева и действия подчиненных ему командиров.

Григорьев—житель Александрии и свою деятельность развивал главным образом в ней. Анализируя его деятельность и поступки его командиров, Комитет партии заявляет ЦК партии, что если теперь же по отношению к нему не будут предприняты соответствующие меры, то мы станем перед фактом или военной диктатуры, или новой, никому ненужной и гибельной в условиях момента войны. Политика Григорьева и его командиров—есть политика замаскированной контрреволюции, спрятавшейся и работающей тайно белогвардейщины. В рядах его войск работают явные белогвардейцы и занимают довольно ответственные посты, как например: Нестеров—командир караульной роты в г. Александрии и Сафронов—адъютант в штабе Григорьева. Об этом между прочим сообщали товарищи из Херсона“.

Партийный комитет, в подтверждение своих заключений, приводит несколько красноречивых фактов. Например факт ареста Григорьевым Костюкова, коммуниста, направляющегося с группой товарищей в Херсон. Григорьев, арестовав т. Костюкова, угрожая расстрелом, запрещал ему ехать в Херсон. Показательно также и то, что в м. Братолюбовку, по сведениям ЧК, приезжают красноармейцы из отрядов Григорьева и определенно заявляют, что им Григорьев приказывает расстреливать коммунистов и что он собирается после взятия Одессы воевать с большевиками.

И далее: „Во время манифестации в Александрии в честь венгерской революции Нестеров, о котором говорилось выше, в пьяном виде угрожал расстрелом членам партии, за что был арестован. По настоянию григорьевских войск его пришлось освободить во избежание вооруженных столкновений. По настоянию Григорьева был также освобожден Бондаренко, арестованный ЧК за контрреволюционную деятельность.

Части, подчиняющиеся Григорьеву, если не все, то во всяком случае боль-

шая половина из них, настроены антисемитски и ведут открыто погромную агитацию. Начальник гаража в Александрии Слободюк в злобных выражениях передавал представителю ЧК, что он не видал на фронте ни одного „жида", и что они, мол, сидят в тылу и что он желает раздавить автомобилем хотя одного из них. На станциях железных дорог ежедневно частями Григорьева ведется антисемитская пропаганда, и нашему агитпросвету пришлось потратить немало сил для контрагитации. Кроме того части Григорьева, находящиеся в Александрии, бесчинствуют и в пьяном виде стреляют в проходящую публику. Прекратить такого рода безобразия невозможно, ибо сейчас же появляются отряды, предъявляющие требования об освобождении и грозящие разгромом тюрьмы.

Войска, служившие до перехода на сторону советской власти делу шовинизма и мелкобуржуазной контрреволюции, теперь не могут быть истинными и честными революционными борцами, почему среди этих войск и господствует погромное настроение. Достойно внимания также и то, что Григорьевым при выборах на уездный съезд советов было разослано по уезду около ста агитаторов левых эсеров и что в его штабе нашли приют видные вожди партии левых эсеров Кириченко, Яшкин и др. Давая приют у себя левоэсеровским молодцам, Григорьев заявляет, что ему в армии коммунисты не нужны, и бывали случаи, когда Григорьев удалял из армии коммунистов.

Сам Григорьев своими действиями, о которых будет сказано ниже, выявил вполне свою физиономию. Это—или авантюрист, или военный карьерист. В то время, когда началось разложение в петлюровских войсках и в г. Александрии организовался ревком, Григорьеву кто-то сообщил будто бы его брат арестован ревкомом. В действительности он был арестован петлюровцами. Для освобождения брата Григорьевым был послан специальный отряд, который вел себя вызывающе и своими действиями в г. Александрии показывал, что он не считается с ревкомом, как с революционной боевой организацией. На совещании, созванном ревкомом, где принимали участие т. Примаков, товарищ из Херсона, и Александрийский комитет партии, указывалось, что Григорьев неискренне перешел на сторону советской власти. Особенно проявил себя Григорьев на заседании ревкома 15 февраля, когда он произносил ругательства нецензурного свойства по адресу ревкома. Правда, когда явился представитель Высшей инспекции, Ахметьев, Григорьев начал держать себя гораздо корректнее, но все же на заданный вопрос, признает ли он ревком, Григорьев отвечал, что ревком он признает тогда, когда 3 места дадут для левых эсеров. Вообще же Григорьев своими действиями в бытность в г. Александрии показал, что с партиею коммунистов он считается как с необходимостью и что при первой возможности он эту необходимость постарается уничтожить. Это же самое, но в еще большей степени, относится и к его командирам, безусловно неискренним революционерам.

Партийный комитет об этой опасности предупреждал Наркомвнудел и правительство, но положительных результатов до сих пор не получилось. Партийный комитет, учитывая всю серьезность положения, в связи с преступной работой левых эсеров в России и на Украине, предлагает ЦК партии обратить должное внимание на действия Григорьева и принять меры к удалению его из рядов армии. Ввиду того, что в г. Александрии находятся части

Григорьева во главе с явным черносотенцем Терещенко, партийный комитет просит предоставить в распоряжение исполкома вооруженный отряд для обезоружения бесчинствующих банд.

Дополнительное разъяснение комитет партии предлагает получить у командированного для этой цели т. Воробьева".

В свою очередь председатель Областного одесского комитета партии т. Елена сообщала в ЦК (еще до взятия Одессы):

„Больше всего нас беспокоит Григорьев. Кроме того, что он дебоширит и пьянствует, он в пьяном очевидно виде издает приказы,—обращения к „товарищам офицерам добровольческой армии", которые смешны, глупы и позорят нас. Политком при нем или тряпка, или просто дрянь (вернее первое). Скреплять такие приказы и покрывать действия Григорьева—это преступление против партии и советской власти. Григорьев упорно игнорирует наших курьеров и разведчиков, не допускает их к себе, ведет интенсивную переписку с левыми эсерами и сейчас с трудом удалось установить с ним связь Военотделу Совета. Наше общее настоятельное мнение, даже требование, прислать сюда на фронт регулярные советские части; если Одессу возьмет Григорьев и примкнувшие к нему повстанцы, нам несомненно придется переносить новые страницы позора. Одесский люмпен-пролетариат бандиты-спекулянты, гниль, под григорьевским покровительством, будут творить здесь всякие мерзости. Реальных сил, опоры твердой у Совета без организованных советских частей не будет, и возможны всякие осложнения и крупные трения между Советом и Григорьевым.

Работа во всех отделах Совета, несмотря на тяжелые условия, идет быстрым ходом, но безлюдье и наша слабость, невыдержанность наших местных коммунистов сказывается на всем. Удалось установить интернациональную коллегию и снова завязать связь с французами, но они скоро уезжают. Есть связь и с румынскими солдатами. Выпускаются листовки на всех языках, включая и греческий. К сожалению мы сейчас принуждены сокращаться во всем из-за недостатка средств: Григорьев обещает в два счета взять Одессу, но это не так просто и, возможно, что мы попадем в самое отчаянное положение,—накануне падения Одессы останемся без средств. А в Одессе без денег—революция не двинется ни на шаг и пожалуй под грохот боя с нашими войсками будет классически безмолвствовать".

К обращению ЦК был приложен также следующий доклад из села Верблюжки:

„Ввиду неимения крепкой власти в селе Верблюжке идет очень характерное брожение. Прибывшие с фронта и дезертировавшие красноармейцы вносят своего рода провокацию против коммунистов-большевиков, говоря, что сам атаман Григорьев разрешает считаться с коммунистами как с контрреволюционерами. В этом же селе находятся 16 человек членов бывшей Рады, которые участвовали в выборе гетмана. Они были захвачены Верблюжским полком из разбитого отряда Мазуркевича. Для чистки просим выслать чрезвычайную комиссию с отрядом в 30 или 40 человек, дабы разоружить все население и облегчить дальнейшую работу".

Из того же села поступило еще несколько тревожных сообщений, подтверждавших многое из приведенных выше документов. К сожалению все это попадало к нам со значительным запозданием.

Эти документы с большой ясностью вскрывают ситуацию, создавшуюся на местах.

Население пропитано левоэсеровской и откровенно-кулацкой агитацией. Никакой чистки от контрреволюционных элементов среди крестьянства не проведено. Коммунисты местные и присланные (а таких большинство) крайне слабы, недостаточно тактичны, никаким влиянием в районе не пользуются. Однако находят общий язык с руководителями левых эсеров в отношении нарушителей „революционного порядка". В центре местной власти—атаман Григорьев, к которому и обращаются со всеми жалобами и протестами. Наши товарищи пытаются, не организовав своего влияния в районе, командовать в нем, опираясь на пришлую воинскую силу и ЧК.

Положение в Александрийском уезде еще до взятия Одессы было, как видим, угрожающим.

По взятии Одессы Григорьев, вопреки нашему приказу, двинул свои части „на отдых".

16 апреля из Елизаветграда сообщали:

„Прибывший отряд григорьевцев свыше трех тысяч настроен антисемитски, большинство держится настолько вызывающе, что крупные эксцессы неизбежны. Исполком совместно с парткомом прилагают все усилия предотвращения. Успех мирной ликвидации действий отряда сомнителен. Просим убедительно принять возможные меры немедленного отозвания хотя бы половины отряда".

Начальник военных сообщений фронта в свою очередь доводил до сведения, что:

„Последние дни из района Одессы прибывают Александрию, Куцовку эшелоны войск атамана Григорьева, следующие на отдых. Сегодня, 17 апреля, на промежуточную станцию Куцовка прибыло два эшелона, которые заявили, что будут стоять в вагонах до 10 мая. Идут на стоянку еще два эшелона со снарядами из Водяной, и возможно прибытие эшелона из Александрии. С прибытием новых эшелонов пропуск поездов через Куцовку станет невозможен. Солдаты прибывших эшелонов не дисциплинированы, разогнали прифронтовую комиссию и железнодорожным агентам угрожают оружием. Часть членов прифронтовой комиссии арестовали".

Секретная наша агентура доносила:

„Атаман Григорьев несомненно имеет связь с Зеленым, так как, по заявлению политкома, им захвачена масса оружия—до тридцати тысяч винтовок, которые направлены в Александрию, туда же отправлены до десяти вагонов мануфактуры, несколько вагонов кожи и до двадцати тысяч комплектов обмундирования, масса сукна. Туда же отправлено до тридцати вагонов нефти, керосину и бензин, три полка: Верблюжский, второй Херсонский, четвертый Партизанский. В Александрии сосредоточено до трехсот пулеметов, более сорока орудий, из них восемнадцать тяжелых".

Картина получалась довольно грозная. Но Реввоенсовет Укр. фронта не терял надежды поладить с Григорьевым и использовать его военные силы. Несмотря на наплыв этих тревожных сообщении он представил Григорьева к награде—назначению начальником 6-й дивизии, в каковую решено было развернуть его бригаду. И это назначение проведено через ЦК партии и Совнарком.

16 апреля Григорьевым отдан первый приказ по 6-й стрелковой Украинской советской дивизии. В нем сообщается, что его бригада переформировывается в дивизию, попутно — наштаба Тютюник назначается командиром 1-й бригады, а наштаба дивизии—Бзенко. В состав дивизии входят: 1-я бригада—1-й Верблюжский и 2-й Херсонский полк; 2-я бригада—4-й Партизанский и 5-й Тилигуло—Березанский полки; 3-я бригада—3-й Таврический и 16—партизанских отрядов; артилерийские части—24 гаубицы и 18 легких орудий; конные части—3 эскадрона; броневые части—11 бронеплощадок.

Тогда же по донесению штаба 3-й армии дислокация частей Григорьева была такова:

1-й Верблюжский полк (четыре тысячи)—в Стебяном уходит в Александрию в резерв для переформирования, 2-й Херсонский полк (четыре тысячи) в районе ст. Бирзула при семи бронеплощадках, 3-й Таврический полк действует в районе Симферополя в распоряжении Дыбенко, 4-й (две тысячи) в Александрии, 5-й Тылигульский (три тысячи) в Овидиопольском направлении. Конница: один эскадрон в Александрии, дивизион двухэскадронного состава на Овидиопольскомд направлении. Артиллерия: четырехорудийная батарея на ст. Сортировочная, Елизаветградская легкая восьмиорудийного состава на Овидиопольском направлении, три броневых площадки; (одна броневая площадка ремонтируется) в Александрии.

15 апреля нами была послана особая чрезвычайная комиссия для проверки обвинений, выдвинутых против Григорьева (от ЦК и правительства в комиссии—т. Шумский).

Побуждаемый стремлением дать поддержку Донбассу и одновременно изыскать силы для похода в помощь Венгрии, командукр, совместно с предсовнаркома и т. Щаденко, выехали 18 апреля в Одессу. Григорьеву предварительно была дана телеграмма выждать нашего приезда. Но Григорьева в Одессе мы уже не застали.

И командукр маневрировал:

„Александрия начдив Григорьеву:

От имени Красной украинской армии, выражаю сожаление, что ваше отсутствие из Одессы воспрепятствовало председателю Рабоче-крестьянского правительства Украины и мне выразить вам лично признательность за боевую доблесть, поздравить с боевым производством в начальники дивизии. Выезжаю в Александрию, чтоб видеться с вами и для передачи вам ответственного поручения. Красная армия Украины гордится вами и руководимыми вами боевыми частями“.

На совещании с Раковским и Щаденко в Одессе было решено, что Щаденко останется в Одессе для организационной работы, а

командукр совершит инспекционную поездку к Григорьеву с целью двинуть Григорьева в помощь Махно. Это назначение командукр и имел в виду в приведенной выше телеграмме. Но уже поступали сообщения, что Григорьев начал восстание против советской власти.

И тут же по линии Особого отдела т. Антон Чалый с группой товарищей получили подтверждение задания—наблюдать вплотную за действиями Григорьева и ликвидировать „атамана" в случае подготовки им восстания.

Перед отъездом из Одессы командукр сговорился с т. Шафранским, бывшим комиссаром Богунского полка, о назначении политкомом к Григорьеву; на вокзале Шафранскому лично командукром вручен приказ об этом назначении. Шафранский не возражал, просил лишь однодневного отдыха.

12 апреля к ночи—наш экстренный уже на ст. Знаменка. Здесь—доклад политкома 1-го батальона 1-го Украинского железнодорожного полка Васиша. Эшелоны какой-то из григорьевских частей произвели 17 апреля на ст. Долинской, Казанке и Новый Буг разоружение и ограбление железнодорожной охраны, причем несколько красноармейцев были убиты. Попытки найти управу у Григорьева не дали результатов.

Тут же на месте мы произвели обследование.

Выяснилось, что бесчинства творил только 3-й батальон Херсонского полка (комбат—Мерехов, комендант штаба—Сагайдачный, помкомполка Малимонов—все отпетые черносотенцы). Особенно отличился помком 7-й роты—Шпак, расстрелявший 22 чел. в Казанке.

Выяснилось также, что железнодорожники во всем районе—левые эсеры, возбуждающие „григорьевцев" против коммунистов.

Командукр послал однако успокоительную телеграмму в Одессу предсовнаркома:

„Преувеличение, как и всегда (имелся в виду слух о контрреволюционном восстании).

В Знаменке выяснилось, что безобразия творил только один эшелон 3-го батальона Херсонского полка. Григорьев готовит мне парад в Александрии".

В Александрии экстренный командукра был встречен с большим торжеством: почетный караул, оркестр, почтительный рапорт Григорьева.

Наилучшее впечатление от осмотра его частей в Александрии от их выправки, снаряжения; от работы всяких мастерских (весьма хозяйственно!). Восторженное отношение населения к „атаману". Сам он—скромного вида и скромной жизни (не разбогател и его семья—мы посетили его хату).

Но доклад некоторых наших секретных работников, неясные бормотания Ратина о своих впечатлениях, опасливые сообщения т. Савицкого, с недавнего времени помначштаба дивизии внушают беспокойство (Савицкий просил откомандирования, ибо его не подпускают к работе, не допущен к работе и посланный политком т. Е. Трифонов, мы его направили в штаб 2-й армии). Первый разговор с глазу на глаз с Григорьевым.

Показываю ему ряд донесений по поводу бесчинств, произведенных его отрядами. Дает толковые, правдоподобные разъяснения. Иногда, горячась, обещает собственноручную расправу.

Мануфактуру из Одессы он действительно вывез, но по соглашению с исполкомом (это было верно). Распределили ее через комитет жителей Александрии и по полкам (на деле многое лично, „по-атамански“, самодурно роздал).

Жалуется на злоупотребления органов Чека, продармейцев и т. д., и подкрепляет эти жалобы рапортами своих командиров, скрепленных нередко комиссарами. Что особенно озлобляет население—это злоупотребления, идущие от приезжих „кацапов“ и „жидов“. Советской власти на местах нет—избранный уездным съездом Херсонщины исполком на деле заменен назначенным из москвичей. Вместо агитации за поддержку продовольствием голодающего севера продармейцы пытаются силой отбирать хлеб, но встречают отпор вооруженных крестьян. Представители земорганов ведут беспомощно агитацию за непонятную коммуну.

Григорьев напирает, что он—военный, не политик, но советская практика разлагает его войска, и он сомневается, сможет ли удержать их в надлежащих рамках.

Командукр, внутренне досадуя на отмеченные им центру наши непорядки, осаживает Григорьева, отмечая, что возможные и неизбежные недочеты в действиях молодых еще органов соввласти не могут оправдать бесчинств григорьевских частей и не снимают с комдива ответственности.

И вновь Григорьев, внешне подтянутый, обещает строжайше покарать виновных, о чем своевременно доложить.

Переходим к оперативным делам.

Даю благоприятный нам очерк нашего стратегического положения. Единственный серьезный враг—Деникин. Сломить силы Деникина легче всего от Гришино—Гуляй-Поле к Таганрог—Ростову. Эта почетная боевая задача выпадает на долю его дивизии; в кратчайший срок он должен сосредоточить ее силы в районе Александровск—Пологи и совместно с бригадой Махно развить стремительное наступление, подсекающее Донбасс.

Григорьев задумывается, хмурится. Нерешительно говорит, что его части на отдыхе, раньше недели начать их передвижение невозможно...

Командукр из этой беседы выносит все же впечатление, что Григорьев—тип честолюбца-авантюриста и что, сознавая силу советской власти, он остается лойялен, пока будет удовлетворено его честолюбие; с другой стороны—нет полной уверенности, что он не сорвет продвижение в Донбасс, где соперничать с ним в боевых успехах будет Махно. Необходимо очевидно усилить политический контроль над ним и проследить выполнение им приказов.

Командукр телеграфирует Раковскому, Бубнову:

„Григорьев и его части—наш надежный боевой резерв; самодурство его искупается боевой отвагой и несомненным военным дарованием. Никаких выступлений против нас он не предпримет, пока

будет удовлетворено честолюбие. Согласен итти в Донбасс, но через неделю, ибо части разошлись по домам в отпуск. Здесь создается политотдел дивизии с Шафранским и Савицким во главе; мы оставили здесь 24 политработника (№ 883/лк)".

(Ратина, бывшего комиссара при Григорьеве, мы таким образом решили сменить, так как он проявлял свою полную несостоятельность).

И тотчас же:

„Одесса Штарм Щаденко.

Немедленно посылайте Шафранского политкомом в дивизию Григорьева".

Но т. Шафранский, на которого мы возлагали основные надежды, ибо высоко ценили твердую выдержанность и боевой подъем этого работника (был политкомом Богунского), наотрез отказался ехать комиссаром к Григорьеву.

Он заявил: „Скорее подчинюсь приказу об аресте, чем быть политкомом".

Более того, несмотря на отчетливые приказы, Шафранский вместо Александрии поехал с X. Раковским в Киев. И член РВС фронта, т. Щаденко, телеграфировал т. Бубнову в Киев:

„Будьте добры переговорите с т. Шафранским о необходимости его выезда к атаману Григорьеву, так как этого требуют обстоятельства и комфронт Антонов".

Шла этакая милая переписочка и уговоры шли, а при Григорьеве не было ни одного стойкого, опытного и авторитетного коммуниста...

23 марта вместе с т. Шумским, приехавшим в Александрию, особо, по линии ЦК и правительства, мы выехали в с. Верблюжку, на праздник 1-го Верблюжского полка.

За пару верст до Верблюжки наш автомобиль (в нем и Григорьев) был встречен громадной толпой.

Крепкое большое село Верблюжка, сумевшее выдвинуть до 4 000 бойцов,—все от мала до велика вышло нам навстречу. Видно было восторженное отношение к „атаману".

Бойцы—строем. Довольно обтрепанный вид; не обувь—подобие ее. Но крепыши, как на подбор...

Обход строя и парад под звуки полкового оркестра.

Митинг под открытым небом. Доклад, по-украински, приземистого усача-командира, о подвигах полка. Моя приветственная речь с особым ударением на проявленной полком революционной дисциплине и на победах Красной армии на всех фронтах.

Хороший прием—долгое „ура". Григорьев провозглашает здравицу лично командукр. Дружно подхватывают. Командукр отвечает здравицей советской власти. Восторженный отклик.

Начинает речь т. Шумский...

Тов. Шумский говорил по-украински и вначале имел явный успех. Но как только перешел на земельную политику советской власти и произнес слово „коммуна", как поднялся гул с задних рядов, захвативший всю толпу, выросший в яростный рев.

Искаженные злобою лица, сжатые кулаки...

Если бы не Григорьев, заслонивший собою Шумского...

Не сразу угомонились и после выкриков Григорьева и после речи командукра, осторожно пояснившего толпе, что советская власть не проводит насильственной политики коллективизации, она только призывает бедноту и середняков объединиться по-товарищески, чтоб сообща преодолевать свою нужду, улучшать свое хозяйство.

Неприятное происшествие не сгладилось наступившими играми на призы...

Григорьев, командукр, Шумский и несколько виднейших верблюжцев отошли в избу председателя Верблюжского сельсовета. Здесь верблюжцы дали волю накопленному недовольству.

Не помню точно их рассказов. Они были конкретны, порой подтверждены документами. Шумский записал многое, многое добавил из личных расследований. Парой резких заявлений выдал свое возмущение и Григорьев.

Недовольство вызывалось главным образом принудительным, через пришлые отряды, сбором продразверстки. Местная власть оставалась в руках в лучшем случае неопределенных элементов, частенько открыто антисоветских. Агитационных методов вовсе не применялось.

Под свежим впечатлением мы телеграфировали в тот же день (из Александрии):

„Предсовнарком.

Был сегодня в селе Верблюжке. Население провоцировано действиями продотрядов. Необходимо отозвание московских продотрядов. Сначала организуйте местную власть, потом с ее помощью выкачивайте хлеб. Части Григорьева и он возбуждены до крайности. Он всегда будет с крестьянством, теперь связан с незалежными, исключен из украинских эсеров. Шумский сообщил сейчас это мне. Григорьев внешне подчиняется, но видимо будет срывать отправку войск в Донбасс. Категорически заявляю вам как главе правительства: политика, проводимая на местах, создает обиду, возбуждение против центрвласти вовсе не одних кулацких, а именно всех слоев населения. Тов. Шумский привезет вам материал (№ 886/лк. 23/IV)“.

Вечером 23-го, пред отъездом в Екатеринослав, командукр вновь имел разговор с глазу на глаз с Григорьевым.

Перед этим на совещании с т. Шумским было решено, что, ввиду настроения Григорьева и его частей, невозможно направлять их в район Махно, увеличивая силы накопленного против советской власти недовольства; следует двинуть Григорьева в Бессарабию против румын, тем более, что Григорьев проговорился о необходимости „миром поладить с донказачеством“.

Разговор с Григорьевым был полон драматизма.

Командукр вновь выслушал страстные нападки Григорьева на земельную и продовольственную практику советской власти. Вновь указал ему, что эти факты не означают политической линии,—это проявления местного самодурства. Центральная власть будет нами уведомлена и примет надлежащие меры.

И, в упор глядя в глаза „атаману“, командукр продолжал: „Смотрите, т. Григорьев, вы на опасном пути. Около вас бродят темные влияния. Вас тянут к авантюре. Смотрите—в союзе с советской властью вы одержали победы мирового смысла, прославили свое имя. Дорожите этим именем. Не поддавайтесь шептунам-предателям. Вы можете новыми великими делами войти в историю. Но только с советской властью, под ее знаменем.

Смотрите, вся Европа бродит. Восстания рабочих в Австрии. Советская власть в Венгрии, Болгарии, Турции готова броситься на Румынию. Бессарабские крестьяне ждут нас, чтоб восстать, как один... Знаю, что нет вам охоты итти в Донбасс. Вы получаете иной приказ—поход через Бессарабию против румын. Вот карта. Вы пойдете путем Суворова. Вы славными боями оживите память о чудо-богатырях стародавнего похода“.

Обычно ускользавшие глаза Григорьева фиксировали взгляд командукра, горели лихорадкой: „атаман“ дрожал.

„Тов. Григорьев! Мы знаем все. Знаем, куда вас клонят. Но я отвечаю обвинителям: Григорьев не может порвать с делом трудящихся и Григорьев слишком умен, он знает, какова сила советской власти. Она сметет все. Кто изменит ей, изменит трудящемуся крестьянству и рабочим, тот будет раздавлен безусловно и позорно погибнет от трудовой руки. Вот два пути, т. Григорьев,—одни вас зовут на путь бесчестной измены и погибели, мы вас зовем продолжать свой путь чести и славы. Идите к новым великим победам, которыми ваше имя прогремит везде!“ [1].

Спазма давила грудь атамана, со слезами в глазах, обеими руками пожимал он руку командукра.

„Решено! Верьте! Я с вами до конца. Иду на румын. Через неделю буду готов. Расчищу всю шваль, будет порядок. Только дайте больше работников и обуви“...

24-го мы телеграфировали (Одесса т. Щаденко):

„Шафранский должен через 5 дня быть у Григорьева как политком дивизии. За неисполнение приказа будет предан суду. Должность временная“.

Одесса Худякову:

„Части Григорьева, находящегося на отдыхе в Александрии, остаются в вашем распоряжении. Необходимо немедленно послать Шафранского и об этом сообщить. Отдайте в приказе, что Шафранский и Савицкий назначаются первым и вторым политкомом. Дивизия Григорьева очень нуждается в низшем командном составе и в ботинках. Взять без всякого разговора для армии ботинки из порта и десять тысяч уделить Григорьеву. Григорьев должен начать сосредоточение своей дивизии на фронт через 4 дня и закончить в течение 7 или 8 дней. Взамен частей Григорьева должен быть отдан

---

[1] Конечно мы „всего“ не знали. Командукр лишь пытался этими заявлениями „психологически овладеть“ атаманом.—*А. О.*

Скачко полк Тараса Шевченко и еще один из полков. Дайте об этом копию Григорьеву".

Из Александрии 23 апреля отправлена командарм 2 (в Екатеринослав) следующая записка:

„1. Как я и знал и как указывал, операции противника на левом фланге Южфронта носят чисто оборонительный характер.

2. То безобразное отношение, которое проявлено в подчиненных вашему Реввоенсовету политотделах к политработе в армии, принесло свои плоды—войска Григорьева остаются по сию пору в нераздельном владении всяких проходимцев. Никакой политической и организационной работы там ни вами, ни вверенными вам учреждениями не велось. Разговоры об ответственности высшего командования служат у вас лишь прикрытием полной политической и организационной импотенции.

3. Совершенно недостаточно оборудовать по внешности образцовые центральные штабы (у Дыбенко, и у вас), нужна непрерывная работа по организации и по воспитанию войск.

4. Жалобы на мелких агентов советской власти ничуть не умаляют вашей ответственности за неорганизованность тыла армии и за распущенность военных начальников. Комфронта Антонов".

Вечером 23-го выезжаем в Николаев.

Здесь военным округом формировалась „в порядке исключительной спешности" особая Крымская бригада, которая должна была сменить в Крыму части П. Дыбенко, предназначенные для поддержки наступления Махно к Таганрог—Ростову.

Результаты инспекции—самые удручающие...

С 22-го марта для 1-го советского стрелкового Крымского полка сформирован только один батальон. Командный состав имеется на весь полк. Вооружения, обмундирования и снаряжения нет. Расположение полка казарменное. Казармы для двух батальонов отремонтированы, для третьего батальона и полковых команд ремонтируются. Казарменного имущества почти нет.

Кордонный Черноморский советский полк сформирован из бывших партизанских отрядов т. Васильева, ведших боевые действия у Очакова и Одессы, и состоит из 800 красноармейцев и 25 командиров, 370 винтовок и 4 пулеметов.

Для Крымского легкого артиллерийского дивизиона сформировано 3 батареи—8 орудий. Все отправлены на фронт (одна батарея в распоряжение атамана Григорьева, одна батарея в распоряжение командира полка имени Шевченко и одна батарея в распоряжение т. Васильева). В дивизионе имеется: гаубичный германский взвод (калибр 105 *мм* и 2 орудия 3-д. обр. 1900 г. В дивизионе 200 красноармейцев и 30 командного состава.

1-й кавалерийский Николаевский советский эскадрон. В эскадроне 123 красноармейца и 10 командного состава. Лошадей нет, имеется 50 седел.

1-й Николаевский жел.-дор. батальон. Имеется 2 роты, всего 514 красноармейцев и 19 командного состава. Технических средств нет.

Бронепоезд им. Свердлова. 106 человек технической команды и 15 командного состава. Вооружений нет. Технических средств нет.

Николаевский караульный батальон. Сформировано 4 роты общим количеством 900 человек при командном составе 9 человек.

Конно-подрывной эскадрон особого назначения: 149 красноармейцев, 7 командного состава. Лошадей 145. Седел 100. 15 винтовок, 187 ручных бомб.

Интернациональный отряд сформирован из германских и австро-венгерских солдат (спартаковцев)—116 человек. Вооружен полностью германскими винтовками. Часть отряда (50 человек) отправляется в Гомель в распоряжение Чрезвычайной комиссии.

В формировании находится еще ряд тыловых учреждений. Несомненный интерес представляла автобаза—до 200 автомобилей, 2 броневика, 88 грузовиков.

В мастерских воздухоплавательного парка крайне медленным темпом чинятся 9 000 винтовок.

Николаев мог бы дать до 1 000 пар белья в сутки, но нет ниток.

На верфях—две подводных лодки, которые можно б закончить в пару месяцев.

Нет нефти, угля.

В Николаеве на учете до 800 моряков (вовсе неиспользованных).

По сообщениям состояние формирования в Херсоне еще хуже: из 2-го Крымского полка сформированы всего 2 роты, вооружения нет, там же управление бригады и кавалерийский дивизион (вооружение есть—170 лошадей).

В Бориславе—в зачаточном состоянии 3-й Крымский полк.

В таких условиях следовало-б энергично распорядиться—хотя бы через голову Наркомвоен отказаться от формирования целой бригады, слить все зачаточные формирования в один полк, направить таковой в пополнение крайне тощей бригады Покуса, двинутой в подкрепление 2-й армии, действующей в Донбассе.

Но командукр надеялся развернуть в месяц целую бригаду и вырвать из Крыма за ее счет целую дивизию...

Он телеграфирует:

„Одесса Окрвоенком Кривошееву.

Немедленно отправьте т. Чикванайя в распоряжение командарм 2 Екатеринослав на должность начдива. Обратите серьезнейшее внимание на спешное сформирование Крымской бригады, ей немедленно отпустите все необходимое. Бригада формируется в Николаеве, Херсоне, Бориславе. В Николаеве несколько тысяч винтовок, нуждающихся в починке и не чинящихся".

Тут же предписано направить кадр бронепоезда им. Свердлова (не имеющего „технических средств") в Екатеринослав.

2 батареи—остаток из артиллерийского дивизиона—также оттянуты в распоряжение командарм 2.

В Екатеринославе мы задержались недолго. Проведена инспекция штаба 2-й армии. Оказана поддержка формирований, начатых командармом. Губисполком и губвоенком подтянуты к энергичному содей-

ствию. Наркомвоен запрошен о выделении из запасных батальонов 4 рот в формирующийся для Донбасса полк. Резкими телеграммами подтолкнуты двинутые в распоряжение Скачко из 1-й армии бригады Покуса и 5-й кавалерийский полк; из 3-й—Вознесенский и полк Тараса Шевченко; из Кременчуга—бронепоезда моряков, из Николаева—2 батареи (от Шульженко) и команда бронепоезда им. Свердлова. Дополнительно затребованы из 1-й армии 2 батареи для бригады Покуса. Со Скачко сговорились о сформировании в районе Гуляй-Поле стрелковой дивизии—в составе бригады Махно, бригады Покуса, Черноморского полка из Николаева и частей, двинутых из Крыма. Начдив намечен т. Чикванайя, экстренно вызванный из Одессы. Послана особая судебная инспекция к Григорьеву во главе с т. Виллером (Скитальцем).

В Екатеринославе же мы свиделись с агентом З., который подтвердил свои сообщения Скачко. Он напирал на подготовку противником разгрома 10-й армии Южфронта с целью занятия Царицына и дальнейшего выхода на соединение с Колчаком.

Слишком большая точность сообщений агента З. подкрепила постоянные подозрения командукра. Он решил перебросить З. на направление, менее опасное для нас, дал ему срочные поручения по глубокой разведке Бессарабии—Румынии и предложил с данными по ней явиться в штаб фронта в Киев.

К этому времени подоспели еще некоторые данные крымской разведки (из материалов, захваченных в штабах белой армии).

На основании этих материалов и сообщений агента З. мы писали т. Ленину:

„В дополнение к моей телеграмме о Самаре (Штаб добровольцев всего Поволжья сносится по радио из Самары с Новороссийском, позывные 99, сведения в любое время, шифры 4-й армии известны в Ростове):

1. В Москве действует „Национальный союз“, сносится также по радио с Новороссийском. Его шифр, как и шифр добрармии, прилагаю.

2. У нас в центральном военном ведомстве предательство, прилагаемые три брошюрки добровольцев (как и изданная раньше в Киеве при Скоропадском) обнаруживают слишком точную осведомленность добровольцев о нашей армии, кое-какие данные переврапы очевидно умышленно, чтоб скрыть след.

3. Самарское радио связывает Колчака с Деникиным, прилагаемые разведывательные сводки обнаруживают общность плана этих генералов.

Приложения: два шифра, три брошюрки, разведывательные сводки №№...“

Насколько помню, сведения о самарской радиостанции и шифрах, по которым она будто держит связь меж белыми армиями, не оправдались.

Потребовалось конечно значительное время для их проверки. Ее результаты весьма компрометируют указанного нашего агента.

Целиком в силе указание на чрезвычайную осведомленность про-

...ка о состоянии вооруженных сил Красной армии... За одним и чрезвычайно характерным исключением—боевого состава нашего Украинского фронта. Мы эту законспированность нашу приписали... отсутствию планомерного контакта советской украинской армии с штабом фронта. Командукр не доверял штабу, сформированному Глаголевым, зачастую скрывал от этого штаба свои оперативные планы, отдавал свои распоряжения через небольшой полевой „штаб“, всегда сопровождавший его в почти беспрестанных поездках по фронту. Сведения о численном составе и т. п. сосредоточивались у особо доверенных лиц.

Штаб фронта находился под бдительнейшим надзором Особого отдела. (Сформирован он был бывшим командиром Резервной из штаба этой последней, и как раз о состоянии ее, в том числе и о 9-й дивизии, противник проявлял чрезвычайную осведомленность). Из Екатеринослава командукр спешно выехал в Крым.

К концу марта штаб П. Дыбенко был в Александровске. В отношении Крыма ему была преподана директива: „ограничиться надежным заслоном“, так как крымское нападение представлялось второстепенным.

1 апреля наштаукр Глаголев указывал, что П. Дыбенко остался собственно без войск—первая бригада его дивизии (Григорьев) подчинена непосредственно Скачко, вторая—приостанавливает движение на Крым и подлежит тоже переброске в Одесское направление; третья (Махно) отошла к Южному фронту. Поэтому Глаголев предполагал направить освободившегося П. Дыбенко в Мариуполь для переговоров с французским командованием. Командукр ответил отказом, так как вскоре Дыбенко сможет командовать всей своей дивизией“. Поскольку бригада Махно нацелена была на Таганрог для задачи длительного порядка, ясно, что командукр, уже 1 апреля имел в виду сосредоточить в скором времени (по взятии Одессы) всю дивизию Дыбенко в Таганрогском направлении.

Но противник развивал настолько серьезную активность из Крыма, что 4 апреля мы просили главкома передать нам отошедшую к Южному фронту бригаду Текнеджанца и полк интернационалистов. Эти требования подкреплений были неосновательны. Мы располагали решающим перевесом сил в Крымском направлении. П. Дыбенко, не выполняя указанной директивы, перешел в решительное наступление к югу. 3 апреля отбиты атаки противника у Перекопа. 5 апреля—на Перекопе артиллерийский бой, у Джанкоя—действует тяжелая артиллерия противника. У Чонгара—французские миноносцы обстреляли Геническ (до 60 снарядов). К вечеру 5 апреля мы заняли Перекоп и подошли к Армянскому базару.

6-го проходим район соленых озер; у Перекопа и Армянска захвачены две шестидюймовки и трехдюймовка (без замка), 20 пулеметов. У нас до 100 убитых и до 400 раненых. БУП (Бюро украинской печати) сообщало:

„В боях на Перекопском перешейке необычайную доблесть проявил полк Котова, которому была дана задача перейти вброд Сиваш

зайти в тыл неприятелю в районе Армянска. Несмотря на отвратительную погоду, красноармейцы прошли по пояс в воде 2 версты в полном вооружении, таща пулеметы на плечах под ожесточенным обстрелом. Появление их в тылу противника произвело панику и послужило сигналом к очищению врагами Перекопа и Армянска. Во время боев под Перекопом к нам перебежал добровольческий офицер-артиллерист, предложивший услуги по обстрелу неприятельских позиций. Получив разрешение, он энергичным огнем из орудий сбил ряд наблюдательных пунктов противника, что весьма содействовало нашему успеху".

Сопротивление противника сломлено.

О неприятельских силах в Крыму мы имели к этому времени такие сведения.

Полевые позиции Крыма: первая позиция добровольцев на Перекопском перешейке находится в 7 верстах к северу от г. Перекопа и идет по линии старых укреплений, построенных турками в турецкую кампанию. Эти укрепления состоят из высоких редутов с широкими рвами 3-аршинной глубины, наполненными водой. Перед укреплением идет проволочное заграждение в несколько рядов, построенное при немецком наступлении на Крым в 1917 г. Эта позиция спешно восстанавливается и укрепляется добровольцами. Она защищается батареями 6-дм. морских орудий, снятых с судов.

Вторая линия позиции идет на версту южнее первой. Третья линия проходит под самым Перекопом. Четвертая линия—в 3 верстах южнее Перекопа. Пятая—под селением Армянский базар.

Главная линия, находящаяся в стадии постройки, пересекает перешеек у д. Юшун и идет дальше в направлении деревень Байсары и Кипчак. Впереди этой линии, на полуостровах, окружающих Сиваш, предполагается постройка передовых фортов.

В Чонгарском направлении, вдоль южного берега Сиваша, возведены окопы сильного профиля. У Чонгарского деревянного шоссейного моста возведено передовое укрепление. Главная линия пересекает шоссе в 5 верстах северо-восточнее Абуз-Кирк.

На Арабатской стрелке позиции добровольцев проходят в 10 верстах севернее Тревогинской.

В конце марта в Крым прибыло из Одессы, Очакова и Кубани до 4 500 добровольцев. Очаковские добровольцы в составе 800 штыков проследовали через Севастополь в Чонгарский район, одесские—в Перекоп. Общая численность добровольческой армии в Крыму достигает к 1 апреля 9 500 штыков при 6 батареях 3-дм и тяжелой артиллерии, снятой с оставшегося в Севастополе флота. Из них 5 000 штыков при 4 легких и 1 тяжелой батареях стоят на старых перекопских укреплениях, оставшихся от турецкой кампании и усиленных в настоящее время проволочными заграждениями. 4 000 штыков, отступивших преимущественно с Мелитопольского направления, стоят у железнодорожного моста через Сиваш—на Чонгарском направлении с 8 легкими орудиями, 3 пушками Гочкиса и 16 пулеметами.

Добровольческое командование намерено захватить инициативу в

свои руки, с 3-го на 4 апреля произвести демонстрацию на Гинеческ в виде десанта и тревожить двумя миноносцами побережье Азовского моря; в ночь с 5-го на 6-е отобрать у нас обратно короткими ударами Чонгарский деревянный мост и другие важные стратегические пункты.

Союзнических сил на линии Крымского фронта нет. Французы стоят в тылу, несут охрану банков и в политическую жизнь Крыма не вмешиваются. В их частях идет сильное разложение.

В Севастополе идут сильные волнения рабочих, отказавшихся работать в порту и изготовлять броневики. Начальник осведомительного бюро добровольческой армии полковник Знаменский ежедневно расстреливает от 10 до 15 рабочих. Население запугано. Крым переполнен беженцами из немцев-колонистов, настроенных антибольшевистски. Наблюдается недостаток продуктов питания. Введены хлебные и сахарные карточки. Керосина нет. В Крыму сильно развилась спекуляция. Цены быстро растут: 20 февраля пуд муки стоил 50 руб., 20 марта—110 руб. Сахар за это время поднялся с 9 до 40 руб. Поднят вопрос об обложении капиталистов в размере половины их капитала. Собранные деньги пойдут на организацию армии и на обеспечение семейств офицеров. В Крыму царит сильная безработица. В Севастополе состоялось 9 марта общее собрание металлистов. Вынесена резолюция о желательности перехода власти к Советам. 12 марта белогвардейцами ожидалось восстание рабочих: французами были выставлены орудия и пулеметы и высланы усиленные патрули по городу из французов и добровольцев. 12-го же была послана на дредноут „Мирабо“ к французскому командованию делегация из рабочих с протестом против этих мер. Французское командование устно и письменно заявило рабочим, что было введено в заблуждение добровольцами при оценке военной обстановки и немедленно распорядилось снять орудия и пулеметы. 13 марта состоялась общегородская конференция профессионального союза. Была принята громадным большинством резолюция за переход власти к Советам. От 14 до 17 марта протекала всеобщая политическая забастовка. 18-го на конференции в Севастополе решено было прекратить забастовку, а борьбу за власть Советов передать стачечному комитету. На 8/IV назначены выборы в Крымский сейм.

Положение в Крыму лучше всего характеризуется перехваченной телеграммой, посланной 7 апреля командующим Азовско-донским фронтом ген. Боровским главнокомандующему Деникину.

„Всех частей вверенной мне армии вывести с Крымского полуострова не смогу. Отступаю главными силами на ст. Владиславовку. В Симферополе по слухам военнореволюционный комитет. С Севастополем связь потеряна. Вы приказываете обороняться на линии Керченского полуострова—с таким взаимоотношением сил удержаться не смогу. Прикажите умереть—умрем, если это нужно. Генерал Боровский“.

При нашем наступлении части добровольческой армии, оборонявшие Перекоп, отступили на Симферополь и Севастополь, а части, оборонявшие Сиваш и Чонгары—на Феодосию.

Перекопское направление защищали 4-я дивизия и полтора батальона Симферопольского полка с общим составом в 1 500 штыков и 600 греков 1-го и 3-го полка 13-й греческой дивизии.

Чонгарское направление защищали: Мелитопольский офицерский полк в составе 100 штыков 2-й роты Симферопольского полка и Измайловская и Павловская роты Сводного гвардейского полка в составе 300 штыков. В настоящее время Севастополь защищают: 1-й Севастопольский сводный отряд в составе двух сотен по 180 штыков, 1 эскадрон в 150 сабель, 1 взвод конной артиллерии и разбитые части, отступившие с Перекопского направления.

Как видим, первоначальные сведения о силах добровольцев в Крыму и прочности их позиций на перешейке не подтвердились.

7 апреля наши части, перейдя Чонгарский мост, заняли с. Тюн Джанкой.

Добровольцы тщетно просили поддержки у французского командования. Полковник Труссок обещал им войска, лишь если они удержат вторую линию позиций у Перекопа. С добровольцами сражался против нас лишь небольшой отряд греков, который и был разбит наголову. 7 апреля французский командующий советовал „правительству" эвакуировать Крым. Ген. Слащев пытался вновь занять Армянск, однако потерпел неудачу.

10 апреля крымское „правительство" погрузилось на греческое судно „Трапезунд".

Уже 9 апреля в Симферополе власть перешла в руки ревкома, образовавшегося 7 апреля из 2 большевиков, 2 меньшевиков, одного анарха и 1 дашнака.

10 апреля—в Евпатории, Ялте, Алупке власть переходит к ревкомам.

12 апреля в Симферополь вступил эскадрон нашей кавалерии. Егерский (из немцев-колонистов) полк перешел на нашу сторону. Нами заняты Евпатория, Ялта.

15 апреля начались переговоры с французами о сдаче Севастополя без боя. Не договорились. Несмотря на обстрел неприятельской эскадры, мы 17 апреля овладели Малаховым курганом у Севастополя; восточнее Симферополя занят г. Карасу Базар; в Феодосийском направлении—взята ст. Грамматиково.

18-го заключено перемирие с французами и власть в Севастополе перешла в руки ревкома. 19-го французы, продолжая переговоры с советским командованием, взорвали береговые укрепления.

В переговорах со стороны союзников принимали участие адмирал Амет и полковник Триссэн. Со стороны советского командования—Дыбенко, Астахов и др. Амет заявил, что он согласен вести переговоры об очищении не только Севастополя, но и всего побережья. Амет желал выяснить следующие вопросы: 1) будет ли дана гарантия, что советское правительство не станет предпринимать агрессивных действий против Антанты; 2) будет ли гарантирована неприкосновенность подданных Антанты; 3) будет ли отменен террор против политических противников и проведена их амнистия. Если эти гарантии

будут даны советским правительством, то французское правительство согласно вывести свои войска из пределов Советской республики. Адмирал заявил: „Мы не намерены вмешиваться во внутренние русские дела. Мы видим теперь, что Советская республика признана всем народом„. Союзное командование отказывается помогать добровольческой армии и дает подписку, что ни одно добровольческое судно не войдет в Севастопольский порт. Так говорил адмирал. Матросы-французы пошли дальше.

Ялта, 23/IV. Из Севастополя сообщают:

„В первый день пасхи (20 апреля) на находящихся на рейде французских дредноутах стали раздаваться крики „ура". 350 французских моряков спустились на берег с пением „Марсельезы" и с криками „ура, большевики!", с красными флагами двинулись по улицам. К ним присоединились русские рабочие. На Одесской улице манифестанты были встречены усиленным патрулем греческих и французских войск, давшим по ним залп. Манифестанты рассеялись, оставив шесть убитых и 10 раненых. Французские матросы вернулись на суда, с которых еще долго раздавались крики „ура" и развевались красные флаги".

26 апреля командукр—в Джанкое, в штабе „группы войск Крымского направления", точнее 1-й Крымской дивизии. Как всегда, в штабе у П. Дыбенко, ее командира—образцовый порядок.

Из докладов отделов штаба выясняется:

Дивизия развернулась из 2-й бригады 1-й Заднепровской дивизии (всего до 4 500 штыков). К 27 апреля в дивизии—3 бригады: ударная Крымская, особая Крымская и 2-я Заднепровская. Штыков—13 000, 30 пулеметов, три батареи (полевая в 4 орудия, 77-*мм*, 4 орудия и две гаубицы), два броневика (один с орудием).

Большой недостаток обмундирования и вооружения.

При дивизии с помощью местных профсоюзов сорганизованы сапожная (на 50 пар сапог в день), портняжная (100 пар шаровар в день) и белошвейная (500 пар белья в день) мастерские. Затруднения—нехватка материалов.

При дивизии—отдел полевых формирований, начавший работу с 22 апреля (в г. Мелитополе—сформирован один батальон Мелитопольского резервного полка, в Геническе—формируется второй батальон этого полка—в нем до 500 человек, в Бидотинской волости—третий батальон—340 человек, на ст. Сейтлер—рота этого полка—65 человек).

Согласно докладу оперативного отдела 1-й Крымской дивизии: 19 апреля на Феодосийском направлении мы заняли с боем Старый Крым; 22 апреля—взята Феодосия и затем д. Новомихайловка и ст. Владиславовка; 2 английских миноносца бомбардировали Сариколь и зажгли станцию, затем обстреляли наши окопы.

К вечеру 24 апреля мы овладели дд. Карпеч, Тулумчак и Джанторы.

На фронте в данное время затишье, идет усиленная подготовка к решительному удару. Позиция наша—на бугре за деревней Тулумчак-Карпеч, противника—на станции Ак-Манай. Два ряда окопов и два

ряда проволочных заграждений от Азовского до Черного моря (в этом месте расстояние от одного моря к другому около 15 верст). Силы противника—одна дивизия: 204-й кавалерийский дивизион, Мелитопольский, Феодосийский, Керчь-Еникальский и гренадерско-гвардейский Павловский полки и крепостная артиллерия. У хутора Семисотка шесть тяжелых орудий, на станции Ак-Манай находится двадцать разнокалиберных орудий, в прикрытии—кавалерийский полк. Воздушная разведка противника слабо развита (два аппарата). Бронепоездов у противника нет, два пульмана, на которых по одному морскому орудию. Наша позиция: левый фланг примыкает к д. Козасан, правый фланг к д. Дал-Камыши. Противник 25-го 18 часов повел наступление против правого фланга силою около 200 человек кавалерии и 100 человек пехоты, он был отбит с большими для него потерями нашим пулеметным и ружейным огнем. В ночь на 26 апреля противник обстрелял Феодосию и ст. Сарыголь, выпустив 24 снаряда.

На Севастопольском направлении еще идут переговоры нашей делегации с французским командованием, и уже началась частичная эвакуация греческих и французских войск из Севастополя.

Из штаба дивизии мы проехали в Симферополь,—ознакомиться с положением переговоров с французами и политическим состоянием полуострова.

Оставлена такая записка т. Ульянову:

„Сожалею, что Вас не довелось видеть. Общая обстановка требует создания крымской власти, прочно спаянной с военной. Красной армии надо оказать самую решительную помощь. Напрячь надо все силы.

Между тем армия разута, раздета.

Обращаюсь к Вам, как к представителю коммунистических сил Крыма,—пособите нам, помогите в формировании новых частей, в обмундировании. Не допустите развиться многоцентрию и бюрократизму. Меньше людей—больше дела.

Это товарищеский мой Вам завет".

В Киев—Раковскому:

„Крайне необходимо немедленно создать советское правительство Крыма с Дыбенко, как Наркомвоенмор. Этого требует стратегическая и политическая обстановка. Прошу немедленно ответ. № 901 26 апреля".

Утром 27-го выехали с Дыбенко к линии фронта. П. Дыбенко был уверен, что Феодосия уже в наших руках. Но верст за 20 от последней пришлось остановить авто. Канонада. Глухие удары с моря. Редкий ответный огонь с нашей стороны.

На ст. Владиславовка, в штабе участка, боевая сумятица. Деревянный домишка дрожит от близких разрывов „морских чемоданов". Бьют перекрестным огнем с моря и залива французские контрминоносцы. Под прикрытием их огня, противник пытается охватить десантом наш фланг... Панические слухи. Дрогнули наши передовые части. Но спокойствие штаба передается фронту. Атака неприятеля отбита...

П. Дыбенко остается при боевом участке. Он заверяет комфронта, что через несколько дней овладеет укрепленной позицией белых...

У него постоянный контакт с керченскими партизанами, которые готовы к восстанию в тылу противника.

П. Дыбенко считает невозможным двинуть свои части в поддержку Махно,—на две трети его формирования из крымчан, которых не увлечешь на иной фронт.

Более того—П. Дыбенко намерен отозвать в Крым переданные Махно некоторые части своей дивизии.

Комфронта ему запрещает последнее, но не проявляет достаточно твердости и решимости в вопросе о переброске частей П. Дыбенко в основное (Мариуполь-Таганрогское) направление... хотя бы ценою потери для нас Крыма.

Командукр, явно переоценивал (как и командарм 2 и начдив Дыбенко) стратегическое и политическое значение для нас Крыма. Фантастическая мечта—прорваться в Керчь, откуда создать угрозу тылам добровольческой армии, фантастическая, благодаря господству на Черном море враждебного нам союзного флота, увлекла и командукра. Конечно в вырисовавшейся обстановке следовало во всяком случае отказаться от активных операций в Керченском направлении и две трети сил П. Дыбенко (до 10 000 штыков) перебросить в Таганрогское направление.

Из Крыма командукр выехал в штаб бригады Махно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вокруг Махно распространяются героические легенды и скверные слухи. Пагубная работа лево-эсеров и анархов. Боевая доблесть повстанцев. Командукр в Гуляй-Поле. Обязательства Махно. Командукр выступает в защиту повстанцев. На распутьи.

Вокруг Махно цвели героические легенды и накоплялись скверные слухи.

3 апреля московская „Правда" писала:

О Махно Украинцы говорят: „Наш батько чи с чертом знается, чи с богом, а только все ж не простий человек". В селе Гуляй-Поле имеется завод сельскохозяйственных машин; на нем Махно, Нестер Иванович, работал в качестве маляра и токаря. В 1905 г. сошелся с группой анархистов, участвовал в политубийствах и экспроприациях. Будучи пойман, был сослан на каторгу. Революция 1917 г. освободила его. Он вернулся в Гуляй-Поле и здесь организовал анархический отряд. С приближением австро-германцев отряд был разоружен. Махно ускользнул, подобрал себе семь человек головорезов и начал смертную борьбу с австро-венгерцами, петлюровцами, гайдамаками, помещиками... Крестьяне, несмотря на угрозу расстрела за укрывательство Махно, оказывали ему всяческое содействие. Он стал формировать отряд. Директория предложила ему присоединиться к ее войскам, но Махно отказался и заявил на запрос селянского съезда в Александровске, что петлюровщина „это авантюра, отвлекающая внимание масс от революции". Махно взял Екатеринослав, с 600 человек ворвавшись на поезде в город; но вынужден был отступить за Днепр. Махновцы решили, оставшись без патронов, перейти к петлюровцам. Сам Махно запротестовал. Дыбенко, через головы петлюровцев, послал Махно с крестьянами патроны в мешках и запросил— признает ли он советскую власть? Махно, ударяя на кадет, погнал их в Пологи и ответил Дыбенко о своей лойяльности. Оставаясь под его командованием, отряды влились в Красную армию, образовав бригаду Заднепровской дивизии. Махно получил задачу разбить добровольцев и очистить железную дорогу до Бердянска, которую выполнил блестяще. Добровольцы, лучшие гвардейские силы, разбиты".

Эта хвалебная оценка хватала через край. На ряду с Махно против немцев-оккупантов и петлюровцев действовали на Екатеринославщине и другие партизаны. Екатеринослав был занят (конец декабря 1918 г.) объединенными усилиями махновских и наших большевист-

ских отрядов. Вторая бригада Заднепровской дивизии, руководимой П. Дыбенко, сформировалась из этих отрядов, и это была лучшая, наиболее дисциплинированная и наиболее стойкая из составных частей дивизии.

Силу Махно составляла глубокая „почвенность" в районе его действий.

Гуляй-Поле—его родина (род. в 1889 г.); здесь он, сын крестьянина-бедняка, провел свое детство, с семи лет служа подпаском в помещичьих экономиях. В революции 1905 г. Махно принимал участие стихийно, бунтарски; таким бунтарем он оставался и впоследствии. Зачисляемый анархистами по своему „ведомству" он на деле не разделял целиком их воззрений. До 1908 г. Махно действовал в родных местах. В 1908 г. он был схвачен полицией и приговорен к каторге, которую отбывал в Бутырках (Москва). Освобожденный в марте 1917 г. вместе с другими „политиками" из тюрьмы, Махно тотчас же направляется в родное Гуляй-Поле. Здесь он отдается революционно-организационной и агитационной деятельности среди рабочих и крестьян и становится председателем Гуляй-польского совета депутатов.

Во время весеннего наступления немцев (1918 г.) он еще слабо проявлял себя в боевом отношении, заслоненный энергичной и бестолковой водительницей „анархических" отрядов Марусей Никифоровой. При приближении немцев к его району Махно с односельчанами эвакуировался впереди наших частей, прикрывавших Донбасс.

В июле 1918 г. он, пробравшись сквозь строй немецкой оккупации, вновь появляется в Гуляй-Поле и застает огромное возбуждение рабочих и крестьян против оккупантов, поддерживаемых восстановленными помещиками. Махно возглавляет это недовольство своих земляков. Организованный им небольшой партизанский отряд становится грозой австро-германских войск и местной буржуазии. Партизаны наносят ряд серьезных ударов небольшим гарнизонам местечек Екатеринославщины, уничтожая офицеров, отпуская „на родину" захваченных в плен немецких солдат.

Смелость и предприимчивость Махно привлекают к нему организаторов других самостоятельных партизанских групп (Куриленко—действовавший в Бердянском районе, Щусь—в Дибривском, Петренко—в Гришинском), которые объединяются под командованием Махно в один отряд. Он действует в тесном контакте с местным крестьянством. Местные крестьяне укрывают его партизан, кормят их, помогают им разведкой и живой силой, вливаясь целыми сотнями в махновские отряды для проведения тех или иных экспедиций (это наблюдалось особенно в период боев за Гуляй-Поле, прочно занятое в ноябре 1918 г.). Благодаря всему этому, а также и благодаря тому, что германская революция окончательно подорвала дисциплину германских оккупационных войск, Махно без большого труда удалось овладеть широким районом Полог—Гришино—Гуляй-Поле.

Махно пошел с украинскими большевиками против петлюровщины—этого движения украинской националистической буржуазии, не смогшего укрепиться на Екатеринославщине. Вместе с большевиками,

он занимал (в конце декабря 1918 г.) Екатеринослав. В контакте с нами он действовал и тогда, когда мы развили из „нейтральной зоны" наступление к Харькову и заняли его. И когда в феврале 1919 г. отряд П. Дыбенко, наступая вдоль магистрали к Екатеринославу, вошел в соприкосновение с частями Махно и мы предложили последнему войти на общих основаниях в состав Красной армии Советской Украины, Махно согласился. Он обязался переорганизовать свои отряды в бригаду штатного состава (3-я бригада Заднепровской дивизии под командованием П. Дыбенко), отказаться от выборного начала командиров, принять наших политических комиссаров, получать снабжение и всех видов довольствие в установленном порядке. Он обязался также упразднить Военнореволюционный штаб, созданный им в Гуляй-Поле.

К началу марта была закончена политинспекция бригады Махно, проведенная Наркомвоен Украины.

Она отметила следующее:

— „Нет твердой дисциплины. Во многих частях командный состав выборный и часто, не обладая технической подготовкой и опытом, совершенно не соответствует своему назначению. Махно иронически отрицательно относится к политкому. Бригада в периоде формирования, чем объясняется отсутствие дисциплины; в некоторых частях замечается пьянство, к искоренению которого приняты самые решительные меры. Связи между отдельными частями нет почти никакой, благодаря чему нет возможности координировать действия отдельных отрядов: наступление ведется отдельными разрозненными группами по их личной инициативе. Исключением из общей массы является 5-й и 6-й Заднепровские полки, где организованы ячейки коммунистов и сочувствующих им; часто устраиваются митинги и собрания. В 5-й полк записалось около 15 000 добровольцев, для вооружения которых нехватает оружия. В последнее время стала налаживаться культурно-просветительная работа, устраиваются митинги, собрания, лекции, концерты, школы грамотности. Началась чистка командного состава, арестован один из начальников отряда Махно—Дербенджи. Тормоз в недостатке сознательных и энергичных коммунистов и отсутствии коммунистической литературы".

Итак,—партизанщина в бригаде Махно хотя еще и не изжита, но не безнадежно засела. Имеются громадные возможности организационной и политической работы. В отряды влились тысячи бежавших из занятого деникинцами Донбасса рабочих, которые могли послужить хорошим стержнем для целой армии; нехватает только работников и вооружения. Следовало бы все силы Наркомвоен и партии бросить в район Махно, чтоб овладеть этим бурлящим настроением, создать мощную, регулярную, подчиненную партии и советской власти армию. Это было возможно. Но почти ничего не было сделано.

Внешне Махно понемногу подчинялся общему распорядку Красной армии. Но на деле—в его штабе чувствовалось засилие съехавшихся со всех сторон анархистов и разнообразного сброда, ютившегося под флагом анархизма. Анархо-добровольческие начала не мирились со

строго централизованной системой построения Красной армии. Сказывались разнузданность и самодурство отдельных начальников, прикрываемые именем „батько Махно“.

Вокруг этого имени наворачивалось слишком много пакостных дел — погромов, грабежей, самоуправств.

Украинское советское командование понимало внутренно-противоречивую природу махновщины, понимало неизбежность конфликта с анархистскими тенденциями кулаческой части крестьянства Екатеринославщины. Но на данном историческом этапе, в конкретной обстановке угрозы всему крестьянству со стороны помещичье-капиталистической реставрации,—оно считало „махновщину“ своим союзником. Надо было попытаться овладеть этим движением, направить его в надлежащую сторону и подготовить почву для его классового расслоения и размежевания. А движение было серьезным, резко заостренным и против петлюровщины, и против деникинщины, героическим—в своей неустанной борьбе с немецкими оккупантами и белогвардейцами.

Вопрос о переорганизации повстанческих отрядов Махно в регулярные, подчиняющиеся централизованной воле части—был конечно чрезвычайно важен. От его разрешения зависел успех наших операций в основном направлении Южного фронта—на Ростов! Партизанскими отрядами можно было добиться даже блестящих, но временных и частичных успехов. Закрепить и развить эти тактические успехи в стратегические могла бы лишь регулярная армия, централизованная в своем руководстве.

Это конечно сознавалось командованием Укрфронта. Сознавалось также, что только напряжением всех организационных его сил при полной поддержке партии эту задачу возможно было б разрешить. Мы потому и боролись столь упорно за оставление за нами бригады Махно, затем 2-й армии и направления на Ростов, что считали труднейшую задачу организации революционных сил Донбасса (в том числе и „махновцев“), задачей „не по плечу“ организационно слабому Южфронту.

И, несмотря на приказ о передаче бригады Махно в ведение Южфронта, приказ, снимавший с нас формально заботу об этой бригаде,—мы продолжали беспокоиться о ней, пытались непрестанно содействовать ее оздоровлению и т. д.

Впрочем никаких сколько-нибудь серьезных, массовых и открытых антисоветских выступлений Махно в ту пору не предпринимал. И положение с его бригадой не представлялось нам безнадежным.

На официальный запрос (24 марта) комфронта: „какие меры приняты к оздоровлению бригады Махно?“ командарм 2 ответил:

„Дыбенко проводится постепенно замена махновских частей другими и постепенная смена начальников частей“.

А через пару часов после этого успокоительного сообщения тот же Скачко разводил панику:

„Положение в Александровске осложняется. Штаб Заднепровской дивизии покинул Александровск. Связь с Крымским фронтом порвана. Дыбенко находится в Пологах, известий от него никаких, существу-

опасения за его судьбу. Восстание поднято расформированными Дыбенко полками, Махно предводительствует ими. Отставленные командиры махновских частей—Правда, Щербина и бывший офицер Чернов. Лозунги: „Бей жидов и комиссаров“. К восставшим быстро стекается анархический и бандитский элемент, у них сейчас уже 3 орудия, 300 человек кавалерии, больше 2000 пехоты. Начальник штаба Заднепровской Петренко находится у Новоалексеевки. По моему приказанию им снят с фронта и брошен на Александровск один полк, но до последнего момента, пока существовала связь со штабом Заднепровской, полк в Александровск еще не приходил. Сейчас в Александровск выезжает член Реввоенсовета Тищенко с политработниками и ротой интернационалистов. Необходимо по соглашению с Южфронтом взять надежную часть с артиллерией с Гришинского участка и двинуть ее через Чаплино на Пологи под руководством хорошего комиссара, ибо отношение самого Махно к восстанию не выяснено; существуют опасения, что бунт может охватить весь район, занятый войсками Махно, и сам Махно, быть может против воли, может быть вовлечен в эту авантюру. Надо принимать экстренные меры. Под угрозой оказывается левый фланг моей группы и правый фланг Донецкого бассейна. На подавление восстания необходимо посылать только русские или интернациональные части. Местные войска для этого не годятся. Прошу принять меры к самой экстренной высылке в Александровск надежной части с достаточным количеством артиллерии, что особенно существенно, и к движению части 9-й дивизии через Чаплино на Пологи. Харьковский окрвоенком выслал сегодня два эшелона курсантов, которые вышли из Харькова в 14 и 16 часов 27 марта“.

Комфронта отвечал:

„Все это пустое, больше хладнокровия, работайте на фронте и спокоен будет тыл. С фронта части снимать не годится. Достаточно тыловых частей“.

И 31 марта т. Марков, политсекретарь Харьковской группы, сообщал:

„Отряд Правды под влиянием антисемитской пропаганды бесчинствует. Высланный из Александровска для подавления беспорядков отряд кавалеристов был встречен ружейным огнем и присоединился к отряду Правды. Тогда штабом дивизии был выслан инженерный батальон, который вынужден был отступить. Высланная штабом дивизии разведка сообщила, что по направлению к Александровску движется отряд Правды в 2000 человек с орудиями и пулеметами. Не имея оборонительных средств, штаб должен был спешно эвакуироваться. В результате политотделу дивизии удалось уладить недоразумение“.

Впоследствии Дыбенко подшучивал над этим „недоразумением“ и тыловою паникой.

Тот же Марков добавлял:

„В частях Махно острый недостаток в обмундировании и вооружении. Были случаи неподчинения. Анархисты и левые эсеры ведут

7*

агитацию против коммунистов. Предполагается переформирование частей и чистка вредного элемента".

Тревожащие сведения продолжали поступать. 10 апреля—телеграмма от наркомвоен Межлаука, что Махно будто бы выслал отряд в 500 человек против „экспедиции" военведа, производившей „чистку" Александровского уезда. Однако никаких столкновений с этим отрядом не отмечено.

Тогда же общегородской Екатеринославский комитет партии сообщал:

„Махновцы ведут переговоры с Григорьевым об одновременном выступлении против Советов. Нами задержан сегодня делегат Махно к Григорьеву. Просим принять срочные меры к ликвидации махновцев, так как сейчас в районе Махно нет никакой возможности работать коммунистам, которых подпольно убивают; в дальнейшем возникнут очень серьезные волнения".

На это мы с т. Бубновым ответили:

„Меры приняты и принимаются".

(Меры сводились к усилению наблюдательной и партийной работы, а также к подготовке замены Махно. Намечался вместо него т. Чикванайя).

Конечно, как это отмечено нами выше, оздоровление Гуляй-польского района и махновских частей было бы до крайности затруднено переходом их в распоряжение Южфронта, точнее, соседней с нами 13-й армии, при крайней организационной слабости последней. И, когда мы получили приказ об этой передаче, мы резко его опротестовали:

„Передача одной бригады на другой фронт разрушает организацию Заднепровской дивизии, которой прекрасно командует Дыбенко, и грозит полным разрушением бригады. Прошу не разрушать организационной работы Укрфронта".

Опротестовал это распоряжение и командарм 2.

Главком отвечал:

„Из этой телеграммы явствует, что вы до сих пор фактически не передали бригаду Махно Южфронту, как это вам было приказано. Это есть новое доказательство того, что боевые приказы вы не исполняете с требуемой точностью. Бригада Махно остается в составе Южного фронта до тех пор, пока не будет разбит наголову противник, сражающийся против Южного фронта. Что же касается вашей просьбы не разрушать организационной работы Укфронта, то должен вам напомнить, что эта ваша организационная работа должна быть настолько прочна, что этот факт выделения организационной строевой единицы в полном составе в будущем не мог бы служить причиной разрушения результатов вашей организационной работы".

Командюж также запрашивал:

„Получил телеграмму начдивизии Заднепровской Дыбенко за № 598, в которой указывается, что по донесению начгруппы Харьковского направления подчинение бригады Махно в оперативном отношении Южфронту грозит развалом бригады и не вызывается ни-

какими стратегическими соображениями. Не будучи согласен с мнением начдив Дыбенко, командюж приказал вторично запросить вас, какие распоряжения отданы вами комбригу Махно, выполняющему фактически одну общую с Южфронтом задачу, о необходимости подчиниться и согласовать свои действия с соседними войсками Южфронта, действующими в том же районе, дабы в кратчайший срок выполнить нашу общую задачу и избежать трений и излишней переписки, могущих отразиться на успехе операции". (НР 321).

Передавая эту телеграмму комфронту (6 апреля), наштаукр Глаголев прибавлял: „уведомление штаюжа о задачах Махно сделано".

Южфронт никак не мог наладить соответствующего контакта с Махно (штаб 13-й армии был в Купянске) и еще 19 апреля главком отмечал, что сведения о положении в районе действий последнего получаются только из сводок Укрфронта.

Снабжение бригады Махно также не было налажено. Бригада существовала главным образом „на подножном корму" и прибегала к захвату чужих продгрузов.

15 апреля предсовнаркома писал нам:

„В то время как в Донецком бассейне идет бунт рабочих и мы не знаем, что делать, откуда загрести несколько вагонов хлеба, чтобы утолить их голод, Махно и Дыбенко захватывают все, что направляется в Донецкий бассейн. Вот содержание только что полученной мною телеграммы: „Рузеру, в Наркомпрод Киев, копия Беляковской, копия тов. Раковскому № 174. Мною были погружены на ст. Тульково по адресу Донбасса 17 вагонов муки пшеничной, на ст. Полугород—восемь вагонов пшеницы, на ст. Большой Токмак—15 вагонов соломы. Все это захватным порядком вывезено штабом Махно. Меры к возврату этих грузов и оградите нас от подобных набегов. Уполнаркомпрода Чернов". По сообщениям из Харькова до сих пор Махно и Дыбенко перехватили 90 вагонов, предназначенных для Донбасса. Между прочим оказывается, что из таких захваченных вагонов они отправляют подарки в Москву. Если не примете срочных мер, чтобы забранное было возвращено и чтобы был положен конец этой башибузукской политике, буду вынужден принять сделанное предложение, объявить Дыбенко и Махно врагами пролетариата, невзирая на политические последствия".

Мы отвечали:

„Прилагая посланную до получения вашей телеграммы мою телеграмму командарм Скачко, должен просить вас не основываться на одних голословных утверждениях, а предоставить посылаемой нами на место чрезвычайной комиссии выяснить дело детально".

Приложение: две телеграммы.

Приложенные нами телеграммы гласили:

1. „Екатеринослав комгруппы Скачко.

„Согласно телеграмме предревкома Гончарова 13 апреля № 179/3 Ткаченковым, начальником снабжения Махно, на ст. Стульнево, Токмак захвачено у рабочих Донецкого бассейна семь вагонов муки и пятнадцать вагонов фуража. Потребуйте прекращения безобразия, возвращения муки и фуража,

проберите приказом по армии Махно за учиненное безобразие по отношению к рабочим (14 апреля)“.

2. „Немедленно назначьте следствие по поводу обвинений, падающих на Махно и Дыбенко в захвате хлебных грузов и фуража, предназначенных для рабочих Донбассейна. Предупредите Махно и Дыбенко, что если подтвердится факт хищения таких грузов и если похищенное не будет возвращено, то Дыбенко и Махно будут объявлены врагами рабочих со всеми вытекающими из сего последствиями. Если же обвинение возведено на Махно или Дыбенко ложно, то преданы будут суду их обвинители, как умышленно подрывающие уважение к Красной армии“.

Следствие было назначено,—Дыбенко вышел совершенно чист; вина Махно оказалась не столь уж значительной, ибо было задержано им незначительное количество грузов и ввиду совершенно исключительной обстановки.

А на наше требование о предании суду Махно и т. Дыбенко Скачко разразился весьма резкой телеграммой (16 апреля):

„Мелкие местные чрезвычайки ведут усиленную кампанию против махновцев и в то время, когда те проливают кровь на фронте, в тылу их ловят и преследуют за одну только принадлежность к махновским войскам. Глупыми, бестактными выходками мелкие чрезвычайкомы определенно провоцируют махновские войска и население на бунт против советской власти. То же самое происходит и в Херсонщине по отношению к войскам Григорьева. Председатели губчрезвычайкомов на мои обращения отвечают, что они сами отлично видят всю бестактность подчиненных им комиссий, но у них нет подходящих работников. Так дальше продолжаться не может: работа местных чрезвычаек определенно проваливает фронт и сводит на-нет все военные успехи, создавая такую контрреволюцию, какой ни Деникин, ни Краснов никогда создать не могли. Ввиду безвыходности положения, создавшегося неимением подходящих работников для чрезвычаек, обстановка властно диктует необходимость сведения чрезвычаек на русское положение, т. е. уничтожения всех уездных и прифронтовых и оставления одних губернских и передачи всей борьбы с контрреволюцией во всех пределах армии в руки военных особых отделов, подчиненных командармам. Прошу довести до сведения правительства о необходимости самого срочного проведения в жизнь этой меры. В случае отказа я буду вынужден провести эту меру в пределах своей армии собственной властью и пусть меня тогда вешают, как бунтовщика, ибо я предпочитаю лучше быть повешенным, нежели смотреть, как все завоевания Красной армии сводятся на-нет глупостью“.

Мы поддержали предложение истеричного командарма. И оно было проведено к концу апреля.

Но в сущности никак нельзя было всю вину за тыловые волнения и бесчинства махновцев и им подобных перелагать на агентов власти на местах и особенно на органы ЧК. Скачко в этих своих нападках на органы ЧК явно отражал мелкобуржуазный страх перед твердостью пролетарской политики. Были, и нередко, случаи неуклюжести, „бестактности“ в отношении к населению и нашим войскам, но было со стороны наших местных товарищей, чекистов в том числе, много поразительного мужества, деловитой заботливости и энергичного отстаивания интересов пролетарской революции против разнузданной мелкобуржуазной стихии. Следовало прежде всего усилить

организационную и политически воспитательную работу в районе, захваченном левоэсеровской и анархистской заразой. А этой работы со стороны штаба армии Скачко не было заметно.

Обвинения против Махно накапливались.

Реввоенсовет 13-й армии 18 апреля доносил Совету обороны республики:

„Из докладов и донесений командиров частей и командиров 9-й дивизии, находящихся в распоряжении комбрига Махно, видно, что войсками Махно по отношению к красноармейским частям проявляется самое возмутительное поведение, как то: насильственное отобрание оружия, срывание красноармейских знаков, открытая противоармейская агитация, отрицание регулярного строя, требования выборного начала. Подобные явления страшно разлагающе действуют на части; кроме этого части дивизии возмущены теми грабежами, разгулами, поголовным пьянством, которые царят в махновских частях. О вышеизложенном доношу на ваше распоряжение“.

Член Реввоенсовета Южфронта т. Сокольников в связи с этими сообщениями телеграфировал нам:

„Бригада Махно не только сама небоеспособна, но разлагает также соседние части 9-й дивизии. Вам вероятно известно, что Махно ведет решительную открытую борьбу против коммунистов среди крестьян и красноармейцев, начиная созывом крестьянских съездов, кончая срыванием красноармейских значков. Юзовские рабочие стонут, негодуют от грабежа махновских банд. В связи со сдачей Мариуполя, поражением-бегством бригады Махно, не сочтете ли подходящим моментом убрать Махно, авторитет которого пошатнулся, и тем начать оздоровление этого участка Южфронта, без укрепления которого с одной стороны положение на Донецком бассейне не может считаться прочным, с другой стороны продвижение к Ростову существенно тормозится“.

Характерное донесение (от 16 апреля) было получено начособотделом от начпункта № 4 (Александровск):

„В местной партии коммунистов-сотрудников не имеется и от местных сотрудников я принужден отказаться, потому что вверенный мне участок, т. е. Александровский уезд, пропитан анархическим и эсеровским духом. Все местные учреждения переполнены анархистами, левыми эсерами и форменными саботажниками (напр. уездный военком; из его штаба в 130 человек нашлись какие-то искалеченные, подозрительные коммунисты в числе 16 человек). Во вверенный мне участок входит 3-я бригада 1-й Заднепровской дивизии, т. е. известные отряды разных бандитов и хулиганов „батьки Махно“. 3-я бригада получает жалованья на 15 (пятнадцать тысяч), но на самом деле состав этой банды от 25 000 до 30 000 человек, а может быть и больше. Именуют они себя то анархистами, то левыми эсерами и партизанами. На месте, т. е. в г. Александровске, существует фракция анархистов с активными членами—300 человек. На какую струнку играет местная партия коммунистов, определенно еще выяснить не удалось. С пятью человеками

сотрудников, находящихся у меня, в том числе и я сам, обслуживать вверенный мне участок никто неспособен; при таком положении пункт может только информировать, а не приступать к активной работе".

Позднее оттуда же:

„В Гуляй-Поле сосредоточились многочисленные банды анархистов, терроризирующих население. Проникнув в отряды Махно, они вносят в них разложение. Партизаны не расформировываются, занимаются грабежом. Отряд батьки Правда, по словам последнего, состоит из подозрительного элемента, находится на положении войны с Советской Россией и никаким распоряжениям не подчиняется. Политком 3-й дивизии Петров мер против них не принимает. В Александровске фигурирует Маруся Никифорова и развивается анархическая пропаганда. Особым отделом на-днях арестован там ряд анархистов—Белогрудов, Алейников и другие, имеющие фальшивую печать бригады Махно".

С другой стороны один Мариупольский товарищ (Гончаренко) сообщал в своем докладе Наркомвоен:

„19 марта было первое наступление, и войска советские с батько Махно сбили противника в город после долгой перестрелки; под самым городом отошли, по причинам мне неизвестным, верст на 7—10 от города. Радости было сверх ожидания, народ сразу воскрес, паника среди добровольцев ужасная. 25-го было второе наступление, и 27 марта город был занят партизанами во главе с батько Махно. Народ встречал радостно с приветствиями, в городе сейчас же был организован комитет подпольной партии коммунистов-большевиков, Военнореволюционный комитет и Комиссариат народной советской милиции. Из вступивших в город войск был 8-й Заднепровский, о других не знаю. С 27—28-го ночью начались грабежи, самочинные обыски, с которыми ревком был бессилен бороться, не имея в своем распоряжении вооруженной силы. В грабежах принимали участие также и солдаты-партизаны бригады батьки Махно. Кроме того носились слухи, что по деревням велась агитация: „не давай городу хлеба, пусть накормят комиссары", но эти слухи остались непроверенными. Была разогнана чрезвычайная комиссия и угрожающие выступления против председателя ревкома за обложение контрибуцией Мариупольской буржуазии в 25 000 000 рублей.

Лично я вынес впечатление, что, если не принять мер срочных, то советской власти на Украине в самом непродолжительном времени придется иметь серьезную борьбу с батько Махно, который, из всего видно, старается завоевать симпатию среди крестьян и, оперевшись на них, поведет поход против советской власти. Кроме того среди бригады усиленное негодование против еврейского населения и говорят, что с подавлением Дона примутся за евреев. Солдаты же 1-го Ударного партизанского полка (тавричане), прибывшие на Мариупольский фронт из-под Севастополя, прямо говорят, что в их принципе не оставлять по своему пройденному пути немцев-колонистов и евреев".

Эти сообщения свидетельствуют, хотя б они и были, что несомненно, слишком обобщены, что и в апреле отмеченные военной ин-

спекцией месяц до того крайне нездоровые явления не были изжиты в бригаде Махно.

Но не было оснований обвинять самого Махно в поддержке погромных и антисемитских настроений. Напротив Махно, сколько было в его возможностях, боролся с погромами. Так, за подписями его и Веретельникова, от имени „Исполкома Военнореволюционного совета Гуляй-польского района", было выпущено (в апреле) особое воззвание к „рабочим, крестьянам, красноармейцам и повстанцам". В этом воззвании говорится:

„В ряды идейных борцов стали вкрадываться отрицательные, преступные элементы, для которых великая, тяжелая, революционная борьба сделалась громоотводом на пути к издевательствам, насилию и личной наживе с одной стороны и сознательной, явной услуги контрреволюции—с другой.

Еврейская беднота стала истекать кровью от грязных рук сознательных и бессознательных контрреволюционеров.

На светлом ярком фоне революции появились темные, несмываемые пятна запекшейся крови бедных мучеников-евреев. Величественная драма революционного повстанческого движения омрачена безумной, дикой вакханалией антисемитизма, священная идея революционной борьбы поругана, оплевана чудовищным кошмаром зверского издевательства над еврейской беднотой, влачащей жалкое, рабское, нечеловеческое существование.

Ваш революционный долг—закричать громко, во всеуслышание, против еврейских погромов, против избивания и вырезывания мирных еврейских жителей.

Товарищи повстанцы. В настоящий момент, когда на русскую народную революцию, начавшуюся с рабоче-крестьянских низов, обрушился интернациональный враг—буржуазия, империалисты и бюрократы всех стран и всех оттенков и сеют в рядах трудовых масс национальную травлю, для того чтобы подорвать революцию и пошатнуть главный фундамент классовой борьбы—солидарность и единение всех трудящихся—вы должны, как один, выступить против всех сознательных и бессознательных контрреволюционеров, провоцирующих дело освобождения трудового народа от капитала и власти.

Ваш революционный долг—пресечь в корне всякую национальную травлю и беспощадно расправляться со всеми прямыми и косвенными виновниками еврейских погромов.

Все лица, сеющие национальную травлю, точно так же, как и те бандиты, которые вырезывают мирных еврейских обывателей, являются явными врагами трудящихся и революции. Они должны быть сметены с лица земли самым беспощадным образом.

Товарищи повстанцы. Очистите ваши ряды от бандитов, грабителей и погромного элемента".

Конечно этими пышными восклицаниями нельзя было ограничиваться в борьбе с погромщиками. И не к самосуду, самоочищению революционных рядов следовало призывать. Надо было каленым железом революционных трибуналов, показательных процессов выжигать дрянную заразу антисемитизма и бандитизма. Бунтарь Махно

и его советники-анархи не были способны к такой твердой борьбе, такому проявлению сильной власти. И порою под их крылом великолепно уживались самые отпетые бандиты.

Но наиболее серьезного внимания заслуживала организационная деятельность анархо-левоэсеровского окружения Махно.

Эта деятельность шла вразрез с организационным строительством украинской советской власти.

Рассматривая местные Советы как „вольные коммуны", махновцы не хотели подчиняться распоряжениям центральной власти, проводили самовольные мобилизации и притом всего,—а не только трудового населения, формировали воинские части по произвольным штатам. „Власть на местах"—объединение „свободных трудовых Советов",—таков их организационный лозунг. Работа махновцев шла вразрез с централизаторской, собирательной работой нашей партии и мешала созданию пролетарского государства, единственно способного, объединив все усилия и средства, отстоять свое существование в борьбе с буржуазной контрреволюцией, победить в вооруженной и экономической борьбе.

23 января 1919 г. в с. Большой Михайловке состоялся 1-й районный съезд представителей ряда волостей; на нем была избрана комиссия из 5 человек, которая должна была подготовить более широкий съезд и вместе с тем организовать противодействие петлюровской вербовке добровольцев в районе.

2-й съезд состоялся 12 февраля. Он решил провести „добровольную мобилизацию" в отряд Махно и выделил районный Военнореволюционный совет.

С середины февраля в районе началось планомерное строительство советской власти. Но „махновцы" не распустили своего, неправомерно созданного „Военнореволюционного совета". Они организовали и тайное сопротивление оформлению советской власти в районе, всячески срывали работу продовольственных, земельных и охранных ее органов.

10 апреля Военнореволюционный совет назначил 3-й районный съезд. На съезд явились делегаты от 72 волостей и от частей Махно. Съезд принял решение о новой „добровольной мобилизации" и формировании повстанческих частей. Это решение широко распубликовывалось.

Мы приводим воззвание съезда полностью, так как оно, отражая в значительной степени организационные приемы и принципы махновщины, приобретает исторический интерес:

„Объявление о мобилизации.

Именем революции Исполнительный комитет Военнореволюционного совета Гуляй-польского района объявляет добровольную уравнительную мобилизацию за 10 лет с 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 годов включительно. День мобилизации с 27 апреля 1919 г. Все дела по мобилизации вменяются в обязанность волостной и сельской коллегии на местах.

Крестьяне и рабочие!

Уже несколько месяцев как проливают свою кровь за свободу и счастье трудового народа некоторые волости Гуляй-польского района, производившие сами добровольную мобилизацию, оставив на произвол судьбы свои семьи; в то же время другие волости, не сознавая своего революционного долга, ничего не сделали в этом направлении, оставаясь и на дальше такими же нерадивыми к делу освобождения себя от гнета буржуазии. Учитывая такой факт явной несправедливости, Исполком Военнореволюционного совета Гуляй-польского района, согласно постановлению 3-го районного съезда крестьян, рабочих и повстанцев от 10 апреля 1919 г. в с. Гуляй-Поле, и придерживаясь принципа „вся власть трудовому народу", постановил: произвести добровольную уравнительную по годам мобилизацию за 10 лет по всему району одновременно, разбив таковой на военные групповые участки для удобства формирования в полки на местах. Глубоко веря в революционность и сознание своего долга трудовых масс, Исполком Военнореволюционного совета уверен, что таковая мобилизация будет произведена быстро и успешно самим народом на местах.

Исполнительный комитет Военнореволюционного совета.

Примечание. Лица, не входящие в года мобилизации, допускаются по добровольной записи.

Мобилизация должна быть произведена в следующем порядке, намеченном Исполкомом Военнореволюционного совета:

1. Район разбивается на военные групповые сборные пункты с нескольких соседних волостей в одну группу.

2. Волость, избранная как центральная в группе, считается военным групповым сборным пунктом.

3. На сборный пункт должны явиться уже вполне сформированные на местах отделения, взводы, роты (эскадроны) с избранным выборным командным составом, командирами отделений, взводов, фельдфебелями и ротными во главе с ротным комитетом, который должен представить списки поименные в свой сборный групповой пункт.

Примечание к пункту 3.

При выборе командного состава Исполком Военнореволюционного совета предлагает придерживаться строго следующего порядка: на должность как командира полка, так и до командира отделения выбирать лиц, способных к командованию и знакомых с военной тактикой по опыту прошлой войны.

4. Все сформированные части должны явиться в свой сборный групповой пункт, выстроиться в колонны и приступить к выбору командира полка при строго выборном начале; тут же избрать полковой комитет не меньше 10 человек (допустимо больше) и полковой Военнореволюционный суд не меньше 5 человек.

Примечание к пункту 4.

В случае затруднения передвижения всеми частями в групповой пункт допускается сбор только командного состава.

5. После избрания командира полка предоставить ему право совместно с командным составом выбрать по специальности и роду сражения все надлежащие команды для полка, как например команда связи, разведывательная, телефонная, саперная, санитарный отдел и пр.

6. После всего, когда все приведено в полный порядок, вменяется в обязанность полковым комитетам немедленно представить именные списки всего состава полка, командного состава с отметкой рода оружия и специальности в Военнореволюционный совет с. Гуляй-Поле.

7. Полковые комитеты должны остаться на сборном групповом пункте, а все мобилизованные под руководством своих командиров отправляются на места своего жительства, при соблюдении строгого порядка, без бесчинства, и ждать распоряжения от своего полкового комитета о выступлении.

8. Нумеровка полков будет исходить от Военнореволюционного совета, а наименование полка предоставляется право избрать самому полку.

9. Все сформированные части будут направляться на фронт Военнореволюционным советом в тесном взаимоотношении со штабом 3-й Заднепровской бригады „батько Махно".

10. Со дня сформирования частей немедленно приступить к занятиям военной тактики и словесности революционного долга.

11. Обязательно установить самую строгую, но солидарную товарищескую дисциплину, строго следить, чтобы не было самочинных выступлений, реквизиций и конфискаций, так как это принимает характер грабежа.

12. Из лиц мобилизованных избрать комиссию из 5 человек для определения отсрочки, льготы и медицинского освидетельствования на местах.

13. Полк пехоты делится на три батальона, батальон—на три роты, рота—на три взвода, взвод—на три отделения. Рота пехоты в строевом боевом составе должна быть численностью 162 человека. Пехотного полка—численностью 1 458 человек за исключением всех команд и кавалерии.

14. На сборном групповом пункте должны отделиться пехотные части, артиллерийские части, кавалерийские части.

15. Тем волостям, которые избраны как групповой пункт, вменяется в обязанность назначить срок с указанием числа сбора по мобилизации всю свою группу волостей и сел.

Следовал список групповых сборных пунктов Гуляй-польского района с указанием центрального села каждой группы.

Мы с характерным опозданием узнали о созыве „махновцами" этого съезда вне обычного советского порядка.

Но еще более характерно было то, что на самом съезде не нашлось хотя бы незначительной группы, близкой к нам и способной противостать левоэсеровской демагогии.

П. Дыбенко жестко распорядился:

„Из Новоалексеевки № 283. 10 апреля, 22 ч. 45 м. По нахождении т. Батько Махно, штаб дивизии Александровск. Копия Волноваха, Мариуполь, по нахождении т. Махно. Копия Гуляй-польскому совету:

Всякие съезды, созванные от имени распущенного, согласно моему приказу, Военнореволюционного штаба, считаются явно контрреволюционными и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до объявления вне закона. Приказываю немедленно принять меры к недопущению подобных явлений. Начдив Дыбенко".

Руководителям съезда—анархам и левым эсерам удалось провести, в ответ П. Дыбенко, резолюцию протеста против обвинения съезда в контрреволюционности.

Военнореволюционный совет продолжал существовать и пытался провести назначенную съездом „добровольную мобилизацию“.

28 апреля—мы на пути к Махно. На ст. Пологи нам встречаются некоторые комиссары, бежавшие от Махно. Говорят будто бы он собирается арестовать всех политкомов и открыто порвать с советской властью. Делаются опасливые предупреждения.

Комфронта это не останавливает. Он едет далее, послав Махно извещение о своем приезде.

В дороге получил такой ответ от Махно:

„На вашу телеграмму № 775 сообщаю, что знаю вас как честного, независимого революционера. Я уполномочен от имени повстанческо-революционных войск 3-й Заднепровской бригады и всех революционных организаций Гуляй-польского района, гордо держащих знамя восстания, просить вас приехать к нам, чтобы посмотреть на наш маленький свободно-революционный Гуляй-Поле—„Петроград“, прибыв на станцию Гуляй-Поле, где будем ждать с лошадьми“.

Судя по оперативным сводкам, наше положение на Южном фронте было к этому времени крайне напряженным.

8-я армия тяжело наступала в центре—в направлении Луганск—Новочеркасск. 14 апреля ею заняты Ивановка и ст. Ипперовка, захвачены бронепоезд и 2 бронеавтомобиля; восточнее—занята д. Камлице, причем взяты 600 пленных и 9 пулеметов. В районе устья р. Донец, мы, перейдя реку, заняли станицу Нижне-Кундрючскую.

18 апреля—в районе ст. Колпаково, заняты Малопокровский, Хрустальная, Елисеевский, Христофоровка, ст. Шитово, Марьевка—в общем мы продвинулись на 8—15 верст на фронте до 50 верст.

21 апреля—занята ст. Первозвановка и вечером этого дня—Семейкина—Новоцерковная—Ореховка и Церковная.

Но, как указано выше, предательство командарма подорвало соседнюю 9-ю армию.

10-я развивала наступление к р. Маныч. С 19 апреля начались бои на переправах через эту реку.

На фронте 13-й армии: 15 апреля—успешно наступаем к Марьевке и Старо-Михайловке (зап. Курченкова), занята и затем вновь потеряна Скотоватая; 17-го—бои за с. Авдеевка, ст. Башманка и Скотоватая, последняя опять занята нами, в районе Дебальцево—занята ст. Енакиево, восточнее—Тимофеевский и Струков.

21 апреля—бой за ст. Рутченково; в Дебальцевском районе заняты Иваноорловка, Н.-Орловка и Тимофеевская.

23 апреля—взята и закреплена ст. Юзовка, потеряна ст. Скотоватая отошли на линию д. Н. Бахмутовка, раз. Вертуновка и Железная.

Тяжелые бои и на участке Махно. К 17 апреля его части занимали линию Благовещенская—Большой Вердер—Малый Янисел—Сретенская—Волноваха; бой шел южнее ст. Розовка.

18 апреля—ст. Волноваха покинута (9-м железнодорожным полком);

9-й Заднепровский полк отошел к с. Кременчик к западу от Великоанадоль; Еленовка, Доля, Рутченково—в руках противника.

19 апреля противник, продолжая наступление, занял Мангуш от Стародубовская, Николаевка и, по непроверенным еще сведениям,—Мянисал. Противник, прорвавшись у ст. Розовка, что сто пятьдесят верст юго-западнее от Волновахи, наступает в направлении ст. Зачатьевская. Части наши, занимавшие этот район, отходят в направление Петровское, что северо-западнее от Волновахи.

Но по сводке 21 апреля противник выбит из Широкой, Стародубовской, Белоцерковки, Камышеватской, Мангуша и Темрюка. Противник в беспорядке отступает на ст. Никольское, Мариуполь и Карань.

К 22 апреля после сильного боя вновь заняты нами Волноваха, Карань, Кальчик, Мангуш.

К 24 апреля—заняты ст. Великий Анадоль и Качиксу.

К 12 часам 26 апреля—взята с боя ст. Сартана; французские крейсера обстреляли Сартану; к востоку от линии Еленовка—Карань нами заняты села Александринское, Новотроицкое, Новониколаевское и Игнатовка.

Бригада Махно обнаруживает как будто значительную упругость. Совет т. Сокольникова—сместить ее начальника, ввиду неуспешности боевых действий, не совсем уместен. „Среди переправы коней не перепрягают“.

С этими мыслями приближаемся к станции Гуляй-Поле.

Лихая тройка промчала нас к крепкому поселку Гуляй-Поле. Под звуки оркестра, игравшего Интернационал, перед фронтом загорелых партизан, навстречу комфронта вышел малорослый, моложавый, темноглазый, в папахе набекрень, человек. Остановился в паре шагов, отдал честь: „Комбриг батько Махно. На фронте—держимся успешно. Идет бой за Мариуполь. От имени революционных повстанцев Екатеринославья приветствую вождя украинских советских войск“. Рукопожатие. Махно представляет членов Гуляй-польского исполкома и его штаба. Тут же политкомиссар бригады и старая знакомая Маруся Никифорова.

Обходим фронт. Основные части бригады в бою. Здесь—резервный вновь формирующийся полк и пара кавалерийских сотен.

Одеты кто во что, вооружение случайное, а вид бодрый и боевой. „Едят“ глазами.

Выслушивают, в порядке, речь комфронта о значении нашей борьбы, о положении на фронтах об ответственной задаче, лежащей на бригаде Махно; о необходимости железной дисциплины и покрывают ее криками „ура“.

Махно отвечает комфронту приветствием, несколько обидчиво отзывается о „несправедливых“ обвинениях, падающих на „повстанцев Екатеринославья“, отмечает их победы и обещает новые, „если будет поддержка оружием и обмундированием“.

(Голос не сильный и слегка сиплый, говор мягкий—в общем, небольшой оратор, но как его слушают!).

Переходим в штаб бригады.

Краткая инспекция штабных отделов—благоприятна. Чувствуется рука спеца (наштаба Озерова).

Положение на фронте:

Части 7-го и 8-го Заднепровских полков и 6-го резервного полка, а также греческая батарея находятся приблизительно на линии Гурзуф, что северо-восточнее Бердянска, Стародубовская, Старопоповская, Каменные могилы, Новый Янбург. В районе Хлебодаровки действует 1-й резервный ударный полк. Далее к северу—прорыв, ввиду того, что 9-й Заднепровский полк отошел к с. Кременчик. Затем идут части 9-й стрелковой дивизии, расположенной следующим образом: 9-й кавалерийский полк в районе Павловское, Новомихайловка, Никольское, затем в районе Константиновка, Александровка и Максимилятовка 13-й полк. Кроме того получены сведения, что от Богоявленска железнодорожный полк 9-й стрелковой дивизии перешел в наступление в направлении Волновахи, куда направляются также и наши части.

К вечеру 23-го части бригады после сильного боя заняли Волноваху, Карап, Кальчик и Мангуш. Развив сильный напор, наши сейчас уже под Мариуполем. Как раз во время доклада пришло сообщение, что мы вновь заняли этот город и порт, захватив в плен 1-й сводный полк противника.

Но развить успех нечем. „Сформировать можно бы пару дивизий, но нет вооружения, патрон, обмундирования“. Соседние части—9-я резервная дивизия—„панически настроена, ее командный состав—белогвардейцы“.

А Дыбенко требует возвращения в Крым 1-го ударного и 3-го резервного полков.

Комфронта вступается за соседей и указывает, что напротив, соседи говорят об антисоветском поведении „махновцев“.

Махно и его штабные горячо возражают: конечно возможны отдельные выходки, но повстанцы уважают красную звезду; погромы караются смертью.

„Ложь, что мы бежали из-под Мариуполя... Наши передовые части были уже в 27 верстах от Таганрога и в 3 от Кутейникова“ и в доказательство—письменные донесения с фронта: „Бежала соседняя 9-я и погиб окруженный, не сдаваясь, наш полк у Кутейникова“.

И затем следуют жалобы (и сколь основательные!) на отсутствие снабжения: нет ни денег, ни оружия, ни патрон, ни обмундирования. Бригада получила в свое время от П. Дыбенко 3 000 итальянских винтовок с небольшим количеством патрон к ним; теперь—за израсходованием патрон—эти винтовки превратились в холодное и неудобное оружие.

Все остальное вооружение и обмундирование добыто с боя. Захвачено несколько исправных орудий, из которых сформирован артиллерийский дивизион; есть еще 7 орудий без замков.

Никакого телефонного имущества, шанцевого инструмента. Почти

отсутствие какой-либо санитарной поддержки. Если что-либо создано, то собственными средствами.

Бандитизм? Но вот он главный бандит. Шаркают по полу тяжелые движения. Широкий обрубок человека, переваливаясь на остатках ног, медленно приближается к нам. Улыбаясь широким, плоским лицом, батько Правда протягивает нам корявую свою руку. Это про него-то развивались панические слухи—коммунистов режет, свергает советскую власть, погромщик? Батько Правда—давно уже такой калека. Но он лихой боец и убежденный анархо-коммунист. Собственноручно застрелил несколько погромщиков.

„Преследования политкомиссаров? Изгнание их?! Ничего подобного! Только нам надо бойцов, а не просто болтунов. Никто их не гнал. Сами поутикали“... Конечно у нас много идейных противников ваших, так давайте спорить...

(Этот отзыв тут же подтверждает политкомиссар бригады). И опять туча жалоб на „провокации“ местных властей, тыловых чрезвычаек, хлебных „экспедиций“ и т. п. В Александровске арестовали анархистов очевидно только потому, что у них останавливалась полтора года тому назад Маруся Никифорова.

Среди разговоров переходим в „половину“ Махно. Простая, но обильная еда, какая-то красная наливка. Махно заявляет, что не любит пить и пьянство преследует... Исполкомщики хвалятся большой работой: по их словам Гуляй-Поле имеет три средних школы „образцово поставленных“. Развиты детские сады, „деткоммуны“. По этой линии Махно направил Марусю Никифорову, решив не подпускать ее к военной работе.

Организованы 10 военных госпиталей. В них свыше 1 000 раненых. Но нет ни одного опытного врача.

Мы посетили несколько госпиталей. Просторные горницы какого-то барского особняка заполнены однообразными койками. Чисто и опрятно...

Командукр беседует с Махно с глазу на глаз. Разговор идет о наших планах в помощь Советской Венгрии, о „прорыве в Европу“ и об опасностях наступления Деникина. Говорим о необходимости создания перед лицом контрреволюционной угрозы единого железного фронта социальной революции; о том, что надо оберегать наши воинские части от политиканствующих проходимцев, не обострять из-за мелких недоразумений и недочетов отношений с местными властями, распустить Военнореволюционный совет, принять общую систему советской власти и насторожиться против белогвардейской (петлюровско-деникинской) внутренней агентуры. Говорю прямо о подозрительных тайных сношениях с Григорьевым.

Махно поддакивает, горячо заверяет, что целиком согласен с этими указаниями, резко опровергает слухи об антисоветских замыслах своего штаба, о контрреволюционном сговоре с Григорьевым. Он действительно послал доверенное лицо к Григорьеву, но с целью выведать от последнего, что тот замышляет, и сорвать контрреволюционное выступление, если таковое затевается. Уверяет, что не был на 3-м

районном съезде, не подписывал его резолюций и не согласен с ними. Проводить формирований частей, согласно этим резолюциям, не станет и будет твердо держаться установленного порядка.

Он, Махно, считает себя „вольным коммунистом", не анархистом; большевики ему ближе анархов. До решительной победы над белогвардейщиной должен быть установлен единый революционный фронт, и он стремится не допускать обострения междуусобицы среди различных элементов этого фронта. Но... И тут опять конкретные факты больших и маленьких обид.

В заключение крепкое пожатие с прямым взглядом в лицо—„пока я, Махно, руковожу повстанцами, антисоветских действий не будет, будет беспощадная борьба с буржуйными генералами".

Принимает спокойно и в деловом порядке извещение о переформировании частей его участка в дивизию под командованием Чикванайя, с оставлением его (Махно) комбригом. Обязуется провести энергичную чистку ненадежных элементов, держаться утвержденных штатов и положений в воинских частях.

Вечером был еще один громадный митинг. Выступления комфронта, Махно и Маруси Никифоровой. Все выступления шли под лозунгом—„всеми силами против общего врага—буржуйских генералов" [1].

Резюмируя впечатления от Гуляй-польского района, мы телеграфировали (29 апреля):

„Пробыл у Махно весь день. Махно, его бригада, и весь район—большая боевая сила. Никакого заговора нет. Сам Махно не допустил бы. Район вполне можно организовать, прекрасный материал, но нужно оставить за нами, а не Южфронтом. При надлежащей работе станет несокрушимой крепостью. Карательные меры—безумие. Надо немедленно прекратить начавшуюся газетную травлю махновцев".

О газетной кампании против Махно мы сообщили на основании следующего телеграфного протеста и штаба Махно:

„Помещенная в номере от 25 апреля в Известиях Харьковского совета статья под названием „Долой махновщину", отчасти касающаяся боеспособности повстанцев батько Махно, является самым извращенным вымыслом, совершенно не соответствует настоящему положению. Повстанцы, наравне с красноармейцами дерущиеся против белых банд, в отношении снабжения находятся в несравненно худ-

[1] В свете последующих событий наше описание тогдашней гуляй-польской обстановки звучит как чрезмерная идеализация. Но автор стремился быть только объективным. Махновщина лишь впоследствии по ликвидации „генеральско-помещичьего фронта" в борьбе с пролетарской властью выявила отчетливо свои кулацко-погромные, контрреволюционные черты. Встав на путь открытой борьбы с советской властью, махновщина неизбежно должна была скатиться к разнузданному и пьяному бандитизму, ибо оголилась тогда кулацко-мелкобуржуазная подоплека, отпали от нее беднядкие и пролетарские элементы, до того слитые в борьбе против „белого генерала" в одних и тех же отрядах крестьянско-рабочего ополчения. *А. О.*

них условиях. Отступление от линии Мариуполь—Волноваха произошло по причине отступления российских красных войск, находящихся на нашем левом фланге, в связи с чем мы вынуждены были перебросить часть своих сил для прикрытия отступающих частей, вследствие чего произошло отступление сил и оставление линии занимаемого нами фронта. Кроме этого белые, чувствуя грозную силу повстанцев, бросили сюда свои лучшие силы под командой известного партизана генерала Шкуро. Сообщая об этом, полевой штаб считает нужным заявить, что в то время когда повстанцы, беззаветно преданные делу революции, дерутся с белыми бандами, по месяцам не имел отдыха, в их тылу кто-то, по неизвестным для нас причинам, распространяет гнусную клевету по их адресу. Такое отношение к революционерам, отдавшим жизнь за дело народа, само по себе доказывает чью-то грязную провокационную работу".

Командукр счел необходимым поддержать этот протест:

„Харьков. Редакция Известий Харьковского совета. Копия предсовнарком Раковскому. Копия Гуляй-Поле комбриг Махно. Киев члену Реввоенсовета Бубнову.

В номере от 2 5апреля у вас помещена статья „Долой махновщину". Статья полна фактической неправды и носит прямо провокационный характер. Подобные выпады крайне вредят нашей борьбе с контрреволюционным казачеством и добровольцами. В этой борьбе Махно и его бригада проявили и проявляют величайшую революционную доблесть и они заслуживают не руготни официозов, а братской признательности всех революционных рабочих и крестьян.

Отдельные темные личности, прикрывающиеся именем Махно, не могут заслонить героического облика революционных полков и их вождя, неукротимо ведущих борьбу с проклятым врагом. В это ответственное время Красная армия вправе требовать от рабочей печати побольше вдумчивости, тактичности и осторожности в суждениях о воинских частях. № 923. 29 апреля. Гуляй-Поле".

(К сожалению эти указания успеха не имели. Кампания в нашей печати против „махновщины" продолжалась) [1].

---

[1] Бывший командукр и сейчас считает, что в тот период тактика наших украинских товарищей в отношении Махно была неправильной, непродуманной. Следовало прежде всего приложить все усилия, чтобы помочь нашему командованию реорганизовать части Махно и политически ими овладеть, вытеснив влияние левых эсеров и анархов.

До поражения „белого генерала" основные массы крестьянства Гуляй-польского и других районов представляли для нашей военноорганизационной работы надежный боевой элемент. И не следовало огульно отбрасывать от Красной армии повстанческие отряды, выросшие из этих масс. Как сказано, командукр добился от Махно согласия подчиниться в качестве комбрига т. Чикванайя, назначенному начдивом дивизии, в которую должны были кроме 3 махновских полков влиться 6 вновь формируемых (из частей бригады т. Покуса и крымских формирований П. Дыбенко).

Бригада Махно была бы сжата этими нашими формированиями и поста-

Одновременно нами дан ряд указаний командарму 2 (29 апреля). Привожу существенные из них:

„1. Не допустите увода с фронта Махно 1-го ударного и 3-го резервного полков.

2. Из 1-го ударного, 3-го резервного и одного из 9 полков составьте 1-ю бригаду дивизии Чикванайя; из 15-го, 16-го и Черноморского (из Николаева) 2-ю бригаду и 3-ю—Махно.

3. Из Харькова затребуйте легкий артилерийский дивизион (без лошадей), чтоб придать этой дивизии.

4. Из Николаева—взвод гаубичных.

5. Если у вас не готовы хоть зародыши штаба дивизии, батальона связи, инженерного батальона—то вы зря проворонили время.

6. Надо в самом спешном порядке начать сосредоточение всей дивизии и 5-го кавалерийского полка для закрепления успеха и, по возможности, для его развития.

(5-й кавалерийский полк только что был переброшен нами к Махно из-под Киева).

Ставится вам на вид крайняя запущенность 3-й бригады (т. Махно). Бригада не получает совершенно никакого снабжения.

Ввиду перехода ее в новое соединение, немедленно в вне очередном порядке:

1. Снабдите ее деньгами (не менее 4 000 000).

2. Выдайте хоть сколько-нибудь обмундирования, шанцевого инструмента (хоть полштата), 27 походных кухонь, телефонного имущества (хоть полштата).

3. Немедленно доставьте семь трехдюймовых орудий без замков.

4. Для 3 000 итальянских винтовок боевой комплект патронов.

5. Ввиду крайней скудности санитарных средств бригады, немедленно командируйте двух врачей хирургов и двух по внутренним, направьте медикаментов, перевязочных средств, белья и простынь на тысячу раненых.

6. Для закрепления нашего положения на линии Доля—Мариуполь, немедленно направьте в распоряжение Махно еще один бронепоезд".

Сверх того Скачко указано:

„1. В частях вашей армии замечается удивительное неиспользование в обилии имеющихся у вас технических средств. Так части, действующие в Крыму, совершенно не снабжены ножницами для резки проволочных заграждений, осветительными гранатами, минометами—все это весьма приго-

---

пенно очищена от бандитских и тому подобных элементов. Несвоевременный поход против „махновщины" срывал намеченную линию. Он содействовал между прочим и тому, что Махно, вопреки указаниям командукра, договорился со Скачко о развертывании своей бригады в дивизию; на это согласился и нарком т. Межлаук. Отмена, по характерно скоропалительному, чисто административному, политически незрелому приказу Троцкого этого согласованного с Наркомвоен развертывания вызвала уже прямой бунт махновцев (об этом ниже). *А. О.*

дилось бы при борьбе, ведшейся ими у Сиваш—Перекопа и ведущейся теперь на Керченском перешейке.

То же и относительно бригады Махно. Совершенно не используются авиационные средства—для разведки и борьбы с мелкими судами противника и проволочные заграждения для создания местных опорных пунктов; части не снабжены шанцевым инструментом.

2. Район действия Заднепровской дивизии совершенно не обработан в инженерном отношении. Необходимо основательно разработать систему прикрытия узлов основных путей.

3. В частях чрезмерный расход патронов и требования крайне преувеличены. Недостаток патронов обнаруживается с катастрофической внезапностью (как это недавно имело место у Крымской группы).

4. На фронте Махно неприятель в последнее время бил наших все одним приемом—действием в левый фланг клина, направленного к Таганрогу; разбросанность частей сказалась роковым образом. У ст. Кутейниково погиб целый наш полк, бывший уже в трех верстах от этой станции. Необходимо в будущем не зарываться слабыми частями, иметь сильный боковой заслон—авангард при согласовании флангового движения в разрез линии Иловайская—Таганрог, прочно закрепить узел Волноваха бронепоездами и т. д. и тщательно согласовать свои действия с действиями Южфронта. Необходимо также добиться более тщательного прикрытия активной кавалерией нашего маневра и не давать противнику столь легко нащупывать наши слабые места и обнаруживать наши намерения".

И закрепляя свои соображения, комфронта направил (2 мая) председателю укрправительства Х. Раковскому следующее заявление:

„Непосредственным ознакомлением убедился и утверждаю, что:

1) Сам Махно, главные его боевые работники и его полки проникнуты желанием сломить контрреволюционное казачество и офицерство;

2) Махно и Маруся Никифорова ведут агитацию за создание „единого революционного фронта" против контрреволюции;

3) к левоэсерам относятся отрицательно.

4) нашу партийную литературу Махно допускает и политических комиссаров принял;

5) выборное начало в частях постепенно изживает, полковые комитеты приказом № 12 сведены на роль хозяйственных комиссий;

6) к агитации против советской власти Махно не причастен, на 3-м съезде в Гуляй-Поле не был, резолюции съезда не подписывал;

7) против погромной агитации выступает в печати;

8) Марусю Никифорову к военному делу не подпускает, находя, что ее место—дела „милосердия".

9) Махно и его штаб живут крайне скромно; бандитизма незаметно;

10) организационная работа в районе заметна: налаживаются детские коммуны, школы, Гуляй-Поле один из самых культурных центров Новороссии: здесь три среднеучебных заведения и т. д. Усилиями Махно открыто до 10 госпиталей для раненых, организована мастерская, чинящая орудия и выделывающая замки к орудиям;

11) раненые лежат с проясненными лицами и рвутся в бой; слабостью командного состава объясняется недостаточная боеспособность некоторых частей;

12) силы Махно—4 полка до 6 000 штыков, до 20 пулеметов, 5 трехдюймовых, 2 сорокадвухлинейных, 2 сорокапятилинейных орудия, один бронепоезд, патронов очень мало, половина винтовок итальянские; обмундирование крайне скудно, половина людей босые; 8-й полк довольно скверно дисциплинирован;

13) состав частей—все бывшие солдаты; кадр великолепный—в Гуляй-Поле с войны все повозвращались не меньше, как унтерофицерами; материал прекрасный, но нуждающийся в большой обработке;

14) для пополнения убыли в частях Махно (одних раненых в госпиталях до 1 000 человек, один полк, бывший в 3 верстах от Кутейникова, совсем уничтожен казаками после бегства 9-й дивизии); съездом 72 волостей объявлена „добровольная мобилизация" (точнее—добровольный набор);

15) вблизи Махно вертятся (больше в тылу) несколько прохвостов, творящих временами некоторые пакости; благодаря усиливающемуся дисциплинированию частей Махно, из них дезертируют бандитские элементы, пакостничающие в тылу; прославленный Правда—безногий калека, организатор боевых частей, не бандит;

16) наши политработники в частях Махно слабы, трусливы и не могут противостать указанным вредным элементам;

17) нападки на Махно крайне озлобляют местное население и его части;

18) история с наступлением на Александровск—как выяснилось из рассказа Дыбенко и Махно—курьезный вздор,—никто не наступал, батальон шел на отдых, панически настроенные местные люди сочинили наступление;

19) отступление из Мариуполя вызвано бегством 9-й дивизии—бригада Махно находилась в 27 верстах от Таганрога и в 3 от Кутейникова;

Заключение:

1) Махно против нас не выступит[1];

2) политическая работа наша и возможна и необходима во всем районе; травля Махно должна быть прекращена;

3) район может дать громадные силы против казачества, но только если мы им овладеем;

4) надо пустить лучших работников для военноорганизационной работы в этот район".

Но главком, по чисто „стратегическим" соображениям, не считал возможным оставить хотя бы часть Донбасса в ведении Укрфронта, и не находил также возможным ставить последнему какие бы то ни было оперативные задания в Донбассе.

Нам была вдруг преподнесена новая разграничительная линия

---

[1] Конечно имелось в виду ближайшее время—период борьбы с „белым генералом".—*А. О.*

с Южфронтом: Купянск—Чаплино—Пологи—Нагайск (исключительно). Комфронта протестовал (28 апреля) пред укрправительством и РВСР:

„Для нас это абсолютно неприемлемо. В военном отношении—всякая неудача Южфронта ставит под угрозу важнейшие наши центры: Харьков, Екатеринослав, Крым и коммуникационную линию Харьков—Крым. Это заставит меня держать для ее защиты бездейственно большие резервы. Отдача частей Южфронту разложит наши части, еще слишком молодые для перемены командования, и расстроит аппарат снабжения их. Ни мое, ни моих подчиненных влияние, ни влияние партии не сможет быть действительно использовано. Политические и экономические последствия... также явно пагубны. Пред лицом величайшей исторической ответственности прошу поддержать меня и добиться, если не передачи нам всего Донбасса, то разграничительной линии Волноваха—Кутейниково включительно".

Резко отозвался Троцкий (30 апреля):

„Ваши соображения, будто украинские войска способны сражаться только под украинским командованием, являются продуктом нежелания глядеть в глаза действительности. Бурный период революции, чрезвычайно облегчая победу, затрудняет устойчивое формирование. Махновцы отступают на Мариупольском фронте не потому, что подчинены Гиттису, а не вам, а потому, что столкнулись с более серьезным врагом, чем петлюровцы. Если я вас поддерживал против всех зложелателей, то считаю с другой стороны совершенно недопустимым играть в прятки с фактами. Главный враг в Донецком бассейне,—нужно передать туда главные силы. Нужно проделать над ними и те огромные организационные воспитательные работы, которые были проделаны на всем Южном фронте, где немало украинских партизанов, которые раньше панически отскакивали, а потом научились бить. Всякое промедление в деле сосредоточения сил на Донецком направлении явилось бы жесточайшим преступлением перед республикой".

Командукр возразил:

„Совсем не трудно было бы узнать, что 1) мною предпринимались и предпринимаются все меры к перерождению повстанческих частей в регулярные; 2) но ни Москва, ни Наркомвоен Украины мне почти ничем в этой организационной работе не помогли; 3) тем не менее, на Украине сложились великолепные кадры для будущей армии, которые мобилизация должна обвернуть новыми бойцами; утверждение о дешевых победах на Украине—смешная выдумка людей, весьма далеких от военной работы на Украине. Не потрудившись над этим, вы осудили всю мою военную работу и произвели это осуждение в крайне резкой форме.

Чувство возмущения во мне очень сильно. Память подсказывает мне бесконечное количество фактов, свидетельствующих, с каким трудом рождалась нынешная армия в России и как далека она и посейчас от того; к чему мы стремимся".

Троцкий в своем указании командукру был в значительной мере

неправ. Мы знали о чрезвычайной организационной слабости Южного фронта, поэтому и опасались передачи в его ведение несложившихся частей. Мы конечно не только не отказывались от организационно-политической над ними работы, но считали ее совершенно необходимой. Вполне понимая значение Донбасса и сомневаясь в способности Южфронта целиком там справиться, мы все время добивались для себя активных заданий в Донбассе.

Наконец, не дожидаясь этих заданий, мы форсировали и наступление Махно к Таганрогу и принимали меры, чтобы поддержать это наступление.

К сожалению нам пришлось по мотивам, изложенным в предыдущих главах, отказаться от переброски в помощь Махно дивизии Григорьева.

Этой дивизии пришлось дать иную боевую задачу—в авангарде похода против Румынии в помощь Советской Венгрии.

Но как скудны все же были непосредственные результаты этой поездки командукра! Раз уж пришлось отказаться от направления к Ростову Григорьева (до 15 000 штыков), надо было немедленно выделить надлежащую замену. А предложено было сверх ранее намеченного дать всего лишь пару полков из Одессы да двинуть еще плохенький (Черноморский) полк из Николаева с парою батарей. Командукр, как выше указано, не воспротивился фантастическим планам П. Дыбенко овладеть Керчью, планам, сковавшим целую 3-ю дивизию (до 13 000 штыков) на второстепенном направлении. Он лишь запретил Дыбенко оттянуть вновь в Крым два полка, переданных в подкрепление Махно.

Командукр весьма резко осудил организационно-политическую работу Реввоенсовета 2-й армии, во главе со Скачко,— осудил за отношение к дивизии Григорьева. Не менее резко осудил он эту работу и ее результаты в районе бригады Махно. Отметил и ряд вопиющих военно-организационных недочетов. Но не сделал напрашивавшегося вывода. Следовало немедленно заменить политически невыдержанного, организационно безвольного и военнобюрократического командарма хотя бы П. Дыбенко, дав в подмогу этому талантливому самородку несколько дельных помощников (крымские операции, не представлявшие интереса, могли быть поручены например помощнику Дыбенко—Петренко). Это минимум того, что надо и можно было сделать.

Ведь командукр не был окончательно усыплен еще продолжавшими поступать сведениями о перевесе наших сил на Южном фронте. Не полностью доверял он и тем сообщениям агента З., которые, волнуя Скачко, в действительности как будто успокаивали в отношении ближайших судеб Донбасса. Да, „успокаивали“! Ибо если в намерения Деникина действительно входило овладение Царицыном и выход на соединение с Колчаком, в Донбассе же лишь активная оборона,—то мы располагали еще временем для подготовки контрудара в направлении к Ростову, могли спокойно вести энергичное, но планомерное формирование новых частей, переорганизацию прежних,

(сформировать Крымскую бригаду, пополнить бригаду Покуса, оформить дивизию Чикванайя, в которую вливалась бригада Махно).

Командукр не вполне доверял этим сообщениям, а потому и взывал к центру—передайте нам, Укрфронту, Ростовское направление. Этих призывов было конечно недостаточно. Формально командукр был разгружен от забот относительно Южного фронта. Но надо было проникнуться сущностью обстановки и сущностью указаний Владимира Ильича, требовавшего реальной помощи Донбассу. Может быть даже, ввиду явной для командукра беспомощности Реввоенсовета Южного фронта и особенно его 13-й армии, следовало поступить столь же по „партизански", как в начале января—в походе, вопреки указаниям главкома, на Харьков? Может быть следовало взять на себя непосредственно задачу организации и осуществления похода к Ростову, вырвав все, что только было возможно, из киевской армии, из Одессы, из Крыма?

Командукр чувствовал себя на распутьи. Колебался. Но не решился на этот раз „спартизанить". Не решился тем более, что знал о наших обстоятельствах в отношении помощи Бессарабии—Венгрии и наличии директивы центра оказать им эту помощь.

Знал, что уже был подготовлен наш ультиматум Румынии. И в начале мая должен был быть нанесен стремительный удар—„на запад".

Этот удар связал бы ненадежную дивизию Григорьева, да еще 5-ю нашу дивизию и местные, бессарабские, да интернациональные части. Он не ослабил бы наши силы на Украине. Напротив, связал бы нашего возможного врага на западе. И развязал бы нам руки для действий на востоке.

Так рассуждал командукр.

(Важное примечание. Недоверие командукра к разведчику 3) явно оправдалось, когда выяснилась неправильность некоторых, слишком точных, сообщений этого последнего и когда 3. в конце мая внезапно исчез из Киева накануне ареста его Особым отделом по указанию командукра. 30 июня в телеграмме, направленной зампред РВСР т. Склянскому, 6. командукр отмечал, что повидимому Деникин решил направить свой главный удар не в тыл нашему Восточному фронту, как это представлялось нашей разведке, а из Донбасса к северу Курск—Тула—Москва. О том же 6. командукр писал через несколько дней т. Ленину, критикуя ставший ему известным от тт. Склянского и Смилги план нашего главнокомандования, исходившего из того же неверного представления о целях добровольческой армии).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Несогласованность в работе фронта и тыла. Широкий размах формирований и слабость мобилизационной работы Наркомвоен. Размах формирований — не по средствам. Борьба за «хлеб» фронта с «тылом». Война... с Наркомпродом. Армия без белья, без шинелей, без сапог. Артиллерийское снабжение отстает.

В начале мая перед Укрфронтом вплотную стали две основные задачи: помощь Донбассу и помощь Советской Венгрии. Обе эти задачи были поставлены нам центром (о них имелось указание и от Ильича).

Но первая армия была еще в значительной степени связана борьбой с петлюровцами, а за спиною петлюровцев уже обнаружился новый враг—белополяки. Кулацкие восстания еще отвлекали значительную часть наших, еще недостаточно оформленных сил.

Необходимо было спешить с организационным оформлением повстанческих частей в подлинно регулярные; необходимо было в кратчайший срок развернуть в максимальном размере боевые силы Советской Украины. И вместе с тем надо было поскорее разгрузиться от второстепенных военных задач, дабы сосредоточиться на разрешении основных.

Но в организационном отношении мы были еще чрезвычайно слабы.

Фронт находился в перманентном раздоре с Наркомвоен.

Но несомненно командукр преувеличивал, когда неоднократно писал о бездеятельности органов Наркомвоен.

За время существования Укрфронта этими органами была проделана громадная работа, хотя и не теми темпами, которые требовались чрезвычайно быстрой сменой событий и чрезмерно нетерпеливыми руководителями украинских советских войск. Особенно большая работа была проделана Высшей военной инспекцией под руководством т. Иоффе.

На совещании 21 февраля Наркомвоен с командукром определили следующий план формирования.

1. Фронт доукомплектовывал до штатов 1-ю и 2-ю Украинские стрелковые дивизии и две особых стрелковых бригады.

2. Наркомвоен должен был из кадров 3-й интернациональной дивизии, прибывшей из РСФСР (остаток резервных формирований), развернуть по штатам приказа Реввоенсовета Российской республики 1918 г. № 220 две стрелковых дивизии—3-ю и 4-ю Украинские,

одну кавалерийскую дивизию, а для частей фронта сформировать 24 запасных батальона, 6 легких артиллерийских дивизионов, 2 гаубичных, 1 тяжелый и 5 кавалерийских дивизионов.

Но 15 марта, при вторичном обсуждении Наркомвоен с комфронтом Украины плана формирования, основная программа развития Рабоче-крестьянской Красной армии Украинской советской социалистической республики была изменена.

По ней распоряжением комфронта должны были быть сформированы из отдельных частей фронта 1-я, 2-я, 3-я Украинские стрелковые дивизии и 3-я дивизия пограничной охраны, развертываемая в двухбригадную дивизию из 3-й бригады пограничной охраны; две кавалерийских бригады—1-я и 2-я. Всего же 4 стрелковых и $^2/_3$ кавалерийской дивизии.

Наркомвоен должен был развернуть кадры 3-й интернациональной дивизии (остаток резервных формирований) в 4-ю Украинскую стрелковую дивизию, сформировать отдельную Крымскую стрелковую бригаду, Управление кавалерийской дивизии и одну ее бригаду, 14 легких и тяжелых дивизионов, 14 отдельных легких батарей, 3 инженерных батальона, 4 саперных роты, 2 батальона связи, авиационные части, обозы и запасные части, по расчету один запасный полк на 3-бригадную дивизию и специальные запасные части.

Всего Наркомвоен должен был сформировать $1^1/_3$ стрелковых дивизии и $^1/_3$ кавалерийской дивизии, вспомогательные части почти на все формирования фронта и свои 5 запасных пехотных полков и специальные запасные части.

Еще в апреле состояние частей Укрфронта представлялось далеко неоформленным.

В Киевской группе к 1 апреля числилось:

1-я дивизия (Щорс). 1-й Богунский полк—(Квяток)—2 275 штыков, 80 пулеметов, 10 минометов, 6 трехдюймовых орудий. Таращанский полк (Боженко)—2 800 штыков, 69 пулеметов, 3 бомбомета, 4 трехдюймовки, 2 тяжелых орудия, 2 эскадрона (225 сабель, 5 пулеметов), 1 бронепоезд. 3-й Нежинский полк (Черняк)—1 816 штыков, 37 пулеметов, 4 трехдюймовых орудия, 4-й полк (Антонюк)— 3 354 штыка, 16 пулеметов, 2 трехдюймовых орудия. 24-й авиаотряд. Маршевой батальон—1 045 штыков, 17 пулеметов. Батальон связи. Всего в дивизии 11 500 штыков, 225 сабель, 224 пулемета, 16 легких и 2 тяжелых орудия, 10 минометов, 3 бомбомета, 1 бронепоезд.

2-я дивизия (Ленговский). 5-й полк (Шмидт)—1 665 штыков, 25 пулеметов, 50 сабель. 6-й полк (Кисель)—3 250 штыков, 17 пулеметов, 100 сабель, 2 орудия. 7-й полк—1 027 штыков, 15 пулеметов, 25 сабель. 8-й полк—1 230 штыков, 12 пулеметов, 25 сабель. 13-й (Миргородский) полк—1 300 штыков, 10 пулеметов. 14-й (Чигиринский) полк—1 100 штыков, 20 пулеметов, одна батарея. Артиллерийский взвод (Ветерова), батарея 48-линейных и батарея 45-миллиметровых орудий. Авиаотряд. Батальон связи.

Всего во 2-й дивизии—9 572 штыка, до 200 сабель, 99 пулеметов, 6 трех-

дюймовых орудия, одно 48-линейное и одно 45-миллиметровое орудие, 2 бронепоезда, 1 бронедивизион и авиаотряд.

1-я отдельная стрелковая бригада (Шкуть). 9-й полк—1 300 штыков, 16 пулеметов, 42 сабли, 1 орудие. 10-й полк—1 612 штыков, при полку 4 трехдюймовых орудия, 43 сабли, 1 броневик. 21-й полк—1 200 штыков, 11 пулеметов, 57 сабель.

11-й Волынский полк—450 штыков, 2 пулемета. II артиллерийский дивизион—5 трехдюймовых орудий (при полках). Всего в 1-й бригаде—4 502 штыка, 100 сабель, 29 пулеметов, 5 орудий, 1 броневик.

Особая кавалерийская бригада: 1-й кавалерийский полк (Гребенку)—461 сабля, 6 пулеметов. 5-й кавалерийский полк—580 сабель, 10 пулеметов. 1-й полк червонного казачества—240 штыков, 380 сабель, 3 пулемета. Всего в кавалерийской бригаде: 240 штыков, 1 421 сабля, 19 пулеметов. Одна конно-горная батарея и конная т. Зюки—8 орудий.

2-я отдельно действующая бригада (Покус)—16-й полк—1 400 штыков, 6 пулеметов—кавалерийский дивизион—400 сабель; 22-й полк—200 штыков.

3-я пограничная дивизия—11-й пограничный полк—640 штыков, 4 пулемета.

12-й пограничный полк—550 штыков. 13-й пограничный полк—464 штыка; 15-й пограничный полк—400 штыков. Всего в пограничной дивизии: 2 004 штыка, 4 пулемета.

В общем в 1-й армии к 1 апреля: 29 478 штыков, 2 346 сабель, 441 пулемет, 35 легких, 2 тяжелых и 2 облегченных орудия, 10 минометов, 2 бомбомета.

В распоряжении Киевской группы кроме того было 4 бронепоезда, авиаотряд, бронеотряд.

Эти сведения несомненно преуменьшены—число сабель должно быть примерно на 25% больше, больше и число орудий и пулеметов.

Части весьма разнообразны по составу и вооружению. Более крупные объединения не оформлены. Крайний недостаток артиллерии (особенно тяжелой), инженерных средств и средств связи, почти полное отсутствие обозов. Артиллерия разбросана по полкам.

Но в боевом отношении кадры многих частей превосходны.

Штабами 1-й, 2-й и пограничной дивизий проделывалась немалая организационная работа. Вот отзыв о штабе 1-й дивизии: „Подкомиссия номер 4 Высшей военной инспекции, проинспектировав оперативный, административный и хозяйственный отделы дивизии, школу инструкторов и запасный батальон, считает долгом подтвердить отличную постановку дела и выразить благодарность. Необходимо дать дивизии радиостанцию, разрешить дать из Умани нужные автомобили и дать работников для преподавания социальных и общих наук в школе, в строевом отношении и в смысле дисциплины образцовой. Председатель подкомиссии № 4 Чанский, военрук Михайлов“.

Удовлетворительными признаны ВВИ инструкторские курсы 2-й дивизии (в Умани).

Представленный 9 апреля политотделом доклад о политическом положении в частях 1-й армии рисует следующую картину:

1-я дивизия. 1-й полк. Имеется: 1) коммунистические ячейки, 2) театральная секция, 3) подвижной театр, 4) библиотека и 5) трибунал. В литературе и политработниках большой недостаток. В общем полк в политическом и боевом отношении при улучшении положения с литературой будет хорош. 2-й полк. Организованы ротные коммунистические ячейки, но они себя еще ничем не проявили, ввиду постоянного передвижения полка. Культурно-просветительных организаций еще нет, но в этой области предпринимается соответственная работа. В литературе и политработниках большой недостаток. В общем, при наличии литературы, организованность и политическое воспитание будут несомненно улучшены.

3-й пехотный полк. Имеются ячейки сочувствующих, которые работают слабо. Открыт красноармейский клуб и при нем читальня. Культурно-просветительная работа, за недостатком литературы и политработников, неудовлетворительна. При наличии инструкторов, которые посланы, можно ожидать перелома в хорошую сторону.

4-й пехотный полк. Приступили к организации ячеек, трибунала и культурно-просветительной секции. Число сочувствующих растет. Недостаток в литературе, политработниках, оружии и обмундировании. Уровень красноармейцев как в боевом, так и в политическом отношении повышен.

2-я дивизия. 5-й пехотный полк. Организованы коммунистические ячейки, полковые и ротные трибуналы, школа грамоты и библиотека. Ощущается недостаток в литературе и политработниках.

6-й пехотный полк. Организован Ревтрибунал, коммунистические ячейки и культурно-просветительная секция. При наличии литературы и политработников, в чем большой недостаток, политический уровень будет на высоте положения.

7-й пехотный полк. Политический уровень несколько ниже, чем в других полках. Но за последнее время, в связи с работой политкома и политработников, замечается политический подъем. Организован трибунал и организуются ячейки по ротам.

8-й пехотный полк. Коммунистические ячейки во всех ротах. Командный состав в большинстве коммунисты. Ощущается недостаток в литературе и политработниках. Настроение революционное и боевое.

1-я батарея. 2-я дивизия. Имеется ячейка, в которой действительных членов 16 и сочувствующих 47. Организован Ревтрибунал и организуется товарищеский суд. Клуб с читальней и библиотекой.

Артиллерийский дивизион. 1-я дивизия. Замечается усиленный спрос на литературу. Библиотека есть. Организована коммунистическая ячейка.

1-я Особая стрелковая бригада. Имеются слабые коммунистические ячейки, ввиду недостатка политработников. Антисемитизм 9-го полка был умерен сформированием в этом полку роты 150 евреев.

2-я Отдельно-действующая бригада. Недостаток политработников затрудняет политическую работу.

Особая кавалерийская бригада. Коммунистическая ячейка штаба состоит из 2 коммунистов и из 25 сочувствующих. В каждом полку имеются политкомы и коммунистические ячейки, довольно слабые. Антисемитизм сильный. Литературы нет. В штабе есть небольшая библиотека.

Инженерный батальон 2-й дивизии. Замечается враждебное отношение к командному составу. Сорганизована коммунистическая ячейка. Военнореволюционный трибунал со следственной комиссией, культурно-просветительная организация. Контрольно-хозяйственная комиссия. Антисемитизм развит".

Мы имели основание опереться на кадры большинства полков Киевской группы.

Менее оформлены и менее устойчивы были части двух остальных групп. К 1 апреля в штабе фронта были о них весьма неточные сведения.

В Харьковской группе: 2-я бригада Заднепровской дивизии—4-й Заднепровский полк—2 000 штыков, 2(?) пулемета; 5-й Заднепровский—613 штыков, 4 пулемета; 6-й Заднепровский—540 штыков, 8 пулеметов; батарея гаубичная, легкая батарея—2 орудия и батарея 77-*мм*—4 орудия; 3-я бригада Заднепровской дивизии (Махно)—до 3 000 штыков, 17 пулеметов, 8 орудий; отдельная Крымская бригада начата формированием.

В Одесской группе: 1-я бригада Заднепровской дивизии (Григорьева), затем—15-й полк, Вознесенский полк, полк Тараса Шевченко, сводный полк Ткаченко, отряд („Южная армия") Попова и ряд отрядов херсонских повстанцев. Точного численного учета этих частей в штабе фронта не имелось.

Особенно плачевно было состояние артиллерийского дела во всех частях Укрфронта.

Инспектор артиллерии армий фронта Лаппо докладывал (6 апреля) о результатах проверки артиллерийского дела в Харьковской группе (даем в выдержках):

„Штабом группы до сих пор самостоятельно формировались мелкие артиллерийские части, что совершенно недопустимо. Это дело комиссариатов, иначе этим нарушается план формирования по нарядам, даваемым округам. При штабе группы было управление дивизиона Плавинского, формировавшего взводы. Последний взвод, отправленный им на фронт, оказался небоеспособным, одно орудие—без панорамы. Произведенная этому взводу практическая стрельба показала, что командный состав (красные офицеры) совершенно стрелять не умеют, люди не обучены, материальная часть не в порядке и т. д. Когда я обратил внимание штаба на это явление, то один из высших чинов заявил мне, что им важно дать пехоте моральную поддержку, звуковой эффект выстрела, а потому орудие может стрелять и без панорамы... орудиями пользуются как пулеметами, полки таскают их за собой, препятствуя тем самым сводить их в правильные боевые единицы. В том же Екатеринославском комиссариате не были взяты на учет технические артиллерийские мастера, а между тем в частях их совсем не имеется.

Проверка 1-го Украинского советского запасного дивизиона показала совершенно неудовлетворительное состояние дела (нет ничего, кроме людей, и то необученных).

...Управлением начальника артиллерии 1-й Заднепровской пехотной дивизии со стороны начальника штаба Поливанова приложено много работы и энергии.

Командному составу также произведено испытание в знании им артиллерийского дела, результаты оказались хорошими.

...При 2-й пехотной бригаде 1-й Заднепровской пехотной дивизии имеется одна гаубичная (48-линейная) батарея Шатловского—4 орудия. Мною приказано эту батарею переформировать в две батареи... В течение двух дней 28 марта и 1 апреля из 4 орудий выбыло из строя 3 орудия, причем у двух орудий сорваны тела орудий с люлек, а у третьего испорчен гребень замка. Причиною порчи орудия явилось ослабление давления орудия. Это объясняется либо недосмотром, либо незнакомством личного состава батареи с материальной частью этих орудий. Мною приказано осмотреть испорченные орудия и произвести расследование о причинах порчи орудий для привлечения, в случае небрежного отношения личного состава к своим обязанностям, виновных к суду... Упоенные взятыми трофеями, доносят и о тех орудиях, которые для боя не годны, а между тем благодаря этому создается впечатление, что на нашем фронте орудий много.

...Взятые в числе трофей орудия командиры пехотных бригад обращают на формирование своими средствами взводов. Набирают командный состав совершенно неподготовленный, сплошь и рядом из пехоты; не разбираются, соответствуют ли они назначениям на должность или нет, орудия вскоре приходят в совершенную негодность и т. д.

...Выборное начало все еще кое-где существует.

...Учет снарядов, выпускаемых в боях, не ведется, стрелянные гильзы не собираются. Об этом мною уже неоднократно докладывалось.

...Декреты и постановления правительства до частей не доходят, и если некоторые из них и доходят, то с огромным опозданием.

Запасных частей к орудиям совершенно нет. Большой недостаток в телефонных аппаратах и проводе... Из докладов, прибывших с фронта, выяснилось, что орудия почти всегда ставятся на открытые позиции и стреляют прямой наводкой, причем орудия располагаются разбросанно и стреляет каждое орудие самостоятельно, пехота требует иногда движения орудий впереди цепей".

17 апреля Лаппо дополнительно докладывал:

„Артиллерийские части 1-й Заднепровской в плачевном состоянии. Батарей в действительности до сих пор не существовало. Батареи сводились совершенно противоестественно, допускались сводные батареи из орудий негодных и различных калибров. Были допущены действия отдельными орудиями. Отсутствие артиллерийской организации, надзора, а также артиллерийских техников. Прицельных приспособлений при некоторых орудиях не имеется вовсе. За отсутствием запасных частей, а также инструмента и материалов, приходится снимать с позиций орудия. При орудиях не имеется зарядных ящиков и приходится снаряды возить на обывательских подводах. Полное отсутствие годного командного состава".

Состояние железнодорожных войск по докладу „начальника внешней охраны железных дорог Украинского фронта" от 9 апреля представляется в следующем виде: в его распоряжении к 1 апреля находится:—1-й Украинский железнодорожный полк—3 619 человек, 55-й

железнодорожный полк—1 062 человека, 58-й железнодорожный полк—7[illegible] человек, 59-й полк—250 человек и 25-й Полесский полк (нет точных данных). Недостаток людей в полках до 10 000 человек; объясняется он неполучением оружия и обмундирования и поздним началом формирования. Всего получено от начснабжения фронта (за март)—500 винтовок. Для охраны 16 000 верст железнодорожных путей при 10 000 постах нужно не менее 30 000 человек. Испрошено ходатайство о сформировании еще двух железнодорожных полков и о придании каждому из полков по 1 эскадрону.

Намеченные Наркомвоен для фронта формирования должны быть завершены к 15 апреля.

Записка о состоянии формирующихся органами Наркомвоен частей давала к 7 апреля для Киевского округа следующие сведения:

1. Отдельная Крымская бригада (Херсон—Николаев—Берислав)—„сведений нет".

2. 1-я бригада 4-й Украинской стрелковой дивизии (Киев)—28-й стрелковый полк—48 краскомов, 137 красноармейцев, 9 лошадей, 193 винтовки;

29-й стрелковый полк—52 командира, 148 красноармейцев, 21 лошадь, 219 винтовок;

30-й стрелковый полк—20 командиров, 793 красноармейца, 57 лошадей, 350 винтовок, 13 пулеметов;

Кавалерийский дивизион, саперная рота, рота связи, и обоз—100% некомплекта;

легкий артиллерийский дивизион—18 командиров, 187 красноармейцев, 44 лошади, 12 орудий.

3. Запасный пехотный полк—43 командира, 417 красноармейцев, 1 винтовка.

4. 3 минометных команды для фронта, понтонный батальон, прожекторное отделение—100% некомплекта.

5. 2-й Украинский инженерный батальон—19 командиров, 269 красноармейцев, 38 лошадей.

6. 3-й Запасный полк (Черкассы)—25 командиров, 653 красноармейца, 4 лошади.

7. Пограничный запасный полк (Черниговщина)—36 командиров, 28 красноармейцев.

8. Запасный эскадрон—6 командиров, 32 красноармейца, 9 лошадей.

9. Запасный эскадрон пограничной дивизии—1-я запасная легкая батарея, 2-я запасная легкая батарея, 3-я запасная легкая батарея—100% некомплекта.

Предельные сроки почти для всех этих формирований истекали 15 апреля.

По Харьковскому военному округу (на 1 апреля) имелись следующие данные:

1. Зачислен как формирующийся 13-й полк 2-й дивизии; на деле это бригада Богунского, неимеющая никакого отношения к округу.

2. По 2-й бригаде 4-й Украинской советской дивизии: 31-й стрелковый полк (Кременчуг)—58 командиров, 80 красноармейцев, 9 лошадей, 107 винтовок;

32-й стрелковый полк (Кобеляки)—32 командира, 17 красноармейцев, 14 винтовок;

33-й стрелковый полк (Константиноград)—24 командира, 17 красноармейцев, 24 винтовки;

3. 3-я бригада 4-й Украинской стрелковой дивизии:

34-й стрелковый полк (Харьков)—57 командиров, 1 309 красноармейцев, 87 лошадей, 157 винтовок, 1 пулемет;

35-й стрелковый полк (Сумы)—93 командира, 1 721 красноармеец, 33 лошади, 133 винтовки;

36-й стрелковый полк (Богодуховка)—49 командиров, 1 333 красноармейца, 23 лошади, 74 винтовки.

Штабы обеих бригад сформированы на 50%.

4. 5 минометных команд—100% некомплекта.

5. 3-я кавалерийская бригада—штаб—по 1 лицу. 5-й кавалерийский полк и 6-й кавалерийский полк—100% некомплекта.

6. Кавалерийский дивизион для 4-й Украинской дивизии—100% некомплекта.

7. Легкий артиллерийский дивизион и легкая батарея для 1-й Украинской дивизии—100% некомплекта.

8. Легкий артиллерийский дивизион и 2 батареи для 2-й дивизии—100% некомплекта.

9. Легкий артиллерийский дивизион для пограничной дивизии—100% некомлекта.

10. 100% некомплекта и для формирующихся трех гаубичных (по 1 на дивизию) батарей и для 2 тяжелых артиллерийских дивизионов.

11. 100% некомплекта для всех артиллерийских формирований 4-й Украинской дивизии.

12. В таком же состоянии все технические формирования и обоз.

13. 3-й Запасный полк (Екатеринослав)—15 командиров, 1 699 красноармейцев, 29 лошадей.

14. 4-й Запасный полк (Миргород)—41 командир, 692 красноармейца.

15. Запасные кавалерийские части—100% некомплекта.

16. Запасные легкие батареи—тоже.

17. 4 железнодорожных роты—сведений нет.

18. 2 авиаотряда—сведений нет.

Таково было положение со срочными (в 2 недели для пехоты, 1 месяц по остальным) формированиями, протекавшими, в значительной части свыше месяца.

Дополнительные задания по Киевскому округу:

1. 1-й и 2-й полки особого назначения—100% некомплекта (к 7 апреля).

2. Легкий артиллерийский дивизион для 1-й дивизии—24 командира, 301 красноармеец, 43 лошади, 4 пулемета, 12 орудий.

3. 2 тяжелых батареи—сведений нет.

4. Тракторный дивизион—сведений нет.

5. Бронеотряд—сведений нет.

6. Кавалерийский полк при правительстве—сведений нет.

Дополнительно по Харьковскому округу—2 запасных батареи—сведений нет; Румынский полк—сведений нет, 3-й советский полк особого назначения—100% некомплекта.

Мы решили более энергично взяться за фронтовые формирования.

С ведома Наркомвоен командукр по взятии Одессы приступает к развертыванию частей фронта.

13 апреля мы отдали командарм 1 следующий приказ по организационной части:

„Предписываю немедленно приступить к планомерному переформированию вверенных вам частей: 1) 1-й, 2-й, 3-й, 4-й полки развернуть в штатные бригады, три бригады свести в 1-ю дивизию, 4-ю бригаду выделить во 2-ю дивизию; 2) 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й и 10-й, 20-й, 21-й, 22-й, Волынский, Чигиринский, Миргородский, Константиноградский полки свести в две бригады—2-ю и 3-ю бригады 2-й дивизии; 3) переформирование 3-й бригады 2-й дивизии произвести, поставив эту бригаду гарнизоном в Житомире; 4) первую бригаду 3-й пограничной дивизии (11-й, 12-й и 13-й полки) развернуть до штатного состава, придать к ним один дивизион легкой артиллерии; развертывание произвести в районе Коростень—Овруч; 5) обратить особенное внимание на положение артиллерии при дивизиях: на каждую дивизию по 3 дивизиона легкой, один дивизион (шесть орудий) 48-линейной и один дивизион (4 орудия) тяжелой полевой; 6) снабдить части достаточным количеством обоза и средствами связи; 7) наблюдать за сведением бессарабских повстанцев в штатную бригаду, которой придать легкий артиллерийский дивизион; 8) развернуть в бригаду 3-й полк кавалерийской бригады (полк червонного казачества) и ее артиллерию довести до одного трехбатарейного конного дивизиона (№ 656)“.

15 апреля отдан приказ по фронту (№ 47):

„§ 1. Приказываю войска фронта переформировать в три армии. 1-я—штаб Киев, командующий Мацилевский, члены Реввоенсовета: Владимиров и Ушаков—бывшая Киевская группа.

2-я—штаб Екатеринослав, командарм Скачко, члены Реввоенсовета: Тищенко, и Дуцис. Заднепровская дивизия без 1-й бригады, 2-я отдельная бригада, 3-я бригада и Крымская бригада.

3-я—штаб Одесса, командарм Худяков, члены Реввоенсовета Голубенко, Рославлев, заместитель—Будьзко, 1-я бригада Заднепровской дивизии (6 полков), бригада Богунского, дивизион Попова, бессарабские повстанческие части и 5-й кавалерийский полк.

§ 2. Разграничительные линии остаются прежние.

§ 3. Все части 1-й армии свести в две штатные дивизии—1-ю и 2-ю, 1-ю кавалерийскую бригаду, отдельную Бессарабскую бригаду и Пограничную дивизию, 1-ю отдельную стрелковую бригаду влить во 2-ю дивизию. Все части 2-й армии свести в 2 штатные дивизии—бывшую Заднепровскую и 7-ю. Все части 3-й армии свести в две штатные Советские украинские дивизии—5-ю и 6-ю.

§ 4. 2-я отдельная кавалерийская бригада состоит в резерве фронта.

§ 5. Организованная в Киеве Днепровская флотилия включается в состав 1-й армии.

§ 6. Ввиду быстрого роста полевых формирований, всем начснабам спешно переработать планы снабжений, исходя из данных настоящего приказа".

Организационная работа между тем началась уже и в 3-й (Одесской) армии.

8 апреля даны по ней такие распоряжения:

1-й сводный полк Ткаченко переименовывается в 1-й Знаменский полк, III особый батальон 5-го полка переводится в 1-й Знаменский полк в качестве III батальона. 2-я Южная армия переформировывается во 2-й Ананьевский полк. Оба эти полка сводятся в Южную отдельно действующую бригаду.

1-я Южная армия переформировывается в кавалерийский дивизион Южной отдельно действующей бригады.

Южная отдельно действующая бригада подчиняется командующему группой войск Одесского направления.

Назначаются: бывший командир 1-го Сводного полка т. Ткаченко—командармом Южной отдельнодействующей бригады; бывший командир 1-й Южной армии, т. Богун—политическим комиссаром бригады; бывший командир 2-й Южной армии Марков—начальником штаба бригады; бывший командир Знаменского полка т. Айвазовский—командиром Ананьевского полка".

К 15 апреля числилось:

В 1-й дивизии—13 000 штыков, 1 000 сабель, 400 пулеметов, 12 легких, 2 горных, 2 тяжелых орудия, бронедивизион (три броневика), один бронепоезд, 2 бронеплощадки, авиадивизион.

Во 2-й дивизии: 15 000 штыков, 500 сабель, 200 пулеметов, 8 легких, одно 45-линейное, одно 48-линейное орудие, бронедивизион, 2 бронепоезда, авиаотряд.

В 1-й отдельной бригаде—2 300 штыков, 300 сабель, 40 пулеметов, 8 орудий.

Во 2-й отдельной бригаде (отправлявшейся в поддержку Донбасса) 900 штыков, 300 сабель, 10 пулеметов, 2 орудия (не учтен 15-й полк, приданный затем этой бригаде).

В пограничной дивизии—2 900 штыков, 20 пулеметов.

В кавалерийской бригаде—3 500 сабель, 50 пулеметов, 8 орудий.

Всего в 1-й армии: 33 000 штыков, 5 600 сабель, 740 пулеметов, 40 легких, одно облегченное и 3 тяжелых орудия, 2 бронедивизиона, 3 бронепоезда, 2 бронеплощадки и 2 авиаотряда.

В резерве фронта имеются: в Киеве только формирования и кадры 3-й стрелковой дивизии (собственно-резерв главкома)—всего до 3 000 штыков, и 4 орудия; в действии против банд—бригада Богунского (2 000 штыков, 10 пулеметов, 3 орудия); в формировании также Бессарабская бригада—около 3 000 штыков.

В Харьковской группе (2-я армия) числилось: 2-я бригада Заднепровской дивизии Дыбенко (1-я Григорьева отошла к Одесской армии, 3-я Махно—к Южфронту)—всего вряд ли более 10 000 штыков, 300 сабель, 30 пулеметов.

8 орудий; при группе бронепоезда „Спартак“, „Грозный“ и № 10 (эти три с морскими орудиями без снарядов).

К 15 апреля в 3-й армии (Одесса)—5-я стрелковая Украинская дивизия—1-я бригада: 1-й Знаменский полк—1 860 штыков, 2-й Ананьевский—3 450 штыков, 3-й Балтийский полк—1 800 штыков; 2-я бригада: полк Тараса Шевченко—1 049 штыков, Вознесенский полк—688 штыков, 5 пулеметов, Одесский полк—956 штыков, 4 пулемета; 3-я бригада: Бессарабский полк—540 штыков, 15 пулеметов, Приднепровский полк—2 000 штыков, 10 пулеметов; артиллерийский дивизион—27 орудий, 2 пулемета; 1 конный дивизион—1 200 штыков, 320 сабель, 14 пулеметов, 7 орудий.

6-я стрелковая Украинская дивизия (Григорьева): 1-я бригада Верблюжский полк—4 000 штыков, 18 пулеметов; Херсонский полк—4 000 штыков, 23 пулемета. 2-я бригада—Партизанский полк—3 000 штыков, 6 пулеметов. Тилентульский полк—2 100 штыков, 5 пулеметов.

Белорусская бригада в формировании. Вознесенский кавалерийский полк—800 сабель, кавалерийский полк Безпалова—360 сабель.

При армии еще автобронедивизион—7 броневиков с 24 пулеметами; бронепоезд № 1; авиадивизион—12 самолетов и инженерно-технический батальон. (Сведения о численном составе и вооружениях 6-й дивизии явно и в громадной степени преуменьшены,—наглядное свидетельство отсутствия связи и контроля со стороны РВС 3-й армии).

Для развертывания частей Укрфронта, согласно приказу от 13 апреля, нужны были громадные пополнения людьми и вооружением.

Одна 1-й армия (Киев) предъявила требование на пополнение до штатного состава—455 краскомов, 28 700 солдат пехоты, 365 кавалеристов, 1 700 артиллеристов, 2 160 специалистов и 8 000 лошадей. Требования на материальную часть были огромны.

Но получился приказ РВСР о немедленном направлении еще не менее дивизии в поддержку Донбасса.

Пришлось дать распоряжение—вывести из боя 2-ю дивизию для направления ее в Екатеринослав.

В связи с этим командарм указывал командиру 1-й армии:

„Бригада Богунского остается у вас. Она должна сменить части второй дивизии, которые, кроме третьей бригады, подлежат переброске в распоряжение командарм II Екатеринослав. Немедленно примите все подготовительные меры к скорейшей замене указанных частей. Замена должна произойти тотчас по ликвидации Триполья—Ржищево. За промедление ваша личная стройжайшая боевая ответственность. О получении и исполнении сообщите срочно“.

А всего несколько дней до того мы телеграфировали Богунскому: „Вас ждут в Бессарабии. Кончайте скорее Когарлык—Ржищев—Триполье“.

Бригада Богунского должна была влиться в 3-ю Одесскую армию, предназначенную для действий в Бессарабии.

Отправкой из Одесской армии во 2-ю—15-го полка, затем Вознесенского и Тараса Шевченко затруднялось формирование и намеченной 3-й Заднепровской дивизии.

Итак, фронт наметил широкое развертывание формирований, опираясь, как на кадры, на боевые, испытанные части. Наркомвоен получил от фронта громадный запрос на людской, конский материал и на материальную часть.

Но Наркомвоен, не считаясь с этими намерениями фронта и предъявленными на основе их дополнительными требованиями—до 100 000 людей, 4 500 лошадей и т. д., намечает также новую, расширенную, программу формирований—с 20 апреля, кроме 4-й, еще 5-ю (хотя на фронте уже намечена и почти оформлена 5-я Украинская стрелковая дивизия), дивизию, а затем и 6-ю, хотя 6-й дивизией с 13 апреля командует (на фронте) Григорьев. Сверх того, Наркомвоен берет на себя сформирование из отдельных интернациональных полков интернациональной дивизии и содействие фронту в формировании Бессарабской дивизии.

Для охраны железных дорог и эксплоатации головных участков при Начвосо Наркомвоен по требованию фронта приступлено было к формированию 5 полков железнодорожной охраны, кроме формирующихся распоряжением самого фронта двух полков железнодорожной охраны, а также 4 железнодорожных рот, 3 колесных транспортов и 8 этапных рот.

Сверх этого Наркомвоен формирует местные караульные части. Для всей территории Украинской ССР требовалось сформировать при каждом губвоенкоме по одному карательному батальону и при каждом уездвоенкоме по одной караульной роте. В таких городах, как Киев, Харьков, Екатеринослав, Симферополь, Николаев, Одесса и др., явилась необходимость увеличить число батальонов и одновременно даже сформировать караульные полки. В мае месяце оказалось, что при существующем настроении местного населения норма приказа № 25 уже недостаточна, почему округам было разрешено формировать добавочные караульные части путем разворачивания рот при уездвоенкомах в батальоны.

Наличие караульных частей к 1 июня: полков—8, батальонов—39, рот—76, команд—2. Всего 32 629 людей, 1 207 лошадей, 18 074 винтовки.

Вместе с тем Наркомвоен решил (с 20 апреля) формировать три полка Особого назначения и Коммунистический полк (резервный).

Все намеченные формирования при заполненном штате составили бы на фронте—комсостав до 8 000 человек, красноармейцев 216 000 человек, лошадей 75 000, винтовок 140 500.

Кроме того в белорусских и интернациональных частях должно было быть—комсостава 1 174, красноармейцев 57 500, лошадей — 18 000, винтовок—45 500.

На деле 1 июня в частях Укрфронта было—комсостава около 4 000, красноармейцев—89 200, лошадей 10 700, винтовок—62 000 (это кроме Крымской армии).

В предположенных Наркомвоен частях должно было быть—комсостава около 8 000, красноармейцев 241 000, лошадей 65 000, винтовок 100 500. Фактически же к 1 мая: комсостава 3 000, красноар-

мейцев 45 000, лошадей 1 700, винтовок—10 000. А на 1 июня—комсостава—4 964, красноармейцев—89 848, лошадей—5 644, винтовок — 38 348.

Таким образом некомплект к 1 июня составлял для комсостава до 7 000 человек, красноармейцев—280 000, лошадей—134 000, винтовок 141 000.

Для укомплектования намеченных к формированию частей необходимо было прибегнуть к мобилизации трудового населения Советской Украины.

По политической ситуации признано было возможным в первую очередь в марте призвать родившихся в 1896—1897 гг., т. е. 23 и 22 лет, лишь в семи уездах Харьковской губернии: Сумском, Ахтырском, Богодуховском, Харьковском, Змиевском, Валковском и Лебединском.

Мобилизация, назначенная на 15 марта, должна была закончиться в пятидневный срок, но затем продолжена до 1 апреля, так как вначале военнообязанные не являлись.

Во вторую очередь назначены были призывы в тех же уездах оставшихся двух годов (1898—1899) и четырех годов (1896—1899) в уездах: Волчанском, Харьковской губернии, в пяти уездах Полтавской губернии, в г. Екатеринославе и Новомосковском уезде Екатеринославской губернии, в Черниговской губернии и в г. Киеве.

В г. Киеве призыв был произведен только с 25 апреля. Состояло на учете 13 049, явилось—4 839 (37%), принято в войска 2 796 что составляет 22% состоящих на учете и около 58% явившихся на призыв.

В Харьковском округе призыв этих четырех возрастов фактически был проведен в период со 2-го по 6-е мая лишь в городах Харькове, Полтаве, Екатеринославе и Волчанском уезде Харьковской губернии. Явилось—9 592 (около 66%). Принято в войска—5 866, что составляет 40% состоящих на учете и около 60% явившихся на призыв.

В Черниговской губернии мобилизация, после окончания всех подготовительных работ военкомов, была назначена на 18 мая, но, „ввиду отсутствия продовольствия, необходимого для обеспечения призываемых“, была отложена и до 1 июня не была осуществлена.

В Подольской губернии, хотя часть местных аппаратов и была готова для проведения мобилизации, но „по политическим обстоятельствам и за недостатком продовольствия и фуража производить мобилизацию было невозможно“.

Так же и в Волынской губернии, где политическая комиссия „не считает возможным произвести призывы впредь до окончания политической подготовки населения, которая только началась с 20-х чисел мая в одном уезде“.

Что касается Одесского округа (Херсонской и Таврической губ.), то призыв в пределах его предполагался в апреле, но по сообщению уполномоченного рабоче-крестьянского правительства решено было, ввиду „неблагоприятно сложившейся в то время обстановки, от мобилизации воздержаться; эти обстоятельства не изменялись и в мае месяце.

Для пополнения формируемых частей 4-й и 5-й Украинских стрелковых дивизий приказом Наркомвоен от 9 мая был назначен дополнительный призыв 2 возрастов (1894 и 1895 гг., т. е. 24 и 25-летних) в тех уездах, где уже была мобилизация 4 возрастов, а в немобилизованных уездах—граждан 20—23-летнего возраста. Приказ этот был осуществлен лишь с 20 мая. По г. Киеву явилось 1 872 человека (около 32%), принято в войска 876 (47% явившихся).

Наконец в третью очередь во исполнение задания РСФСР 27 мая постановлено призвать два возраста 1899—1900 гг. в юго-западной и южной части Украины, а именно: в Подольской губернии, в четырех уездах Волынской, в четырех уездах Херсонской и двух уездах Таврической губернии, который выполнить в июне месяце.

Но к действительному проведению в жизнь этого приказа до 1 июня не удалось приступить.

Призыв унтерофицеров был произведен только в Харьковском округе в марте месяце, родившихся в 1890—1897 гг., т. е. от 22 до до 29 лет (в 8 уездах Харьковской губернии, 5 уездах Екатеринославской и Полтавской губ.) и дал следующие результаты: по Харьковской губернии—7 134, по Екатеринославской губернии—6 588, по Полтавской губернии—4 622. Итого 18 344.

Призыв прошел успешно, и количество принятых обеспечило потребность укомплектования (по отчету Наркомвоен).

Для укомплектования формируемых учреждений писарями и телефонистами 4 марта была назначена мобилизация названных категорий, родившихся в 1896—1897 гг., в Харьковском округе в период с 5 по 12 апреля, причем принято: бывших писарей—622 человека, бывших телефонистов—417 человек.

Приказом Наркомвоен от 26 марта назначена мобилизация б. артиллерийских техников, артиллеристов и пулеметчиков, родившихся в 1894—1897 гг. Принято б. артиллеристов-техников—4, б. артиллеристов—4 378, в г. Киеве 148; б. пулеметчиков—3 617.

Объявлена мобилизация граждан, служивших в кавалерии, в возрасте от 20 до 29 лет, в немобилизованных еще уездах, и родившихся в 1890—1895 гг., т. е. от 24 до 29 лет в мобилизованных ранее уездах. В Харьковском округе призыв не был выполнен; по Черниговской губернии призвано 1 117 человек и по г. Киеву 958; всего 2 075.

Согласно телеграммам председателя Совета обороны РСФСР от 10—11 мая, в г. Киеве, Харькове, Екатеринославе, Одессе, Николаеве и в некоторых других крупных центрах и фабрично-заводских районах была объявлена мобилизация рабочих.

Призыву подлежат рабочие фабрик, заводов как состоящие в этих предприятиях, так и временно безработные, в возрасте от 24 лет и старше (четыре младших возраста были призваны уже в числе граждан, не эксплоатирующих чужого труда).

Для пополнения частей Южного фронта был дан наряд на 20 000 человек и для укомплектования формируемых вновь на Украине частей, также предназначенных для усиления фронта, Наркомвоен установил еще 25 000, всего 45 000. Время призыва с 15 мая по 5 июня.

Всего принято: 11 551 человек, что составляет 57% наряда. Для производства в тылу оборонительных и других работ были призваны повсеместно на Украине граждане, не подлежащие приему в Красную армию, родившиеся в 1896—1899 гг. Призыв в г. Киеве: принято—1 459. Из призванных сформирована Святошинская рабочая дружина. По Черниговской губернии призвано—245 человек; по Харьковской губернии—299 человек; всего в тыловое ополчение призвано 2 003 человека.

Помимо обязательных призывов известных классов населения была развита преимущественно в г. Киеве „агитация по привлечению добровольцев". Результат оказался мизерен: прибыло и зачислено в части войск всего лишь 887 человек.

Для пополнения формируемых частей, предназначенных для скорейшей отправки на фронт, разработан проект о производстве в каждой волости по выбору местных волостных исполкомов мобилизации одного на 500 человек населения не старше 30 лет из числа призывавшихся в 1914—1915 гг.

Проект этот получил санкцию Всеукраинского съезда волостных исполнительных комитетов и объявлен Советом рабоче-крестьянской обороны к немедленному исполнению.

Ожидалось от 13 000 до 26 000 надежных бойцов.

Призыв командного состава. Первая мобилизация произведена 7—11 марта в губерниях Харьковской, Полтавской, Екатеринославской и в Донецком бассейне. Явилось—б. офицеров 5 218 (171%), б. чиновников—2 304 (183%). Принято в войска—б. офицеров 3 784 (около 73%), б. чиновников 2 094 (91%).

Вторая мобилизация в губерниях Киевского и Одесского округов (Киевской, Херсонской, Таврической и в шести уездах Подольской) назначена была с 7 мая.

В г. Киеве явилось б. офицеров—1 205 (21%), чиновников—815 (47%). Принято в войска—915 б. офицеров, 514 (63%) б. чиновников.

„Небольшой процент явившихся объясняется тем, что в число неявившихся вошли слушатели высших учебных заведений, служащие в советских учреждениях и явно негодные к службе по болезни". Так же слаба была явка и в других губерниях.

Для пополнения некомплекта флота объявлен был призыв бывших морских офицеров. Призыв назначен на 10 мая.

„Затруднения по проведению мобилизаций заключались, помимо политических причин, также в недостаточном оформлении сети военкомиссаров, отсутствии местами учета военнообязанных".

Учет населения произведен лишь в 41 уезде из 85, т. е. процент законченности 48; принято на учет 903 438 человек. Ввиду еще большей сложности и трудности учета конского запаса его удалось закончить лишь в 17 уездах (20%). Общее число взятых на учет лошадей 170 000, из них годных для войск—57 000.

При нормальных условиях мы бы могли удовлетворить потребности намеченных формирований людским и конским составом.

Но следует отметить, что Наркомвоен чересчур осторожно подходил

к мобилизациям и крайне вяло их проводил. Так, командукр (в середине апреля) рекомендовал провести мобилизацию в ряде уездов Подольской и Херсонской губерний.

Эти указания, как и ряд других подобных, не были выполнены.

Наркомвоен конечно не мог удовлетвориться призывом в армию бывших офицеров; он должен был озаботиться подготовкой своего, надежного советского комсостава. В этом отношении была им намечена и проведена большая работа.

К 1 мая действовали 6 пехотных курсов с 1 735 курсантами, 2 артиллерийских курса с 340 курсантами, 1 кавалерийские курсы на 100 человек, 2 инженерных с 213. К 5 июня—в 11 действовавших пехотных курсах 3 719, в 3 артиллерийских курсах—817, в 2 кавалерийских курсах—167, в 2 инженерных курсах—167, в открывшихся с мая курсах технических средств борьбы—46.

В общем некомплект (против штата) достигал почти до 50%.

До 1 июня выпущены 75 пехотных командиров (в Харькове) и 328 взводных (в Екатеринославе); с повторительных курсов пехоты—28.

Обстояло слабо и с подготовкой политсостава.

Политическое управление Наркомвоен также, согласно его отчетам, проделало громадную работу:

1) с 15 февраля по 1 июня им направлено на фронт 47 политработников, в тыловые учреждения—129;

2) организованы были курсы военкомов и политработников.

На Центральных агитационно-инструкторских курсах занятия начались 5 мая (всего около 300 курсантов); выпуск 15 июня; на курсах военкомов—15 мая, выпущено 1 июня 39 человек. Зато издательская и политико-культурная работа широко развернута. Изданы до 15 июня 6 760 000 экз. листовок, брошюры и т. п. При всех частях клубы. Все это было однако очень жидко. Но при более энергичной работе, при большем доверии к фронтовым частям и при сосредоточении Наркомвоен на содействии фронту Наркомвоен, отказавшись от так и не осуществленного намерения организации целых трех стрелковых дивизий, смог бы в громадной мере помочь оформлению Украинской советской армии.

15 мая, посылая доклад Л. Троцкому, прибывшему в Харьков, командукр, отмечал:

„Если тыл не работает для фронта—регулярной армии не будет...

За все время Наркомвоен послал в армию всего 8 маршевых рот (в бригаду Покуса вошли части повстанческие, а не Наркомвоен).

Наркомвоен не сформировал для фронта ни одного штатного обоза, ни одной команды конных или пешеходных разведчиков, ни одной пулеметной, минометной команды, ни одного батальона связи. Ни одно из заданий фронта в этом отношении выполнено не было.

Точно так же фактически не создано никаких продовольственных и иных базисных и расходных магазинов, за что взялся Главначснаб. Не дано ни одного технического поезда, бани, прачечной.

Бронепоезда, заказанные к 15 апреля, не выпущены до сих пор".

Положение почти не изменилось и в течение мая. Фронтовые части

не получали никакого пополнения. В середине мая мы приказывали командарму 1 провести мобилизацию в бедняцких уездах Подольской губернии, сопротивляющихся военкомов выслать в Киев комфронту. Несмотря на все меры, фронт не мог справиться собственными силами с переформированием частей. К 19 мая инспектор артиллерии (а это слабейшее наше место) сообщал, что лишь к середине мая удалось собрать отдельно действующие артиллерийские части в батареи и дивизионы и придать их стрелковым дивизиям. Но обнаружился серьезнейший недостаток материальной части, комсостава и артиллерийских техников. Слабее всего—с тяжелой артиллерией.

Военные комиссариаты крайне неудовлетворительно справляются с возложенными на них заданиями.

Так из пяти украинских легких артиллерийских дивизионов сформированы пока 2, из 16 легких батарей—5, из 5 легких парков—ни одного; из 6 гаубичных батарей—ни одной; для тяжелого артиллерийского дивизиона—ничего не сделано.

Артиллерийское снабжение сильно хромает—особенный недостаток винтовочных патронов. К 15 мая на всех складах армий имелось 820 000 русских патрон, около 8% млн. иностранных, 162 000 ручных гранат.

Состояние артиллерийских частей: в 1-й армии—в 1-й дивизии 28 легких и 2 тяжелых орудия, во 2-й дивизии—14 легких, 4 гаубицы.

Сравнительно со штабами недостаточно во всех дивизиях фронта—138 легких, 16 гаубичных и 18 тяжелых орудий.

Мы намечали громадные формирования. Всего на фронте должно было быть до 8 стрелковых дивизий, пограничная дивизия и кавалерийская дивизия полного штата.

Сверх того Наркомвоен должен был формировать 3 стрелковые дивизии.

А между тем и наличные зародыши будущих штатных единиц страдали от недостатка снабжения. Но Реввоенсовет фронта полагал, что этот недостаток может быть устранен путем планомерного развертывания заготовок и налаживания распределения. Дело в том, что кое-какие ресурсы (иногда значительные) были, но безобразно использовались, например очень туго было в частях с кормом для лошадей. В Пришибе же—в скирдах лежало до 1 млн. пудов сена.

4 апреля командукр писал предсовнаркома по поводу снабжения и остальных недочетов.

„Вынесены были прекрасные резолюции. Общий смысл—„все для армии“. Но...

1. Армии для лошадей нужен овес. Наркомзем забронировал экономический овес—„это посевный“. Таким образом наша артиллерия, кавалерия, обозы должны остаться без лошадей, зато к осени над трупом нашей армии подымется море овса.

2. Канцелярия сидит над канцеляриями,—деревня остается без политработников, без литературы. В армии вопль—нет работников.

3. Армия без сапог, без шинелей, без белья.

4. Население не разоружено.

Дайте же наконец гарантии, что принимаются меры.

Предлагаю:

1. Пересмотреть решения о посевном овсе в духе—половину овса дать армии. Помните, что вступаем в местности, где с фуражем и овсом будет еще хуже.

2. Мобилизовать все силы партии на всей Украине, в Донецком бассейне, в Криворожье и т. д.; $1/3$ сил направить в деревни—особенно Полтавской, Черниговской, Киевской губерний.

Под суд всех, кто повинен в отсутствии агитационной литературы как на русском, так и на украинском языках. Не оправдание, что были на съездах,—надо оставлять достойных заместителей.

3. Подчинить военному ведомству все мастерские, работающие на армию, завести в них железную дисциплину.

4. Комиссару внутренних дел и Наркомвоену разработать меры по обезоружению населения".

Предсовнаркома ничего не ответил, но по поводу овса распорядился, чтобы под предлогом обсеменения полей не скрывали имеющиеся огромные запасы овса и ячменя.

Перед наступлением в Киевскую и Подольскую губернии мы указывали предсовнарком и Наркомвоен на то, что снабжение армии скоро станет более затруднительным, ибо армия вступает в голодный район. Но тыловые органы снабжения не предприняли необходимых мер...

О результатах такого отношения чрезвычайно выразительно говорит одна из многочисленных телеграмм по вопросам продовольствия 1-й армии:

„Неоднократно телеграфировал и повторял, что хлеба, фуража, сала, мяса нет, но ниоткуда помощи не получил. Вновь повторяю, что дивизия голодает, лошади падают; район весь истощен; население само голодает; местный военком ничего не имеет и помочь не может. Положение критическое. Командированные от дивизии агенты в Сквирский, Таращанский, Уманский уезды, как самые богатые, ничего оттуда не привезли, так как местные власти в отпуске продуктов отказали. В силу создавшегося положения части вынуждены производить самочинные реквизиции, но за отсутствием денег плата за реквизируемое не производится, что вызывает возмущение крестьян. Прошу экстренных и решительных мероприятий и указать, откуда получить требуемые продукты. Категорически указываю, что положение серьезное, последствия могут быть печальными"...

Армия находилась фактически на „подножном корму".

С 1 марта по 17 апреля наша Киевская группа получила из различных источников зерна—2 086 пудов, муки—21 400 пудов, крупы—10 050, печеного хлеба—671 пуд, мяса—522 пуда, сала—254 пуда, овощей—500 пудов, мыла—645 пудов, сена—1 750 пудов, соломы—807 пудов, жмыхов, отрубей, конских галет—4 600 пудов.

Это на полторамесяца при наличии армии в 50 000 едоков и 10 000 лошадей!!

В мае положение нисколько не улучшилось,

К 15 мая 1-я армия была „обеспечена": мясом на 1 день, сахаром на 10 дней, солью на 12 дней, мылом на 5 дней, сухих овощей на 1 день, жиров на 5 дней, табаку на 5 дней; муки, крупы, консервов, перцу, фуража, капусты, картофеля, спичек—полное отсутствие.

В 3-й армии положение было немногим лучше—мяса вовсе нет, зато жиров на 12 дней, табаку на 120 дней, муки на 1 день, крупы—на 5 дней, картофеля на 5 дней, капусты на 6 дней, фуража на 1 день.

В магазинах имелся все тот же сахар, соль, мыло (11 дней); но было немного (на 4 дня) сухих овощей, 711 пудов муки, 2 041 пуд крупы, 129 000 коробок консервов, 42 пуда перцу.

Киевский окружной военный комиссариат получил от Наркомпрода, от 12 марта по 1 июня—лишь 1,64% своей потребности (заявки) в муке, около 6 % крупы, 3 % мяса, 0,1% лука, около 5% картофеля, 2% жиров, куль перцу, 0,6% чаю, 0,11% мыла, 0,1% табаку, 2% овса, 3% сена и 0,02% соломы.

На 1 июня значилось в продмагазинах Украины: пшеница и рожь—1 481 пуд, мука разная—6 614 пудов, крупа разная—25 657 пудов, мясные консервы 73 676 коробок, сало—304 пуда, масло разное—1 230 пудов, сушеные овощи—5 981 пуд, чай и кофе—2 274 пуда, овес и ячмень—9 186 пудов, сено—32 508 пудов, жмыхи—3 425 пудов, отруби—4 728 пудов.

Снабарм (Наркомпродовский) противопоставлял свои цифры:

По сведениям Снабарма отпущено армии вообще (по 25 мая) на февраль—март, апрель и май: пшеницы и ржи (в пудах)—1 244 00, (65% заявки), крупы разной—198 000 (65%), мяса и рыбы 98 708—10 207 порций (11%), сала или масла 55 851 + 3 вагона (56%), овощи сушеные 12 613 + 3 вагона (26%), чай и кофе 384 (6%), мыло 9 275 (45%), табаку—2 488 (5%), овса и ячменя 29 896 (0,5%), сена и соломы 6 425 349 + 329 вагонов (14%).

Но это по сведениям Снабарма, который по отзыву Наркомвоен. не смог обосновать этих своих сведений; „фактически удовлетворение значительно ниже".

Что касается предметов обмундирования, то благополучно лишь с теплыми вещами. По сведениям Наркомвоен имелось к 1 июня новых и годных к носке (на складах Украины)—шинелей 1 519, рубах суконных и мундиров—43 388, шаровар 13 447, летних гимнастерок—90 631, шаровар летних—15 880, сапог—2 290, ботинок—1 159, нательных рубах—31 505, исподних брюк—34 694.

Предметов снабжения было достаточное количество.

Сравнивая потребность и возможности ремонтирования старых предметов, Наркомвоен вычислял (к 1 июня), что этим ремонтированием при полном штате формируемых частей можно удовлетворить: потребность в шинелях на 7%, в рубахах суконных $1\frac{1}{2}$%, в гимнастерках—62%, шароварах летних—0, сапогах—57%, ботинок—4%, рубахах нательных—$1\frac{1}{2}$%, исподних брюках—1%.

Все мастерские Украины изготовили к 1 июня: шинелей—75 005, рубах суконных—70 236, рубах летних—132 297, шаровар летних—199 655, сапог—154 121, рубах нательных—247 799, кальсон—275 235.

Главхозупр Наркомвоен заявлял, что до 1 июня выдано из складов

(т. е. и из числа захваченного, а не только нами изготовленного) и мастерских Украины: шинелей—82 889, рубах суконных и летних—320 160, шаровар—283 031, сапог—168 902, рубах нательных—241 672, исподних брюк—215 794, снаряжения—80 000, повозок—3 837, двуколок—3 802, кухонь походных—1 185.

Но эти выдачи и заготовки поглощались прежде всего „тыловиками" (учрежденцами, караульными частями, формированиями Наркомвоен). Фронт же чрезвычайно страдал от недостатка вещевого снабжения.

Серьезные возможности как будто открывались перед нами в артиллерийском снабжении.

Наркомвоен докладывал (15 июня):

„Благодаря тому, что западная и юго-западные части Украины в минувшую войну с Германией представляли собой ближайший тыл действующих армий, в этих районах осталось огромное количество артиллерийского имущества, большей частью во временных мелких артиллерийских складах (числом до 30) в Волынской, Подольской губерниях, и только небольшая часть его была свезена в постоянные склады...

Общее количество оставшегося на территории Украины артиллерийского имущества к моменту прихода советской власти составляло: орудий—до 1 500, зарядных ящиков—до 7 000, артиллерийских повозок—до 10 000, артиллерийских снарядов до—2 000 000, винтовок 3-линейных до—200 000, винтовок иностранных и устаревших до—100 000, пулеметов разных систем до—3 000..."

Но почти все годное и ценное артиллерийское имущество было заблаговременно вывезено петлюровцами из постоянных артиллерийских складов по направлению к Галиции. Все оставшееся имущество было в хаотическом беспорядке и в большей своей части требовало исправления. По мере продвижения Красной армии на запад и на юг общее количество имущества возрастало путем захвата военной добычи...

Артиллерийские заводы, вследствие постепенного втягивания их в район военных действий, прекратили работу к моменту восстановления советской власти. Бездействовали: Шостенский пороховой, Луганский патронный, Демиевский снарядный, Екатеринославский оружейный, Киевский и Приазовский арсеналы, снаряжательная мастерская при ст. Караванная, Кадиевский бензольный завод, Киевская оружейно-пулеметная мастерская и все артиллерийские и оружейные мастерские при постоянных артиллерийских складах...

С восстановлением на Украине советской власти начался учет артиллерийского имущества, производившийся сначала местными губ.- и уездвоенкомами без руководящих указаний и вследствие того протекавший крайне беспорядочно. Со времени же сформирования Окарту и ГАУ (март месяц) начался более планомерный учет в тылу армии, который к концу апреля дал следующие результаты: орудий, подлежащих ремонту—725, зарядных ящиков—2 768, винтовок разных систем—91 000, пулеметов—650, артиллерийских снарядов—1 290 000, патрон винтовочных разных систем—54 600 000—в тыловых складах.

Согласно плану формирований, установленному в окончательном виде к концу апреля, потребность для формируемых частей выразилась в:

	Для формирования	Годовая потребность фронта и в складах
Орудий —	544	744
Зарядных ящиков	2 150	452
Винтовок	230 506	134160
Пулеметов	2 872	5 055
Патронных винтовок	62 182 000	1 868 413 460

Для удовлетворения этой потребности к 1-му июня на Украине имелось исправленных: орудий—292, винтовок—11 384, пулеметов—396.

Недостаток в артиллерийском имуществе легко мог бы потерять свою остроту, если бы была полностью использована ремонтная производительность арсеналов, мастерских и частных заводов.

Не считая последних, эта возможная производительность в месяц была (к 1 июня) таковой: орудий—178, зарядных ящиков—35, пулеметов—345, винтовок—42 800.

Возможная производительность Шостенского порохового завода: капсулей для винтовочных патрон—100 000 000 в месяц, пороху бездымного—1 500 пудов в сутки, дымного—60 пудов в сутки. Действительная производительность—75 000 000 капсулей в месяц. Крайний недостаток топлива задерживает выполнение нарядов.

Возможная производительность Луганского патронного завода—1 500 000 патрон в сутки, действительная же—250 000 патрон в сутки. Главнейшей причиной такой разницы помимо общей является продолжительное пребывание завода в районе боевых позиций.

Количество отремонтированного артиллерийского имущества по отношению к общему количеству артиллерийского имущества, требующего ремонта, выражается в процентах: орудий 35, винтовок—80, пулеметов—77.

По сведениям ГАУ на 1 июня выдано из складов и мастерских: орудий 3-дм. полевых—238, орудий 3-дм. горных 6, орудий 4,8-линейных гаубиц—30, орудий 42-линейных пушек—1, орудий 4-дм. гаубиц—6. Винтовок разных—153 962, пулеметов разных—2 482.

Разного оружия выдано фронту: 3-линейных пехотных—17 292, 3-линейных драгунских—4 464, Гра—1 010, Гра—Кропачек—70,8-*мм* германских—763, 8-*мм* австрийских—326, 2,5-*мм* японских—5 908, Максима русских—202, Максима германских—22, Льюиса—39, Гочкиса—11, Шоша—626.

Формируемым в тылу частям выдано (также до 1 июня): винтовок 3-линейных—29 624, драгунских—6 724, берданок—9 336, Гра—16 979, германских—2 625, австрийских—13 104, японских—14 784, румынских—29 717, прочих систем—1 300, карабинов разных—до 250, пулеметов разных—939, ружей Шоша—720.

Инженерного имущества выдано (до 1 апреля): средств телеграфно-телефонной связи ничтожное количество; фронт самоснабдился в весьма ограниченном виде; еще слабее снабжение миноподрывным имуществом. Радиотелеграфное выдано: 5 полевых, 2 легких, 1 кавалерийская и 1 автомобильная станция; прожекторных станций выдано 8 (две полевых, 6 траншейных). Шанцевый инструмент имелся в изобилии.

Приводим несколько данных о броневом отделе Главначснаба: зарегистрировано к 1 июня 19 бронепоездов, 3 автобронеотряда и 4 бронедивизиона. Бронеотделом обследованы заводы. Наиболее приспособленным оказался Днепровский завод, располагающий большим количеством высокосортной стали. Завод б. Греттера и Криванека в Киеве оказался также в состоянии бронировать поезда,—но за отсутствием стали производилось бронирование подходящими сортами железа. Для работ по бронированию и ремонту бронепоездов были приспособлены также заводы—Харьковский паровозостроительный, Гартман в Луганске и Краматорский машиностроительный. Днепровским заводом в Каменском, Екатеринославской губернии, выпущен поезд „Советская Россия“ и сделаны заготовки на 20 бронепоездов. Паровозы для изготовляемых Днепровским заводом бронепоездов бронировались на заводе Гартмана в Луганске. На заводе Греттер и Криванек в Киеве было забронировано 3 поезда: „Коммунист“, 2-й поезд и 3-й поезд „Карл Либкнехт“, забронирована также 1 дрезина и товарная платформа поезда т. Ворошилова. На том же заводе ремонтировались пострадавшие в боях поезда: „Коммунист“, „Киевский коммунист“, „Карл Либкнехт“, „Тов. Ворошилов“—2 раза, „Гром“ и „Тов. Руднев“. На Харьковском паровозостроительном заводе отремонтировано 2 бронепоезда.

По 1 июня выдано со складов и мастерских Украины броневиков пушечных 14, пулеметных 33 и 9 бронепоездов.

К тому же времени Автоуправлением выданы: автомобилей легковых 117, грузовых 230, санитарных 10, мотоциклов 82 и т. д.“

Так значилось в казенных отчетах Главначснаба. На деле фронт испытывал крайний недостаток и артиллерийского снабжения.

Еще под конец мая мы тщетно добивались исполнения следующих наших пожеланий:

„1. Неисправное артиллерийское имущество, отправляемое в тыловые мастерские, должно быть возвращаемо по исправлении в артиллерийские склады артиллерийского снабжения армий Укрфронта.

2. Деятельность технических заведений (арсеналов и мастерских) на Украине должна быть восстановлена для приведения в кратчайший срок неисправного артиллерийского имущества в годное для боевых действий состояние.

3. Все технические заведения Украины должны подчиняться фронту и распределяться между армиями.

4. В частях войск фронта должны организовываться особые команды по сбору оружия и огнеприпасов, оставляемых убитыми и ранеными, а также брошенных неприятелем. Все собранное должно сдаваться в артиллерийские склады армий.

5. В артиллерийских складах фронта необходимо иметь запас предметов артиллерийского снабжения для экстренных выдач действующим частям в размере 5—15% штатного количества артиллерийского имущества.

6. Необходимо вменить в безусловную обязанность Окарту под угрозой ответственности соблюдение секретного приказа Реввоенсовета республики о снабжении в первую очередь фронтовых частей".

В ответ на наши требования мы слышали упреки в том, что фронтовые части и тыловые склады действующих частей переполнены военными трофеями. Действительно нашими частями была захвачена у врага громадная военная добыча. Но она находилась зачастую в непригодном состоянии и была случайного подбора. Для распределения захватываемой добычи при наших дивизиях действовали особые комиссии из представителей фронтовых и тыловых снабжающих органов. Эти комиссии направляли в тыл излишнее вооружение. Принимались и более решительные меры: командарм 1 в конце марта лично провел две инспекции боевых запасов наших частей и вывез с фронта в Киев... до 200 вагонов различного груза. В начале апреля сверх остального мы передали в распоряжение Киевского Окарту 6 000 исправных и 21 000 неисправных винтовок, захваченных частями 2-й дивизии. В мае переданы 15 000 исправных винтовок, отбитых нами в Волочиске; из них 7 000 направлены нами в Харьков для вооружения частей, направляемых в Донбасс. Сверх того особоуполномоченным киевского окрвоенкома т. Локатошем к 1 июня вывезены с фронта (от частей) артиллерийских складов Волочиска, Черноострова, Проскурова, Городка, Ярмолинца, Каменец-Подольска, Катажан и Жмеринки—586 орудий, 48 пулеметов, 7 000 русских винтовок, 33 000 иностранных винтовок, 121 замок орудийный, 67 тел. орудийных, 132 орудийных прицела, 40 000 ручных гранат, свыше 400 000 снарядов, 12 000 мин. и т. д. Всего 1 300 вагонов.

Фронт, сам крайне скудно снабжаемый, конечно с неохотой отдавал „тылу" отбитое у врага. Эта неохота лишь возрастала при столкновении с невероятным бюрократизмом довольствующих органов. На наши требования Наркомвоен и Высшая военная инспекция отвечали большей частью канцелярскими отписками.

Это положение мы вынуждены были отметить в рапорте от 17 апреля:

„По поводу ваших №№ 3382, 3432, 3305 никакого дела о бездействии Киевского окрвоенкома не возбуждал, а просил Наркомвоен подтянуть округ в его работе. Вместо подтягивания вы благословили ротозеев на ротозейство. В добрый час. Но остается фактом невыполнение округом почти всех своих обязательств. В вами сообщенных отчетах много недочетов. „Условия"... Верно, но мы тоже „условие"!

Армия 1) еще на подножном корму, 2) слаба командным составом, 3) слаба политическими работниками, 4) слаба техникой, 5) плохо, плохо снабжена и 6) лошади дохнут с недоеда. Это факт.

Тут нужны не канцелярские отписи и не нагромождение инструкций на инструкции—работа нужна. Ее не вижу".

Вот что (15 апреля) писал начснабфронта о состоянии снабжения армии Укрфронта:

„До настоящего времени органы снабжения Украины и России войскам фронта почти ничего не давали. Люди кормятся тем, что возьмут от жителей. Лошади страдают от безкормицы. Использование местных средств продофуражных продуктов для армий взял на себя Компрод Украины. Осуществляет заготовки по твердым ценам через отдел военных заготовок при Компроде Снабарм Украины. Снабарм Украины—коллегия— образует заготовительные прифронтовые комиссии. Комиссиями этими ведает т. Зиновьев. Они находятся только в периоде формирования и никаких реальных признаков своего существования не проявили. Комиссии эти не в курсе продовольственного положения частей, не в курсе их расположения. Так как начснабдивом приходится пройти через инстанции, пока они доберутся до комиссий, и раз комиссии не подчинены начснабдивам, то и обращения их к комиссиям остаются воплем в пустыне. Повторяю, войска самоснабжаются помимо органов снабжения. Причина этого—в громоздкости и сложности организации органов снабжения и существования многих средостений. Обеспечить продфуражом армии полагаю возможным только при условии предоставления права производства заготовлений для нужд армии по твердым ценам в определенных районах войсковым заготовительным комиссиям, организация которых должна лежать на обязанности начснабдивов и начснаббригад. Общее руководство и контроль этих комиссий находится в руках начснаба армии фронта.

В е щ е в о е д о в о л ь с т в и е и о б о з. Органами снабжения даны армиям вещи и обоз в таком ничтожном количестве, что нет уверенности в покрытии даже 50%. Существование на Украине главного начальника снабжения при Наркомвоен Украины с параллельным органом начснабарм Укрфронта затрудняет сношение отдела снабжения армий Украинского фронта с главными довольствующими органами России, которые являются первоисточниками обозно-вещевого довольствия. Факт существования главначснаба является лишней инстанцией и волокитой, отделяющей армии Укрфронта от источника питания в обозно-вещевом довольствии. Кроме того существование главначснаба на Украине не дает возможности отделу снабжения Укрфронта в дальнейшем использовать местные средства, так как все находящееся на территории Украины и расположении Укрфронта заслонено броней главначснаба Украины и недоступно для глаза и осязания отдела снабжения Укрфронта. Необходимо уничтожить всякую лишнюю инстанцию между производителем, распределителем и потребителями. Так как фактически органами, отпускающими предметы снабжения, являются московский Цус и подчиненные ему главные управления, то непосредственно к ним и должны обращаться органы снабжения армий Украинского фронта.

Д е н е ж н о е с н а б ж е н и е. Фактическое открытие кредитов производится финансовым отделом Реввоенсовета РСФСР. Назначаемые кредиты обеспечили бы вполне финансовую потребность армий Украинского фронта, если бы казначейство и банки Украины имели в наличии достаточный запас денежных знаков, главным образом малой ценности—разменных кредиток. Денежных знаков в казначействах и банках Украины нет и переводы кредитов не реализуются. Войска терпят недостаток даже в денежном довольствии.

Артиллерийское снабжение. С запасами ручного огнестрельного оружия положение критическое. В наличии имеется к 15 апреля: винтовок пехотных около 1 000 шт., драгунских около 1 500. Огнеприпасы: 3-линейных винтовочных патрон—запаса на 3 недели.

Инженерное снабжение. В распоряжении инженерного снабжения фронта не было складов хотя бы с небольшим запасом имущества.

В настоящее время уже разрешен вопрос о передаче фронту Мерефянского инженерного склада, а вместе с ним незначительных количеств шанцевого, плотнического и кузнечного инструмента, взрывчатых веществ и инженерного материала.

Наличными количествами не обеспечивается даже потребность одной дивизии.

Требование на необходимое инженерное имущество отправлено главначснабу Украины еще 15-го минувшего марта. До сего времени ничего не отпущено. Необходимо усилить отпуск ГВИУ имущества в фронтовые инженерные склады, доведя их до штатного запаса на две стрелковые дивизии.

Санитарное снабжение. Для обслуживания входящих в состав фронта войсковых соединений положено: 15 перевязочных отрядов с дезинфекционными при них отрядами, 15 полевых подвижных госпиталей, 20 санитарных транспортов, 5 эпидемических отрядов и 5 санитарно-гигиенических отрядов. Налицо имеется: 5 полковых подвижных госпиталей и 2 эпидемических отряда. Кроме того на фронте имеются вспомогательные учреждения: венерические отряды, баннопрачечные, зубоврачебные и санитарные летучки.

Ощущается острый недостаток медицинского персонала, санитарного имущества, интендантского и медицинского заготовления. Эвакуационный аппарат совершенно еще не налажен".

Мы пытались централизовать дело формирования и снабжения армии. Но Наркомвоен Подвойский категорически отклонил проект создания РВС Украины под его председательством. Ввиду этого мы предложили: 1) восстановить политотделы фронта и армий и 2) удержать самостоятельные органы по заготовке продовольствия.

Последнее не было проведено.

В отношении продовольственного снабжения царили страшная неразбериха, ведомственная сутолока и межведомственная война.

Наркомпрод жаловался (предсовнаркома):

„Прежде всего я вынужден остановиться на деятельности Чрезвоензаготовками (военная комиссия по заготовкам для войск Киевского направления). Это учреждение, которое согласно декрету Совета рабоче-крестьянской обороны от 9 февраля с. г., подтвержденному 30 апреля 1919 г., должно было прекратить свою самостоятельную деятельность и влиться в аппарат Снабарма Наркомпрода, несмотря на ваше предписание от 6 мая не только не ликвидировалось, но и не проявляет никаких намерений прекратить свое существование.

Киевский губпродком доносит о полной невозможности правильно вести продовольственное дело в условиях постоянного нарушения со стороны Воензаготкома единства заготовок и снабжения. Грузы, направляемые в адрес

Губпродкома, переадресовываются военными властями. В Звенигородском уезде в апреле месяце уполномоченный Воензаготкома вместе с Увоенкомом предъявили Упродкому требование дать разрешение на 5 000 пудов пшеницы и 1 000 мешков и путем угроз такое разрешение получили. Ныне там уполномоченный Воензаготкома Янкелевич распоряжается экономическим хлебом, не разрешая его грузить в адрес Губпродкома, а отправляет его в адрес Воензаготкома, причем уже погрузил на ст. Шпола 14 000 пудов, а из Малоколигорской волости взял 5 000 пудов. То же агенты Воензаготкома производят и в Уманском уезде и в Подольской губернии. Вместе с тем Воензаготком допускает постоянное превышение твердых цен на продовольствие, уплачивая за заготовленные ее агентами продукты вдвое (и более) против установленных цен, в корне уничтожая тем возможность осуществления монополии и подрывая доверие населения к продорганам, не могущим нарушать твердых цен... Необходимо категорически настоять на немедленной ликвидации ее деятельности. Почти везде наблюдается одинаковое вторжение военных властей, административных и строевых, в дело продовольствия, сопровождаемое дезорганизацией и расстройством аппарата, а подчас и гибелью налаженного дела. В Полтавской губернии строевые части самостоятельно реквизируют и вывозят продовольствие. Золотоношский полк с одной только волости (Лехновской) взял свыше 20 000 пудов зернового фуража и реквизировал скот.

Со ст. Полтава местный Губвоенкомат отправил 17 вагонов хлеба в Черниговскую губернию совершенно без ведома Губснабарма. В Черниговской губернии местный Губвоенкомат ведет совершенно самостоятельные заготовки. 11 мая Губвоенкомат отдал Нежинскому Увоенкому распоряжение заготовить двухнедельный запас для 3-й стрелковой дивизии по рыночным ценам...

В Подольской губернии, в наиболее богатом уезде Балтском, представитель 3-й армии Эпштейн, действуя по-диктаторски, реквизировал все принадлежащие Губпродкому продовольственные грузы в складах и вагонах.

По Харьковской губернии заготовки скота в больших количествах производятся как отдельными воинскими частями, так и целыми комиссиями, без участия продорганов.

Я говорю о постановлении какой-то Харьковской комиссии, возглавляемой т. Дышловым, которая 10 мая постановила произвести в 4 уездах Харьковской губернии через особые отряды заготовку продовольствия, а вместе с тем предложить председателю особой комиссии Совнаркома т. Белаковской все, что заготовлено ею и ее агентами, направлять в Харьков.

За время своего „преступного бездействия" Снабарм с 1 апреля по 10 мая дал воинским частям 2 182 403 п. 20 ф. продовольственных продуктов".

Формально Наркомпрод был прав. Но без своих заготовочных органов, с одними надеждами на Наркомпрод, наши армии не просуществовали бы и одного дня.

Как никак, но действовавшая при начснабжения армии Укрфронта Центропродком успела за 1 месяц (апрель) заготовить для армии— 150 000 пудов хлеба, 108 000 пудов картофеля, 16 000 пудов солонины, 15 000 пудов сала, 10 000 пудов масла подсолнечного, 3 000 пудов ма-

хорки, 20 000 пудов луку, 106 000 пудов прессованной соломы, 25 000 пудов соли.

Слишком медлительно раскачивался Наркомпрод. А время не ждало. Нам приходилось отдавать и такие распоряжения, как „Заготовительной комиссии Киевского округа“ (25 марта):

„Принять немедленно решительные меры к сосредоточению в кратчайший срок фуража и продовольствия в армейские склады г. Киева.

Для этого действовать самым решительным образом за моей личной ответственностью, прибегая в нужном случае к вооруженной силе и аресту саботажников, как бы они ни назывались.

Овес, предназначенный для посевов, должен быть реквизирован наполовину. Не имеющий такого назначения—отбирать дочиста. Особенное внимание обратить также на заготовку сена, мяса, жиров, изготовление консервов.

Это в пределах и во исполнение общего Вам задания. Вам должны быть предоставляемы маршрутные поезда для погрузки. Вы имеете право мобилизовать местные перевозочные средства для подвоза продовольствия к станциям и местное население для работы.

Всем советским учреждениям, всем частным лицам предлагаю именем Красной советской армии оказывать полное содействие членам Заготовительной комиссии Киевского округа“.

Наркомпрод естественно возопил. Добился лишения Заготком Киевского округа данных нами полномочий и на заседании Совнаркома 28 марта добился сосредоточения всего дела заготовок для армии при нем. При Наркомпроде была создана особая комиссия военных заготовок под председательством т. Одуевского.

Мы пытались облегчить ей работу. Дали предписание нашим заготовительным комиссиям войти в подчинение т. Одуевскому. Но т. Одуевский, вместо использования уже сложившегося аппарата, начал борьбу за полный разгром наших заготовительных органов. И в этом раздоре потонуло дело снабжения армии.

Организационные неувязки с Наркомпродом, постоянный раздор с Наркомвоен, на ряду с неслаженностью всей советской работы, серьезно тормозили наши усилия по созданию регулярной Красной армии Советской Украины.

17 апреля, в ответ на настойчивые призывы—приказы центра о помощи Донбассу, мы послали следующую записку (т. Ленину—Совет обороны):

„Наши формирования тормозятся: 1) недостатком винтовок, обуви, обмундирования, 2) слабостью кадров (особенно артиллерийских), 3) бюрократизмом учреждений военного ведомства (Подвойский развел невероятно сложную машину военкомов—уездные, губернские, три областных и наконец Наркомвоен; все это „учитывает“, „приводит в порядок“, рассчитывает и т. д., а больше по полочкам раскладывает), 4) бездеятельностью отдела военных заготовок, Совнархоза и Чрезкомснабарм, 5) почти полным отсутствием политработы и в армии и в особенности среди населения (целые и важнейшие районы, особенно Киевская губерния, Волынская да и Херсонская отданы безраздельно

левоэсерам и просто местному чертополоху), 6) и это самое главное,— **неправильным направлением всей политики Укрправительства.**

Наша, почти исключительно, крестьянская армия—расшатывается политикой, смешивающей середняка с кулаком (согласно новой резолюции ЦК УКП), проводящей „продовольственную диктатуру" при поддержке московских продармейцев, при почти полном отсутствии советской власти на местах (в селах).

В правобережной Украине работа чрезвычаек и продэкспедиторов, опирающихся на „интернациональные" отряды, возрождает национализм, поднимая на борьбу с „оккупантами" все население без различия.

Земельная политика, проводимая Мещеряковым, не считается с местными особенностями; неуклюжая редакция земельных декретов и мещеряковских статей способствует той ненависти к коммунистам, которую старательно сеют многочисленные наши недруги.

Украинская армия, которую строили не одни коммунисты, но и украинские эсеры, левые эсеры, анархисты, плохо поддается дисциплине, далеко не изжила партизанского, повстанческого духа и отнюдь не может в массе своей считаться вполне надежной нашей опорой. Наша земельная и национальная политика на Украине в корне подрывает все усилия военных преобороть эти разлагающие влияния.

Я вижу, как наша армия пухнет нездоровой пухлостью и вижу, как в ней назревает распад.

Необходимо: 1) ввести в Укрправительство представителей партий, связанных со средним и мелким крестьянством (незалежных с.-д. и украинских эсеров; 2) изменить земельную политику в духе соглашения со средним крестьянством; 3) заставить работать Наркомвнудел по организации советской власти на местах; 4) заставить наезжих „великороссов" с величайшим тактом относиться к местным людям и местным особенностям; 5) прекратить хищническое (хапающее) отношение к хлебу, углю Украины; 6) побудить партию бросить две трети своих сил в деревню и армию; 7) сократить на две трети все советские учреждения, бросив работников вглубь на практику; 8) донецких рабочих двинуть в ряды нашей крестьянской армии; 9) в продовольственной политике проводить не продовольственную, а производственную диктатуру.

Надо торопиться!"

Эта записка не договаривала, что плохая организация заготовок и ремонта главным образом создает недостаток снабжения, затрудняющий формирование Красной армии на Украине. Записка слишком заостренно обвиняла Наркомвоен, проводивший, как никак, громадную организационную работу и прежде всего по закреплению советской власти на местах. Характерно затем, что под влиянием постоянного соприкосновения с повстанческой армией (преимущественно крестьянской) командукр заговорил, по поводу политики украинского советского правительства, в духе „правых екатеринославцев".

Надлежит также отметить, что командукр не закрывал глаз на угрозу распада, разложения, нароставшую в нашей армии, и своевременно сигнализировал эту опасность.

Эта записка направлена была в „центр“ пред поездкой командукра на фронт.

Через две недели по своем возвращении командукр застал состояние формирований почти нисколько не улучшившимся. Действующие части не получали никаких пополнений с тыла; почти никаких вспомогательных частей для фронта не было сформировано. Более того, Наркомвоен не содействовал укомплектованию и доснабжению даже тех частей, которые направлялись нами непосредственно на Южный фронт.

Наркомвоен, как сказано выше, вдруг решил кроме 4-й формировать еще 5-ю и 6-ю Украинские стрелковые дивизии, несмотря на то, что на фронте уже были дивизии под этими номерами и что нехватало средств и на прежде намеченные, суженные формирования.

Взявшись в свое время сформировать интернациональную дивизию (для действий в помощь Венгрии), кадры для которой имелись налицо, Наркомвоен часть этих кадров без ведома командукра бросил на внутренний фронт (полк Фекете).

Вся работа формирования Наркомвоен срывалась из-за получения срочного задания—послать вне очереди одну дивизию на Южный фронт.

28 апреля командующему Укрфронта сообщалось: „Ввиду просьбы т. Ленина, во изменение ранее отданных приказаний, приказано в кратчайший срок сформировать 5-ю Украинскую дивизию 2-бригадного состава. Для формирования используются: для управления 5-й Украинской дивизии управление 3-й интернациональной дивизии в Киеве. Начдивом назначается т. Слувис. Для 1-й бригады—3-я бригада 4-й Украинской дивизии в Харькове. Для 2-й бригады 1-я бригада 3-й интернациональной дивизии, которая прибыла из Чернигова в Полтаву. Артиллерия—по одному легкому дивизиону от Харьковского и Киевского округов. Тяжелая и гаубичная батареи от Харьковского округа. Саперные части и связь: одна саперная рота для управления 5-й дивизии и по одному саперному взводу на каждую бригаду от Харьковского округа. Три роты связи по одной для управления 5-й дивизии и 2 бригад от Харьковского округа. Кавалерийский дивизион—от Харьковского округа. Минометные команды для полков—от Харьковского округа. Обозы, дивизионный и бригадные, сформирует Харьковский округ. Полковые обозы формируются при полках. Для укомплектования полков 5-й Украинской дивизии приказано использовать людей 3-го и 4-го Запасных полков Харьковского округа и людей караульных частей, которых можно взять по местным условиям“.

Ссылка на т. Ленина была неуместной: т. Ленин требовал лишь ускоренной отправки на Южфронт какой-либо дивизии. Сосредоточившись на исполнении этого задания, Наркомвоен и фронт смогли бы,

не нарушая формирования интернациональной и 4-й дивизий, выполнить это задание в кратчайший срок.

Наркомвоен, без какой бы то ни было попытки предварительно согласовать вопрос, нарушал намеченный сообща с комфронтом, план формирований и по существу срывал организацию двух дивизий, дабы оформить вне очереди третью. Кроме того Наркомвоен срывал переформирование боевых частей фронта, кадры которых (особенно 1-й дивизии и пограничной дивизии) отлично себя зарекомендовали и подлежали переброске на Южный фронт.

Н. Подвойский давал (8 мая) такую телеграмму:

Реввоенсовет республики, копии—Троцкому, Ленину, Вацетису, Раковскому... командующему Укрфронтом.

Киев 8 мая 937. Все формирования, производимые Наркомвоен, зависят от мобилизации людей и лошадей. Произвести мобилизацию тех и других из-за политических соображений по всей Украине не представляется возможным. В марте была успешно произведена (85%) мобилизация только части Харьковского округа. В настоящее время объявлена мобилизация по городам и частично по Харьковскому округу. Из этой мобилизации укомплектовывается формируемая по приказу Ленина пятая укрдивизия для Южфронта. Девятого—двенадцатого мая выступает по назначению. Спешно формируются четвертая, шестая Украинские дивизии и две дивизии: интернациональная и Бессарабская с особой задачей оказания помощи Венгрии и освобождения Бессарабии. Производительность местных заводов и мастерских пока ограничена из-за непрерывных боев в Донбассе, общего расстройства железнодорожного транспорта, неподвоза сырья, топлива и сравнительно недавнего освобождения Украины и особенно важнейших промышленных районов от противника. Внутренние вспышки восстания тоже в значительной мере тормозят дело восстановления фабрично-заводской промышленности".

Меж тем 6 мая Вридначдив докладывал новому начдив т. Слувису: „Харьковская бригада имеет до 90% личного состава, но абсолютно не снабжена обмундированием, снаряжением, лошадьми, продовольствием, фуражом и не имеет денежных знаков; Полтавская бригада имеет до 50% личного состава и также не имеет ничего из предметов самой насущной необходимости; на дивизию не хватает 14000 (четырнадцать тысяч) винтовок.

Наштаба Харьковского округа сообщил, что на 9 мая, т. е. на день, назначенный последним сроком для выступления в поход, назначена для пополнения конского состава, принудительная мобилизация лошадей в городах: Харькове, Сумах, Полтаве и Павлограде. Для пополнения личного состава приказано самым срочным порядком организовать вербовку добровольцев и призыв по мобилизации. На вооружение дивизии предназначено 2370 винтовок, привезенных т. Козловским из Штаба 1-й армии, 8000 винтовок Гра, 3000 берданок и 200 пулеметов Шоша. Затем приказано перед выступлением произвести двухсторонний маневр с участием обозов для проверки „технико-маневренной" подготовки частей дивизии, Все наши уверения, что дивизия, сформированная таким спешным образом, составленная к тому же из только что призванных

не знающих друг друга, необученных, плохо и наспех обмундированных и вооруженных разными винтовками, людей без достаточного запаса продовольствия и фуража, без обозов и лошадей — естественно не может проявить на маневрах „технико-маневренной" подготовки, и всякая боевая задача, порученна такой дивизии, заранее обречена на полную неудачу, потерпели полный неуспех. Из дивизиона Огаенко, которому предписано срочно отправиться на присоединение к бригаде, вырваны два взвода и отправлены на подавлени контр-революционных выступлений".

В то время как фронт колебался от изнурения и „тыл" не слал на него пополнений, пополнения давались совершенно непроверенным кадрам „пятой" дивизии.

В то время как фронт страдал от недостатка продовольствия и снабжения, оно шло по „тыловикам" и формируемым военкоматами частям (впрочем шло тоже в недостаточном количестве).

Одновременно было приказано военкоматам выделить на пополнение 5-й дивизии по 50—100 штыков из караульных частей.

Относясь чисто формально и крайне легко к принимаемым на себя перед центром обязательствам, Наркомвоен из непроверенных, малочисленных кадров наспех формировал подобие дивизии для Южфронта и срывал одновременно подлинную помощь Южфронту, проводившуюся нами.

Вот ряд обвинений, выдвигавшихся нами против Наркомвоен в записке, поданной 8 мая Совету обороны:

1. Наркомвоен отказал в пополнении 16-му пехотному стрелковому полку, идущему из Екатеринослава на Южфронт (чем замедлена помощь Донбассу)—пополнение можно было получить из маршевых батальонов в Екатеринославе.

2. Наркомвоен отказал передать бригаде Покуса (Екатеринослав), идущей в Донбасс, три батареи, сформированные в Харькове Окрвоенкомом и предназначавшиеся для фронта,—этим замедлена помощь Донбассу.

3. Наркомвоен не дает пополнений в первую армию и в пограничную дивизию, полки которой дошли до 300—400 человек.

4. Подольский губвоенком имеет до 6 000 красноармейцев и отказывает в передаче их первой армии.

5. Первой армии отказано в передаче полотнищ палаток для переработки в гимнастерки и т. д., и т. д.

Тут же мы предлагали Наркомвоен Подвойскому:

1. Вернуться к формуле: „фронт в первую голову" и на деле проводить эту формулу.

2. Рассматривать наши части на фронте как наилучшие кадры для формирований.

3. Помочь укомплектовать пограничную дивизию, дабы, сменив ею части первой дивизии, направить всю первую дивизию на Южфронт.

4. Обязаться дать пополнения во вторую дивизию, предназначенную для Южфронта.

5. Предписать Подольскому губвоенкому всемерно содействовать докомплектованию частей первой дивизии и т. д.

Но это не мешало Подвойскому продолжать отдавать, нисколько не согласовывая с командованием фронта, такие приказы:

„Киев. Окрвоенком. Вследствие необходимости срочного снабжения частей, мобилизуемых по особым заданиям, впредь до особого распоряжения прекратите отпуск вещей и обоза помимо указаний главначснаба. В первую очередь должны снабдить пятую дивизию, затем четвертую и интернациональную".

„Начальнику штаба Окрвоенкома. Снабжение должно производиться в следующем порядке:

1. Коммунистический полк, формируемый партией (рез.).
2. Части 5-й стрелковой дивизии (упр. и .дивизион Огаренко).
3. 1 бригада 4-й стрелковой дивизии (только обоз и лошади).
4. 3-я Московская дивизия".

Мы настаивали:

„В интересах ликвидации Григорьева настойчиво предлагаем отмену вашего распоряжения о выдаче предметов снабжения только частям 5-й дивизии. Выдавать всем по нашему указанию. Снабжение 5-й дивизии нужно бы производить не в Киеве, где столь скудный запас, а в Харькове, куда возможен подвоз из центра. О дальнейшем просим извещать".

И еще:

„Наркомвоен т. Подвойскому. Категорически требуем изменить свое отношение к фронту и следовать порядку, ранее между нами условленному, т. е. удовлетворять в первую очередь фронтовые части.

Пп. Комфронт Антонов, член Реввоенсовета А. Бубнов".

Наркомвоен отвечал:

„Снабжение частей 5-й дивизии производится главным образом в Харьковском округе и лишь незначительная часть падает на Киевский округ и в частности на Киев. В общем плане снабжения всех частей сдвинуты лишь сроки снабжения в пользу первоочередности 5-й дивизии. О срочном назначении вам известно, что оно не останавливает снабжение других частей. Первоочередность удовлетворения нужд 5-й дивизии относится лишь к тем предметам, в которых ощущается недостаток и которыми в большей или меньшей степени удовлетворены другие части.

Острая потребность частей, отправляемых против Григорьева, главначснабом удовлетворяется. Но конечно такие эпизодические явления, как авантюра Григорьева, не могут и не должны ломать общего плана снабжения, а должны быть ликвидированы без излишних волнений.

Следует иметь в виду, что план снабжения рассчитан на одиннадцать дивизий".

Того же 8 мая нами была внесена в Совет обороны Украины еще одна записка:

„1. Предлагаю создать специальную комиссию для разработки в пятидневный срок самого точного плана устройства на Украине патронного завода.

2. Ввиду недостатка обуви в войсках,—снять сапоги со штатских и тыловых военных, заменив лаптями или башмаками.

3. Ввиду недостатка в политработниках и для борьбы с уклоняющимися от службы в полевых войсках, сократить штаты всех советских, в том числе и военных, учреждений в среднем на $^1/_3$, заменив мужчин женщинами, дав преимущество тем, мужья которых на фронте,—исключение для „незаменимых“ мужчин.

4. Во всех советских учреждениях рабочий день продлить до 19 часов (до 7 час. вечера).

5. Для всяческой экономии и в интересах упрощения аппарата—упразднить окрвоенкомы, сохранив губвоенкомы и над ними Наркомвоены.

6. В тыловых учреждениях военного ведомства ввести тыловой паек.

7. Подчинить военнозаготовочные комиссии в районе фронта органам снабжения фронта.

9. Ввиду крайнего недостатка лошадей в наших армиях, ограничить закупку для Восточного фронта определенным районам и цену определить не выше средней рыночной.

9. Учет сосредоточить в одних руках, делать ответственным за сообщаемые сведения, учитывая тут же удовлетворять неотложные потребности армии.

10. Объявить мобилизацию в Подольской губернии для пополнения первой армии“.

На ряду с этим командукр в особом докладе „о борьбе с тыловыми восстаниями“ повторял и развивал основные положения своего заявления ЦК партии (от 18 апреля).

„1. Власть на местах совершенно не налажена и до известной степени навязана большинству населения (в Александрии например исполком из москвичей навязан бывшему уездному съезду).

2. Продовольственники не из местных людей, действуя без понимания обстановки, крайне настроили деревню против центральной советской власти.

3. Чрезвычайки, становясь государством в государстве, пользуются почти всеобщим недовольством и вызывают почти повсеместно осложнения для советской власти.

4. Местная партийная работа в полном загоне.

5. Местное население почти ничего не получило с приходом советской власти, кроме роста дороговизны и недостатка продуктов. Мануфактуры деревни не видят попрежнему; железнодорожники нищенствуют.

6. Бюрократическая машина едва ли не усложнилась и особенно в военном ведомстве; власть чрезвычайно мало приблизилась к трудящимся массам.

7. Снабжение нашей армии бесконечно затруднилось.

8. Полное пренебрежение к предрассудкам местного населения—в области отношения к еврейству.

9. Бестактное отношение центральных властей к национальным чувствам Украины (например отправка продовольственных грузов в Мос-

кву прямым адресом, притом таких редкостных, как чая, кофе). Приказы из Москвы украинским железнодорожникам; приказ ЗРК Арнольдова из Москвы бригаде Григорьева выгрузиться из эшелонов и т. д. без конца (и хищническое хапающее отношение) „организованное мешечничество“ к продовольственным запасам Украины.

10. Земельная программа правительства до сих пор остается недоговоренной и отдельные его заявления способны только беспокоить крестьянина—например выпячивание на первый план коммун.

11. Представители среднего крестьянства далеки от центральной власти и партии“.

Предлагаю:

1. Немедленно предложить ЦИК новый съезд советов Украины.

2. Еще до этого съезда в миллионах экземпляров послать к крестьянству разъяснения по земельному вопросу, для всей советской печати назначить аграрную неделю (телеграфом статьи, заметки ответственных работников).

3. Центральное ВУЧК упразднить; подчинение местных чека губернским и уездным исполкомам, на фронте—особым отделам.

4. Продовольственные отряды упразднить, обязать местные военные власти оказывать содействие продовольственникам при охране грузов.

5. Не допускать никаких агентов из Москвы работать на местах от имени Москвы, но только от имени соответствующих органов Украины и под строгим их контролем; прекратить мешечничество официальных органов.

6. Борьба с бюрократизмом (сокращение штатов и т. д.), центр внимания высшей власти на месте—мобилизация врачей и рассылка их отрядами для борьбы с эпидемией; мануфактуру в ход; литературу, пропагандистов—в деревни; школы инспектировать; лучшие помещения—под школы, клубы, больницы и т. д., и т. д.

7. Понизить все советские оклады, высшие—1500 руб. в месяц (понизить на 25%).

8. Армии—обувь, белье, обмундирование, переобув в лапти, башмаки тыловых военных и штатских.

9. Мобилизовать всех стоящих на платформе советской власти, разогнав (кроме самых необходимых для центра) на инструкторскую и агитационную работу на местах передвижные курсы советской работы.

10. Подчинение воензагов на фронте отделам снабжения армий.

11. Привлечение к центральной власти представителей среднего и мелкого крестьянства“.

Эта записка представляла во многих своих пунктах недопустимое обобщение фактов, лишь частично имевших место и то почти исключительно на Правобережьи,—левобережная Украина и целый ряд районов остальной Украины (например Житомирский, Бердичевский и т. д.)—крепко стояли на советских позициях и в основном были чужды тех нездоровых явлений, о которых „распинался“ командукр. В его предложениях не мало было и вредной демагогии; крупнейшей по-

литической ошибкой было поддакивание кулаческим устремлениям в выпадах против „чрезвычаек".

Но указание на то, что обострившееся положение требовало принятия немедленных и решительных мер, было правильным.

Как раз тогда разворачивались кулацкие восстания. Поколебались основные массы деревни. Усилилось брожение и в наших воинских частях.

А Южный фронт все настойчивее требовал помощи. И Красная Венгрия простирала к нам руки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Развал Директории. Диктатура Петлюры. Соглашение с.-д. и эсеров-активистов. Кулацкие восстания в помощь Петлюре. Атаманы Струк, Соколовский, Зеленый. Ликвидация бандитских шаек к началу мая

Поражение петлюровцев под Винницей—Жмеринкой повело к полному распаду Директории и правительства Остапенки. Отрезанные от Одессы, откуда ожидалась французская помощь, деморализованные непрестанным поражением и явно враждебным отношением основных народных масс,—петлюровцы разбрелись кто-куда. „Головный отоман“ С. Петлюра отправился в Ровно, чтоб организовать контрнаступление на Киев для спасения Вапнярской группы (Запорожский корпус) своей армии.

Развалом петлюровской власти попытались воспользоваться „социалистические“ партии.

21—22 марта в Каменце собрался „Трудовой конгресс“ из нескольких членов „Трудового конгресса“, заседавшего в свое время в Киеве, и нескольких десятков „делегатов“ от окрестных крестьян и местного гарнизона.

Конгресс под председательством М. С. Грушевского потребовал: 1) чтобы Директория немедленно прервала переговоры с французами в Одессе и вступила в переговоры „с большевистским правительством России и Украины“ на условиях федерации Украинской республики с другими социалистическими государствами, признания украинского характера Украинского государства, легализации украинских социалистических партий, вывода российских войск из Украины и образования Директорией нового временного украинского советского правительства из представителей всех украинских социалистических партий (постоянное правительство избирается 2-м Всеукраинским съездом советов); 2) образования правительства из УПСР и УСДРП для ведения переговоров; 3) прекращения боевых действий.

Вслед за тем представители трех украинских социалистических партий (с.-р. центр, с.-д и незалежники), вместе с „Трудовым конгрессом“ и „Казацким советом“ Каменецкого гарнизона образовали „Комитет обороны республики“ во главе с В. Чеховьским (незалежник). Но комитет этот не просуществовал и недели, так как не чувствовал за собой никаких реальных сил. 27 марта он опубликовал о своем самоупразднении, а на следующий день в Каменец явился атаман Хомадовский, посланный членом Директории П. Андиевским, для

наведения „порядка“, и произвел аресты некоторых членов „Комитета обороны“.

Арестованные были доставлены в Ровно, где представителями указанных партий были поведены переговоры с С. Петлюрой.

5 апреля представители ЦК украинских эсеров (центр) и украинских (правых) предъявили Петлюре (в Ровно) такие условия: 1) Директория должна быть составлена под председательством Петлюры из представителей по одному от указанных партий и от Галиции; 2) Совет министров образуется премьером, который назначается по соглашению с указанными партиями; 3) правительство должно стремиться к прекращению внутренней гражданской войны, к установлению мира с Советской Россией, незаключению наступательных союзов против Советской России; 4) все социалистические партии, „поскольку они не действуют против суверенности УНР, должны быть легализованы; 5) немедленно должны быть организованы „трудовые советы“; 6) переговоры с державами Антанты и другими могут вестись лишь на основах признания самостоятельности УНР, невмешательства в ее внутренние дела и выведения войск с Украины; 7) если договор с французами в Одессе уже подписан уполномоченными УНР, то он санкционируется Директорией лишь после подтверждения его новым Советом министров (Совету министров придается вообще больше прав, чем было у прежних правительств в отношении Директории.

Этот документ свидетельствовал о порядочном отступлении украинских эсеров (центр) и украинских с.-д. (правых) от Каменецких решений: вновь „трудовые“ советы, ни слова о советском украинском правительстве и уже дается согласие на сговор с Антантой.

Петлюра принял эти условия и 9 апреля был объявлен новый кабинет министров (с Б. Мартосом во главе), в него вошел вначале всего лишь один украинский эсер (Ковалевский), позднее еще 3, но все основные посты сосредоточились в руках с.-д.

12 апреля опубликована декларация этого кабинета. В ней говорится о двух врагах трудовой Украины—поляках и „коммунистическом правительстве России“, которые с разных сторон напали на Украину, чтоб грабить украинское крестьянство. Новое правительство протягивает руку ко всем „повстанцам“, вставшим против „российских коммунистов“. Оно за мир,—но сначала чужеземцы должны прекратить вмешательство во внутренние дела Украины, оно торжественно заявляет, что не позовет на помощь себе чужой военной силы. В отношении внутренней политики декларируется демократический строй, организация „трудовых советов“ для контроля над деятельностью местных властей, недопущение еврейских погромов; помощь „при первой возможности“ фабрикам и заводам в возобновлении работы; проведение „демократической земельной реформы“ (помещичья земля остается без выкупа за крестьянством), помощь безработным организацией государственных работ; свобода функционирования профсоюзов.

Эта декларация социал-демократического правительства Мартоса ориентируется на участников кулацких восстаний и пропитана духом

контрреволюционной „демократии“. Вступление в состав правительства галицийских с.-д.—Беспалки, Темницкого лишь способствовало закреплению этой ориентации.

Однако осколки прежнего остапенского правительства и члены Директории, в роде П. Андриевского, нашли и этот кабинет Мартоса слишком радикальным и не признали его. Не признал нового правительства и командующий Волынской группой (штаб в Ровно), атаман Оскилко, окруженный „социалистическими самостийниками“ и народными республиканцами (наштаба Оскилки—старый генерал Агапов—определенный гетманец). Оскилко нашел поддержку у Галицийского государственного секретариата.

28 апреля Оскилко открыто поднял восстание против Петлюры под лозунгами: 1) провозглашение президента Галицийской национальной рады Петрушевича временным президентом УНР до созыва Украинского учредительного собрания после очищения Украины от врагов и 2) немедленного создания коалиционного министерства.

Но авантюра Оскилко не удалась, часть подчиненных ему войск воздержалась, часть (меньшая) активно выступила против него. Оскилко, затеявший одновременно мирные переговоры с Польшей, бежал к полякам, где и был интернирован.

Воспользовавшись ослаблением петлюровского фронта, поляки заняли Луцк. В начале мая советские войска были уже под Ровно.

О настроениях, господствовавших в рядах петлюровских войск к началу апреля ярко свидетельствует такой документ, как „декларация“ корпуса сичевых стрельцов, подписанная 25 марта галицийскими боевиками Коновальцем и Мельником. Документ этот, неоднократно с тех пор опубликованный, был вызван необходимостью оправдаться в глазах трудящихся масс от обвинений в реакционности. В декларации прямо говорится: „Истомленные тяжелыми боями, измученные недоверием народа, который полагал, что сичевые стрельцы хотят поддерживать те силы, которые стремятся к порабощению украинского трудового народа, сичевые стрельцы отошли, чтоб переорганизоваться и с новыми силами решительно и твердо, как всегда, ударить на всех, кто бы посмел посягнуть на завоевания революции украинского народа“.

Деморализация проникла глубоко в ряды петлюровских войск.

Но начавшиеся (в конце марта) и широко разлившиеся по Киевщине противосоветские кулацкие восстания придали бодрости петлюровцам. Боевая деятельность почти сломленного врага оживает. Складывается, как сказано, новое мелкобуржуазно-демократическое петлюровское правительство, свободное от своих прежних кратковременных „социалистических увлечений“.

В свое время командукр, докладывая главе советского правительства об определенной планомерности кулацкого восстания, указывал, что восстанием очевидно руководит определенная политическая партия, ибо иначе необъяснимо его характер, его размеры.

Полученные позднее сведения подтвердили это предположение.

Из „социалистических“ партий Украины только украинские эсеры

(левые) определенно перешли на сторону советского правительства Украины, избранного 3-м Всеукраинским съездом советов (март, 1919 г.).

На 5-м съезде своей партии (6—8 марта) они приняли коммунистическую программу и решили всемерно поддерживать советскую власть.

„Незалежные“ с.-д. в своем органе „Червоний прапор“ еще 6 февраля 1919 г., в день вступления наших войск в Киев, писали о возможности своего участия в советском правительстве при условии: „Если всеми официальными органами высшей власти—не только украинской, но и российской, будет признана независимость и самостоятельность Украинской социалистической республики; 2) если на Украине будет проводиться твердый национальный и социальный курс и официальным языком будет украинский“.

На этой позиции они и закрепились.

Еще более непримиримыми были члены „Всеукраинской рады селянских депутатов“ и украинские эсеры (центрального течения). Они настаивали на преимуществах украинского селянства, требуя активного его участия в органах власти.

28 февраля 1919 г. Центральный комитет украинских эсеров (центр) опубликовал заявление, в котором отмечает: „Конъюнктура требует отказа от проведения социальной революции на Украине путем пролетарской диктатуры в чистом виде. Лишь расширение социальной базы и установление диктатуры трудового крестьянства и рабочих обеспечит твердый курс социальной революции и не допустит нежелательных осложнений, от которых может выиграть буржуазия и контрреволюция“. В соответствии с этим требовалось проведение в советах пропорционального представительства от „трудового“ крестьянства и рабочих и „демократизация“ советов: прямые и тайные выборы, обеспечение прав партменьшинств и т. д.

Состоявшийся 24—25 марта 1919 г. в Киеве окружной съезд советов рабочих и крестьянских депутатов стал по существу на платформу эсеров центровиков—он требовал обеспечения в советах большинства за крестьянством (но кулаки лишались избирательных прав), децентрализации советской власти и полной независимости Украинской социалистической республики.

Отдельные незалежники не прочь были попытаться сговориться с украинскими коммунистами, но практики (в роде Зеленого) сорвали эти переговоры, выступив открыто против советской власти.

Позднее мы выяснили, что кулацкие восстания в Киевщине и Черниговщине были подняты не без участия и ведома Центральных комитетов украинских с.-р. (центр) и незалежных с.-д.

Еще 28 марта Центральный комитет украинских с.-д. обращался к Директории: „Подтверждая настоятельную необходимость: 1) разрыва переговоров с французским командованием в Одессе, 2) начала переговоров с российским советским правительством на основе признания последним самостоятельной, независимой Украинской республики, Центральный комитет украинской с.-д. предлагает Дирек-

тории организовать кабинет министров из украинских с.-д. и украинских эсеров центрального течения. В случае несогласия Директории пойти по этому пути, партия украинских с.-д. снимает с себя всякую ответственность за дальнейший ход борьбы за Украинскую республику".

Но уже в начале апреля 1919 г., вразрез линии своего ЦК, „активистские группы" с.-д. незалежников, украинских эсеров (центр) и украинских с.-д. (правые) заключили в Киеве договор, по которому признали необходимой борьбу с „оккупационной российской коммунистической властью", образовали временное правительство—„Совет республики" и „Главный военный совет". Местная власть должна быть в руках советов, образуемых на основе пропорциональности трудовыми элементами. Руководство восстанием принадлежит Центральному революционному комитету и местным ревкомам, которые являются временными органами власти.

Договор был подписан представителями указанных партий (по 2), но условно, так как ЦК украинских с.-д. (правых) не был в Киеве. Новое правительство противопоставлялось Директории (Петлюре), оно стояло (на словах) на платформе советской власти и социализма. Но правые с.-д. образовали тем временем по договору с Петлюрой свое правительство (в Ровно), они не признали указанного договора.

Под руководством названных отколовшихся партийных групп в начале апреля в тылу войск нашей 1-й армии широко разлились кулацкие восстания.

Если 5 апреля мы указывали киевскому окрвоенкому т. Богданову: „Напрасно порете горячку. Дать Вам бронепоезд „Руднев" нельзя—пойдет на фронт. Вообще 1) лучше формируйте артиллерию для фронта, 2) предайте суду всех военных комиссаров (кроме киевского) за трусость, 3) не трогайте фронта. Чем крепче фронт, тем спокойнее тыл. Победа на фронте разом сбавит спеси кулакам". И если на предложение наштаба Укрфронта от 8 апреля о создании для обороны железных дорог Украины двух специальных бригад с артиллерией и эскадроном при каждом полку отвечали: „Не организованные силы, а бандитские шайки работают. Стойким частям их легко разгонять. Полевой артиллерии железным дорогам не надо, нужны бронеплощадки, дрезины, вспомогательные поезда. Общего штаба не надо. На каждую армию желдорбригада. Необходимы также желдорроты, чтоб заменять саботажников",—то уже 11 апреля командукр вынужден был сообщить командующему Киевской группой войск: „Вчерашним постановлением правительства подавление кулацкого мятежа возложено на командование. И мною Вам предуказано взять в свои руки дело этого подавления в районе Вашей группы (конечно включая Киев). Сегодня к 20 часам представить мне точный доклад об уже выполненном Вами и о плане Ваших действий на будущее. Ввиду положения под Киевом, вызовите Богунский полк в Киев".

Но бандитское движение настолько окрепло, что пришлось названный выше бронепоезд „Руднев" передать на охрану желдорлинии

Киев—Казатин и даже затребовать в Киев с Коростеньского участка лучший из наших полков. Это последнее распоряжение сделано по настоянию правительства—под впечатлением дерзких налетов бандитских шаек на Киев и тревожных сведений о ненадежности некоторых наших фронтовых частей.

Вот ряд характерных донесений о положении под Киевом.

8 апреля.

„В Старо- и Ново-петровцах концентрируются силы под общей командой Струка, численностью до 1 500—2 000 человек. Струком и Зеленым установлена связь через прилегающие к Боярке села. Посланный для выяснения положения у Межигорья отряд был остановлен в 8 верстах от Киева у деревни Коноплянки. Отряду предложено было сдаться. В ответ отряд открыл стрельбу с судов. Дер. Калиновичи горит...

Утром пришли будто бы представители отряда Струка,—2 в офицерской форме, которые стали созывать крестьянскую молодежь на сход. На сходе, на котором присутствовало около 800 человек, они предложили поднять восстание и расправиться с „жидами". Затем соединиться со Струком и Зеленым и двинуться на Киев. Их предложение было принято сходом и его начали проводить в жизнь. Для этого всех евреев согнали в одну халупу и начали расправу".

10 апреля.

„Банды из местных жителей восставших деревень Вышгород—Межигорье—Петровцы, которые 9-го и в ночь на 10 апреля накопились в Пуще-Водице, утром 10 апреля проникли на Куреневку, где началась пулеметная и ружейная перестрелка бандитов и повстанцев с посланным на усмирение отрядом и командой особого корпуса ВУЧК. С обеих сторон были небольшие потери, причем повстанцы остановлены и несколько из них взято в плен. Их отличительный знак: белая повязка на рукаве.

На Сырце выявилась банда в 60 человек и открыла стрельбу по нашей команде. Наши погнали бандитов и взяли 14 человек в плен.

Для охраны города и установления порядка приняты меры. Общее командование по защите города—командующий войсками Киевского направления т. Мацилевский. Начальником участка Лукьяновка—Куреневка назначен командир 1-х пехотных курсов т. Лихач. Для усмирения повстанческих банд и ликвидации их в районе Куреневка—Межигорье и Петровцы послан отряд из 24-го стрелкового полка и 36-го стрелкового полка под командой начальника участка т. Лихача, штаб которого в Тираспольских казармах. Для охраны порядка вызваны в штаб Киевского округа комендантская команда, взвод латышской караульной роты, инструкторские пехотные курсы и отряд Киевской чрезвычайной комиссии. Для защиты железной дороги и станции Киев I пассажирской, товарной и Киев II пост Волынский, железнодорожный мост через Днепр и другие назначены 3 бронепоезда и 23-й стрелковый полк. Всем районам и районным комендантам отдано распоряжение охранять всеми силами свои районы от бандитов, грабителей и погромов. Коммунистический караульный полк продефилировал по городу с музыкой в образцовом порядке. Настроение солдат хорошее, паники не наблюдается. Командующий войсками группы т. Мацилевским издан приказ

с воспрещении движения по городу после 10 часов вечера и устройства на улицах митингов и собраний с приказанием расстреливать на месте бандитов и грабителей и задержанных с оружием без законного разрешения. В 18 часов сводной частью, состоящей из 15-го пограничного полка, китайцев и латышей, очищены от банд Куреневка и окрестности. Наши войска продвигаются дальше в сторону Пущи-Водицы и Вышгорода для исполнения поставленной задачи. Банды не выдерживают натиска. Настроение наших войск хорошее".

Позднее поступили некоторые уточнения:

„В районе селений: Новопетровцы, Старопетровцы, Вышгородок, Валки, Демидов и часть деревень Горенки, Мастищи и м. Гостомель, что к северу и северо-западу от Киева, развивается сильное кулацкое движение, направленное против советской власти. Во главе движения стоит штаб, находящийся по всем данным в Киеве. Отрядом, который наступал на Киев 10 апреля, командовал какой-то полковник. У него были помощниками 5 офицеров. Первое восстание было назначено на 9-е, но, не имея связи со своими киевскими бандитскими организациями, вооруженные кулацкие отряды не рискнули сами предпринять наступление на Киев. 10-го же числа, ввиду готовности киевских погромных организаций выступить на улицу и по приезде из Киева делегатов в штаб отряда, который наступал на Киев со стороны Пуще-Водице и Приорки,—выступление началось. Было отдано приказание взорвать мост на р. Ирпень на рассвете 10-го с. м.

В 2 часа ночи на 10 апреля ушла от бандитов разведка, которая должна была связаться с бандитскими организациями в Киеве. Сборным пунктом банд была назначена дача на Приорке „Кинь-Грусть", где по соединении всех отрядов в 3 часа должен быть дан условный знак к восстанию—три орудийных выстрела из Киевского арсенала по чрезвычайке, одновременно должны быть пущены три ракеты. Ракеты были пущены, но выстрелов орудийных не было...

Из Киева часов в 7 утра 10 апреля трамваем был доставлен вагон винтовок и патрон к Куреневскому парку.

В ночь на 10 апреля выступило вооруженных от 180 до 250 человек, остальные были без оружия, только лишь с мешками для награбленного имущества. Весь день такие отряды тянулись из Вышгорода к Подолу в надежде поживиться добром.

Было отдано приказание телеграммой другой банде, оперирующей по линии железной дороги Киев—Бахмач, взорвать мост на Киево-Воронежской железной дороге. В планы бандитов входило—попортить все ведущие к Киеву дороги и все мосты на пути.

Среди крестьян есть и сомневающиеся и уклоняющиеся от активного участия, но таких заставляют оружием и нагайкой.

Настроение в селах Новопетровцы, Старопетровцы, Валки и Вышгород явно антисоветское.

Часть бандитов, разбитая под Приоркой, отступила на юго-запад от Киева через д. Беличи и с. Белгородку, что в 3 верстах к западу от ст. Боярка Ю.-З. ж. д.

Решено утром 10 апреля в 6 часов отправить отряд из 100 китайцев, 100 красноармейцев—обезоружить Пущу и Горенку... Часов в 6—7 утра 10 апреля к дежурному по району явилось двое агентов, из числа 5 посланных в Горенку, и заявили, что все тихо и спокойно. Минут через 5 после их ухода раздался сильный залп. Дежурный выбежал на балкон и увидел густую цепь вооруженных крестьян, подбегавших к зданию района; он бросился к телефону, но повстанцы уже ворвались; услышав залп, милиционеры побросали оружие и разбежались...

Ночью 10 апреля взорван железнодорожный мост через р. Ирпень. В лесу Святошино имеется банда вооруженных крестьян. 11 апреля утром с юга по Днепру прибыла и высадилась на Печерске у железнодорожного моста банда зеленовцев около 400 человек и начала перестрелку с нашей железнодорожной охраной.

Банда ликвидирована. Оперирующими в районе Куреневки войсками очищена от повстанческих банд также Пуща-Водица. Повстанцы разбегаются и отступают по направлению к с. Гостомель—Петровцы". 11 апреля в Киев прибыли батальон 6-го полка и рота Пресненского района—из Москвы.

При вторжении банд в Киев (10 апреля) нам пришлось указывать командующему группой: „Коммунистический полк разбежался, в городе ненадежно, двиньте отряд особого назначения".

Был момент, когда против банд мобилизовались последние резервы—члены правительства (тт. Ворошилов, Пятаков, Бубнов) направились на Подол во главе коммунистических отрядов устанавливать порядок.

Тревога усиливалась небоеспособностью наших частей: не единичный это был случай с коммунистическим полком, разбежавшимся при первой же стычке с организованной бандой (в Киевском гарнизоне числилось до 3 400 штыков при 3 орудиях. Но все это были необобстрелянные, лишь формирующиеся части).

В разгар неполадок в Киевском гарнизоне получаем такое сообщение: „Только что нами получена шифрованная телеграмма от т. Щорса. Щорс в свою очередь получил ее от Боженко. Телеграмма говорит следующее: „Жена моя социалистка 23 лет. Убила ее ЧЕКА г. Киева. Срочно телеграфируйте расследовать о ее смерти, дайте ответ через три дня, выступим для расправы с ЧЕКОЙ, дайте ответ, иначе не переживу. Арестовано 44 буржуя, уничтожена будет ЧЕКА". Щорс добавляет: „Прошу вас сейчас же запросить председателя чрезвычайкома т. Лациса расследовать убийство жены т. Боженко и сообщить до 10 часов утра нам, чтобы мы могли в свою очередь избежать еще одного, могущего произойти печального случая".

Боженко, „батько" таращанцев, грозил походом с фронта (стоял у Новгород-Волынска) на Киев, чтоб отомстить за свою кем-то подловато убитую жену. Достаточно было каким-то провокаторам шепнуть командиру таращанцев, что это убийство произведено „ЧЕКА", чтоб этот товарищ коммунист загорелся желанием расправиться с боевым органом советской власти. Характерное свидетельство всей

напряженности тогдашней обстановки и шаткости настроений в наших собственных войсках. С большим трудом ответственнейшим нашим товарищам (кажется Затонскому) удалось успокоить разбушевавшегося „батько“.

15 апреля командующий группой Мацилевский докладывал (приводим дословно): „Я вступил сейчас же командование войсками по случаю восстания банд Зеленого и других Киевской губернии, Киева и его окрестностей, которыми ранее до меня руководили военрук Губвоенкома т. Павлов, и другие военные специалисты, которые, потерпев поражение, отдали противнику до шести орудий с лошадьми, снарядами, несколько пулеметов, потеряли много убитых и раненых из 22-го и других полков. Мне пришлось бросить 6-й полк с фронта и ликвидировать скопившиеся банды районе ст. Корнина, Мотиловки, г. Василькова и освободить линию железной дороги, где банды противника были разбиты наголову, потеряв более 3 000 убитых и много раненых, до 50 пулеметов и много винтовок. Полки, которые я принял, разбросаны по-ротно на 250-верстном пространстве; штабы полков остались без своих рот, имея при себе одну или две роты, и теперь приходится мне сосредоточивать их, делая переброску всех рот, к своим полкам. Тыл до сего времени почти не организовал, чтобы закрепить за нашими войсками все занятое пространство, политических работников армии и тыла очень мало. При сем прилагаю список частей, которые я принял.

Для ликвидации всех банд в районе г. Киева и окрестностей и Зеленого мною приказано и выполняется сначала очистить район от Корнина по р. Ирпеню, Макаров, Бородянка, ст. Петровцы, Вышгород, районе Василькова, Фастова, Белая церковь; наши части занимают исходное положение до сведения всех рот к своим полкам, которых быстро свести нельзя после того хаоса, который был сделан военруком Павловым и его компанией. Прошу Вашего воздействия через правительство, дабы было обращено внимание на Черниговскую и Полтавскую губернии, а также быстром снаряжении нашей армии всем необходимым, не считаясь ни с какими денежными затратами на армию, железнодорожным, крестьянским комбедом, тогда только восторжествует революция.

Нужна литература в деревню в громадном количестве.

Приложение: список частей.

Список
всех частей Киевского гарнизона

23-й стрелковый полк	500 шт.
24-й » полк	500 шт.
На позиции Куреневки	500 шт.
36-й стрелковый полк	250 шт.
Полк особого назначения	200 шт.
13-й пограничный полк	200 шт.
15-й » полк отправляется в Фастов до	312 шт.
бюро неспособных	200 шт. в Боярку
34-й и 35-й полки всего в Грушках	200 шт.

Чрезвычайная комиссия	210 шт.
1-й караульный полк	236 шт.
2-й » »	250 шт.
Инструкторская курсовая рота	130 шт.
1-й запасной стрелковый полк	400 шт.
2-й артиллерийский дивизион	1 орудие
Легковой артиллерийский дивизион 1 пулемет	2 орудия

Белая Церковь

1-й караульный полк Киевского	230 шт.
2-й » » »	270 шт.
12-й пограничный полк	200 шт.
Таращанцев невооруженных ненадежных	500 человек
Караульная Таращанская местная рота	150 шт.
1 взвод артиллерии	2 орудия

Фастов

12-й пограничный полк	250 шт.
58 желдорчасти охраняют линию	
13-й пограничный полк	110 шт.
03 » »	112 шт.
Мотовиловка	100 шт.
12-й пограничный полк	100 шт.
13-й пограничный полк 2 роты	200 шт.
Саперная рота	120 шт.

Ст. Васильков

22-й полк	250 шт.

Г. Васильков

6-й полк конных разведчиков	100 шт.
2-й караульный полк 2 роты	120 шт.
На всем участке бронепоезд «Гром»	

Житомир

12-й пограничный полк	300 шт. брошенных наштаб фронта Глаголевым

Корнине

2 эскадрона кавалерии	240 сабель

Об этом можно судить на основании сообщения Киевского увоенкома от 14 апреля:

Киевский уезд. Из числа 21 волости Киевского уезда в настоящее время имеется связь только с волостями: Борщаговской, Белгородской, Макаровской, Вышевской, Будаевской и Хотовской; в остальных волостях находятся повстанческие банды. На юг от Будаевской и Хотовской волостей вся местность находится в руках банд Зеленого. Бородянская и Гостомельская волости заняты повстанцами.

В политическом отношении весь уезд надо считать неблагонадежным, так как всюду ведется в больших размерах агитация, главным образом антисемитская, против коммуны и якобы притеснения веры.

В экономическом отношении ближайшие к Киеву волости находятся в очень тяжелом положении: во многих деревнях почти совсем отсутствует хлеб; обсеменить поля полностью вряд ли удастся.

Культурно-просветительная работа только начинает налаживаться. Полное отсутствие опытных агитаторов-организаторов. В общем за все время агитаторы успели побывать во всех волостях, но устроить коммунистическую ячейку удалось только в одной волости. Библиотеки и читальни открыты в 3 волостях.

Бородянская волость очищена от повстанцев, в селах и деревнях наступает успокоение, хотя еще некоторые деревни весьма неблагонадежны. Бородянка—Киев исправлена за исключением моста через р. Ирпень, который сожжен.

В Белгородской волости сравнительно все спокойно, хотя есть организованные петлюровскими офицерами отряды, штаб которых считается в с. Скитск. В настоящее время отряды ничем себя не проявляют.

Выслан отряд в сто человек для обезоружения населения. В Хотовской волости все спокойно. В Велико-дмитриевской волости отряды Зеленого не пропускают к Киеву никаких продуктов. Полевые работы всюду в разгаре, засеваются большие площади.

Уманский уезд. В Умани вспыхнуло восстание среди частей гарнизона. Прибывшим из Винницы отрядом восстание ликвидировано. Восставшие с оружием разбежались по деревням уезда и оттуда снова угрожают.

Чигиринский уезд. Выступление бандитов в уезде подавлено.

Сквирский уезд. Выступление повстанцев в уезде подавлено. В районе Корнина выступление ликвидировано 6-м полком. По донесению Сквирского военкома 6-й полк бесчинствует.

Солдаты Богунского полка истощены физически и разбиты морально. Красноармейцы срывают кокарды, говоря, что „это жидовская звезда".

Сводка № 2 (от 19—26/IV) Центрального бюро связи и информации при Наркомвоен подтверждает эти данные:

Киевский уезд. За исключением нескольких волостей уезд охвачен повстанческим движением. Восставшая Старо-петровская волость прислала своих делегатов в Гостомысль с призывом присоединиться к походу на Киев против центральной власти, „ничего общего с интересами крестьянства не имеющей". Собравшимся сходом решено было присоединиться. Отряд повстанцев двинулся к Пуще-Водице. Волостной комиссар был убит повстанцами. Часть Макаровской волости разоружена советскими войсками. Сторонники Петлюры и кулаки бежали из своих сел. В верстах трех от Макарова местные кулаки в количестве 300 человек вооружены и имеют пулемет.

В с. Абрамовке находится штаб банды в количестве 200 человек. Банды терроризируют население и производят насильную мобилизацию.

В с. Кагарлык крестьяне вооружились кто чем попало и прогнали зеленовцев.

Штаб повстанцев, оперирующих в районе Княжича, находится в д. Жерновке. В селах Будаевской и Витмевской волостей появились отряды численностью до 60 человек, которые грабят и накладывают контрибуцию, убивают евреев.

Главные силы Зеленого расположены в Триполье. Общая численность сил,

преданных Зеленому, доходит до 800 человек. Вооружены все винтовками, орудий исправных два, пулеметов 30. На еврейское население г. Ржищева Зеленым была наложена контрибуция в 200 000 рублей и 300 пар сапог. По словам начальника гарнизона г. Ржищева зеленовцы „незалежные большевики“, стоят за Советы, но добиваются для Украины власти украинцев, а не великороссов. Во имя этого они скорее пригласят союзников, чем подчинятся российским комиссарам. В местечке Ржищево исполком признает власть Зеленого. В политическом отношении положение уезда неблагоприятное. Ведется усиленная агитация против коммуны, евреев и советской власти. Кулаки и несознательные бедняки легко поддаются влиянию агитаторов, ибо боятся коммуны. Необходимо на деле показать крестьянству, что советская власть—власть беднейших. В органах власти ненадежный элемент, например в Макаровской волости председатель исполкома—глава местных кулаков. Исполком бездействует, явно желая дискредитировать советскую власть. К уничтожению убийств и грабежей мер не принимается. В комбедах зажиточные крестьяне, ибо бедный, но честный работник лишен возможности отдаваться всецело работе из-за мизерного оклада членов комбеда.

Земли зажиточных крестьян обрабатываются, а бедняки не имеют ни хлеба, ни семян для посева. Ощущается острая нужда в живом и мертвом инвентаре.

Васильевский уезд. В некоторых частях уезда наступает успокоение. На открывающейся в Белой церкви 27 апреля уездный Васильковский съезд советов посылают своих представителей и мятежные до сих пор села. В деревнях Пески и Здоровка спокойно. Агитаторов встречают дружелюбно. В г. Василькове спокойно. Бывшие в 10 верстах от города зеленовцы отброшены к Обухову. Зеленовцы вступили в переговоры с Васильковским ревкомом, причем заявили, что они против евреев, но не против советской власти.

В Фастове спокойно. Большая часть населения вынесла резолюцию поддержки советской власти. Между Казатином, Белой церковью и Ольшаницей восстановлено телеграфное и телефонное сообщение. За Ольшаницей железнодорожное полотно разрушено.

В политическом отношении положение уезда неважное. Сильно агитируют зеленовцы; антисемитизм насаждается повсюду. Заражены им не только крестьяне и красноармейцы, но даже члены и председатели исполкомов и коммунисты из центра. С трудом агитаторам удалось создать комбед в д. Застугне. В составе его 9 середняков и 6 безземельных.

В Метиловской волости в деревнях крестьяне несознательные и настроены против коммуны и евреев. Только беднота под влиянием пропаганды начинает понимать, что советская власть защищает ее интересы. Результаты агитации выразились в образовании коммуны на помещичьей земле в с. Салтановке. В Фастовке коммунистическая партия и Бунд влачат жалкое существование. Исполком состоит из малонадежных элементов; помощник военного комиссара принимал участие в восстании банд.

Каневский уезд. Мест. Богуслав занято повстанцами и крестьянами сел Медвин, Исайки и др. под командой прапорщика Коломийца. Население Богуслава ограблено. Идейно руководил восстанием эсер Пирховка, бывший член украинского учредительного собрания. Красноармейцев

убито 50 человек. Повстанцами взято 40 заложников из еврейского населения. Советские войска, занявшие на несколько часов Богуслав, вынуждены были отступить.

Радомысльский уезд. Большая часть уезда охвачена восстанием. В пределах уезда оперируют банды Струка и Соколовского. Между Малиной и Будой банды Соколовского насильно, под угрозой расстрела, мобилизуют крестьян. Банды неоднократно пытались проникнуть в г. Малин, охраны в городе нет. Местная милиция из 15 человек бесчинствует. Для усмирения восставших в Новую Буду был послан отряд красноармейцев 11-го пограничного полка. В районе Чернобыль—Горностайполь—Иванково население во власти банд Струка. Струком организован в Иванковском районе союз инвалидов, в состав коего вошли явные погромщики и контрреволюционеры из местной интеллигенции. В распоряжении Струка до 1 500 человек по 500 человек. Горностайполе, Чернобыле и Иванкове. Артиллерии у Струка нет. В районе был устроен ряд погромов. Еврейское население ограблено и живет в лесах. Струком объявлена мобилизация.

В политическом отношении уезд неблагонадежен. Власть в руках ревкомов черносотенного состава, ведущих энергичную антисоветскую пропаганду. Меж тем в районе Ирша—Иванково в среде крестьян наблюдается раскол. В селе Кухари население против коммунистической пропаганды, но не против советской власти. Наблюдается недовольство засильем местных кулаков, которые тайно спекулируют продуктами, а беднота голодает.

Сквирский уезд. Перепившиеся крестьяне обстреляли пост у предместья г. Сквиры. Выступление ликвидировано. В Володарской волости председатель волостного исполкома организовал контрреволюционное выступление. В д. Березна кулацкое восстание организовано было бывшим офицером Омельченко. Восстание под Карнином подавлено. Банда, старавшаяся пробраться из Васильковского уезда, разогнана. Принимаются меры к ликвидации восстаний. В Шубинецкой волости посланному отряду населением сдано 20 винтовок, 300 патронов. В городе Сквире—спокойно. В уезде приступлено к полевым работам. Мало комитетов бедноты, есть исполкомы и ревкомы.

Таращанский уезд. Тараща, Ставеще попрежнему во власти банд, которые грабят население. Район выступлений ширится.

Уманский уезд. Вспыхнувшее под влиянием левоэсеровской агитации восстание в частях гарнизона ликвидировано. Большая часть восставших будет отослана в Екатеринослав и Киев. Главари расстреляны.

Культурно-просветительная работа в городе и уезде идет усиленно.

Черкасский уезд. В 33 волостях учреждены военкомы. Отношение красноармейцев к крестьянам и рабочим хорошее.

Чигиринский уезд. В уезде контрреволюционные выступления ликвидированы.

Отовсюду вопль—нет литературы, нет работников!

* * *

Остановимся подробнее на ликвидации бандитизма на Киевщине в апреле—мае, непосредственно перед григорьевским выступлением.

Серьезное внимание пришлось уделить банде Струка.

Струк, располагавший в начале апреля до 500 вооруженными при 6 пулеметах, занял к 15 апреля м. Чернобыль и Горностайполь; в д. Сварожье на левом бергу Днепра он организовал захват пароходов и овладел несколькими судами. Против него был двинут из Киева 24-й полк (3-й дивизии), и в связь с ним и отрядами Черниговского губвоенкомата вооруженный пароход „Самуил".

16-го д. Сварожье была уже занята Остерским отрядом (до 100 шт.), поддержанным пароходом „Витязь". 24-й полк из Старопетровец двинут вверх по Днепру.

24 апреля получились сведения, что в м. Дымер (40 верст к северу от Киева) действует банда Павлученко (до 100 чел.), на соединение с которой продвигается из Горностайполя и уже достиг м. Злохневки Струк с кавалерийским отрядом; пехота Струка на двух пароходах направлена к Глебовке, чтобы действовать в тыл Дымеру.

К концу апреля выяснилось, что Струк издал по Радомысльскому уезду приказ о мобилизации всего мужского населения с 19 до 24 лет включительно, а унтерофицеров и офицеров до 35 лет. После объявления мобилизации на 3-й день пасхи (25 апреля) Струк пришел в д. Страхолесье, в 80 верстах от Киева по Днепру (пристань Печки). Испугавшись возможного поджога деревни, многие из крестьян подчинились с условием, чтобы Струк выдал им оружие; они рассчитывали соединенными силами своего и соседних сел обезоружить Струка, но он оружия им не выдал, и, окружив казаками, погнал на Дымер. „Штаб" банды, во главе со Струком и полковником Клименко, стоит в м. Горностайполь. Численность банды Струка составляет—одна тысяча двести стрелков до двадцати пулеметов и 4 000 почти невооруженных людей. Вся эта масса идет под лозунгами: „Самостийная Украина", „Долой коммунистов и жидов". На своем пути Струк разгоняет советскую власть и устраивает погромы. В Чернобыле убито и утоплено до 400 человек одних евреев. Во вторник 29 апреля он, Струк, обстреливал Дымер.

Эти сведения о силах Струка были конечно преувеличены. Вскоре они уточнились.

„Мобилизация, объявленная Струком, прошла успешно. Явилась большая часть подлежащих мобилизации в количестве более тысячи человек. Однако мобилизованные очень скоро стали выражать свое недовольство, ввиду того, что ни обмундирования, ни продовольствия не получали. Введенная Струком система содержания своих банд грабежом не может удовлетворить мобилизованных, так как им приходится грабить своих же соседей. Вооружения для мобилизованных у Струка нет, так как количество его винтовок не превышает 500. Между конницей, которая состоит из 100 всадников, и пехотой происходят частые стычки. Конница Струка доходила до Наровля".

В Чернигове был пойман струковец с прокламациями. На допросе он заявил, что такие же агенты посланы Струком в Киев и в Мозырь. По его словам у Струка имеется связь с Зеленым.

Было ясно, что с этим врагом, подступившим к самому Киеву, необходимо покончить. Днепровской речной флотилии дано задание

отбить пароходы, захваченные Струком, и содействовать особому отряду т. Дробинского (рота ВУЧК, Черниговский батальон и 1-й караульный полк из Киева—всего 1 100 штыков, 18 пулеметов, 2 орудия) в ликвидации банды.

2 мая два вооруженных буксира Днепровской речной флотилии, пользуясь туманом, подошли к Чернобылю и начали его обстреливать. После короткой бомбардировки струковская охрана бежала. Наши суда захватили находящиеся там суда: „Ретвизан", „Горностайполь", „Соня", „Горный № 4", „Пинск", „Санитарный", „Петр Великий" и „Полезный". Благодаря этой операции Струк оказался лишенным водного транспорта.

Население встретило наши войска торжественно, устраивались митинги с участием оркестра Днепровской речной флотилии. 4 мая пехота, высаженная в Чернобыле и Дымер, начала наступление на Горностайполь. Наши суда продвигались вверх, приближаясь к Мозырю.

Из Малина двинут 20-й стрелковый полк. У дер. Костюженки наш отряд столкнулся с „1-м партизанским полком" Струка. Бандиты, не выдержав удара, бежали, бросая оружие.

Более серьезное сопротивление было оказано бандитами у д. Злодневка и Горностайполя. К 13 мая отряд вернулся в Киев, выполнив в основном свою задачу до 200 бандитов перебиты, захвачены (неисправными) все 6 пулеметов, до 180 винтовок и т. д. В Горностайполе и Чернобыле оставлены незначительные гарнизоны.

В значительной степени подорвана была и активность банд Соколовского (500 чел. с пул.), действовавших в западной части Радомысльского уезда, входивших в связь с бандами киевщины.

В ночь с 18 на 19 апреля банды появились в Новой Буде. Против них выслан отряд из 11-го пограничного полка, и сводка добавляла: „В районе Ирша—Иванкого наблюдается раскол среди крестьян—такое наступление может быть использовано при интенсивной работе". По сводке от 24 апреля,—„Радомысль с 3 сторон под угрозой банд Соколовского, которые впрочем не активны".

Лишь 9 мая для ликвидации Соколовского направлена в Радомысль из Киева сводная рота, которая совместно с Радомысльской караульной ротой успешно выполнила поручение.

Гораздо серьезнее обстояло дело с Зеленым. Это был бандит более сложного типа, чем Струк или Соколовский, не просто погромщик-антисемит и не просто откровенный петлюровец,—Зеленый пользовался большим авторитетом в своем районе. Наша разведка о нем сообщала:

„Зеленый родился в 1886 г. в Триполье Киевского уезда. Его настоящая фамилия Тарпило, Даниил Ильич. Общее образование получил в Трипольском 2-классном училище. При царизме за украинофильство был сослан в Архангельскую губернию, где пробыл около 4 лет. По роду занятий—столяр. Военного образования не получал, на действительной службе не служил, а лишь во время войны был мобилизован и служил при штабе

XXXV корпуса. Член партии „Незалежнi УСД“. Перед приходом в Киев большевиков он состоял членом в организовавшемся в то время в м. Триполье революционном комитете, агитируя за власть Рады. Зеленый политически вполне воспитан и хороший оратор. Когда наступила эпоха гетманской власти, он все время прятался от разыскивающих его чинов милиции и одновременно по поручению своей партии устраивал митинги в лесах и оврагах Триполья, чем завоевал себе популярность. Когда Директория выступила против гетмана, то с последней выступил и Зеленый, как командир сформированной им армии (командир Кошу). Он в конце концов остался (официально, по приказу Петлюры) атаманом 1-й дивизии, им самим сформированной. Когда Петлюра приказал 1-й дивизии отправиться в Галицию против поляков, Зеленый объезжал полки и с плачем просил солдат выполнить указанный приказ. Однако его дивизия не послушалась и разошлась по домам с оружием в руках; ушел и сам Зеленый. По распоряжению Петлюры его хотели арестовать. Тогда Зеленый начал опять вести агитацию, и в м. Триполье ему удалось сколотить кучку приверженцев, около 800 человек, с которой он официально выступил против Петлюры. Петлюра пал, а Зеленый начал переговоры с советским командованием о принятии его дивизии в состав Красной армии. Когда же ему в категорической форме заявили, что дивизия должна влиться в советские полки, а не быть самостоятельной, Зеленый выступил против советской власти, причем он резко изменил свою тактику и начал играть на национальных чувствах своих приверженцев. В настоящее время вся его политика сводится к лозунгу: „Бей жидов и долой коммуну“. Свой отряд Зеленый содержит на средства, изыскиваемые путем наложения контрибуций и производства реквизиций. В настоящее время у Зеленого, по словам жителей м. Триполья, около 2 500 чел.; со своим отрядом Зеленый выступил в Васильков, 5 апреля, где произошел бой между ним и советскими войсками, окончившийся занятием Василькова Зеленым, откуда он на второй день был выбит. В Триполье оставлен гарнизон около 200 человек. В Плутах 3 сотни с пулеметами. В Козине и Гвоздове Зеленый выставил заставы с пулеметами. На весь отряд у Зеленого имеется два трехдюймовых орудия без прицелов и 60 пулеметов“.

Зеленый действовал в тесной связи с так называемым „Центральным ревкомом“ (незалежных с.-д.), возглавленным Грудницким. Политическая платформа этого „ревкома“ выражена в воззвании, выпущенном в начале апреля:

„1. Украина должна быть независима в отношении национально-культурном и экономическом, что же касается федерации, таковая должна быть свободна, т. е. без всякого принуждения и гнета со стороны других наций.

2. Вся власть пусть принадлежит на местах рабоче-крестьянским советам, а в центре совету советов без всякой партийной диктатуры.

3. Власть на Украине должна находиться в руках местных людей украинцев (всех живущих на Украине); нам не нужны захватчики и спекулянты на коммунизме.

4. Коммун никто силой не должен вводить, если на это нет согласия народа.

5. К социалистическим республикам всего мира мы относимся, как к равным нам братьям, особенно Советской России, и будем помогать им всеми

силами, насколько это будут требовать интересы социальной революции, но без вмешательства в их домашние дела.

Когда же нам нужна будет помощь, то они также должны нам помочь, но с нашего согласия.

6. Что касается церкви, то, хотя это дело совести каждого человека, никто не имеет права издеваться над верой народа".

Это воззвание подписано было между прочим и комбригом Богунским, который, как это выше рассказано, оправдывал это свое действие стремлением войти в доверие к „повстанческому (кулацкому) ревкому".

Вслед за открытым разрывом Богунского с контрреволюционным ревкомом „голова" его—Грудницкий выступил с таким обращением:

„Брати селяне, всум вам видомо як знущается у нашого бідного народа партія російская та жидивских комунистов воны грабуют вас изнушаются з вас. Хліб та всяке збіжжя вывозят до Москвы, а с виры нашой та церкви сміются на право бережжи селянство вже повстало и жене з своей земли грубистникив на московщину але остановка за вами брати полтовцы поднимайтес же з зброею в руках и расправляйтес як слід з комунистами бандитами перш за все разгоняйте банды Богунского, Золотоніщськи и Переяславски повіт. Який спочатку пристав було до нас бо хотів з добуты славы але потим зрадыв и продався жидівско-кацапскім комунистам вперед же брати на ворога чето комуну. Хай живе селянство вкраина рятуйте свои хати и скрыни від банд комунистів. Хай живе Радяньска незалежна вкраина Политичный комиссар Всеукраинского Ревкома Грудницкий. Ставка 1919 р. 10 квітня".

Того же числа Богунский извещал командукра, что приступил к ликвидации банд на правом берегу Днепра (Зеленого и банды, объявившейся в м. Медведкове Черкасского уезда); 9-го он уже занял Канев.

Но ретивые товарищи, недостаточно ориентировавшиеся в намерениях Богунского, вновь взволновались.

8 апреля из Черкасс передана телеграмма о создании ревштаба для руководства подавлением банд.

Командукр резко на нее реагировал:

„Черкассы Ройзенману. Никаких революционных штабов, иначе отдам под суд всех. Все указания даны военачальникам. Ваше дело большое—охранять порядок в самых Черкассах и Золотоноше и организовать планомерную агитацию. Сохраните свои нервы в порядке и честолюбие в кармане и не вмешивайтесь не в свое дело. Остальное Вам передаст член Реввоенсовета—8 апреля (719)".

Однако не в меру взволнованные товарищи настаивали:

„Образовавшийся вследствие чрезвычайных обстоятельств военревштаб в Черкассах в составе председателя исполкома Вионтковского, военкома Рябоконя и уполсовнарком по снабармии Ройзенмана просит Вас лично к аппарату 10 апреля в 10 час. для крайне важных переговоров. Черкассы 9 апреля 3 час. 30 м. Военревштаб Пионтковский, Рябоконь, Ройзенман".

Мы отвечали:

„Ни с каким штабом разговаривать не стану. Командует Богунский, при нем представитель Реввоенсовета т. Рославлев.

Своим вмешательством создадите путаницу. Мною указано Рославлеву арестовать всех, кто будет мешать военным операциям, как они предуказаны мною. Ваше дело—агитация и организация внутренних сил, а не узурпация командования“.

Уже 11-го Богунский сообщал из Черкасс:

„11 апреля утром участок железной дороги Городище—Мирновка очищен от повстанческих банд, которые разбежались вправо дороги Козин, влево на Богуслав, где производят мобилизацию людей. У Мироновки произошел бой, в котором убили несколько человек повстанцев. Нашей стороны потерь нет. Каневский уезд успешно очищается от банд. Назначаю начальника охраны дороги Черкассы—Белая церковь. Банды рвут провода, держу связь Белая церковь“.

И в тот же день, по прямому из Черкасс, сообщали об осложнениях в Золотоноше, вследствие действий, произведенных интернациональным полком (разоружена охрана вокзала, арестован комполка 2. Учреждена следственная комиссия, и от Богунского требуют объяснений в действиях, по которым он отчитался в Киеве (у главного командования).

Командукр предписал (11 апреля) окрвоенкому принять меры к прекращению этих действий, срывающих работу бригады Богунского, и перевести 1-й интернациональный полк в Черкассы, чтоб заменить выступившие на фронт части Богунского.

Богунский основательно завяз в Каневском районе.

15 апреля из Черкасс сообщили успокоительно (лишнее доказательство напрасной ретивости местных товарищей), что положение в уезде хорошее, идет успешная ликвидация местных банд. Отношение населения удовлетворительное. Настроение красноармейцев удовлетворительное. Линия Мироновка—Белая церковь очищена от банд бригадой Богунского.

Навстречу Богунскому действовал отряд т. Киселя (с 12 апреля т. Кисель, кроме его 6-го полка, подчинены 24-й и 36-й стрелковые полки и инструкторские курсы). К 21 апреля сообщалось:

„Макаров. Макаровская волость разоружается советскими войсками. Кулаки и петлюровцы, подготовлявшие восстание против советской власти, удирают из своих сел. Советские отряды находятся в нескольких местах от Макарова. Военное положение в Макарове снято. Крестьяне приветствуют разоружение банд.

Васильков. В городе спокойно...

Фастов. В городе спокойно. В населении перелом; большей половиной вынесена резолюция доверия и поддержки советской власти.

Таращанский уезд. Организовавшаяся банда заняла Таращу и распродала весь спирт из винного склада на 2 000 000 рублей. Банда направляется в м. Ставище, где имеется спирта на 4 000 000 рублей. В уезде полная архия, грабежи и насилие“.

24 апреля сообщения следовали одно за другим.

„Путь от Бобринской к Белой церкви расчищен. На Мироновке был бой, отняли у противника броневик. Банда разбежалась по направлению Богуслава. В Чигиринском уезде появилась банда до 400 человек с орудием. Посылаю эшелон на ст. Фундуклеевка, так как там они пытаются перерезать путь“.

24 же апреля „На Зеленого ведется наступление. Нами заняты Малая и Большая Ольшанцы и Гудимовка, близ Обухова. Обстреливали Триполье флотилией. Противник отвечал из трех орудий“.

26 апреля: „На Мироновском направлении были упорные бои за Богуславом и Карапыши. В ночь на 25 апреля 1-м полком под командой т. Лопаткина выдержан натиск Зеленого и Трепета; после упорного шестичасового боя мужественно отразили противника и разбили его наголову. Бежавший противник бросил в селе Потапцах много убитых и раненых. Взято шесть пулеметов, 200 с лишним винтовок, несколько тысяч патронов, пулеметные ленты и трехдюймовые снаряды. С нашей стороны убитыми и ранеными всего 16 человек.

Одновременно работала и Днепровская флотилия. Около 7 часов 22 апреля вооруженные буксиры „Курьер“ и „Самуил“ подошли к Плют и Триполью и начали обстрел. Были взорваны склады снарядов зеленовцев, причем пожар охватил и местечки. Из Триполья отвечали 2 орудия. „Самуил“ после обстрела Плют перенес огонь также на Триполье, но при усиливавшемся обстреле с берега пришлось, продолжая стрельбу, отойти.

В Звенигородском уезде положение хорошее. Звенигородский уездвоенком принимает меры к ликвидации выступления в Каневском уезде.

В Чигиринском уезде выступления в пределах уезда ликвидированы.

Зеленый все еще держался. Против него действовали, как сказано, не только части бригады Богунского (штаб Черкассы), но и 6-й полк (один из лучших полков 2-й дивизии) и полк интернационалистов (командир Фекете), прибывший в Киев в конце апреля и вошедший в состав срочно формировавшейся интернациональной дивизии.

Наша разведка от 4 мая сообщала: „По проверенным сведениям банды Зеленого на Васильковском участке занимают деревни Кодаки, Тростинку. На этом участке противник имеет шесть орудий, из них три вполне исправны. Патронами и пулеметами противник располагает в достаточном количестве. Зеленовцев на участке деревень Кодаки, Тростинка до 2 500 человек; на Белоцерковском участке противник занимает станцию Ешеловку. Здесь он устроил окопы с проволочными заграждениями. У противника здесь два трехдюймовых орудия. На Попельно—Сквирском участке противник обращен в бегство (300 человек пехоты, 60 кавалерии, 22 пулемета). В районе Триполья у зеленовцев насчитывается четыре орудия трехдюймовых и 40 пулеметов. В районе ст. Липовец 2 мая появились банды, неизвестно кем руководимые (в банде до 400 человек пеших и конных при нескольких пулеметах и одном орудии)“.

...чного учета сил Зеленого нет. Сведения, приведенные выше, несомненно преувеличены. (Почти все орудия и пулеметы отбиты им у наших мелких отрядов).

Но мы вынуждены были серьезно считаться с этим восстанием,— и торопиться его ликвидировать до предположенного похода на Румынию, так как опасались реализации замыслов Григорьева. Этим объясняется посылка против Зеленого столь значительных сил, как; отряд т. Киселя (6-й полк, 15-й пограничный полк, Белоцерковский карательный батальон, Свободный отряд и Отдельная саперная рота— всего 3 600 штыков, 8 орудий, 105 пулеметов) на участке Васильков—Германовка—Ольшаница, часть бригады Богунского в районе Канева (с юга) и у Мироновки отряд Фекете (интернациональный полк, пехотные курсы, батарея, 4 броневика, 2 бронепоезда—всего 1 450 штыков, 8 орудий, 36 пулеметов). 4 мая был сверх того двинут с севера из Киева еще сводный отряд Толоконникова (роты 28-го, 29-го, 30-го и 1-го особого назначения полков, полубатарея и эскадрон полка особого назначения—все 1 100 штыков, 2 орудия, 13 пулеметов), Днепровская речная флотилия и отдан приказ перейти в общее наступление, „замкнув кольцо".

6 мая доносили:

„На Васильковском участке наша разведка вошла в соприкосновение с противником и взяла несколько пленных. На участке Попельня—Сквира противник бежит. 4 мая нашими частями занята Большая и Малая Ольшаница и ст. Ольшаница".

6-й полк 5 мая занял Ольшаницу; 6 мая заняты Мироновка, Кагарлык; 7-го, при поддержке Днепровской флотилии, 6-й полк вступил в Триполье. Интернациональный полк (до 1 000 шт.) прибыл 4 мая в район Богуслава, сменив части Богунского. Зеленовцы разбегаются, пряча оружие".

Но вся эта боевая работа идет почти вне воздействия „интернационалистского" полка (т. Фекете).

Характерен для нашей тогдашней обстановки разговор (по прямому), происходивший 7 мая между штабом бригады Богунского и комполка интернационалистов Фекете.

Фекете: Занял ст. Мироновку и местечко Богуслав. Перестрелки бывают каждый день, имеется несколько раненых и три убитых. Сегодня починяем провода, а также железную дорогу.

Беда в том, что нет хлеба, а я реквизировать не согласен. Рабочих, которые должны были поставить советскую власть и комитеты, здесь нет. Нужно устроить. Народ очень жалуется, почему нет литературы и газет.

Я знаю, что нужно во многих местах ликвидировать бандитизм, но без вооруженной силы невозможно. Люди измучены и нехватает на охраны и ликвидацию банд.

Р о с л а в л е в. Сейчас нашими частями занят Кагарлык, что ж вы думаете делать? Богуслав мы держали и без вас. Придется и вам покинуть вагоны.

Ф е к е т е. Я по приказу Наркомвоен занял Мироновку и Богуслав.

Рославлев. Вы получили приказ штаба Окрвоенкома, что ваш полк в оперативном отношении временно подчинен бригаде и подчиняйтесь этому приказу.

Фекете. Таковых приказов исполнять не могу. Чтобы все приказы исполнять, мне нужна 10 000-ная армия.

Рославлев. Вам предлагается передвинуться на Исайки и Медвин, без этого вы не удержитесь и в Богуславе. Сколько у вас людей?

Фекете. Людей около тысячи человек.

Штаб. А мы были в Исайках и Медвине, имея 500 человек.

Передавая нам этот разговор с Фекете, штаб бригады Богунского дополнял (8 мая):

„Бригада занимает участок—Мироновка, Кагарлык, Ржищев. Идет наступление на Триполье. Настроение бригады удовлетворительное, но люди страшно устали беспрерывными походами и борьбой с партизанскими отрядами. Обмундирования нехватает“.

Развивая операцию, наши части к 11 мая ликвидировали зеленовцев. Отобрано было (только в районе Ржищев—Триполье) до 2 000 винтовок, 12 пулеметов, 4 исправных орудия. Зеленый с несколькими десятками бандитов ночью 8 мая перешел на левый берег Днепра и скрылся в лесах. Наши потери до 100 человек. На месте—в Триполье, Ржищеве, Кагарлыке, Германовке и Обухове и на левом берегу: Воронково—Канев—Переяслав—оставлен отряд Волкова (до 600 чел.). Остальные силы двинуты на борьбу с григорьевцами, а отряд Киселя в район Таращи.

В общем на внутреннем фронте в одной Киевской губернии к началу мая были связаны борьбой с бандитизмом до 14 000 штыков, в Черниговской к концу апреля до 2 500 штыков, в Подольской—свыше 3 000, в Волынской до 600. Всего—21 000, из которых фронтовых и предназначенных для фронта—до 7 500 штыков при 20 орудиях, 140 пулеметах, 3 бронепоездах.

В основном ко времени восстания Григорьева бандитские движения были нами почти повсюду подавлены. Район действий наиболее опасного из бандитов—Зеленого, по слухам находившегося в связи и сговоре с Григорьевым, был прочно оккупирован значительными силами.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

К середине апреля Петлюра разбит, но огрызается. Начинаем мирные переговоры с Польшей и правительством Галиции. В Донбассе — неблагополучно. Центр торопит. Наша поддержка запаздывает

Кулацкие восстания были тесно связаны с действиями войск украинской Директории.

К 1 апреля наша разведка числила у Петлюры регулярных войск—25 500 штыков, 2 100 сабель, 80 легких, 9 тяжелых орудий и 13 бронепоездов.

В северном (Коростеньском направлении) было сосредоточено до 6 500 штыков, 800 сабель, 29 легких, одно тяжелое орудие и 5 бронепоездов.

В юго-западном (главным образом Житомир—Бердичевском направлении)—до 9 000 штыков, 700 сабель, 20 легких и 4 тяжелых орудия и 3 бронепоезда.

В тылу (у Ровно и т. д.)—до 5 000 штыков, 8 легких и одно гаубичное орудие.

В южном (Вапнярка)—до 5 000 штыков, 600 сабель, 20 легких, 4 тяжелых орудия и 5 бронепоездов.

В начале апреля южная группа противника была нами ликвидирована и частью сдалась в плен; главная же масса перешла в Румынию, где была разоружена, а впоследствии перебралась в Галицию.

На Коростеньском направлении противник также был к этому времени сломлен. 12 апреля в центре нами занят Житомир; захвачены 4 орудия, 10 пулеметов, 1 аэроплан, 150 пленных и т. д.

Противник энергично преследовался в направлении к Новгород-Волынску. Рейд нашей кавалерии в тыл Бердичевской группы противника удался,—эта группа поспешно отступила к Шепетовке. Однако живая сила противника в значительной мере вырвалась из-под удара (в Изяславе захвачено нами до 500 пленных).

В Галицийском направлении мы, выйдя к Днестру, успешно расчищали свой фланг со стороны Бессарабии и продвинулись за Волочиск. В Волочиске взяты: 8 исправных и 100 неисправных орудий, 100 вагонов снарядов, 60 вагонов железа и т. д.; на ст. Ярмоленцы—200 орудий на платформах, 14 пулеметов, в Проскурове—170 исправных орудий. Все это из того, что в свое время Петлюра „эвакуировал" из Киева.

Приводим дислокацию частей Киевской группы к 14 апреля:

1. Коростеньский участок: Штаб командующего боевым участком (т. Мазурова)—Коростень.

1-й Богунский полк—сс. Могильно, Выгов, Кутище, Краснополь, Белошица. 4-й Нежинский полк—Коростень, Бехи; 151-й пехотный полк—Радомысль, 11-й пограничный полк—Буча; 20-й украинский полк—Коростень.

2. Житомирский боевой участок: Штаб комдив (Щорса)—Бердичев, 2-й Таращанский полк—Чуднов, Пулин; 3-й Новгород-северский полк—Житомир.

Штаб 2-й особо-действующей бригады (т. Покуса)—Кочерево; 16-й пехотный стрелковый полк, 22-й пехотный стрелковый полк; отдельно-действующий кавалерийский дивизион—Житомир.

Штаб 1-й отдельной стрелковой бригады—Бердичев; 9-й стрелковый полк, 10-й стрелковый полк и 21-й стрелковый полк—Житомир.

1-й Волынский полк—Чуднов, Троянов; 5-й кавалерийский полк (из особой кавалерийской бригады)—Солотвин.

3. Проскуровский боевой участок. Штаб участка (комдив 2 т. Ленговский) в Виннице; 5-й стрелковый полк—Шепетовка; 7-й полк—Проскуров-Ярмолинцы; 8-й полк—Комаровка (ст. железной дороги у Бара); 14-й Миргородский полк—Черторыня—Н. Мирополь—Шепетовка; Чигиринский полк—Волочиск; у Проскурова и вновь оборудованный бронепоезд им. Невского (с тт. Дубининым и Блинковым во главе). Штаб особой кавалерийской бригады (Крючковский)—Жмеринка; 1-й кавалерийский полк—Шепетовка; 2-й кавалерийский полк—Бар; рота бессарабских повстанцев—Новоушица; 1-й полк червонного казачества—Изяслав-Шепетовка.

Резерв: 6-й полк—Киев, Васильков; 3-я пограничная дивизия (12-й, 13-й и 14-й пп.)—в Киеве; 3-я стрелковая дивизия (23-й и 36-й пп.)—Киев.

Такая дислокация конечно не отвечала боевой обстановке. В бездействии у Коростеня находились значительные силы.

Еще 7 апреля командукр давал следующие указания:

„Заняв Коростень—1) преследовать противника по Новгород-Волынскому направлению до р. Уж, где порвать мосты; 2) по Сарненскому направлению до ст. Рудня, откуда порвать не менее двух мостов; 3) до Овруча, где закрепиться; 4) 11-й пограничный переходит в Овруч, где формируется; 5) 13-й и 12-й пограничные переходят в район Овруч—Искорость—Иповичи—Малин, где формируются; 6) в Коростеньском уезде формируется железнодорожный полк; 7) на участке остается один бронепоезд; 8) остается 58-й железнодорожный полк; 9) организуются запасный батальон в Овруче и караульные роты; 10) Богунцы, а за ними Нежинцы вводятся для вручения почетных знамен в Киев, где пробудут сутки; 11) по взятии Житомира в него переводятся 9-й, 10-й, 20-й, 21-й, 22-й полки, железнодорожный полк, броневой дивизион, бронепоезда; 12) в Радомысли—151-й полк заменяется 15-м пограничным, а 151-й направляется через Овруч к Калинковичам (на Запфронт) и батальон 12-го пограничного полка Коростень; 13, 16-й полк, дивизион кавалеристов и взвод артиллеристов—на соединение с 15-м полком (в Екатеринослав)".

9 апреля командукр дополнял: „Командарм 1:

„1. Необходимо ускорить смену 1-му и 4-му полкам указанными вам частям пограничной охраны. К вашему сведению—для этого участка железной дороги формируется распоряжением т. Зайцева железнодорожный полк и должен быть готов в неделю.

2. Бронепоезд № 10 направьте в Екатеринослав в распоряжение Скачко.

3. Ввиду наших успехов под Шепетовкой и Проскуровым и успеха в подавлении восстания бандитов—кулаков, 1-й и 4-й полки представляется возможным перебросить с Коростеня к главному направлению (Шепетовка). У Коростеня достаточно отгородиться со стороны Сарн и наступать Новград—Волынск“.

Но под Шепетовкой положение внезапно осложнилось.

В официальных сводках еще говорится о дальнейших успехах, но проскальзывают и иные нотки.

К вечеру 14-го:

„На Сарненском направлении занято местечко Олевск. К западу от Шепетовки идет упорный бой с противником“.

К утру 15-го:

„Наши части продолжают движение на Новград-Волынск. В районе Шепетовки бой с противником продолжается“.

И неожиданно выясняется, что под Шепетовкой мы потерпели серьезную неудачу.

Наша неудача под Шепетовкой была вызвана неожиданным переходом одного из батальонов 14-го Миргородского полка на сторону противника (комполка Пиавка нами захвачен и расстрелян) и плохим снабжением наших частей. Бронепоезда вели себя образцово.

Командарм поспешил усилить Шепетовскую группу еще одним бронепоездом и Волынским пехотным полком.

18 апреля командукр указывал комгруппой:

„Противник сосредоточивает силы к Шепетовке, угрожает Староконстантинову. В Ковеле некоторое накопление поляков. Категорически приказываю выполнить немедленно предыдущий приказ—начать смену 1-го и 4-го полков у Коростеня пограничными полками, ограничиваясь в сторону Сарн взрывом пары мостов и разбором путей. Усилить Шепетовскую группу и добиться обхода противника у Ровно, развить угрозу на Тарнополь. Охрану железных дорог усилить“.

И в тот же день был дан приказ:

„Из сообщенной мне дислокации и очерка боев под Шепетовкой вижу:

1) части 1-й дивизии застряли на второстепенных направлениях.

2) допущен самым непозволительным образом разгром частей 2-й дивизии, никакого подкрепления туда не было своевременно дано.

Приказываю:

1) 3-й полк спешными поездами или подводами везти к Шепетовке на подкрепление частей 2-й дивизии, назначив командующего Шепетовской группой.

2) 1-й или 4-й, разрушив пути и мосты в направлении Сарны (верст 20 от Коростеня), спешными поездами или подводами направить к

Житомиру из Коростеня для усиления одной из групп, смотря по обстановке.

3) 12-й пограничный, сменив другими частями, направить Коростень.

Об изложенном срочно донести с приложением копий отданных Вами распоряжений".

Командарм приказал между прочим Житомирской группе взять Новград-Волынск и ударить во фланг противнику под Шепетовкой.

17-го оперсводка сообщила об успешном продвижении нашем от Житомира к Новград-Волынску, боях в 10 верстах к западу от Шепетовки, успехах в направлении Гусятина, артиллерийском бое у Тарнополя.

18-го сообщалось о занятии нами Каменец-Подольска.

К 23-му в наших руках уже были Новград-Волынск, Гусятино и много трофеев, оставленных противником. В Коростеньском направлении противник в панике бежит на Сарны. Успех в Ровно развивается.

К 23 апреля еще продолжались бои в окрестностях Шепетовки, но восстание (до 10 000 крестьян) в тылу противника подрывало его боеспособность.

Об этих боях сообщалось по прямому в поезд командукра: —

„К 12 часам 23 апреля противник повел наступление через Подлесцы, на линии расположения наших частей у Шепетовки. Энергичной контратакой был отброшен на линию Шуровцы и Топорье и далее к Изяславлю. Одновременно повел наступление и на линию Вербовцы, Грицово, откуда был отброшен с большими потерями за Четырбоки. Нами захвачено много пулеметов и винтовок. Со стороны противника более двухсот человек убитыми. Из опроса пленных и по документам убитых выяснилось, что против нас в районе Четырбоки оперирует 28-й полк Максима Железняка и 29-й полк, которые отошли после неудачного наступления в Изяславль; в районе Подлесцы наступал 27-й Черноморский полк и 200 стрельцов. В местечке Ляховцы находится отряд Боденко. Остальные части противника, т. е. 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й полки находятся в районе Изяславля и Шепетовки".

24-го получены дополнительные сведения:

„Коломыя-Станиславе власть большевиков. Установлена уже связь с ними. Район Теопфиль-Ямполь „улановцы". Дубно занято повстанческими частями. У Шепетовки наши подошли до Хорина. Активных действий противник не предпринимает. Пути желдороги сильно разрушены. Мобилизованные разбежались. Мешают операциям банды, которые в скором времени ликвидируются".

А уже к концу апреля положение вырисовывалось в таком виде:

1. Все пути и дороги между Новград-Волынском и Коростенем, а также между Житомиром и Коростенем очищены от петлюровцев, которые, бросая орудия, пулеметы и винтовки в воду, частью бежали на Олевск, частью разбрелись по лесам и селам. В районе Турчанки противник бросил, предварительно испортив, 2 бронепоезда, 26-го занята нами ст. Белогоровичи.

2. Бои у Шепетовки еще идут, отбито наступление противника от Шепе-

товки и Ровно к Новград-Волынску; два петлюровских полка на Ровенском шоссе бежали, потеряв до 300 человек убитыми, 3 орудия и пулеметы; к северу от Староконстантиново противник отброшен с большими потерями.

3. В Тарнопольском направлении—перестрелка; мы достигли государственной границы и укрепились на ней.

К концу апреля мы почти полностью осуществили ближайшие задачи, поставленные пред 1-й Украинской советской армией,—сломив живую силу врага, мы почти вплотную подошли к прежней государственной границе; соседняя—Одесская армия расчистила от осколков петлюровских армий все побережье до Крыма и левый берег Днестра.

Однако Петлюра еще сохранил значительные кадры. По данным нашей разведки, несомненно преувеличенным, к началу мая у него было: в Изяславском районе 2 дивизии сичевых стрельцов общей численностью до 10 000 штыков при 17 легких и 2 тяжелых орудиях, 3 бронеавтомобилях и 3 бронепоездах. Некоторое сопротивление оказывал противник и в районе Ровно (до 2 500 штыков 7-й пехотной дивизии) и у Подволочиска (до 7 пехотных полков и 3 легких батареи). И бои, хотя и с меньшим напряжением, продолжались.

К 1 мая нами взяты Корец, Олевск и д. Городище в 6 верстах от Шепетовки. Ко 2 мая линия фронта 1-й армии была такова: станция и местечко Олевск, к западу от Новград-Волынска местечко Корец, Поддубцы, Головницы. К югу от Новград-Волынска—Рогачев, к востоку от Шепетовки станция и местечко Хромень, к югу от Шепетовки—Городище, Белокриница, Жилинцы, Радышевка, Голики и г. Острог. На галицийской границе—Волочиск, Гусятин и Каменец-Подольск. На бессарабской границе—Новоушица, Могилев-Подольский Ямполь. К вечеру 2 мая к югу от Шепетовки заняты—Плесна, Красноселька и Белокриничи. К утру 3 мая вновь взята Шепетовка но к 5 мая оставлен Острог (под натиском до 5 000 штыков). К 8 мая взята ст. Славуты (у Шепетовки), но потерян Олевск. 9 мая—в сильном бою под Волочиском противник разбит, оставил 4 подвижных орудия и 4 бронеавтомобиля.

1-й нашей армией еще не была выполнена директива командукра—северо-восточная группа противника не отрезана у Ровно от Галиции и не занята нами Холмщина.

Командукр продолжал настаивать на заключении договора с галицийским правительством об установлении демарклинии и договора с поляками, уже занявшими Луцк и угрожавшими из Ковеля Сарнам.

Переговоры с Польшей (командукр предлагал согласиться на оставление за поляками Холмщины) должны были вестись через посредство Москвы. Но поляки уклонились.

13 апреля Х. Раковский обратился к т. Чичерину с телеграммой, в которой просит посредничества в переговорах с Польшей и сообщения Польше о готовности советского правительства Украины вступить в мирные переговоры о границах, „исходя из организованно выраженной воли населения в спорных территориях“.

15 апреля т. Чичерин передал это предложение чрезвычайному делегату польского правительства г. А. Я. Вьенцковскому.

„Гражданину Чрезвычайному делегату правительства Польской Республики Александру Яновичу Вьенцковскому. 15/IV. 19 г.

Милостивый Государь Александр Янович

„Председатель Совета Народных Комиссаров Украины и НКИД Украинского Советского правительства Х. Г. Раковский обратился к правительству РСФСР с указанием на то, что после целого ряда побед, одержанных украинскими советскими войсками над армией Директории, первые в самом близком будущем могут войти в соприкосновение с войсками Польской Республики. Желая предупредить всякое столкновение с Польской Республикой, Украинское Социалистическое Советское правительство обращается с просьбой к правительству братской РСФСР о посредничестве между правительством Украинской Советской Республики и правительством Польской Республики на предмет устранения возможности таких столкновений. Правительство Украинской Социалистической Советской Республики уполномачивает правительство РСФСР заявить правительству Польской Республики о своей готовности войти с ним в переговоры при посредстве правительства РСФСР с целью мирного разрешения вопроса о границах между Украиной и Польшей, исходя из принципа организованного выражения воли трудящихся спорных местностей.

Мы со своей стороны имеем честь просить вас, милостивый государь, предпринять соответствующие шаги перед правительством Польской Республики и сообщить нам о том, какое положение оно займет по отношению к переданному через наше посредство предложению правительства Украинской Социалистической Советской Республики.

Примите уверение, милостивый государь, в моем глубочайшем уважении. Народный комиссар по иностранным делам Чичерин“.

Как ответила Польша на мирные намерения советского правительства, ясно в известной мере из нижеследующего:

Москва 5/5. Из Москвы отправлено в Варшаву следующее радио:

„Неоправдываемое ничем нападение на Вильну, столицу братской советской республики Литвы и Белоруссии, было произведено немедленно после прибытия в Варшаву курьера, посланного из Москвы чрезвычайным польским делегатом Вьенцковским. Его прибытие и письмо, привезенное из Москвы, не только не способствовали соглашению обеих сторон, но повели к новому нападению Польши на советские республики. Вероломный характер нападения польских легионеров на Вильно свидетельствует, что польское правительство не признает самых элементарных принципов при сношениях с советскими республиками. При этих условиях вся ответственность за невозможность заключения соглашения между Польшей и Россией падает исключительно на польских легионеров. Вместе с тем русское советское правительство сообщило правительству Польши, что оно всегда будет готово начать переговоры, если враждебные действия против советских республик будут прекращены“.

Предложения относительно мира с галичанами обсуждались Советом обороны Украины, созданным 4 мая.

К тому времени позиции Государственного секретариата были сильно поколеблены. Разгоравшаяся классовая борьба подрывала „единый фронт“ мелкобуржуазной националистической демократии в Галиции.

5 марта из Станиславова сообщалось: „В Сучеве и Збораже вспыхнули крестьянские восстания за власть Советов. Руководители расстреляны“.

27 марта нам сообщали такие подробности:

...„Росту революционного движения способствовала агитация коммунистов-галичан, побывавших в плену в России. Первыми восстали рабочие нефтепромышленного района Дрогобыча, к ним присоединились рабочие соленых копей в Калуше. В первый же день организовали Совет рабочих депутатов. Правительство Галиции приказало распустить Советы и арестовать активистов, но войска присоединились к восставшим“.

...„Волна восстания в Галиции разгорается: в Подгайцах, Галиче, Рогатине, Бережанах и Злочеве на митингах высказались за власть Советов. Восстание перекинулось в места, оккупированные польскими военными властями. Во Львове на митинге выступал недавно выпущенный поляками из тюрьмы вождь галицийских с.-д., доктор Николай Ганкевич. Высказались за власть Советов. Был образован во Львове Совет рабочих депутатов, принявший резолюцию за всеобщую стачку. Восставшие рабочие вместе с войсками, посланными Голубовичем на их усмирение, вошли в Станиславов и арестовали Голубовича. Станиславов—центр восстания. Послан ультиматум сичевикам Петлюры о немедленном возвращении в Галицию“.

Сообщения об аресте восставшими Голубовича не подтвердились. Националистское мелкобуржуазное правительство удержалось в Галиции. Борьба за власть Советов однако не прекращалась и в апреле.

24 апреля из штаба 1-й армии сообщалось:

„В Станиславове и Колыме советская власть. Большевики одержали верх. Галицийские рабочие и крестьяне стремятся связаться с Советскими Украиной и Венгрией“.

Под давлением восставших и буковинских партизан румыны были вынуждены очистить Мармореш-Сигет и ряд других пунктов.

Возникал большой соблазн для нашей армии—используя эти настроения, ударом через Галицию пойти на соединение с Венгрией. Но это значило вступить в открытую борьбу с галицийскими националистами, теснимыми и поляками... Мы же стремились к максимальному упрощению обстановки, к максимальной экономии сил, необходимых для разрешения основных задач переброски войск через Румынию в помощь Красной Венгрии и поддержки Южного фронта против Деникина.

Вот почему мы настаивали на заключении мира с галичанами и вот почему (5 мая) Совет обороны принял это предложение.

6 мая командукру подана следующая записка, разработанная по его заданию наштаба Укрфронта:

„6 мая войсковые части 1-й Советской украинской армии занимают следующий фронт: ст. Олевск—Гоша—Изяславль—Волочиск—Гусятин и далее по рр. Збручу и Днестру.

Противник—петлюровцы, сбитые везде нашими частями, нигде не могут оказать упорного сопротивления; какое-либо усиление частей, действующих против Украинского фронта, маловероятно, ибо им приходится вести борьбу с теснящими их с севера поляками. Кроме того, в то время как красные части на всей занимаемой территории встречают дружественное отношение населения, петлюровцы имеют в тылу тяготеющую к нам Холмскую Русь. Поэтому при избрании демаркационной линии необходимо иметь в виду следующие условия: 1) чтобы она являлась удобным рубежом, на котором можно было бы закрепиться; 2) чтобы направление этого рубежа давало возможность дать отпор противнику в случае его наступления; 3) чтобы означенный рубеж был избран во всяком случае впереди нынешнего фронта войсковых частей, так как все преимущества на нашей стороне и при продолжении боевых действий естественно рассчитывать на скорое занятие впередилежащей местности.

Наиболее подходящей линией потому является следующая: от Припяти по р. Стоходу до м. Кисельно, далее условная линия на Затурцы—Свинюхи—Горохов и Дружкополь до бывшей нашей границы с Галицией и далее по последней до границы с Румынией. Означенная линия занималась русскими войсками к концу войны с Германией и оборудована укреплениями, которые можно использовать.

Если означенная линия окажется неприемлемой, то можно как уступку предложить другую, а именно: по р. Горыни до м. Бичаль, затем условная линия на Клевань—Олыка—Млынов, далее по р. Икве до бывшей границы. Эта линия была укреплена во время прошлой войны и обеспечивает нам необходимые железнодорожные узлы Сарны и Ровно, кроме того позади этой линии почти все фактически занято красными войсками, почему никакие дальнейшие уступки недопустимы.

Все указанные пункты должны быть предоставлены Украинскому фронту, а нейтральная зона представлять полосу в 12—25 верст к западу от указанных пунктов“.

На следующий же день, 7 мая, командукр писал предсовнаркома:

„Дам сейчас телеграмму Мацилецкому—послать немедленно двух парламентеров в штаб петлюровских войск Тарнополь с предложением—ввиду решения совукрправительства не наступать в Галицию, дабы свободно выявилась воля ее крестьян и рабочих и дабы не было помехи в их борьбе с польским шляхетством,—установить демарклинии. Приемлемой для нас линией является—от Припяти по р. Стоходу до м. Кисельно, далее условная линия на Затурцы, Свинюхи, Торохов и Дружкополь до бывшей государственной границы с Галицией и далее по последней до границы с Румынией. Прекращение военных действий с нашей стороны на участке у Шепетовки последует по отходе войск Директории за линию Горынь—Стубель и предоставлении нам железной дороги Сарны—Ровно. О ходе переговоров регулярно уве-

домлять Реввоенсовет. Переговоры вести энергично, спешно. Прошу Вашего ответа".

Это предложение было отвергнуто, так как выяснилось, что между петлюровским правительством и восточногалицийским известный раздор. Совет обороны Украины постановил: повести переговоры не со штабом Петлюры, а с правительством Восточной Галиции.

9 мая мы сообщали Худякову (в Одессу), Григорьеву (в Александрино):

„Рабоче-крестьянское правительство Украины предъявило ультиматум Румынии с требованием очистить Буковину и Бессарабию. Вместе с тем правительству Восточной Галиции предложено вступить в переговоры об установлении демаркационной линии и границы. Вот точный текст предложения нашего правительства:

„Министру иностранных дел Восточно-галицийской народной республики. Станиславов.

Очистив территорию Украинской социалистической советской республики от войск Директории, пытавшихся против воли рабочих и крестьян Украины установить здесь буржуазную власть, красные украинские войска подошли к границам Восточной Галиции, протягивая братскую руку рабочим и крестьянам Восточной Галиции, освобождению которых от всякого буржуазного гнета мы горячо сочувствуем. Считаю нужным заявить от имени рабоче-крестьянского правительства Украины, что вопрос о политической организации Восточной Галиции есть собственное дело галицийских рабочих и крестьян. Считая, что сами они, наученные опытом российской и украинской революции и проникнутые классовым сознанием, осуществят своей собственной организованной борьбой советскую власть, Украинская социалистическая советская республика заявляет о своем твердом намерении воздерживаться от всяких военных действий на территории Восточной Галиции при условии, что правительство Восточно-галицийской народной республики, заявлявшее о своем уважении к воле трудящихся масс, прекратит враждебные действия против Украинской социалистической советской республики и согласится как на заключение перемирия, так и на установление демаркационной линии и границы между обеими республиками. От него исключительно зависит положить конец братоубийственной войне, способствующей осуществлению захватной империалистической политики румынской монархии и польских помещиков. Украинское рабоче-крестьянское правительство предлагает правительству Восточно-галицийской народной республики сообщить свое согласие на прекращение военных действий для принятия соответственных мер и с нашей стороны. Председатель Совета народных комиссаров и народный комиссар по иностранным делам".

Предложение принято единогласно Центральным исполнительным комитетом Советов Украины. В этой обстановке на вас, на войска начдив Григорьева и другие части 3-й армии падает великая ответственность. Вы должны нанести удар, который освободит Украинскую советскую республику от грозной опасности со стороны румынских бояр, этих агентов союзного хищничества, торопящихся сейчас задушить Советскую Венгрию, чтобы потом броситься на Советскую

Украину. Разъясните это вашим войскам, воодушевите их на подвиг. Пусть поймут,—дело, начатое в Одессе, должно быть доведено до конца".

Наконец, хотя и с промедлением, Совет обороны Украины становился на путь, который настойчиво рекомендовал командукр.

К началу мая мы 1) почти разгрузились от борьбы на внутреннем фронте; завершая эту разгрузку, приступили и к политическим переговорам с с.-д. незалежниками и украинскими эсерами; 2) сломили в основном военную силу Петлюры, достигли намеченных нами рубежей и вошли в переговоры с галицийским правительством с одной стороны, поляками—с другой, переговоры, при благоприятном ходе которых мы бы высвободили почти целиком 1-ю армию для выполнения задач на иных фронтах.

Но организационная работа в нашей армии—работа переформирования и снабжения частей—продолжала хромать.

Общая обстановка к тому времени до крайности осложнилась.

Красная Венгрия, только что отклонившая наглый ультиматум румынского командования, взывала к нам о помощи, и мы торжественно обещали ей эту помощь.

Стало еще более напряженным положение и на советских фронтах. На Западном мы еще удерживали Ригу, но потеряли Вильно. На северном—противник накапливал силы у Архангельска. Колчак энергично наступал к линии Волги—его войсками уже заняты были Чистополь—Бугуруслан. Только что сломлена была добровольческой армией наша Северокавказская группа, и все возрастало сопротивление белых на Донбассе.

По данным нашей разведки противник сосредоточил к началу мая в Донбассе—от магистрали Миллерово—Чертково до Мариуполя—до 55 000 бойцов с многочисленной артиллерией и бронепоездами. Луганская группа белых насчитывала до 21 000 донцов. Добровольческая армия (II корпус Май-Маевского и конный корпус Шкуро)—главной массой (до 23 000 бойцов)—сосредоточена в Бахмут-Никитовском районе; от Марьевки до Мариуполя—всего до 5 000 добровольцев.

Командукр был конечно прав, указывая, что апрельское наступление добровольцев против правого фланга Южфронта (группа Онищенки—Махно) было вызвано напором Махно к Таганрогу и должно было вскоре выдохнуться. Но отпор белых был сокрушающ. 9-я резервная дивизия почти перестала существовать, бригада Махно обессилела.

Выше рассказано, что мы делали для подкрепления правого фланга Южфронта. Но центр признавал нашу помощь недостаточной и настойчиво добивался ее усиления.

Главком предписывал: „Вторую Украинскую дивизию перебросить в район ст. Гришино, а части пятой дивизии в район ст. Переездной, что севернее ст. Попасная".

Но 2-я Украинская дивизия была подорвана. Ее политком т. Минц докладывал (8 мая): „Полки устали. Полки утомлены. Они все чаще и чаще начинают отказываться выступать на фронт, все чаще слышны ропот и все легче контрреволюционерам развивать свою деятельность

Надо их остановить. Мы сами подготовляем себе падение, заставляя итти части вперед. А пополняя их наспех бывшими петлюровцами, мы подготовляем момент, когда придется с оружием в руках разоружать свои же части.

Отдых полкам—вот единственный фактор, который может остановить грядущее несчастье.

Готов ручаться, что 20-дневная передышка даст возможность превратить нашу 2-ю дивизию в железную дивизию, которая сумеет противостоять не только разрозненным бандам Петлюры, но и дисциплинированным войскам".

Части дивизии были чрезвычайно разбросаны. Вот их дислокация к 8 мая: Штаб дивизии—Винница; особый кавалерийский полк—м. Славута; 21-й авиаотряд—Проскуров; инженерный батальон—Гнивань; батальон связи и авторота—Умань; запасный батальон—Умань; инструкторская школа—Умань. Первая бригада: штаб бригады—Изяславль; 5-й советский полк целиком—Шепетовка; 6-й советский полк—Фастов—Белая церковь; Волынский полк—ст. Славута; 22-й полк—из Мирополя направлен в Житомир; 1-я батарея—ст. Славута; 2-я батарея—Изяславль. 2-я бригада: штаб бригады—Проскуров; 7-й советский полк, штаб и I батальон—Гусятин; II батальон—Бондаревка; II батальон—д. Зеленая; Волочиский полк—штаб полка и I и III батальоны—д. Фридриховка, 4 версты от Волочиска II батальон—д. Супруновка; Константиноградский полк движется из Изяславля на Кунев; 3-я батарея—один взвод в Гусятине и один взвод в Бондаревке; 4-я батарея—один взвод в Волочиске и один взвод в д. Голохвасты, Чигиринский полк—штаб и I батальон—Волочиске; II батальон—Голохвасты; III батальон—Юридика—Выгнанка; 8-й полк целиком—в Шепетовке. Особая кавалерийская бригада: штаб бригады—Староконстантинов, 1-й кавалерийский полк—Изяславль; 1-й полк Червонного казачества, штаб и две сотни—Борисове (12 верст к северо-западу от Из), 2-я и 3-я сотни—Плужное. Заставы: Комины—Юсковцы. Разъезды. высланы по направлению Острог—Кунев—М. Боровица. 2-й кавалерийский полк движется—из Староконстантинова на Шепетовку, откуда на Изяславль; 3-й кавалерийский полк, штаб и 4-й эскадрон—Шепетовка; 1-й эскадрон—Белгородка.

Надо отметить, что особая кавалерийская бригада, как и Бессарабская, были временно прикомандированы ко 2-й дивизии.

Численный состав: в 1-й бригаде 5 900 штыков, 550 сабель, 71 пулемет, 12 легких и 2 гаубицы; во 2-й бригаде—4 300 штыков, 300 сабель, 81 пулемет, 8 легких и 4 гаубичных орудия.

Выше рассказано о неожиданном решении Наркомвоен: сорвав формирование 4-й и интернациональной дивизий, оформить 5-ю стрелковую, хотя на фронте (3-й армии) уже была почти закончена организацией 5-я Советская украинская дивизия (начдив Пешехонов). Наркомвоен чрезвычайно легко дал обязательство уже к 9 мая направить в Донбасс только начавшую формироваться 5-ю дивизию, и конечно он этого обязательства выполнить не смог.

Помимо требования дать немедленно две дивизии на Южфронт получен был приказ,—передать всю 2-ю армию в подчинение Южфронту.

Этот приказ от 27 апреля был получен нашим штабом в Киеве только 5 мая. Но, узнав о нем непосредственно от командарм 2, мы указывали (3 мая): „Приказ о переходе второй армии Южфронту еще не получен, но спешно готовьтесь выполнить оперативный приказ Гиттиса“.

4 мая мы сообщили командарм 2: „Телеграмма о передаче вас Южфронту не получена мною, но этот приказ вам надлежит выполнить. Ликвидация Зеленого затянулась, поэтому произошла задержка в отправке вам двух бригад второй дивизии.

Из третьей армии ничего дать не могу, ввиду предстоящей войны с Румынией, которой русским и укрправительством предъявлен ультиматум. Дано распоряжение первой армии вернуть Вам управление дивизиона и два орудия, бывшие при Покусе; третьей армии выделить одну батарею. Наркомвоен запрошен о дивизионе из Харькова и бронепоезде для команды Зайцева“ (НР 956/л. к. 4/V. 1919 г.).

Одновременно мы сообщали главкому:

„До сих пор ни мною лично, ни штабом фронта приказа о передаче второй армии Южфронту и придании ему еще одной стрелковой дивизии и кавбригады не получено; копию сообщил мне командарм два Скачко. Приказание о подчинении отдано, но новых передач Южфронту дать не могу, раньше чем тыл не сформирует свежих частей. Это формирование идет очень успешно. Прошу указаний о разграничительной линии с Южфронтом“.

В тот же день новая директива главкома: выделить три дивизии в его стратегический резерв. Командукр отвечал:

„Новая директива окончательно ставит меня в тупик. Южфронту уже отдано более половины наших сил, предстоит отдать во исполнение прежних директив еще одну треть, оставив для борьбы с поляками, румынами, может быть галичанами, едва одну шестую. Требование выделить три дивизии в стратегический резерв главкома равносильно требованию не только отказать в поддержке Венгрии, но просто очистить Украину“.

В ответ получена резкая телеграмма Ильича, которую мы уже однажды приводили: „За танки (на Восток) благодарю, за самостийность ругаю. Выполнить приказы безоговорочно“. Мы отвечали:

„ЦК РКП Ленину, Сталину на тел. от 5/V.19 г.

Не нужно подстегивающих выговоров, делаем без того все, что можем. Приказы выполняются немедленно; новые части формируются успешно. Наступление на Румынию будет вестись силами, неспособными на иное. Удар по Румынии развяжет силы, которые без нас завершат свою работу. Петлюре нами предложена демарклиния. Предлагаю затем согласиться на уступку Польше Холмщины. При мире с Польшей и Галицией возможно выполнить все задания главкома. Силы Петлюры далеко еще не исчерпаны, наши части страшно переутомлены, плохо снабжены, кругом кулацкие восстания“.

7 мая мы сообщали командарм 2:

„Подвойский обязался до пятнадцатого мая дать вам дивизию. Десятого первая бригада из Харькова идет к вам. Первой армии отдан при-

каз немедленно начать выводить вторую дивизию с фронта для переброски в ваше распоряжение".

И в тот же день (7 мая) телеграфировали:

„Предсовобороны Ленину.

Наши части сильно потрепаны, слабы артиллерией. Отправлено и прибыло Южфронт в апреле до 8 000 штыков, 600 сабель, два бронепоезда с четырьмя морскими орудиями. Предназначены к отправке до 15 000 штыков, 30 полевых орудий, 900 сабель. Отправка затянется перемещениями с фронта. Кроме того Наркомвоен к пятнадцатому мая до 16 000 штыков, 36 орудий, 500 сабель. Директории сегодня послано предложение установить демарклинию, заключить перемирие. Наступление в Бессарабию решено".

Исполняя полученный наконец приказ главкома (от 25 апреля), шлем предписание командарм 1:

„В дополнение к приказу об отправке второй дивизии Екатеринослав командарм два приказываю немедленно начать переброску первой кавалерийской бригады туда же; с частями отправлять надежных политкомов, так как в Знаменке, Елизаветграде неблагополучно. Беспорядки в частях Григорьева задерживают действия против Румынии. Ограничьтесь усиленной подготовкой ударной группы из бессарабцев и интернационалистов. Спешите с доформированием пограничной дивизии, которая должна стать по демарклинии взамен первой дивизии. Подтолкните Богунского скорее кончать с Зеленым (№ 1009/л. к. 9/V)".

На возражения командарм 1:

„Переброску кавалерийской бригады и второй дивизии в Екатеринослав начать немедленно и закончить к 1 июня. 151-й полк немедленно отправить Запронт. Копии отданных распоряжений представьте мне".

И главкому:

„На № 958 к июню возможно перебросить для ударной группы Южфронта до 30 000 штыков, 3 000 сабель, до 60 орудий. Если же гнать немедленно, то получится только самоизмор. Пятая внеплановая дивизия по докладу Слувиса совершенно небоеспособна. Предлагаю отсрочить ее передачу Южфронту на две недели. Внутренние осложнения могут затормозить переброску. Прошу с этим серьезно считаться".

Тогда же сообщаем командарму Скачко (Екатеринослав):

„К первому июня предположено закончить переброску вам всей второй дивизии и первой кавалерийской бригады и двух бригад пятой внеплановой дивизии. Но поведение Григорьева может помешать, вокруг него сильнейшая провокация. Разграничительной линии с Южфронтом новой не дано и не могу сам решить по поводу Дыбенко. Денег и патрон у нас нет, требуйте от Южфронта".

Итак, мы, несмотря на все внутренние и внешние трудности, решительно шли в помощь Донбассу.

Но нашей задачей являлась также поддержка Красной Венгрии. Такова была директива и ЦК, и высшего командования.

И мы ее не забывали.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Состояние григорьевцев становится угрожающим. Дипломатничанье с Григорьевым. «Универсал». Первые действия Совнаркома против Григорьева. Боевые распоряжения командукра. Через две недели—Григорьев разбит

Выполнение указанных задач требовало максимального напряжения всех наших сил и потому мы конечно не могли не дорожить малейшей возможностью ликвидации внутренних конфликтов мирным путем. Это тем более относилось к Григорьеву, так как он располагал исключительным влиянием на крупные воинские силы и план кампании против Румынии в основном был составлен в расчете именно на его дивизию.

Нам, в Реввоенсовете фронта, представлялось возможным, играя на честолюбии „атамана", втянуть его в поход на Румынию, пока же всячески сглаживать трения.

Между тем материалы о ненадежности григорьевских частей продолжали непрерывно поступать.

24 апреля из Кривого Рога уездвоенком сообщал:

„Весь уезд Криворожский наполнен григорьевскими отрядами, превратившимся в банды погромщиков и грабителей. Перебиты целые волостные исполкомы, в Шестерне убиты 27 коммунистов, в Казанке 22 коммуниста. Готовится контрреволюционное выступление. Мобилизация коммунистов произведена, но нет оружия. Все члены исполкома под ружьем. Нужна немедленная помощь".

Мы отвечали:

„Ваши сведения преувеличены и незашифрованная телеграмма носит ярко провокационный характер. Буду настаивать на предании вас суду за провокацию".

Григорьев в свою очередь прислал пространную телеграмму, в в которой на основании донесения командира II батальона Херсонского полка сообщалось следующее: „24 апреля отряд под командой Галушкина приехал в деревню Шестерню, начал обстреливать селение, производить грабежи и конфискацию всяких имуществ, а также обезоруживать части, отпущенные по распоряжению атамана Григорьева в отпуск, причем взято 3 пулемета, 10 красноармейских винтовок, 6 винтовок милиции и т. д.".

И еще:

„Передаю копию телеграммы командира 6-го стрелкового полка

т. Малиманова: „По сообщениям красноармейцев, прибывших из посада Висунского и прилегающих к нему районов, там оперируют карательные отряды, налагающие контрибуции и расправляющиеся с населением, особенно с семействами красноармейцев. Полк взволнован до крайности обстоятельствами и просит разрешения направить на Новополтавку наряд для проверки всего на месте. Со своей стороны прошу разрешения отправить по указанному адресу один батальон. Командир 6-го полка Малиманов“.

На местах доходит до почти открытых военных действий:

„Александровск командующему 1-й Заднепровской дивизией Дыбенко:

Довожу до сведения, что 7-я рота 2-го Херсонского советского полка разоружается, пулеметы и оружие отобраны по приказу президиума исполкома. Этим же приказом указывается военкому о разоружении караула. Город объявлен на осадном положении, на улицах разрешается хождение до 11 часов ночи. Опасность погрома и контрреволюционного выступления еще не миновала. Ожидаются от вас распоряжения и комиссия для расследования. Есть виновники, которых нужно убрать немедленно с пути революционного строительства. Член ВЦИК и председатель Исполкома Сиволап. Помощник начальника штаба Снарский“.

О том же сообщает сам Григорьев:

„Ярославль. Штаб т. Антонова. Одесса командующему Одесской группой войск Худякову.

Передаю в копии только что полученную мною депешу из Белой Криницы № 66: доношу—первый Херсонский полк разъезжает везде по деревням Херсонского уезда, обезоруживает войска, отпущенные вами на отдых. Сегодня был заведен бой в местечке Шестерне с 4-й ротой 2-го Херсонского полка, которая целиком расположена на отдых в Шестерне. Продолжают двигаться на Большую Александровку, указывая, что там, где стоит II батальон 2-го Херсонского полка, находится банда. Как быть с этим прошу дать указаний, оружия. Без боя мы не сдадим. Сведений от командира полка не получалось еще никаких, повидимому, в Семиградье телеграммы не доходят. Жду дальнейшего вашего распоряжения. Командир II батальона 2-го Херсонского полка Ходатавский № 110. Атаман Григорьев. Наштаба Бзенко“.

Но мы тогда настолько были тверды в нашем стремлении использовать григорьевцев для похода на помощь Советской Венгрии, что в ответ на эти тревожные и противоречивые сведения телеграфировали:

„Херсон, губвоенкому. Копия Александрия начдиву Григорьеву.

Прекратите свою провокационную работу, к вам выехала комиссия для расследования дела. Если хотите воевать, то идите к т. Дыбенко командовать взводом“.

И Наркомвоен Подвойскому:

„На основании прилагаемой телеграммы прошу немедленно предать суду командира отряда Галушкина, посланного на усмирение Херсон-

ским губвоенкомом, а Херсонского губвоенкома сменить за излишнюю нервозность и неумение уладить дело, не компрометируя советской власти посылкой карательных отрядов“.

И вместе с тем мы продолжали добиваться политического контроля над Григорьевым.

25 апреля телеграмма в Киев т. Бубнову:

„Шафранский отказывается исполнить приказ принять временную должность политкома дивизии Григорьева. Примите меры к выполнению приказа, иначе буду настаивать о предании его суду. Сейчас он в Киеве“.

25 апреля из Киева Наркомвоен дает Григорьеву и комфронта телеграмму о нарушениях войсками Григорьева технического распорядка, о грабежах и убийствах коммунистов, производимых григорьевцами на Криворожьи.

26 апреля из штаба Укрфронта вторично сообщают об антисоветском настроении 2-го Херсонского полка.

И того же числа получаем следующую телеграмму Херсонского военкомгуб Козелева:

„Банды Григорьева наводнили Александровский, Елизаветградский, Херсонский уезды, устраивают погромы, расстреливают коммунистов, разгоняют Советы. Со стороны Григорьева мер к подавлению бесчинств не принимается, а, наоборот, такие действия им поощряются. Выслал отряды уезды, но бороться трудно, так как их большое количество. Мои отряды обезоружили бандитов Нововоронцовки, на что получил ответы атамана Григорьева, копию которых вам передаю: „Херсон губвоенкому Козелеву. Зачем вы послали первый Херсонский полк обезоруживать мои части. Если хоть одна винтовка будет отобрана, то знайте, что у нас есть еще полная артиллерия. Атаман Григорьев“. Передаю копию телеграммы из Березнеговатое: „Доношу, что во Владимирскую и Троицко-Сафоновскую волости прибыл в отпуск батальон второго Херсонского полка первой Заднепровской дивизии григорьевского отряда войск, численностью до полторы тысячи человек во главе с батальонным командиром Мелиховым в полном боевом вооружении. Отряд до того анархически и антикоммунистически настроен, что по пути следования в Казанке учинил кровавую расправу с 22 коммунистами, членами чрезвычайки. Вообще они бесчинствуют на местах, терроризируя население и беспощадно расправляясь с коммунистами. Поскольку удалось выяснить, на месте ежедневно реквизируют самовольно и без ведома местных властей лошадей и предметы обихода, налагают контрибуцию, как то имело место в колонии Романовке, Калужской волости, где наложено на население 5 000 рублей. Всякая партийная работа в деревне становится абсолютно невозможной, до того сильно разложение этих отрядов. Этим наносится удар Красной армии, несомненно, вред революции. Кроме того отрядами оказывается сопротивление губернским военным властям: они направились в Шестерню для усиления бесчинствующих банд, против которых выслан был карательный отряд. Опасность работы не дает возможности детально выяснить все учиненные этими отрядами зверства, но я полагал бы необходимым немедленно выяснить конкретно политическую физиономию Григорьева и его отряда, приняв срочные меры к прекращению зловредного разложения армии, не останавли-

ваясь перед поголовным разоружением. Нельзя допустить, чтобы в столь опасный момент, когда на востоке напрягаются последние силы, здесь, в тылу, сидел бы, бесчинствуя, целый батальон в полном вооружении, которое столь необходимо фронту. Уполномоченный Херсонским губвоенкомом по борьбе с контрреволюцией и саботажем, Баршах. Положение серьезное, прошу помощи к искоренению зла, исходящего от банд, оперирующих в трех уездах, ибо работа тормозится и вредно отражается на военных делах и работах Советов № 061/СКС. Военкомгуб Козелев".

Тов. Подвойским тогда же было получено следующее сообщение:

„В Нововоронцовке, в связи с убийством в военнопродовольственной комиссии товарища Якобсона, положение приняло катастрофический характер. Херсонский Шерятин, поехавший отомстить бандитам, поймал 2, убил, возвратился в Нововоронцовку Херсонского уезда, но обстоятельства сложились еще хуже. Убийцами товарища оказались красноармейцы второго батальона второго Херсонского полка. Бежавшие бандиты провоцируют восстание среди уволенных в отпуск в полном боевом вооружении. Ввиду создавшегося положения, военнопродовольственная комиссия не может продолжать работы, когда уезд наполнен вооруженными людьми. Невозможно выяснить политическую физиономию нескольких волостей Херсонского уезда. Опытная рука таинственного преступного элемента творит свое дело и обрекает на смерть голодную и злую далекие, дорогие, красные великорусские и латышские красноармейские части, семейства рабочих и всего трудового пролетариата. Уполномоченный экспедиции Наркомпрода Украины.

В ответ на эти сообщения Наркомвоен распорядился: „организовать для указанных трех уездов Херсонщины (угрожаемых григорьевцами) по караульному полку".

26—27 апреля поступили жалобы железнодорожников на загромождение ст. Куцовка эшелонами Григорьева и самоуправство их на железных дорогах.

Положение становилось все более напряженным. Но командукр еще надеялся не допустить до взрыва. Надеялся, что выступление Григорьева в поход на Румынию сразу покончит с безобразиями его частей.

На обратном пути в Киев командукр (29 апреля) вновь проехал районом расположения войск Григорьева. На ст. Александрия—произошло краткое свидание с „атаманом".

В ответ на резкие обличения Григорьев обещает расстрелять Шпака, приводит ряд доказательств провокационного поведения местных властей и отрядов в отношении его „славных" полков.

Рапортует о подготовке к походу против румын:

„В 12 часов 28 апреля 1-й эшелон 2-й бригады отбыл на ст. Помощную, куда сосредоточивается вся бригада; III батальон 4-го полка—на Н. Буге в срок не выступил, замитинговал, батальон будет расформирован, остальные части дивизии будут готовы к отправке на фронт через 2—3 дня".

Как будто все в порядке. Но не слишком ли? И почему так вздрог-

ука, почти метнулся „атаман“, когда внезапно тронулся (на наш сигнал) наш экстренный состав и вошел с докладом, что к отходу готово, комиссар особых поручений т. Егоров (выправленный парень, с маузером на перевязи, на котором случайно покоится в этот момент его рука)?

Командукр имел достаточно времени поразмыслить над странным поведением „атамана“ и над противоречивыми сведениями, приходившими с разных сторон.

Политработники при штабе Григорьева (Шафранского все еще не было, попрежнему бестолково метался Ратин) не сообщали ничего подозрительного: на ряду с мелкими грабежами, тогда столь обычными, отмечался большой подъем в частях, которым известно, что пойдут бить румын и... получат возможность „погулять“ в „боярских“ имениях. Ничего подозрительного не усматривали и „особоотдельцы“ (группа Антона Чалого), посланные нами для секретного наблюдения за штабом Григорьева и принятия в случае нужды крайних мер...

Вечером 28-го через Александрию проходил в Екатеринослав эшелон 15-го полка. „Известия“ местного уисполкома сообщали: „Атаман Григорьев обратился с приветственной речью к товарищам красноармейцам, шедшим рука об руку с другими полками атамана на борьбу за Одессу. Теперь волею судеб и высшего командования они должны разойтись по разным дорогам: Полтавский полк идет в Екатеринослав, что же касается отрядов Григорьева, то они через два дня отправятся на Румынию. Успех дела зависит от быстроты передвижения: указав на значение дела защиты интересов мировой революции, выполнение которого взяли на себя красноармейцы 15-го полка, составленного из молодых ребят Константинограда, атаман Григорьев изъявляет готовность поделиться трофеями, взятыми в Одессе, и предлагает выбрать 20 человек, которым будет выдано для полка полвагона мануфактуры. „Вы, товарищи, константиноградцы, у меня в гостях! Тут моя столица, а в десяти шагах и моя хата,—говорит атаман Григорьев—мое сердце радостно забилось, когда мне сказали о вашем приезде. Я очень рад, и надеюсь, что если я приеду к вам в Константиноград, вы меня также не примите лихом“.

При громких криках „ура“ атаман Григорьев в сопровождении командира и адъютанта полка направились в вагон для выдачи мануфактуры, после чего с краткой теплой речью обратился к красноармейцам политический комиссар дивизии т. Ратин, который указал на святое назначение красноармейца в авангарде мировой революции“.

Идиллическая картинка—ярко рисующая атаманское самодурство и слабость политконтроля!..

Григорьев несомненно готовился... но к чему?

На ст. Елизаветград—большое скопление григорьевских эшелонов. Секретная агентура доносит о погромной агитации среди них. Поговаривают о готовящемся выступлении против Советов. Комендант станции сообщает, что командир 2-го Херсонского полка захватил 13 вагонов мануфактуры, следующих из Одессы в Харьков и будто бы предназначенных для Москвы.

Командир полка в сопровождении комиссара и адъютанта на вызов командукра немедленно явился к нему.

Командиру полка был передан следующий письменный приказ:

„Командиру 2-го Херсонского полка.

Не позорьте славного имени красной украинской армии. Немедленно верните коменданту маршрутного поезда 13 вагонов, отцепленных распоряжением Вашего штаба. Дело правительства вести торговый обмен и ведать перевозкою грузов. Вы не богатырская застава,—вы—Красная армия, слуга народа, исполнитель велений избранной им власти. Об исполнении приказа донесите".

Комполка, попытавшись с минуту протестовать, отдал распоряжение—вернуть захваченные вагоны.

Одновременно предложено собрать полк.

Две тысячи красноармейцев—довольно стройно вытянулись для смотра командукр... Загорелые, крепкие парни. Комсостав—из бывших унтеров, пара б. офицеров... Вооружение в порядке, но обмундирование!..

После смотра—митинг. Говорю о прежних боях, где дрался 2-й Херсонский, о предстоящей славной боевой задаче, о дисциплине Красной армии, о подлых подстрекателях и предателях, пытающихся расстроить наши ряды. И, как везде, красноармейцы хорошо слушают, бодро подхватывают приветственные возгласы...

И все же с тяжелым чувством отъезжали мы из Елизаветграда. Работа предателей в рядах григорьевцев проступала здесь вполне ощутимо.

И несомненно, командукр проявил поразительную близорукость, когда направил (2 мая) Х. Раковскому и Н. Подвойскому следующий свой отзыв о Григорьеве:

„Непосредственным ознакомлением выяснил и утверждаю, что:

1) у Григорьева нет в настоящее время никаких намерений, враждебных советской власти; он таков, каково породившее его и его войска среднее крестьянство Александрийского уезда;

2) левые эсеры ведут усиленную антисоветсткую агитацию во всем Александрийском уезде; эта агитация не встречает должного отпора, ввиду слабости нашей политической работы, неналаженности на местах советской власти; она питается недовольством, вызванным в населении нетактичностью отдельных агентов чрезком, продорганов и слабой связанностью советской власти с местным населением (так во главе Александрийского исполкома—москвичи);

3) Григорьев пользуется громадным влиянием в данном уезде, как человек местный, постоянно боровшийся с угнетателями местного селянства; он усилил свое влияние, окружив себя наиболее влиятельными людьми из различных волостей;

4) главная масса войск Григорьева—середняки-крестьяне, как и подавляющее большинство селян этого уезда;

5) самодурство Григорьева до сих пор не встречало надлежащего отпора со стороны политических комиссаров,—т. Ратин полон добрых намерений, но слаб;

6) из осмотра складов и мастерских Григорьева выяснилось, что ежедневно в мастерских изготовляются из полотнищ палаток до 600 брюк, в оружейной чинятся до 40 винтовок и трех пулеметов в день; в складах ничего излишнего нет; полный недостаток в обуви, но есть кожа на две тысячи сапог, полотна на пятнадцать тысяч пар белья; патрон очень мало; винтовок на складах нет; снарядов трехдюймовых и разных до 100 000. Управление снабжения ставится образцово, у начальника снабжения налицо стремление к строгой отчетности;

7) Григорьев держит в страхе своих подчиненных, тяжел на руку и скор на расправу;

8) погром в Николаеве и Одессе предотвращен им, также подавлены и подобные попытки в Александрии;

9) сам он живет как середняк-горожанин, несомненно зажиточно и лично для себя ничего не нажил—мануфактуру роздал вдовам красноармейцев, самим красноармейцам, школам и бедноте;

10) политические комиссары допущены и работают свободно;

11) эксцессы немногочисленны, объясняются они провокацией правых эсеров и отчасти местных властей;

12) Григорьев честолюбив, обладает военным талантом; обязался не самоуправничать; держать его в руках вполне можно.

Заключение:

1) нужна самая напряженная политическая и организационная работа в Александрийском уезде, дабы преодолеть недоверие к нам среднего крестьянства;

2) насильственные меры цели не достигнут и осуждены заранее на провал;

3) Григорьев должен быть использован как военная сила (он выступает теперь по приказу в Бессарабию); ему надо придать надежных комиссаров и политработников".

Основная установка, данная в этой записке комадукр, была в целом принята Х. Раковским и Реввоенсоветом.

Но П. Подвойский настаивал на разработке плана „приведения отрядов Григорьева и Махно в регулярный вид или постепенного их расформирования и распределения личного состава по надежным частям". (30 апреля № 464/ц).

Конечно это был только план—на деле же у нас некем было заменить войска Махно на фронте Донбасса, не было сил принудить части Григорьева к расформированию.

Х. Раковский со своей стороны отмечал (1 мая): „Что касается Григорьева и Махно, лично они может быть не так страшны, как их малюют, но они оружие в руках приближенных. Первый благодаря своему пьянству может выкинуть штуку, о которой в трезвом виде будет жалеть, но поздно".

И тут же добавлял: „Военное положение Венгрии отчаянное... Какие бы силы у нас ни были, мы должны начать наступление на Румынию".

Уже по одному этому мы не могли не искать мирных путей к

улажению „недоразумений“ с григорьевцами и мирного овладения ими чрез посылаемых нами политкомов и комсостав.

Совет обороны в целом одобрил линию поведения, принятую Реввоенсоветом фронта в отношении Григорьева,—играя на его честолюбии, попытаться втянуть его дивизию в Бессарабский поход, чрез полк—существует только штат—реальные силы отсутствуют; другие случае оттянуть момент может быть и неизбежного столкновения, дабы успеть покончить с Зеленым и принять меры к устранению Григорьева изнутри и т. д.

О Григорьеве доходили к нам самые разнообразные сведения:

1 мая т. Савицкий например сообщал из Новоукраинки: „Полки не доведены до штатного состава. 4-й полк начинает исправляться, политработа налаживается, много сочувствующих коммунистам. 5-й полк, несмотря на мои категорические требования, сведений не дает. 6-й полк—существует только штат—реальные силы отсутствуют; другие роды оружия пока еще не прибыли. В Елизаветграде стоит батальон второго Херсонского, в котором ведется погромная агитация. Я прошу срочно принять меры, дабы избегнуть нежелательных эксцессов. Командный состав ведет неопределенную политику, техническая сторона слаба, со мною почти не считаются“.

Мы стремились всячески сглаживать конфликты с Григорьевым.

Когда Григорьев сообщал демагогически: „Во 2-м полку страшное недовольство по причине вывоза 13 вагонов чая в Москву. Мы пьем вместо чая заварку вишневого листа, а чай увозят в Москву из Елизаветграда. Полк увожу на другую станцию“.

Мы отвечали:

„Сам видел на складах у начдива Григорьева порядочный запас чая. Укажите начдив Григорьеву, что торговые сношения между Украиной и Россией не могут находится под контролем военной власти. Это уж дело правительства“.

Когда Худяков отдал оперативный приказ Григорьеву о выступлении в Бессарабию без предварительного сговора с ним, мы указывали:

„Ведь вам известно, что войска Григорьева на отдыхе, почему же, не столковавшись, когда он сможет их двинуть, вы отдаете приказы. Зря создаете конфликт. Немедленно, объяснив Григорьеву свою ошибку, снеситесь с ним и точно выясните, когда по всем условиям, в том числе и перевозочным, он сможет сосредоточиться; будьте тактичнее с Григорьевым“.

Но бесчинства григорьевских частей возрастали резкими скачками. Непрерывно стали приходить сведения об открытых антисоветских заявлениях и контрреволюционных приготовлениях Григорьева и комсостава отдельных его полков.

2 мая штабом 3-й армии перехвачена такая телеграмма (шифром „Маяк“ из Помощной командиру 5-го Тилигульского полка, который нам удалось оттянуть от Григорьева):

Товарищи! Срочно телеграфируйте, кого вы признаете—коммуну в лице командующего Худякова или честного социалиста Украины атамана Григорьева, который, твердо стоя на платформе советской власти,

не доверяет пришельцам с севера. Если признаете атамана, то вы находитесь во вверенной мне 2-й бригаде и исполняете только мои приказания. Сообщите, где вы, в каком положении. Комбриг Мосенко".

И горячего Худякова прорвало: 7 мая он дал такой телеграфный ультиматум Григорьеву:

„Если в 24 часа не прекратятся беспорядки ваших трех полков, объявляю вас вне закона и открываю против вас как против контрреволюционера военные действия. Вы должны в 24 часа прекратить беспорядки или, если вы бессильны, выехать в Одессу и сложить с себя полномочия. Командарм 3-й Украинской армии Худяков".

Реввоенсовет фронта тотчас же указал:

„Одесса командарм 3 Худякову. Копия Щаденко. Приказом Григорьеву вы срываете линию поведения Реввоенсовета. Недопустимость этого разъяснять не приходится. Предлагаем точно и строго руководствоваться нашими приказаниями. Всячески избегайте обострения отношений с дивизией Григорьева. Немедленно примите ряд мер в этом направлении. Результаты исполнения срочно донести. 7 мая 12 час. (НР 987). Комфронт Антонов. Член Реввоенсовета А. Бубнов".

Командукр, проявляя крайнее оптимистическое упрямство, тогда же телеграфировал т. Худякову:

„Расшифруйте Маяком лично. Вы с ума спятили. Прекратите провокацию, поладьте миром с Григорьевым. Надо спешить в Бессарабию". И следом, без шифра:

„Одесса командарм Худякову, Александрия начдив Григорьеву, копия. Киев предсовнаркома Раковскому, наркомвоен Подвойскому.

Выражаю полную уверенность, что т. Григорьев не нуждается в угрозах, чтоб держать свои части в руках, как это он и делал в Херсоне, Николаеве, Одессе, и что его части новыми боевыми подвигами загладят безобразные поступки отдельных провокаторов, с которыми сам Григорьев быстро справится. Вам надлежало говорить с начдивом Григорьевым не языком незаслуженного ультиматума, а запросить, какие меры им приняты к прекращению безобразий, уничтожению провокаторов и спешному исполнению боевого приказа. 7 мая 11 ч. 30 м. (НР 985/лк.). Комфронт Антонов".

И уже совсем в неподходящем тоне:

„Александрия начдив Григорьеву, копия Одесса командарм Худякову, Щаденко.

Во имя славы, чести и блага украинских селян и рабочих возьмите в железные руки свои полки и вперед к новым победам. Командующий армиями Украины выражает доверие красным полкам Херсонщины и их непобедимому вождю (№ 998) 7/V—19 г. Комфронт Антонов".

Худяков понял и тотчас же разъяснил:

„Выполнение приказа задержали; возмутительное поведение Григорьева и телеграммы из центра вынудили меня действовать в таком духе. Григорьев же вместо исполнения моих приказов хладнокровно сообщает: в одном месте вырезали 40 евреев, в другом 120 и так далее. Приказание комфронта т. Антонова будет выполнено. Для Григорьева приготовлено 6 полков, которыми комфронт может располагать. Пя-

тый полк Григорьева вынес протест против действий его частей и больше в составе шестой дивизии себя не считает. Всем высланным Григорьеву политическим силам дана задача уладить конфликт мирным путем".

Командукр отозвался:

„Надо постепенно овладевать полками Григорьева, но не разлагать дивизии созданием открытых конфликтов внутри нее"[1].

А Григорьев хитрил:

„Киев т. Раковскому, т. Антонову, Екатеринослав т. Скачко, Одесса командарм 3 т. Худякову, Херсон Губвоенком.

Меня крайне удивляют всякие провокации, на места, где были эксцессы, высланы все политические деятели и лучшие представители командного состава, в том числе и больной Горбенко. Надеюсь все уладить, и 8 мая ночью все части дивизии двинутся. Согласно диспозиции артиллерия начинает движение сегодня, хотя приемка лошадей еще не закончена; 6-й, 7-й полки в периоде формирования, но придется их тащить за собой. Все зло в обуви, которую я обещал войскам, но не получил. Все остальное имею в достатке. Сегодня издам, по указанию представителя правительства, приказ войскам и населению. Согласно приказанию т. Антонова на Знаменке формируются тыловой этап и две этапные роты".

Уполномоченный правительства в Николаеве т. Скляр сообщал:

„Мною были приложены все усилия к тому, чтобы наиболее безболезненным дипломатическим путем поладить с Григорьевым и разрешить все вопросы, связанные с бесчинствами, совершенными его отрядами. В результате мною получен от него ответ, в котором он обещает, что через пару дней ни одного его солдата не будет по линии Николаев—Елизаветград.

Таким образом появление в дальнейшем бесчинствующей банды на железной дороге дает право местной власти, Окрвоенкому и командарму расправиться уже не как с солдатами Григорьева, а как с шайкой контрреволюционеров. Потому необходимо организовать посылку на линию Николаев—Елизаветград сильного карательного отряда, дав в то же время Григорьеву значительное повышение, вызвав его в центр, чем будет достигнуто самое безболезненное разрешение вопроса о партизанщине и Григорьеве, ибо дальше так продолжаться не может".

В свою очередь, посланный из Екатеринослава председатель инспекции Военнореволюционного трибунала, т. Виллер (Скиталец) писал (из Знаменки):

„В Знаменке частью Верблюжского полка учинен погром. Убито 12 евреев. Все еврейские квартиры и магазины разграблены; погром подготовлялся местной бандой, которой удалось спровоцировать красноармейцев. Необходимо командировать интернациональную часть для ликвидации контрреволюционного гнезда; промедление грозит новыми осложнениями. По всей линии

[1] Мы готовились убрать Григорьева „особым способом", но сохранить его дивизию во главе пример с Щафранским или Савицким.—*А. О.*

Знаменского участка ведется агитация—„бей жидов и коммунистов“. Верблюжский полк увез с собой 40 евреев в Елизаветград. Ныне приказанием Григорьева они освобождены. Верблюжский полк производит в Елизаветграде самочинные обыски в еврейских квартирах и арестовал евреев-коммунистов. Погромная волна охватывает новые места. Имеются сведения о погромном выступлении в Новомиргороде Богуславе. Есть опасность, что все погромные элементы объединятся вместе с зелеными и образуют единый фронт на этом участке. Мы вызвали Григорьева и политком дивизии для совместной поездки в Елизаветград ликвидировать верблюжцев. Пока их нет, если не приедут, отправимся в Александрию. Примите решительные меры, пока не поздно“.

Ввиду такого положения вещей командукр решил лично направиться к Григорьеву, чтобы добиться исполнения им оперативных приказов—вывода дивизии в поход против Румынии, или ликвидировать самодура-атамана.

Почти тотчас же по прибытии в Одессу командукр получил следующую телеграмму, отправленную из Киева 8 мая в 23 часа:

„Не езжайте дальше до расшифровки. Григорьев поднял восстание. Арестованы политкомы, а также Савицкий. Будьте осторожны. Председатель Совета обороны“.

В Одессе не было подобных сведений. Накануне пришла телеграмма политкома Савицкого, что он слагает с себя обязанности, ввиду подозрительного поведения Григорьева.

На рассвете 9-го т. Голубенко (Одесса) телеграфировал в Киев т. Бубнову:

„Мая 9 к 4 часам 40 минут комиссар почт.-телеграфа г. Елизаветграда т. Иванов сообщает: власть города захвачена григорьевцами. Объявлен универсал, которым Раковский и Совнарком Украины объявлены авантюристами. Универсал подписан Григорьевым. Исполком в подполье. Меры к устранению приняты, пытаемся пока ликвидировать авантюру мирным путем. Реввоенсовет 3-й армии просит ставить в известность о всех принимаемых дипломатических шагах, дабы избежать дипломатической разногласицы“.

Тов. Бубнов отвечал:

„Телеграмма № получена. Мирным путем используйте, но действуйте твердо. Осведомляйте непрерывно“.

С характерным упрямством командукр однако не сдавался пред лицом даже этих фактов.

Он отвечал Х. Раковскому:

„Постараюсь все же уладить дело миром, принудив Григорьева итти в Бессарабию. Необходима гарантия, что Херсонский Губвоенком не будет посылать карательных отрядов. Надо ускорить ликвидацию Зеленого. На всякий случай рекомендую моим заместителям Ворошилова“.

Командукр предполагал выехать немедленно в Александрию. Но по прямому от Григорьева пришло сообщение, что он выезжает в Одессу, где будет 10-го; он не имеет никакого отношения к вы-

пущенному в Елизаветграде универсалу и послал свои войска для установления порядка в Елизаветграде.

Командукр телеграфировал Григорьеву:

„Хотел ехать к вам. Узнал, что будете в Одессе 10 мая. Жду Вас в Одессе в указанный Вами командующему Худякову день (9 мая).

Одновременно мы сообщаем Раковскому и Бубнову:

„В Елизаветграде власть очевидно захвачена левоэсерами, выпустившими универсал. Григорьев утверждает, что его не подписывал и что послал силы для приведения в порядок своих частей. Он обязался Худякову быть десятого в Одессе. От посланных отсюда в Елизаветград работников нет никаких известий. Откуда у вас сведения об аресте Савицкого? Вчера от него была телеграмма, что он складывает с себя обязанности политкома, ввиду подозрительного поведения Григорьева“.

Из Киева отвечали (к сожалению в Одессе расшифровали эту телеграмму лишь к 11 мая):

„Вчера вечером Савицкий и Тютюник из Елизаветграда звали к аппарату Шумского. Первый заявил, что находится под арестом, но что второй разрешил ему говорить по прямому проводу и запросить ЦК своей партии, как относиться к готовящемуся выступлению, о котором уже издан приказ. Первый колеблется[1], а второй идет с Григорьевым. Однако и один, и другой в ответ на извещение Шумского сообщили, что уже поздно. Савицкий предложил поехать делегатам от ЦК партии эсеров и коммунистов. Сегодня Жарко передал, что пять эшелонов Григорьева двинулись к Пятихатке и будут расставлены на путях между Користовкой и Королевкой. Каменев сообщает, что в Екатеринослав прибыл броненоезд Григорьева. Григорьев после разговора с Каменевым выключен из провода“.

9-го же получена от Савицкого вторая, более подробная телеграмма:

„Повторяю, что 7 мая в 12 часов я, как политком дивизии, по приказанию т. Григорьева нахожусь под домашним арестом. Переарестованы все политработники, в том числе и Высшая военная политическая инспекция с т. Скитальцем. Выступление направлено против коммуны. Выдвинут лозунг—вся власть Советам, но не партии. Необходимо для спасения революции выслать все то, что может сладить мирным путем. Не имея возможности нести ответственность, я сложил с себя обязанность политкома дивизии. Бывший политком Савицкий“.

А Григорьев все еще не срывал маски:

„Из Александрии. Киев т. Раковскому, копия т. Антонову.

Провокациям нет пределов. Мое имя треплют, как хотят; в Кривом Роге издали провокационный универсал от моего имени. Дивизии сейчас на походе, полки подходят к Помошной, а один полк подходит к Балте. Я завтра еду в Одессу (№ 950). Атаман Григорьев“.

Уже поступали сведения о подозрительном продвижении Григорьевских эшелонов.

Приводим разговор наштарма 3 с Киевом:

---

[1] В отношении Савицкого — явный вздор — А.-О.

„Давались ли задания атаману Григорьеву для передвижения по направлению Полтава, Пятихатка, так как нас спешно запрашивает Харьковский окрвоенком и категорически говорит, что если это не входит в оперативную задачу Григорьева, то он не допустит этого движения, если бы даже пришлось принять бой.

Григорьев получил от нас задания двигаться на Балту, но этого приказа он до сих пор не выполнил. Никакого иного приказания в отношении григорьевской дивизии нами не давалось. Только что говорили со штарм 2, который меня также запрашивает, давалось ли приказание двигаться Григорьеву на Екатеринослав. По нашим сведениям, еще непроверенным, 17 его эшелонов двинулись со Знаменки на Екатеринослав. Комфронт у нас и он об этом ничего не знает. Завтра мы ожидаем Григорьева в штабе в Одессе, но только его одного. По полученным сведениям он собирается прибыть с эшелоном, чего мы допустить не можем, так как движение его войск отнюдь не должно быть направлено через Одессу и поэтому нами приняты все меры к недопущению въезда его эшелонов. Вообще в деле Григорьева много непонятного, я полагаю, что вы уже посвящены достаточно".

„Наштарм 2 сообщает, что по непроверенным сведениям из Знаменки на Екатеринослав двигаются 17 эшелонов 6-й дивизии".

Как вам уже сообщали, 5 эшелонов григорьевцев, двигаются на Вознесение. Вызывали Григорьева, но в Александрии его нет. С Елизаветградом и Екатеринославом связи нет. Меры принимаем".

Вечером 9-го командукр отдал приказ всем ЗК ДС дорог Украины:

„Никакие передвижения воинских эшелонов недопустимы без разрешения заведывающих передвижениями войск армии. За неисполнение этого приказа предам суду, как за измену".

И тогда же:

„Штабам 1, 2 и 3 армий Украины. Всем начальникам дивизий, редакциям советских газет, всем исполкомам, начальникам эшелонов на левобережных дорогах, всем ЗК; копия Киев предсовобороны Раковскому. Приказ войскам Красной армии Украины № 135.

Вокруг штаба и войск начдив Григорьева идет подлая провокационная работа. Белогвардейская сволочь стремится расстроить силу Красной армии, натравить ее на мирное население и бросить ее полки один на другой. Золотопогонные и разбойные казачьи шайки еще терзают рабочих донецких рудников, грозят Украине и России оружием, услужливо подсунутым французскими и английскими захватчиками. С Запада наступают польские паны, румынские бояре грабят Бессарабию, готовят поход на Украину. Предательская Директория натравливает наших братьев галичан против нас. В эту тяжелую пору твердость и порядок особенно нам нужны, всякая смута особенно недопустима. Подлым предателем родины, подлым изменником крестьянству и рабочим Украины является тот, кто толкает на смуту, расстраивает наши ряды. Подлый слуга врагов наших, каин-предатель трудовой Украины тот, кто поднимает восстание против советских властей. Третий съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов избрал Центральный исполнительный комитет советов, поручил ему создать

правительство Советской Украины. Это правительство единственно законная власть на Украине. Кто поднимается против нее, тот враг трудового народа и должен быть уничтожен, как бешеный пес. Под знаменами Советской Украины стоят сотни и сотни тысяч бойцов. От их штыков никуда не уйти предателям, они будут раздавлены и вбиты, как черви, в землю Украины, которую опоганили предательством своим. 9 мая, 23 часа (НР 1018/ЛК). Одесса. Подписал командующий армиями Украинского фронта Овсеенко-Антонов".

Наконец в 12 ч. 30 м. 10 мая мы (из Одессы) получили прямую связь с Александрией. Передали начдив Григорьеву копию следующего, отданного Худякову, приказа: „Шестая дивизия, кроме третьего Херсонского и пятого полков, остающихся в прежнем распоряжении, переходит в резерв комфронта и непосредственно подчиняется мне".

Григорьев отвечал (весь дальнейший разговор передавался нами тотчас же по прямому в Киев т. А. Бубнову):

„Очень приятно, очень рад. Докладываю вам, что правительство авантюриста Раковского я считаю низложенным. Чрез два дня я возьму Екатеринослав, Харьков, Киев, Херсон и Николаев. Будет созван съезд советов Украины, который нам даст правительство народное, а не правительство политических спекулянтов—авантюристов. Уважая вас, как честного революционера, сердечно прошу принять меры к предотвращению кровопролития и сохранения фронта. Угодно вам прослушать универсал?

— Я должен знать, что Григорьев говорит со мной.

— Это тот Григорьев, с которым вы ездили в Верблюжку.

— Хорошо, передайте универсал.

Универсал:

„Народ украинский, народ измученный. Жестокая война с германской коалицией и с державами Антанты вырвали из твоих сел лучших сыновей земли. Междуусобия, война с гетманщиной и петлюровщиной лучших сынов твоих загнали в могилу и тюрьмы. Когда у тебя нехватило силы больше терпеть, ты оставил соху и станок, выкопал из земли ржавую винтовку и пошел защищать право свое на волю и землю, но и здесь политические спекулянты обманули тебя и ловким ходом использовали твою доверчивость; вместо земли и воли тебе насильно навязывают коммуну, чрезвычайку и комиссаров с московской обжорки.

У этой земли, где распяли Христа, ты трудишься день и ночь; ты светишь лучиной, ты ходишь в лаптях и штанах из мешка. Вместо чая ты пьешь горячую воду без сахара, но те, что обещают тебе светлое будущее, эксплоатируют тебя,—тобой воюют, с оружием в руках забирают твой хлеб, реквизируют скотину твою и нахально убеждают тебя, что все это для блага народа. Труженик святой! Божий человек, посмотри на свои мозолистые руки и посмотри кругом; неправда, ложь и неправда. Ты—царь земли, ты кормилец мира, но ты же раб, благодаря святой простоте и доброте своей. Крестьянин и работник, вас девяносто два процента на Украине, а кто управляет вами? Все те же, кто хотел крови народа. Народ украинский, бери

власть в свои руки. Пусть не будет диктатуры, ни лица, ни партии. Да здравствует диктатура трудящегося люда!

Да здравствуют мозолистые руки крестьян и рабочих! Долой политических спекулянтов! Долой насилие справа! Долой насилие слева! Да здравствует власть Советов народа Украины! Вам предстоит новая борьба. Боритесь—поборите. Я, атаман Григорьев, и мой штаб головы свои готовы положить за право трудящегося люда. Последняя ставка. Для себя мы не ищем ничего. Поддержите нас и тем спасете право свое.

Вот мой приказ: в три дня мобилизуйте всех тех, кто способен владеть оружием, и немедленно займите все станции железных дорог и на каждой станции поставьте своих комиссаров. Каждая волость, каждое село формируйте отряды и идите в свой уездный город, от каждого уездного города из ваших отрядов по четыреста человек лучших бойцов пошлите на Киев и по двести бойцов пошлите на Харьков, если есть оружие пошлите с оружием, нет оружия—пошлите с вилами. Но мой приказ прошу исполнить,—и победа за нами. Все остальное сделаю сам.

Главный штаб наш—при моем штабе. Только с вашей поддержкой добьемся права народа. Немедленно организуйте власть народа, в каждом селе соберите совет селян, в каждой волости—волостной совет, в каждом уезде—уездный совет, в каждой губернии—губернский совет.

В Совет имеют право быть избраны представители всех партий, которые стоят на советской платформе, и те, что признают себя беспартийными, но признают советскую власть.

В состав Советов могут входить представители всех национальностей пропорционально их количеству на Украине,—для украинцев предоставляется в Совете 80% мест, для евреев 5% мест и для всех прочих национальностей 15% мест. При таком распределении не будет засилия ни партии, ни наций. Глубоко верю, что это будет подлинная власть народа. Да здравствует свобода слова, печати, совести, собраний, союзов, стачек, труда и профессий, неприкосновенность личности, мысли, жилища, убеждений.

Народ божий! Любите друг друга, не проливайте братской крови. Забудьте вражду партийную и преклонитесь перед властью честного труда.

Да здравствует честный труд! И да погибнет всякое насилие и власть капитала! Железнодорожник, почта и телеграф, вы исстрадались, поймите нас и победа наша—победа ваша. Народ украинский завоеваний за границами своей земли не ищет, но своим братьям по труду, где бы они ни были, всегда поможет и ржавою винтовкою и последним куском хлеба. Правительство авантюриста Раковского и его ставленников просим уйти от нас и не насиловать волю народа. Всеукраинский съезд Советов даст нам правительство, которому мы подчинимся и свято исполним волю его. Я иду вперед, ибо так велит народная совесть. Резерв мой—ты народ украинский, и от тебя зависит судьба твоя.

Всякие убийства, без суда народа, мародерство, грабежи, бесчинства, вторжение в чужое жилище, незаконные реквизиции, агитация против отдельных национальностей будут пресекаться силой оружия. Порядок необходим, долой произвол! Своими заместителями назначаю т. Тютюника, т. Горбенко и т. Мосенко, которым доверяю столь трудную задачу. Подпись: атаман партизанов Херсонщины и Таврии Григорьев. Помощники атамана—Горбенко, Тютюник, Терещенко, Мосенко, Ясинский, Бондарь и Павлов".

Этот универсал написан в духе желанья и чаяний народа. Что скажете на ответ?

А. Когда подписан универсал?

Гр. Три дня тому назад.

А. Почему вы не выехали ко мне в Одессу?

Гр. Потому что против меня был заговор.

А. Это сказки.

Гр. Заговор во главе с Антоном Чалым. Мною перехвачены их письма. Вот начало одного из писем:—„Тов. Люксембург, здесь ожидаются крупные события—полная, окончательная ликвидация атамана Григорьева"... и еще два таких письма, писанные секретарем политкома дивизии.

А. Это заговора не доказывает. Я ничего об этом не знаю, а теперь слушайте мой ответ (перебил).

Гр. Я уверен, что о заговоре вы ничего не знаете. Из всех коммунистов, которых я знаю, честными людьми считаю т. Шафранского, Базарова, т. Антонова-Овсеенко и несколько других. Представителей моей партии, а также и прочих коммунистов считаю политическими спекулянтами.

А. Какой вашей партии? Украинских эсеров?

Гр. УПРС (коммунистов).

А. Мой ответ—вы подпали под влияние людей, состоящих в связи с белогвардейцами (перебил).

Гр. Товарищ, я прекрасно знаю положение, и ни одна кампания контрреволюционеров не будет иметь успеха. Мы настолько сильны, что сможем сокрушить какой угодно напор. Я докладывал вам это как честный революционер—с белогвардейцами и петлюровцами ничего общего не имеем. Универсал написал самолично, взвесив все обстоятельства за и против. Мои товарищи во всем со мной согласились и нашли, что это единственный выход, чтобы спасти революцию от авантюры Раковских и его компании. Врагов, откуда бы они ни пришли, наш народ уничтожит. Знайте, товарищ, что мы прежде всего думали о румынах, поляках, Деникине и даже Колчаке. Будьте спокойны, с ними мы справимся,—вчера мы послали для Москвы две тысячи пудов сала, десять вагонов хлеба. Если понадобится войско против Колчака, мы его дадим. У меня образовался из одной волости Вершинно-Каменский полк, который пришел ко мне со своими пулеметами и пушкой. Воодушевление огромное. Пожалуйте к нам посмотреть и вы увидите, что белогвардейцев и поляков здесь нет.

Сегодня уехали Шафранский и все политические работники. Все

политические организации и исполкомы до перевыборов мною оставлены на местах.

За истекшие сутки порядок нигде не нарушался и вооруженных столкновений не было. Для вас проезд свободен куда угодно.

А. Правительство с Раковским во главе выбрано на 3-м Съезде советов Украины. Не нужно оружия, чтобы созвать новый съезд советов. Такой съезд произойдет в скором времени. Надиях должен состояться губернский херсонский съезд советов. Положение Украины крайне тяжелое. Внутренняя смута ее поставит на край гибели, облегчит работу всех иноземных захватчиков (перебил).

Гр. Товарищ,—это петлюровская мысль. Докладываю вам как сын Украины, что все те, что придут на Украину с целью эксплоатации ее, будут уничтожены. Я очень жалею, что у вас нет сведений о силе и мощи народа Украины. Мы победим.

А. Повторяю—правительство нынешнее создано волею крестьян и рабочих.

Гр. При помощи пулемета.

А. А у вас их нет, чем будете вы действовать?

Гр. На выборах их употреблять не будем.

А. Имейте твердость дослушать меня: только (перебивает) новый Съезд советов может дать новое правительство. Правительство предоставляет свободу агитации всем советским партиям и пусть выразится воля (перебивает).

Гр. Поздравляю вас. Только свободное участие всех советских партий даст нам правительство.

А. Чтоб притти к этому не надо браться за оружие. Наше дело военных сначала отвоевать всю землю Украины и обеспечить внутреннюю свободу трудящихся и подавить контрреволюцию. Думаю, вам следует послать делегата ко мне, если опасаетесь лично выехать. Я же не могу терять времени, которое должен тратить на организацию борьбы с внешними врагами, против которых вы отказываетесь выступать и намереваетесь подорвать наш внешний фронт ударом по нашим базам.

Вопрос—вы окончательно порываете связь с Красной армией и отказываетесь мне подчиняться? Предлагаю вам—послать от недовольных сел делегацию в Центральный исполнительный комитет в Киев. В этом Комитете представлены пропорционально все советские партии. Надо не допустить кровопролития и расстройства фронта. Ответьте на мой вопрос и мое предложение.

Гр. Послать делегацию к тем, кто изнасиловал волю народа и его чаяния?! Я не спорю, я только прошу, чтобы то правительство, которое так далеко стоит от народа и которое вдарилось в политическую спекуляцию, немедленно ушло от нас. И мы вместе с вами, под вашим командованием, выдержим какой угодно натиск. Народ, избавившийся от чрезвычаек и диктатуры коммунистов, воспрянет духом и пойдет вперед, не останавливаясь ни перед какими позициями врага. Вот вам, товарищ, мой ответ.

А. Дайте мне закончить свой.

Правительство нынешнее пользуется полным доверием всей первой армии, всей нынешней третьей и всей второй, а также всех гарнизонов правобережной Украины. Происходят... (перебил).

Гр. Докладываю вам, что первая армия против меня драться не будет, часть второй армии на моей стороне, часть третьей армии через комбриг Махно со мной в контакте, делегаты Богунского сейчас у меня, население на моей стороне, железнодорожники на моей стороне. В самом Харькове около восьмисот вооруженных людей во главе с моим человеком, а в Киеве для меня уже отвели квартиру.

А. Необходимо видеть вашего делегата, разговор я должен прервать. Ответьте, пришлете ли его ко мне?

Гр. Я рад бы прислать, но все ответственные работники разосланы во все концы—я здесь лишь с начальником штаба, начснабжения, частью артиллерии и частью пехоты. Кого, товарищ, я вам пошлю для столь важных переговоров?

А. Хотя бы Шевченко, который, по моему мнению, вполне разберется.

Гр. У нас Шевченки нет.

А. Начальник снабжения Терещенко.

Гр. Терещенко сидит рядом со мной сейчас и заявляет, что боится ехать, так как на него было покушение одновременно со мною, а вчера прострелили вагон наштаба.

А. На меня были десятки покушений, но я не боялся ехать к вам и Махно. Гарантирую, что Терещенко ничего не должен опасаться со стороны советских войск. Ваши люди здесь есть и получают снабжение санитарное, артиллерийское и военнохозяйственное.

Гр. Если вы, товарищ, имеете полномочие говорить от партии и правительства, то пришлите их сюда, будем очень рады—у нас некого послать—мы бедные люди, но сильны духом.

А. Я говорил от себя. Никаких полномочий от партии и правительства не имею. Предложу партии и правительству ваши предложения решить самим. Только одно, если предпримите военные действия против занятых вверенными мне войсками пунктов, то будете действовать против меня. Предлагаю вам выждать приезда делегации и военных действий до конца переговоров не открывать. Обещаю употребить все свое влияние, чтоб уладить дело без кровопролития[1].

Гр. Дорогой товарищ, вы говорите так, как будто бы наш единомышленник. Крови мы не хотим, но для того чтобы говорить с правительством, я приказал занять Киев, Полтаву и Екатеринослав, Харьков и очень прошу вас лично разрешить мне без боя занять Николаев, Херсон. От занятия Одессы я откажусь, если мне будет позволено послать в район расположения вверенных мне частей людей с приказом через ваш штаб не выступать и исполнять все ваши приказания. Худяков в командармы по-моему не годится.

---

[1] Уже во время разговора с Григорьевым командукр давал оперативные распоряжения к подавлению его восстания. Для этих мер нужно было выиграть хоть несколько времени,—отсюда „дипломатничанье“ командукра.—А. [illegible]

А. Мои слова остаются в силе: не могу допустить вашего наступления на Екатеринослав и другие пункты, ибо тогда выйдет кровопролитие. Выждите приезда делегации. Большего сказать по телеграфу не могу. Это последние мои слова. Должен сейчас итти по другому делу.

Гр. От наступления отказаться не могу. Делегацию прошу прислать. Думаю Екатеринослав взять без боя.

А. Прощайте, ушел.

Гр. Всего хорошего".

В тот же день, через пару часов, Григорьев (Александрия) говорил по прямому проводу с т. Блакитным, чл. ЦК украинских эсеров (Киев).

Гр. Вы ЦК. В Знаменке и Елизаветграде убийство и погром по приказу Худякова. Я направил комиссара т. Савицкого и комбрига Тютюника, а также представителя правительства Скитальца, т. Горбенко и двадцать два политработника в Знаменку и Елизаветград еще вчера. Сегодня перед вечером получил от Савицкого депешу такого содержания: в Елизаветграде все налажено, нами арестован один батальонный командир и один политработник первого полка, которые под конвоем препровождаются в Одессу. Мы все идем на Помощную, а товарищ Юрко—в Одессу [1]... отсюда мне известно, что они в четвертом полку ликвидируют дело о нежелании ехать на позиции без сапог. Сапожный вопрос у нас—несчастье.

Провокациям нет конца. Я со всей дивизией завтра выезжаю на Румынский фронт. Здесь распространены разные универсалы.

Бл. Не поддавайтесь на провокацию. Положение чрезвычайно сложно. Румыния пробует разгромить Венгрию с тем, чтобы потом бросить все силы на Украину. Необходимо предотвратить удар, перед этим должны отступить на второй план остальные вопросы. Мы здесь ведем переговоры о вступлении в Совнарком. Сегодня нами сделано предложение коммунистам, чтобы ответственные представители наши и коммунистов выехали на места, главным образом к вам в штаб, чтобы там в соприкосновении с массами выяснить некоторые вопросы и оказать содействие как организации фронта, так и организации жизни на украине. Вопросы эти будут выяснены и переданы товарищам через наших представителей. Говорить о них по аппарату считаю неудобным.

Положение здесь таково—Струк и Зеленый окончательно разгромлены и ликвидированы. С коммунистами у нас отношения хорошие. Предложение наше о поездке ответственной делегации коммунистов как будто бы принимается. У нас здесь тесный контакт с левыми незалежниками, которые осудили авантюрные выходки своих заправил. Также тесный контакт с левыми украинскими эсерами группы Нагинского и Алексеева. Можно надеяться на разрешение в ближайшее время важнейших вопросов. Причем это имеет связь с поездкой делегации. Вы меня понимаете. В Киеве уже разрешена газета левых незалежников. Вообще вопрос о каком-либо ином воздействии на политику сейчас не может стоять.

Гр. Тов. Ш... мне сейчас сообщил, что сейчас в Елизаветграде спо-

---

[1] Все сообщение Григорьева Блакитному—выдумка, рассчитанная на замазывание хода подготовки восстания—Ред.

койно. Я через два часа буду видеться с Каменевым и буду иметь разговор о поставке хлеба, что мне ему ответить?

Бл. Не знаю, что вам ответить, ориентируйтесь сами. Не ведите со мной разговоров о сапогах и поставках, если имеете какие-либо вопросы общего характера.

Гр. Извините, вы меня не поняли. Эти вопросы пахнут кровью. Я имел серьезные разговоры с т. Антоновым и Худяковым, а на селах дело происходило через хлеб до рушниц. На ст. Явкино под Николаевым селяне бьются с войском Наркомпрода из-за реквизиции хлеба и коней. И сегодня у меня были представители из Москвы.

Бл. Товарищ, все те недоразумения нужно сгладить без крови, чрезвычайные делегации ЦИКов на местах положат конец бесчинствам. Самое главное теперь—это не поддаваться на провокацию".

Тотчас по передаче нами из Одессы (штаб 3-й армии) по прямому разговора Антонова с Григорьевым Совет обороны объявил Григорьева вне закона и разослал по всем крупным центрам указание—образовать из представителей Губисполкома и военного командования местные советы обороны, облеченные всей полнотой власти, для принятия всех мер к подавлению восстания[1].

„Постановление Совета рабоче-крестьянской обороны.

В момент, когда Совет Украины направляет все свои силы, чтобы совместно с Советской Россией прогнать за Дон банды золотопогонных холопов, когда Красная армия готова очистить Бессарабию и Буковину от румынской помещичьей сволочи и протянуть руку помощи Красной Венгрии, неизменные враги социалистической революции Украины—левые эсеры активисты и незалежники-активисты заносят снова над ней преступную руку. Они, не считаясь с тем, что всякая дезорганизация Красной армии теперь является гнусным предательством, сбросили советскую власть в Елизаветграде. Во главе заговора стал атаман Григорьев, перебежчик из петлюровского лагеря. Чтобы привлечь на свою сторону вверенных ему красноармейцев, Григорьев спаивает их вином, захваченным в Одессе. Устроив резню беззащитного населения в Знаменке, в Елизаветграде, Григорьев объявил себя хозяином Украины. Сам постоянно полупьяный, самозванец Григорьев совместно со своим штабом возымел честолюбивую мысль стать новым гетманом Украины. Но его постигнет участь худшая, чем Скоропадского и Петлюры. Он со всех сторон окружен нашими войсками.

Одновременно с мерами военного характера Совет рабоче-крестьянской обороны постановил: 1) Григорьев и все его ближайшие сотрудники объявляются вне закона; 2) каждый гражданин Советской Украины, в частности каждый красноармеец, обязан застрелить их на месте; 3) всякое оказание содействия Григорьеву или его сообщникам будет считаться изменой республике и караться со всей строгостью военнореволюционного времени, вплоть до расстрела; 4) по отношению

---

[1] Далее будет указано, какие основные оперативные меры тотчас, частью во время разговора Антонова с Григорьевым, были приняты Командукром.—*А. О.*

левых эсеров-активистов и незалежников-активистов объявляется красный террор; 5) всем исполкомам и комиссарам фронта, командующим армиями, уполномоченным правительства в Одессе и Николаеве и всем советским властям предписывается неуклонно следить за выполнением этого постановления. Председатель ВЦУК Петровский, Раковский, члены Совета обороны Бубнов, Жарков, Иоффе, Подвойский и Пятаков".

Почти все наркоматы выпустили воззвания к населению, призывая к борьбе с григорьевскими бандами.

Со своей стороны ЦК партии послал всем наркомам директиву:

„Немедленно связаться со всеми партийными организациями, с которыми можете связаться. Оповестить всех членов партий, всех рабочих, всех крестьян, что бывший начдив атаман Григорьев изменил рабоче-крестьянской революции и, прикрываясь хорошими словами, пытается поднять мятеж против советской власти, отдал приказ вооруженной силой разгонять советы. Все силы надо напрячь на ликвидацию мятежа внутренними средствами, не трогая фронта. Всем быть наготове. Всем стать под оружье. Срочно вооружить рабочих. Момент серьезный. ЦК Пятаков, Затонский, Бубнов, Квиринг, Харечко, Раковский, Коссиор, Мещеряков, Хмельницкий".

Еще в Одессе командукр отдал приказ, подчиняющий части 6-й дивизии, кроме 5-го и 3-го полков, не пошедших за Григорьевым,—непосредственно фронтовому командованию.

А по принятии Советом обороны решения—объявить Григорьева вне закона, РВС Укрфронта отдал еще следующий приказ частям 6-й дивизии:

„Ваш бывший начальник атаман Григорьев за неисполнение боевого приказа, за предательство Красной армии, за бунт против советской власти, избранной 3-м Всеукраинским съездом советов, объявлен вне закона. Все его главные помощники также объявлены вне закона. Атаман Григорьев и все его пособники должны быть истреблены, как бешеные псы. Приказываю: 6-ю дивизию вычеркнуть из списков Красной армии. Ее 5-й полк, отказавшийся итти за Григорьевым, включить в 5-ю дивизию. Ее 3-й полк, отказавшийся итти за Григорьевым, включить в Крымскую армию. Остальным частям дивизии, какие не подчиняются и не подчинятся подлой измене и не пойдут за Григорьевым, войти в подчинение командующего Вознесенской бригадой т. Ткаченко".

И одновременно:

„Красным частям Советской Украины.

Совершилась подлая измена. Начальник 6-й дивизии Григорьев предательски восстал против советской власти. Не исполнил боевой приказ, не пошел на фронт, в помощь Красной армии; объявил поход на Киев, Екатеринослав, Полтаву, Одессу. Награбив в Одессе много добра, ограбив бедный народ Украины, подкупил награбленным, споил часть вверенных ему войск.

И вот объявился новый пан гетман на Украине—Григорьев—Петлюра из Александрии.

Красная армия тяжко страдает на фронте, отстаивает грудью народную землю и волю. Атаман Григорьев пытался ударить в спину Красной армии.

Советская власть налаживается с трудом. Так загажена земля немцами и панами-кровососами помещиками, сколько труда нужно положить, чтобы наладить жизнь, пустить в ход заводы, рудники, железные дороги, обеспечить всю землю за трудовым народом, а Григорьев несет смуту, расстройство и в эту работу.

Власть крестьян и рабочих, созданную их борьбой, избранную, на Всеукраинском съезде советов, Григорьев хочет свергнуть. Навязать народу свою пьяную волю.

Все, что завоевано Красной армией, всему грозит он гибелью.

Но нет,—будет ему самому гибель.

Совет рабоче-крестьянской обороны Украины, уполномоченный Центральным исполнительным комитетом советов крестьян и рабочих и Красной армии постановил: Григорьев и все его главные помощники объявляются вне закона и должны быть истреблены.

Всякий, кто идет за Григорьевым, кто подстрекает к бунту против советской власти—предатель и должен быть убитым на месте.

Солдаты Красной армии.

Бунт Григорьева—проклятая каинова измена. Да будет ему судьба Каина. Приказываю сохранять полный порядок и революционную дисциплину. Твердо держать фронт. Против изменников действовать беспощадно. Комфронт Антонов-Овсеенко, Член Реввоенсовета А. Бубнов.

11-го к ночи состоялось заседание Совета обороны, на котором принято решение: 1) подчинить командованию фронта в лице Антонова-Овсеенко все вооруженные силы Советской Украины; 2) назначить временно командующим Харьковским военным округом т. Ворошилова с подчинением его командованию всех вооруженных сил, действующих в этом округе.

12 мая:

„Приказ № 60.

§ 1. Постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны УССР от 11 сего мая я назначен командующим всеми вооруженными силами Советской Украины.

Приказываю всем образовавшимся штабам, советам обороны войти немедленно в связь со штабом Реввоенсовета фронта в Киеве и все свои донесения направлять сообразно указаниям этого штаба.

§ 2. Для борьбы с погромно-контрреволюционными выступлениями в пределах Харьковского округа т. Ворошилов назначается Командующим войсками Харьковского округа с подчинением ему в оперативном отношении всех вооруженных сил, действующих в районе, ниже обозначенном. Разграничительные линии этого района с Киевским участком: Бахмач, Гребенка, Черкассы, Бобринская исключительно между Украинским и Южным фронтами—ст. Купянск, Гришино, Чаплино, Пологи, Ногайск исключительно.

Крымская армия остается непосредственно подчиненной Укрфронту. Комфронт Овсеенко-Антонов. Член Реввоенсовета А. Бубнов".

Рядом спешно шли боевые распоряжения.

10 мая в 10 ч. 45 м. мы получили из Черкасс сообщение об открытом вооруженном выступлении Григорьева:

„Начдив Григорьев издал универсал, призывая поголовно восстать против правительства; вооруженными отрядами направляется на красную столицу Украины. Одновременно с этим вчера с шести часов вечера им двинуты полки в таком порядке: на Екатеринослав через Пятихатку 2 полка, на Харьков через Кременчуг один полк, на Киев через Бобринскую 1 полк со стороны Помощной. Пятому полку, находящемуся на позиции, приказано занять Херсон и Николаев. Главный штаб находится в Александрии. Все политические работники были арестованы, но по требованию освобождены. Полки, направляющиеся на Бобринскую, остановились в Новомиргороде. При мне находятся политкомы 6-й дивизии. Мною принимаются экстренные меры для посылки войск, находящихся в Черкассах, навстречу григорьевским полкам. Также отдано распоряжение о повреждении путей Бобринской. Надобно немедленно сообщить по радио Худякову о положении дел и срочно двинуть полки из Харькова и Екатеринослава.

Сам я экстренно чудом выехал из Александрии. После совещания с Черкасским военкомом с экстренным выеду в Киев для доклада. Положение довольно серьезное, надобно призвать все силы г. Киева. Шафранский".

Итак, Григорьев не решился все же расстрелять своих политкомов. Они и действовали очевидно не очень решительно. Но Григорьев расстрелял особую комиссию Военнореволюционного трибунала во главе с т. Виллером (Скитальцем).

9 мая Григорьев направил свои силы сразу по четырем направлениям: Одесса, Черкассы—Киев, Кременчуг—Полтава, Екатеринослав.

Командукр соответственно определил четыре участка внутреннего фронта—Одесский (3-я армия т. Худякова), правобережный—начальник 2-й дивизии, получивший приказ сосредоточиться к 15 мая на линии Жмеринка—Винница—Казатин; Черкасский (т. Шафранский) и Кременчуг—Екатеринославский (командарм 2 Скачко, а затем т. Ворошилов).

Основная оперативная идея нашего командования в первый день (10 мая) не определилась, ввиду недостаточной выясненности обстановки. Распоряжения поэтому носят преимущественно организационный характер.

Приводим основные из них.

1. По Одесской (3-й) армии.

Вечером 9 мая командукр распорядился принять меры к недопуску григорьеских эшелонов к Одессе. К Вознесенску направлен отряд Дмитриева, имевший в своем составе: четвертый Одесский полк, грузинскую сотню им. Яшвили, роту одесских курсантов, отряд им. ВЦИКа, матросский отряд (Клименко) и бронепоезд.

Ночью 10-го т. Дмитриев сообщал из Вознесенска, что посланная им разведка установила следующее: "Григорьев объявил себя гетманом и склонил комбрига 2 на взятие Киева. На Вознесенск двигаются пять эшелонов григорьевцев. Меры к непропуску приняты".

Перед отъездом из Одессы, 10 мая 17 ч. 20 м., командукр оставил следующее предписание командарм 3:

Ввиду предательства Григорьева:

1. Подготовку наступления на Румынию продолжать, но самое наступление отложить.

2. Закрепиться по линии р. Буга, включая Голту: закрепить связь с 1-й армией, упрочить узлы Балта-Раздельная.

3. Ввести тайную разведку частей Григорьева.

4. Разлагать части Григорьева изнутри, решительно сопротивляясь их дальнейшему продвижению.

5. Немедленно и энергично ликвидировать белогвардейский элемент в городе и округе.

6. Вывезти спешно орудия из Николаева (готовый дивизион).

7. Проверить радиотелеграфную связь, усилить наблюдение за связью по всем телеграфным станциям—не допускать без контроля сведений за Вознесенск.

8. Проверить везде комендантов станций, поставить на каждой вполне надежного.

9. Запретить всякое железнодорожное движение к Голте, Одессе, Николаеву без особого разрешения на каждый поезд от штаба армии.

10. Войти в соглашение с партией об агитации против авантюры Григорьева.

11. Взять под строгую цензуру все печатные издания.

Добавочно указано—подготовить для действий против Григорьева бригаду Ткаченко (из 5-й дивизии), так как „Ткаченко личный враг Григорьева".

2. Первой армии (штаб Бердичев) указывалось еще 9 мая:

Немедленно восстановить радиосвязь с Одессой, не пропускать никаких эшелонов из района Григорьева. И начсообщений т. Сорокин (из Киева) немедленно отдал соответствующее распоряжение.

Утром 10-го последовал приказ:

„Бердичев Мацилецкому, Дубовому. Расшифруй немедленно. Григорьев восстал. По некоторым сведениям часть эшелонов двинул на Бобринскую, Казатин. Примите меры к недопуску этих эшелонов, будьте решительны".

Но телеграфная связь с Бердичевым не действовала.

И было передано в штаб фронта (Киев):

„Ввиду потери связи с Бердичевым немедленно из Киева передайте приказ командиру первой с копией начдив второй в Винницу: „Части второй дивизии, перебрасываемые Екатеринослав, задержать в эшелонах на линии Жмеринка—Винница—Казатин впредь до распоряжения. Перевозка частей второй дивизии к указанной линии должна закончиться к 15 мая. Копии всех отданных распоряжений пересылать мне. Кроме того немедленно прикажите командарм 1 устано-

вить радиотелеграфную связь с Одессой. Ввиду провала шифра Маяк изъять его из употребления за пределами первой армии, переслать первой армии четыре копии шифра Алмаз за номерами и под личную расписку наштаба первой. Григорьев спровоцировал на выступление. Мирным путем уладить вряд ли удастся".

(Здесь—все еще упрямая мысль—о возможности уладить дело миром. Данный приказ впрочем отдавался до получения григорьевского „Универсала").

3. С вечера 9-го мы из Одессы тщетно искали телеграфной связи с Екатеринославом. Во время разговора с Григорьевым (днем 10-го) послана кружным путем, через Киев, в Екатеринослав командарм 2 Скачко такая телеграмма:

„Екатеринослав командарм 2 Скачко, расшифруйте лично. Григорьев решил наступать против нас. Махно будто с ним; отряд 800 человек в Харькове. Примите подготовительные меры, наблюдайте за связью, везде его агенты. Сообщаемое—его слова лично мне, Махно ввяжите в бой, предупредите Харьков. „Маяк" Григорьеву известен, шифруйте 707, если он не известен ему. Армейский шифр Алмаз немедленно затребуйте. Проверьте радиостанцию".

Положение Екатеринослава представлялось особенно затруднительным, ибо он оказался под двойной угрозой—с запада Григорьев, с востока Махно.

Но обязательства, принятые Махно (в конце апреля пред командукром и в начале мая пред Л. Б. Каменевым) были им выполнены,—Махно не поддержал Григорьева.

При первых же известиях о восстании Григорьева из штаба Махно следующая телеграмма:

„Харьков, копия Мариуполь полевой штаб 3-й бригады ко всем начальникам боевых участков, всем комполков, батальонов.

Предписываю прочесть по всем частям войск имени Батько Махно, копию Харьков чрезвычайному уполнообороны Каменеву и наркомвоену Межлаук. Предпринять самые энергичные меры к сохранению фронта, ни в коем случае недопустима измена революции и ее внешнему фронту. Честь и достоинство революционера требуют от нас оставаться верным революции и народу и распри Григорьева с большевиками из-за власти нас не могут заставить открыть фронт для кадетов и белогвардейцев, стремящихся поработить народ, вверивший нам себя и свою жизнь. До тех пор пока не победим общего врага в лице белого Дона, пока не ощутим твердо нами несомую, своими руками и штыками завоеванную свободу, мы останемся верными революции в борьбе против общего врага, но ни в коем случае в борьбе за власть политических шарлатанов. Комбриг Батько Махно, члены штаба Веретельников, Михайлов, Павленко, Горев, Серегин, Данилов, Гарановский, командир артиллерийского дивизиона Штучко".

Вслед за тем Махно однако направил через Екатеринослав к Григорьеву особую делегацию для выяснения, насколько массовым является движение Григорьева и каковы его цели.

Делегация эта не была пропущена через Екатеринослав. Местный

Совет обороны заявил, что не может пропустить ее через линию начавшегося боя с Григорьевым.

К 11 мая обнаружилось, что выступление Григорьева в направлении к Одессе было только демонстрацией—главными силами он бил на Екатеринослав и Черкассы, намечая у Кременчуга удар на Полтаву. План его был ясен: через Екатеринослав войти в связь с Махно (он все еще надеялся на переход последнего на свою сторону),—главный удар нанести Киеву через Черкассы—Гребенку, прикрываясь в Полтавском направлении и в направлении Фастова. (Здесь де многочисленные местные банды сковывают советские части).

Перед отъездом из Одессы командукр передавал по прямому:

„Киев. Наркомвоен Подвойскому, копия предсовобороны Раковскому, Бубнову.

Немедленно расшифруйте. Первой и третьей армии распоряжения даны. Необходимо сосредоточить надежные части Черкассы—Кременчуг—Екатеринослав, приказав категорически бить григорьевские эшелоны. Григорьев двинул части на Киев—необходимо объединить командование у Бобринской—Мироновки и приблизить его к этому району. Справа будут части второй дивизии".

11 мая 13 часов командукр указывал командующему 3-й армией, что Григорьев снял главные силы из Елизаветграда, оставив в последнем только два эшелона, и очевидно поведет наступление преимущественно—Екатеринослав, Кременчуг, Киев, у Помощной лишь его заслон. Отсюда директива 3-й армии—удар в направлении Помощная—Елизаветград.

И вслед затем телеграфировал:

„Одесса командарм Худякову, Щаденко.

Продвижение григорьевцев к Золотоноше продолжается, у Екатеринослава канонада. Кременчуг трудно. Необходим сильный длительный удар на Знаменку".

„Наступая на Знаменку, заслонитесь со стороны Бобринской. Торопитесь. Кременчуг и Черкассы им заняты, у Золотоноши бой. Ввиду расширения моих полномочий, вы распоряжаетесь всеми вооруженными силами Одесского округа, Николаева и Херсона. Всеобщее обучение рабочих; членов советских партий, владеющих оружием,—в ваши полки. Никакого отвлечения Бессарабией. Все, что можно, против Григорьева. Ваш сосед Ленговский, штаб Винница".

В пути из Одессы в Киев командукр приказывает командарм 1 (Казатин):

„Григорьев поднял восстание и наступает на Киев через Знаменку—Бобринскую. Бригада Богунского и 6-й полк заканчивают ликвидацию банд Зеленого в Каневском уезде.

Приказываю:

1. Подготовку наступления бессарабскими и интернациональными частями в Буковину продолжать.

2. Спешить с ликвидацией петлюровцев у Ровно, бить короткими ударами, ввиду предстоящей переброски частей.

3. Переброску частей 2-й дивизии проводить экстренно, без ми-

нуты задержки в пути под вашей личной перед судом ответственностью.

4. 5-й, 7-й, 8-й полки немедленно вывести из боя и экстренно перебросить в район сосредоточения Казатин—Фастов, остальные части дивизии спешно сменить другими частями армии, их переброска по указанию начдива 2.

5. Отправку кавалерийской бригады Екатеринослав задержать впредь до распоряжения.

6. Первый полк червонного казачества немедленно вывести из боя, погрузить и направить экстренно Фастов в распоряжение начдив 2.

7. Выделить немедленно в его же распоряжение вполне исправный бронепоезд, направить Фастов.

8. Выделяемые части вы продолжаете снабжать всеми видами довольствия,—принять меры к сосредоточению запасов (особенно фураж) в ближайшем к Фастову расходном магазине.

9. Держите тесную связь с частями 3-й армии".

В дополнение к приказу № 0268.

„1. За промедление в передаче приказаний 2-й дивизии объявляю вам строжайший выговор с предупреждением о предании суду в случае дальнейших подобных промедлений.

2. Под вашим наблюдением пути к Фастову и Казатину с востока, ни один эшелон с востока не должен быть пропущен без специального разрешения вашего заведывающего передвижением, комендантов всех станций проверить в твердости и надежности.

3. Все телеграфные конторы под военный надзор.

4. Все периодические издания подвергнуть военной цензуре.

5. Весь командный состав проверить, контрреволюцию уничтожить.

6. Спешно провести ликвидацию пограничных бригад (петлюровских).

7. Ввиду провала шифра Маяк ввести шифр Алмаз.

8. Вторично—установить радиотелеграфную регулярную связь.

9. Провести спешное доформирование пограничных дивизий бессарабских частей.

Ввиду исключительного положения на вас лично возлагается ответственность за поддержание революционного порядка во всем районе расположения ваших частей. Вооруженные силы этого района в оперативном отношении подчинены вам. У Подольского губвоенкома взять пополнение в части 1-й дивизии. То же—у Киевского и Волынского".

Ввиду спешности комдиву 2 тут же подтверждено:

„Мацилецкому сейчас дается приказ:

1. Сосредоточить 5-й, 7-й и 8-й полки 2-й дивизии в районе Казатин-Фастов.

2. Сосредоточение провести в кратчайший срок под личной ответственностью командарма.

3. Пятый полк особенно срочно перебросить Фастов.

4. Выделить бронепоезд в направление Фастов—Белая церковь.

5. Перебросить к Фастову 1-й полк червонного казачества.

Все эти части поступят по прибытии Казатин—Фастов в мое распоряжение".

12 мая утром по прямому командарму 1 (Бердичев):

„5-й, 7-й полки экстренно через Фастов. Кавалерийский полк грузите немедленно. К Бобринской вчера Григорьевым двинуто 12 эшелонов. Черкассы им заняты. Екатеринослав, Кременчуг устойчиво, Помощная занята нами; батальон 4-го Херсонского полка присоединился к нам. Богунский ненадежен. Нужен быстрый удар от Фастова. Командовать в этом направлении будет начдив 2".

Положение начдива затем оформлено следующим приказом командарму 1:

„Начдив 2 непосредственно подчиняется мне. Он назначается командующим правым Киевским участком—правый берег Днепра от Киева до Черкасс, железная дорога Киев—Жмеринка, линия Жмеринка—Христоновка—Умань—Помощная. Последний пункт для него исключительно. Ему подчинены все вооруженные советские силы в этом районе. В отношении их он пользуется правами командарм. Остальной район до стыка с 3-й армией находится в вашем подчинении.—Антонов".

В свой черед Мацилецкий, повторив начдиву 2 этот приказ, дополнил:

„Вам подчиняются 5-й, 6-й, 7-й, 8-й интернациональный полк и 15-й пограничный полк, бронепоезд „Гром", полк червонного казачества и все гарнизоны боевые и вооруженные советские силы района. Немедленно поспешите с отправкой частей согласно последним моим приказаниям. Остальные части 2-й дивизии до замены и присылки бригады Богунского и 15-го пограничного полка остаются в моем распоряжении".

Командукр тогда же приказывал:

„Начдив 2 Ленговскому.

Вы переходите в непосредственное распоряжение комфронта и назначаетесь согласно известной вам телеграмме N начальником правого Киевского участка. Вам надлежит немедленно установить полевой штаб в Фастове, принять под непосредственное командование все части, расположенные от Днепра по линии Фастов—Мироновка.

Отряд Фекете (Мироновка), интернациональный полк, бронепоезд „Гром", „Солома", 4-е Советские курсы. Бригада Богунского на пути к Мироновке. Но Богунский по своей инициативе перешел на левый берег Днепра, чтоб помешать захвату Григорьевым Гребенки. Отряд Толоконникова в Триполье, 6-й полк идет в Белую Церковь для погрузки, 15-й пограничной охраны в Василькове.

С этими частями немедленно наступать и занять Бобринскую, неприятеля бить без пощады.

Черкассы покинуты в панике, бой идет в двадцати верстах от Золотоноши.

Вытягивайте скорее свои остальные части. На Богунского вполне не полагайтесь.

Об исполнении срочно известить. Помнить—все силы местных военкомов в оперативном отношении подчинены вам, снабжение—от первой армии".

Итак,—наступление от Одессы и Фастова в Черкасском направлении удержание переправ на Днепре.

Для Кременчуг-Екатеринославской группы 11 мая задание—сковывать противника.

В Екатеринослав, командарму 2 добавочно на панические сообщения указано (11 мая):

„Екатеринослав ни в коем случае не может быть оставлен. Вы этим дадите пример непростительной паники и совершите преступление. Город ни в коем случае не может быть отдан Григорьеву. Проведите мобилизацию рабочих. Вам идет подкрепление из Харькова. Дыбенко тоже придет на помощь".

12 мая т. Ворошилову сообщалось:

„Повторяю—важен удар от Кременчуга. Помошная нами занята, один батальон с 8 пулеметами перешел к нам, остальные батальоны четвертого Херсонского разбежались. Черкассы потеряны, Золотоноша слаба. Готовим удар от Мироновки и Помошной".

И затем:

„На ст. Ромадан надлежит создать этапный пункт и послать трех представителей ваших—одного военного, двух политкомов для встречи и направления эшелонов. Полагаю в ваше распоряжение для Кременчугской группы послать один бронепоезд, батальон пехоты и кавалерийский полк червонного казачества. Отправка начнется 17 мая".

Григорьев ожесточенно атаковал Екатеринослав и ввязался в жестокий бой у Черкасс.

Командукр дополнил требование Одесской группе—„удар к Знаменке" и требование к Фастовской—„удар к Бобринской"—директивой т. Ворошилову: развить решительное наступление к Кременчугу и создать угрозу Користовке—Александрии.

Бои с григорьевцами затянулись во всех направлениях до 21—23 мая, к этому времени нами повсеместно были достигнуты значительные успехи: 1) мы прочно заняли Елизаветград и через Новомиргород установили связь с частями Фастовской группы, овладевшей Бобринской; 2) мы не только вернули Кременчуг, но овладели Користовкой и Александрией (т. е. центром расположения григорьевцев), соединившись с Екатеринославской группой, сломившей противника у Пятихатки.

Через две недели после выступления Григорьев был нами разбит, потерял почти всю свою артиллерию и бронепоезда, лишился основной массы своих сил.

Но это была упорная борьба, которая велась нами с переменным успехом при крайнем напряжении наших сил.

Необходимо подробнее осветить ее отдельные моменты, хотя бы на основных направлениях.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Боевые операции против Григорьева на участках—3-й армии, 2-й дивизии, Черкасском и Кременчуг-Екатеринославском. Боевые итоги

I. Действия 3-й армии (Одесса).

11 мая 13 часов командукр указывал командующему 3-й армии, что Григорьев снял главные силы из Елизаветграда, оставив в последнем только два эшелона, и очевидно поведет наступление преимущественно—Екатеринослав, Кременчуг, Киев. У Помощной лишь его заслон. Отсюда директива 3-й армии—удар в направлении Помощная—Елизаветград.

Дополнительно сообщалось:

„Продвижение григорьевцев к Золотоноше продолжается, у Екатеринослава канонада. Кременчугу трудно. Необходим сильный, длительный удар на Знаменку".

„Наступая на Знаменку, заслонитесь со стороны Бобринской. Торопитесь. Кременчуг и Черкассы им заняты, у Золотоноши бой. Ввиду расширения моих полномочий вы распоряжаетесь всеми вооруженными силами Одесского округа, Николаева и Херсона. Рабочих, членов советских партий, владеющих оружием, вливайте в ваши полки. Никакого отвлечения Бессарабией. Все, что можно,—против Григорьева. Ваш сосед Ленговский, штаб Винница".

К этому времени отряд Дмитриева продвинулся уже к Помощной и вошел в связь с авангардом 5-й дивизии, выдвинувшимся к Голте.

Во исполнение этих директив т. Худяков приказывал (12 мая 22 часа):

„Полкам пятой дивизии, находящимся на линии железной дороги Балта—Голта, и находящемуся на Помощной отряду т. Дмитриева немедленно двигаться в направлении Елизаветград—Знаменка и во что бы то ни стало овладеть станциями Хировка—Знаменка; железнодорожные узлы Балта—Голта, Вознесенск и Зверевка, северо-восточнее ст. Помощная, должны быть заняты нашими войсками и укреплены. При соединении отрядов общее командование возлагаю на т. Пешехонова. Для обеспечения левого фланга распоряжением т. Пешехонова выслать сильный отряд с бронепоездом к Новомиргороду, где прочно укрепляться".

Но уже 12 мая, отряд т. Дмитриева ворвался в Елизаветград. Между Елизаветградом и ст. Капатново после перестрелки, длившейся с $5^1/_2$ часов до 12 часов, сдался охваченный с флангов

батальон Верблюжского полка. Захвачено одно орудие. 6 пулеметов, приспособленная пулеметная площадка с орудием и около 260 пленных. До 450 григорьевцев разбежались.

15-го по прямому проводу сообщалось:

„Елизаветград наш. Григорьевцев на нашем фронте по точным сведениям до пяти полков (это было конечно неверно—*А. О.*), бригада Ткаченко на фронте, дивизия Пешехонова двинута на Григорьева".

На следующий день штаб 3-й армии извещал:

Григорьевцы повели наступление. Бой длился три часа. Подошедшими подкреплениями елизаветградских рабочих григорьевцы отброшены на свои старые позиции у Треповки".

Впоследствии мы узнали, что наше наступление развивалось недостаточно энергично. Вместо боевого использования первоначального успеха наши политработники увлеклись агитацией. Правда им при содействии сдавшихся „верблюжцев" удалось переломить в нашу сторону настроение большинства заседавшего в Елизаветграде Крестьянского уездного съезда, но потерян был темп, дали оправиться врагу и не заметили подготовлявшейся измены.

15—16-го происходят бои в самом Елизаветграде. При поддержке части елизаветградских рабочих нам удалось одно время отбросить григорьевцев на 15 верст от города; но противник, получив подкрепления, вытеснил наших из Елизаветграда.

Одновременно григорьевцы усилили давление и у Новомиргорода (будто бы до 10 эшелонов).

Командукр вовремя предупредил штаб 3-й о подготовке Григорьевым диверсии с этой стороны и предлагал—закрепить надежно Адабаш.

Части 5-й дивизии в исполнение приказа о наступлении через Голту к Знаменке были задержаны борьбой с бандами по линии Вапнярка—Княжеполь—Слободка. К 17 мая бригада 5-й дивизии—в Голте.

О дальнейших действиях частей 5-й дивизии сообщаем на основании доклада т. Гебеля, командовавшего ее авангардом.

„16 мая противник в 2 группах. Первая группа—Елизаветград, семь батальонов. 2-я группа ст. Бобринская, где четыре дня перед этим стояло 10 эшелонов. На ст. Помощной 17 мая получена телеграмма из Бобринской: „Приказываю испортить пути и мост в сторону Одессы, за неисполнение предам смертной казни. Отправляю эшелоны на ст. Бобринскую, два из них уже отправил. Выезжаю сам. Комбриг Мосенко". (Эта телеграмма свидетельствовала, что Григорьев лишь прикрывался в сторону Одессы, главный удар направляя на Киев).

18 мая по группе отдан был приказ за № 1: взять Елизаветград и захватить возможно скорее ст. Хировку и Знаменку, выдвинув заслон в направлении Новомиргорода, на ст. Малая Выська. Высадка эшелонов назначена на ст. Шестаковка, где части группы должны были занять исходное положение.

19 мая противник повел наступление со стороны Новомиргорода и оттеснил наш заслон от ст. Малая Выська к ст. Капустино и далее к ст. Адабаш.

..-то же мая было решено: нанести противнику удар всеми силами по направлению на Новомиргород. Для этого направлены—Вознесенский, Знаменский и им. Тараса Шевченко стрелковые полки и Вознесенский конный полк под общим командованием т. Гебеля. Заслоном против Елизаветграда (у Шестаковки) был оставлен Днестровский полк с двумя орудиями и конный отряд т. Попова, только что прибывшие из города Тирасполя.

20 мая на ст. Шестаковка начальник конного отряда Попов, задумав еще ранее перейти на сторону противника, повел агитацию в пользу Григорьева среди Днестровского, Знаменского и Вознесенского конного полков. Попов успел склонить на свою сторону небольшую часть Днестровского полка и свой конный отряд силою в эскадрон.

21 утром выяснилось, что авантюра Попова благополучно ликвидирована, ввиду чего Вознесенский полк был целиком выдвинут на ст. Шестаковка, Знаменский полк выставлен заслоном против Новомиргорода. Днестровский полк отведен был на ст. Новоукраинка для приведения его в порядок. А полк им. Тараса Шевченко сосредоточен на ст. Помощной в групповой резерв.

В 8 часов утра 22 мая т. Гебель дал приказ о переходе в решительное наступление Вознесенского стрелкового, Вознесенского конного полка и 13-го артиллерийского дивизиона.

22 мая к вечеру эти части заняли исходное положение, тогда же к Елизаветграду был подвинут батальон полка им. Шевченко с батареями.

23 мая с утра повели наступление на г. Елизаветград и в 17 ч. 30 м. после пятичасового боя Елизаветград был взят. Херсонский полк григорьевцев сдался в полном составе в плен без сопротивления, так же как и часть перешедшего накануне с Поповым Днестровского полка. Лично Коваленко оказал упорное сопротивление и по взятии в плен был расстрелян.

24 мая наш бронепоезд отряд занял ст. Хировку, на которой был захвачен состав с имуществом всего штаба Григорьева и богатая военная добыча".

24-го занят Новомиргород, захвачены пленные; установлена связь с частями Фастовской группы.

И вновь командукр настойчиво требовал: перехватить железные дороги Знаменка—Долинская и захватить артиллерийские склады Григорьева в Куцовке.

Донесений об исполнении этого приказа нет.

В район действий 3-й армии входил и Николаево-Херсонский округ. Положение в этом районе было весьма серьезным.

14-го получен запрос из Николаева:

„По линии Николаев—Знаменка—банды громил роты Верблюжского полка, батальон... (несколько слов непонятных)—положение серьезно. Прошу срочно сообщить, какие меры принимаются по отношению Григорьева вообще и в частности в нашем районе. Мы готовимся дать бой. Наши вооруженные силы: красных матросов-коммунистов—160, настроение остальных—600 матросов и 2 тысячи красноармейцев местного гарнизона—бодрое. Спартаковцев вполне благонадежных—130. Имеем два орудия 75-*мм* без снарядов, 19 пулеметов, 1 броневик, запас патронов ограниченный“.

Связь с Николаевым внезапно оборвалась. И 16 мая нам сообщали из Одессы:

„В Николаеве матросы и красноармейцы разогнали ЧК, на общем митинге постановлено, что военным комиссаром назначен моряк Проскуренко. 16-го туда прибыли делегаты от Григорьева. Им ответили, что чрезвычайку разогнали. В городе все спокойно“ .

Но уже 19-го мы узнаем, что „беспорядки в Николаеве ликвидированы“.

...Тем неожиданнее было известие, что:

„Высланные навстречу григорьевским бандам отряды красноармейцев поддались грабительской пропаганде и присоединились к ним. Это послужило причиной оставления Николаева. К оставшимся верным частям посланы подкрепления в составе двух батальонов 1-й рабоче-крестьянской бригады с т. Голубенко“.

„Николаев занят григорьевцами“.

Но в ночь на 27-е опять—„Николаев наш“.

Григорьев уделял некоторое внимание и юго-восточному направлению.

В Екатеринославе (13-го) перехвачен следующий его телеграфный приказ:

„Александрия № 66 Белая Криница передать по адресу коменданту Непатихина Таврию через б. Александровку, копия Верхнеднепровск т. Тютюнику, копия Черкассы т. Мосенко.

Приказываю немедленно вместе с соседними волостями и селами организовать партизанские отряды и занять Алешки и Херсон и обо всем мне доносить два раза в день телеграфно. Приказаний и распоряжений авантюриста Раковского и его ставленников не исполнять. Атаман Григорьев, помощник Павлов, наштаб Бзенко“.

Мы тотчас же предписали П. Дыбенко принять меры к защите Херсона и Алешек.

Но Херсон попал в руки „григорьевцев“ вовсе без драки.

16-го из Одессы сообщали:

„В Херсоне 14 мая открылся Съезд крестьянских депутатов, который созван ревкомом. Председателем ревкома назначен Ефименко. Съезд настроен против коммунистов и постановил разогнать исполком. Все коммунисты оставили город и вся власть перешла в руки съезда. В городе стоит полк григорьевцев численностью до 2 000 (?) из повстанцев Александровской, Снегиревской, Калужской и других волостей. Командир полка Русинов в районе Каховка и Бориславля. На Херсонской стороне стоит отряд Дорошенко численностью до 5 000 (?) человек и Крымский стрелковый полк численностью в 6 000 (?) человек, оба перешедших на сторону Григорьева“.

Эти данные бесстыдно преувеличены. Указанные части были вдесятеро малочисленнее и далеко не столь определенно антисоветски настроены. Бежавшие, „страха ради иудейска“, херсонские „тоже“ коммунисты неимоверно врали, дабы оправдать свое бегство. Выяснилось, что съезд в Херсоне и не собирался „брать власть“.

(По официальным сообщениям от 8 мая—в Херсоне: караульный

[illegible] 33 командира, 1 101 красноармеец, коммунистический батальон— [illegible] командиров, 124 красноармейца, крымская запасная батарея.

И лишь—30 мая получены из Одессы сведения о том, что „Нами занят Херсон".

В действительности Херсон занят (29 мая) частями П. Дыбенко—4-м Заднепровским и 1-м кавалерийским полками. Противник бежал к Снегиревке.

В общем к 28 мая частями 3-й армии в направлении к Знаменке захвачены у Григорьева: 2 бронепоезда, два броневика, две исправных батареи, 7 отдельных орудий. Сдались целиком—батальон Верблюжского и Херсонский полк.

II. Правый Киевский участок (Фастовская группа).

Как отмечалось выше, к началу григорьевского восстания банды Зеленого в Каневском уезде были в основном ликвидированы.

Но как Киевский, так и Таращанский, Уманьский и Гайсинский уезды кишели мелкими бандитскими шайками; у кулачья была масса вооружения, которое пускалось в ход при малейшем ослаблении наших сил и нашего внимания.

Григорьевское восстание значительно увеличило активность этого вооруженного кулачества. Бандитские выступления вспыхнули во всей округе.

Но высшее советское командование настойчиво указывало начдив 2: ваше главное направление—Бобринское.

Сведение о том, что (к 13 мая) 8-й полк вместо усиления центральной группы, действовавшей в Цветково—Бобринской, направлен к Христиановке, встречено неодобрительно. Командукр требовал сосредоточения к Фастову основных сил 2-й дивизии для действия оттуда во фланг продвижения григорьевцев Черкассы—Гребенка.

К 13 мая григорьевцы, овладев Черкассами, подошли к Золотоноше. В это же время интернациональный полк под давлением банды в 400 человек покинул Мироновку. К нему на подмогу была двинута часть отряда Толоконникова из Триполье.

15 мая указывалось Ленговскому (начдив 2):

„Шмидта следует назначить командующим Бобринским направлением. Там до сих пор нет единства командования. Необходимо вам лично и спешно наладить это единство. Политотделу развить энергичную работу. Между интернационалистами и другими нелады. Надо мягко примирять. Ваш участок важнейший—больше энергии, и григорьевцы будут вами отрезаны и размозжены".

„У ЗК Жмеринка отряд и бронепоезд, для последнего нужны орудия и пулеметы. Возьмите в свое ведение и спешно вооружите. Мы имели большой успех у Елизаветграда. Толкните все к наступлению на Бобринскую для развития этого успеха".

И на следующий день:

„Пятый полк, соединив с шестым, двигайте спешно под [illegible]

личным наблюдением и руководством в указанном вам направлении" (в тыл бригаде григорьевцев, наступавшей к Гребенке от Черкасс).

Но только 14-го Ленговский донес, что прибыл со своим штабом из Винницы в Фастов. К вечеру 14-го сообщено, что отряд Фекете (инернациональный полк), советские пехотные курсы—1 500 штыков при 3 броневиках, 2 бронепоездах—„Гром" и „Солома" и одной батарее, наступая от Мироновки к Бобринской, занял станцию и местечко Корсунь, захватив 500 пленных, 2 орудия.

15-го Фекете продолжал наступление к Цветково. Наступление задержано порчей путей между ст. Завадовка и Городище (разобрано 10 верст). Одновременно ликвидирована банда, угрожавшая из Богуслава (10 верст к юго-западу от Мироновки) коммуникационной линии отряда Фекете—в ночь на 15-е взято с бою м. Богуслав, захвачено одно исправное орудие.

В ответ на это донесение командукр потребовал: „Наступайте. Наши, овладев Черкассами, ведут бой у Белозерья" (10 верст югозападнее Черкасс). Мы не могли считать основательным задержку наступления из-за порчи путей (штаб группы именно сообщал: „Тотчас по исправлении пути наступаем на Цветково").

Но неожиданно последовал изменнический удар.

В ночь на 16 мая военрук Корсунского военкома Цюрупа зазвал к себе на квартиру комполка Фекете, политкома полка Михаляки, военкома Иванова и председателя местной ячейки. Фекете через несколько времени вернулся обратно на станцию, а остальные были убиты. Цюрупа скрылся.

Интернациональный полк был дезорганизован.

Кроме того значительная часть наших сил отвлечена от основного направления: 6-й полк завяз в Таращинском уезде, прикрывая железную дорогу Фастов—Цветково; советские курсы и 1 батальон интернационалистов связаны в Богуславском направлении (это не говоря о 7-м и 8-м полках дивизии, действующих в Уманьском уезде).

В 18 часов 16 мая нам сообщали:

„На Бобринском направлении нашими частями с боем занято Городище, где захвачено в плен 39 человек и пойман комиссар повстанцев. Штаб 2-й григорьевской бригады в Бобринской. Наступление на Цветково продолжается.

На линии Корсунь—Цветково наши части подходят к ст. Цветково. В м. Городище нами взят в плен григорьевский комиссар Онищенко. В этом же районе обезоружен Звенигородский батальон, который у Звенигородки попал в плен к григорьевцам, ими был обезоружен. Затем было выдано им оружие и с Цветково батальон этот был направлен против нас. В батальоне до 300 штыков".

18-го ст. Цветково нами занята; мы угрожаем непосредственно тылу григорьевской бригады, действующей в направлении Черкасс. От Цветково противник отошел частью к югу—ст. Сигнаевка (10 верст от Цветково) частью к м. Ротмистровка (10 верст к востоку от Цветково). Тем не менее мы продолжали наступление к Бобринской; к 19-му занята с боем ст. Владимировка, наш бронепоезд обстреливает

Бобринскую. Одновременно, прикрывая удар на Бобринскую, мы отбросили противника от ст. Сигнаевки к Марьяновке.

К 21-му—„Бобринская с боем занята нами“.

Первоначальная цель (географически) была достигнута. Наступление на Киев вместе с тем окончательно ликвидировано.

Ленговскому был отдан приказ: „По занятии Бобринской войдите в связь с нашими в Помощной, Елизаветграде для дальнейшего наступления Знаменка. Ваша разграничительная линия с левым Киевским участком, р. Днепр, мосты включительно вам. Гарнизон Черкассы подчинен вам. Разграничительная линия с третьей армией Вапнярка—Умань—Новомироновка—Знаменка, все для вас включительно“.

К 22-му в направлении от Бобринской к Знаменке нами занята с боем ст. Райгород.

Дальнейшее продвижение на соединение с Кременчугской группой не встретило препятствий. Установлена связь через Новомиргород с 3-й армией.

Григорьевские банды, сбитые с железных дорог, рассеялись по деревням, временами группируясь для налетов.

Но в Чигирине окопалось до 1 000 григорьевцев с 20 пулеметами, в районе Стеблово—Медвынь—до 2 300 (?) бандитов; им противостояли 2 бат. 6-го полка.

Разведсводка (от 29 мая) сообщила, что через Шполу на Звенигородку проследовал отряд Тютюника в составе 600 штыков, 75 сабель, 60 пулеметов (?) и 2 тяжелых орудий. В Шполе к нему присоединились до 50 добровольцев.

В связи с этим предписано Ленговскому—принять особые меры к ликвидации отряда Тютюника, ибо „этот бандит исключительно опасен“.

Ленговский в ответ на это писал о чрезвычайном утомлении частей и необходимости дать им отдых на 2—3 недели... Против Тютюника двинуты части 7-го полка (из Христиновки).

К 30 мая начштаба 2-й дивизии сообщал: „На правокиевском участке фронта фактически не существует, а лишь приходится бороться с рассеявшимися в разных районах бандами. Полки категорически отказываются от каких бы то ни было передвижений без отдыха, и неудовлетворение их требований грозит принять катастрофический характер“...

На второстепенных направлениях было не менее хлопотно.

В районе Христиновки—Умани—Гайсин оформились значительные банды („им. Михаила Романова“ и др.). Они не только срывали хлебозаготовки в этом богатом крае, но могли создать серьезную угрозу Одесско-Киевской магистрали и основному операционному направлению нашей Фастовской группы.

И только после полуторанедельной борьбы нашим войскам удалось овладеть центрами этого бандитского движения.

19-го сообщалось: „При занятии 18 мая Гайсина перебито до 80 бандитов, взято в плен 120, захвачено 5 пулеметов, 900 винтовок“.

21-го утром—„Христиновка с боем занята нами“.

Но мелкие банды продолжали тревожить Умань.

Тов. Коссиор, Савицкий и Тищенко 24 мая сообщали об этом из Умани и настаивали на создании в этом городе особого военного центра по ликвидации восстания.

Предложение это было отклонено, так как ликвидация бандитизма в этом районе „дело начдива Ленговского“.

В ряде мест Подольщины действовали менее значительные банды.

1) В руках бандитов был Брацлав и только 12 мая частям Подольского губвоенкома, наступавшим от Немирова и от Журавлевки, удалось их выбить (убиты 200 бандитов, взято „много оружия“); в Брацлаве оставлена рота, две остальных со взводом артиллерии, пулеметной командой и конной разведкой двинуты, как выше указано, к Гайсину.

2) 12-го сообщали из Вапнярки:

„Уезды Брацлавский, Гайсинский, Ольгопольский, часть Ямпольского объяты крестьянским волнением (до 20 000 человек вооруженных, а также артиллерия, пулеметы). 12 мая 19 часов от восставших ультиматум—отстранение евреев, ревкома и красной милиции. В интересах мирного населения ультиматум принимаем, желательна присылка агитаторов только русских с центра. Военком Литвинов“.

Тотчас же предписано: военкома под суд, Вапнярку очистить.

14-го Вапнярка занята частями 2-й дивизии.

3) Комендант ст. Жмеринки (данные 13 мая):

„В 45 верстах от Жмеринки банда 100 человек проводит насильственную мобилизацию, заявляет, что Немировский и Браплавский уезды во власти Директории. Во главе банды стоит Орлик. Орлик—это помощник секретаря Директории, бывший прапорщик.

4) Значительно серьезнее в районе Литина-Винницы.

12-го банды заняли Литин, 15-го они выбиты, потеряв 3 пулемета и 150 пленными.

16-го сообщалось глухо, что нападение банд на Литин отбито.

К вечеру 17 мая—Литинский гарнизон (рота) после боя с крупной бандой покинул город и пробился к Юзвину, полуэскадрон ЧК (45 сабель) перешел на сторону противника.

К 19 мая в районе Литина банда до 2 000 человек с двумя орудиями наступает к Виннице.

20 мая Мацилецский отмечал крайнюю ненадежность местных формирований ЧК и увоенкомов. Кроме конного отряда Подольской ЧК к бандам примкнула часть нашей пехоты с одним орудием.

21 мая банда ворвалась в Винницу, заняла арестный дом со стороны Литинского шоссе. Губвоенком Иванов энергичными мерами выбил противника из города. Наши потери велики—убито много мобилизованных коммунистов (среди них председатель Трибунала Евгений Едельштейн), контужен Чаров, политком Бессарабской бригады.

5) Наблюдалось некоторое шевеление к северо-западу и северу от Киева. 24 мая сообщается, что банды Соколовского наступают на Радомысль. В Чернобыльском уезде наш отряд отступил к Печкам.

III. Черкасское направление.

Действия Григорьева на этом участке были весьма активными. 9 мая из Помощной к Черкассам Григорьевым двинута бригада пехоты (2-й и 4-й Заднепровский полки)—до 4-000 штыков, кавалерийский полк—150 сабель, 6 бронеплощадок—с одним орудием и 6 пулеметами на каждой, 6 легких и два тяжелых орудия. Задача—войдя в связь с бандами Зеленого и Волынца (Христиновка—Умань) и угрожая действиям этих банд линии железных дорог Фастов—Казатин, наступать через Черкассы—Золотоношу—к Киеву, прикрываясь частями, действующими от Кременчуга к Ромодану.

В штабе Киевского округа были далеки от беспокойства. Об этом свидетельствует разговор по прямому проводу, происходивший утром 10 мая между военруком Черкасс Татаровым и военруком Киевского округа Павловым:

„Татаров. Из Новомиргорода 4 эшелона войск Григорьева двигаются через Бобринскую на Черкассы. Точных сведений о том, куда он едет, получить нельзя. Мы узнали, что едет 4-й полк 2-й бригады 6-й Заднепровской дивизии. Действия их нам очень подозрительны. У нас все готово задержать его на Бобринской. Штаб Духунского принимает меры. Прошу сообщить, зачем он едет. Какие взимоотношения должны быть между бригадой Богунского и гарнизоном во время оперативных действий, бригада уже сейчас предполагает объявить себя на осадном положении и подчинить себе всех. 1-й эшелон выехал к Бобринской, требовали 3 паровоза, мы им не дали,—поехали своим.

Павлов. О движении этого полка мне ничего неизвестно. Не пробовали ли вы вызывать штаб армии?.. Весь гарнизон будет подчинен начальнику боевого участка“.

Начоперотда Киевского округа т. Пуке распорядился:

Начоперода Киевского округа т. Пуке распорядился:

Миргорода идут эшелоны к Бобринской, которые вмешиваются в распоряжения местной советской власти внутреннего порядка и сменяют комендантов. Подобные явления недопустимы, выясните их и примите все меры к прекращению недоразумений, о чем сообщите окрвоенком начоперод Пуке и комфронту“.

Тогда же т. Шафранский (из Черкасс) сообщил, что Григорьев поднял восстание, и добавлял:

„Ввиду особых обстоятельств... временно назначаю начальником частей, действующих против григорьевцев, уездного военкома Чекленко. Противник сейчас в Новомиргороде в количестве четырех тысяч человек при одном броневике и одной легкой батарее. Отдано распоряжение разобрать железнодорожный путь между Новомиргородом и Бобринской. Сегодня из Черкасс отправляют 600 человек. Надобно немедленно выслать полки, броневик. Части Григорьева имеют связь с зеленовцами. К ним группируется кулацкий элемент. В Золотоноше увижу комбрига Богунского“.

Богунский вечером 10-го, прибыв в Черкассы, уведомлял:

„Григорьев поднял мятеж. Эшелон григорьевцев Бобринской—Черкассы действует малыми силами. Бригадою я возле Триполья, ее быстрая помощь зависит от предоставления судов к Ржевску. Распорядитесь".

Только после этих телеграмм Киев зашевелился. Немедленно штабом фронта была послана в Черкассы подрывная летучка. К вечеру 10-го т. Рославлев сообщал, что Киевская подрывная команда прибыла и направлена „с подкреплением" к Днепровскому мосту подготовить его порчу.

Одновременно Днепровской флотилии (т. Полупанову) дан приказ—перевезти к Черкассам части бригады Богунского и принять участие в обороне черкасского моста от григорьевцев.

11 мая командующим участком Гребенка—Бобринская утвержден т. Шафранский; бригада Богунского должна оставаться „на боевом участке" (т. е. у Триполья).

Мы считали положение настолько обеспеченным, что утром 12 мая указывали Шафранскому (Золотонша):

„Не допускать никакой паники, эвакуации. Эвакуирующиеся учреждения возвратить силой. Меры помощи приняты. Сообщите точно местные войсковые силы в Золотоноше и Гребенке. Черкассы в наших руках, Христиновка также. Назначать начальниками местных отрядов смелых и крепких нервами".

Меж тем Черкасский гарнизон оказался ненадежен, перешел на сторону Григорьева. Черкасский отряд коммунистов, захваченный врасплох, дал себя разоружить. Военкомат захвачен бандитами, пропало казначейство с 6 млн. руб.

Интернациональный полк (т. Фекете), вызванный в свое время в Золотоношу из Полтавы, втянувшись в подавление банд Зеленого, неожиданно для командукра оказался в Мироновке.

На запрос окрвоенкому, чьим распоряжением была столь ослаблена оборона Черкасс, окрвоенком ответил: полк отправлен против Зеленого наштаба фронта Бабиным (в отсутствие командукр).

Этим непродуманным распоряжением Черкассы лишены были сколько-нибудь надежной охраны.

Распоряжение—бригаде Богунского оставаться на правом берегу для окончательной ликвидации зеленовцев и создания фланговой угрозы продвижению григорьевцев на Черкассы—Золотоношу — не было полностью выполнено.

Днепровская флотилия (4 судна) выступила из Киева в 5 ч. 30 м. 11 мая захватила в Триполье 1-й Золотоношский полк с 2 орудиями. В дальнейшем действия флотилии развивались так:

„Не подходя к Черкассам, узнали, что город занят войсками Григорьева. В 8 вечера подошли к черкасскому железнодорожному мосту, где заметили маневрирующий поезд с тремя прицепленными вагонами и двумя площадками, который, сделав два тура по мосту, ушел к ст. Черкассы. Стоя вблизи моста по обеим сторонам, были замечены кучки людей, которые делали перебежки по полотну дороги и по мосту, а потом залегли на полотне дороги.

Позднее из опросов рыбаков выяснилось, что с утра 12 мая вступила новая власть (и что) Черкасский гарнизон сдался без одного выстрела и охраняет мост. Пароходу „Верный", груженному десантом, и пароходу „Остер" было приказано пройти вверх верст на восемь, а боевые суда остались у моста, подошли ближе и начали обстрел из пулеметов по цепи. Потом вооруженный буксир „Курьер" открыл огонь из орудий, но скоро оба орудия вышли из строя, со стороны неприятеля начали обстреливать сильным пулеметным и ружейным огнем. „Курьер" отошел, отвечая из пулеметов, а вооруженный буксир „Аполлон" подошел для продолжения артиллерийского огня; „Аполлон" остался на дежурстве, чтобы не дать переправы через мост. „Курьер" пошел передать на „Верный", чтобы высадили десант в Прохоровке, и затем направился вверх по Днепру. Остановившись в Каневе в три часа ночи, по частным слухам узнали, что войска Григорьева подходят к Золотоноше и что десант, принадлежащий бригаде Богунского, крайне ненадежен; из разговоров с красноармейцами выяснилось, что они намерены перейти на сторону Григорьева без одного выстрела. По уходе из Канева был сведен мост. К моменту ухода парохода с донесениями в 4 ч. 10 м. 12/V—19 г. неприятель продвигается к Золотоноше и к Секирной. В три ночи 12/V—19 г. суда были обстреляны орудийным огнем из двух орудий, стоящих по обеим сторонам моста".

Обстоятельства первоначальной сдачи Черкасс изложены в полученной на ночь 11-го телеграмме т. Рославлева (Золотоноша):

„По данным, собранным в Черкассах, на Помощной—от 4 до 6 эшелонов. После захвата Новомиргорода Бобринская занята эшелоном при броневике. Черкасский революционный штаб спешно готовился к эвакуации, направив на Белозерье и Смелу делегацию. За неимением реальных сил штаб бригады эвакуировался в Золотоношу. Комбриг отправился к частям бригады. Сообщают, что второй советский полк и коммунистический батальон перешли к врагу, враждуя с ЧК. Согласно переговорам исполкома Золотоноши с Козюрой (Харьков), должен прибыть броневик. В Золотоноше горсть сил без орудий".

Тотчас же было сообщено, что командиром группы назначен Шафранский, непосредственно подчиненный комфронта, и указана разграничительная линия с Харьковским округом.

В Киеве погружен на пароходы и отправлен под Черкассы отряд Кудрявцева (560 штыков, 8 пулеметов, 2 орудия).

К 13-му у Шафранского—кроме отряда т. Афанасьева, Каневская рота (200 штыков), остатки Черкасского гарнизона (300 штыков); Лохвицкий военком направил 1 500 штыков, 325 сабель, 3 орудия, 17 пулеметов; Черниговский—300 штыков, 4 пулемета.

Но 12-го главная часть этих сил была еще в пути, как и части бригады Богунского.

А в этот день Чикаленко (военный комиссар Черкасс) сообщал уже нам из Гребенки, что:

„Черкасский гарнизон изменил, перешел на сторону Григорьева. Комиссариату эвакуироваться не удалось. Мне, заведывающему отделом снабжения, удалось, весь же комиссариат вернулся с вокзала

обратно. Со штабом Шафранского отправляюсь в Золотоношу для принятия активного участия; из гарнизона остался верным небольшой отряд ЧК, который находится в Золотоноше. Выехавший на фронт отряд коммунистов Черкасс был разоружен Черкасским гарнизоном, некоторые члены партии и исполкома арестованы".

В 5 часов утра 12 мая из штаба округа удалось получить связь по прямому с Черкассами. Дежурный по телеграфу сообщил, что все советские учреждения эвакуированы, „власти нет", но нет и неприятеля: в городе—„тихо, спокойно".

Командукр дал приказ Шафранскому: „расстрелять командиров-дезертиров".

12 мая в 16 ч. 30 м. т. Рославлев сообщал из Золотоноши в Киев:

„Сейчас критический момент для Золотоноши. Кто раньше подойдет, тот хозяин положения. Из Гребенки идут броневики Шафранского; если подойдут заблаговременно, все спасено, потому что часть бригады вряд ли подоспеет вовремя, идя походом".

А через пару часов—пошли панические телеграммы:

„По сообщению, Золотоноша занята Григорьевым. Немедленно примите меры. В связи с наступлением в уезде неспокойно. Вышлите оружие и четыре пулемета".

„Противник движется из Золотоноши на Переяслав. Высылайте немедленно подкрепление".

И увеличивая беспокойство, „Центральное бюро связи и информаций Наркомвоен" сообщало (бюлл. № 40):

„Разведка штаба 2-й армии установлена несомненная связь Григорьева с Махно. Отправкой частей против григорьевцев оголен Харьков. Вторая линия обороны намечается в Полтаве.

Есть угроза Переяславу.

По слухам, Лопаткин присоединился в Золотоноше к Григорьеву.

Все эти слухи были вздором. Махно высказался против Григорьева. Лопаткин (командир Золотоношского полка, из бригады Богунского) действовал против Григорьева.

Командукр сообщал (утром 13 мая):

„Наркомвоен т. Подвойскому—копия т. Раковскому.

Золотоноша оставлена сегодня ночью, но положение устойчиво. Наши суда обстреливали мост у Черкасс. В Кременчуге неопределенно. Харьковский окрвоенком сообщает—город оставлен Козюрой[1] вчера в 13 часов. Козюра отошел к Кобелякам, но в Кременчуге остался отрезанный наш отряд. В Екатеринославе—вчера восстал седьмой Черноморский полк, но положение восстанавливается. Войсками третьей армии занят Елизаветград. Наступление развивается. Подкрепления быстро подходят".

Этот „оптимизм" получил новое подтверждение днем 14-го.

Шафранский (из Пальмиры) сообщал:

„Только что частями бригады Богунского, наступающей со стороны

[1] Козюра—Полтавский губвоенком.—*А. О.*

Песчаное, при содействии нашего броневика и красных полтавских инструкторов занята Золотоноша. Завтра будем в Черкассах".

К ночи 14-го Богунский говорил по прямому из Золотоноши в штаб фронта:

„Сегодня после обеда я занял Золотоношу, взял в плен батальон с броневиком, который отправлен на Пальмиру, а оттуда в Харьков. Продвинулись до самого Днепра и связался с т. Шафранским. А теперь моя просьба т. Антонову дать возможность отдохнуть и привести в чувство мою бригаду. После 40-дневных беспрерывных походов по горам Киевской губернии мало приходилось есть горячей пищи, а потому все солдаты больны цынгой, кроме того за все время никто не переодевался и не разувался и сейчас половина босых. Больше полтора месяца не получали жалованья. В Черкассах противник в количестве 4-го и 7-го полков".

Тогда же Шафранский дополнял:

„Первый батальон 4-го Днепровского полка в количестве 300 человек при пулеметах и одном броневике и одной пушке сдался. Согласно вашему приказу отправляю батальон на ст. Харьков, броневик оставляю. Положение у меня устойчиво, со всех концов идут подкрепления мелкими отрядами; сгруппировал их, образовал фронт, имею полную связь с частями. По прибытии отряда Афанасьева поведу наступление на Черкассы. Части, двинутые ко мне из Черниговщины через Бахмач, двигаю на Ромодан и на Кременчуг. Необходимо получить 1 000 винтовок и патрон".

И через пару часов:

„Разбитый противник прислал ко мне делегацию с просьбой выяснить цели атамана Григорьева. 4-му полку очевидно придется отправиться на Румынский фронт обезоруженным. В районе Переяславской появились банды Зеленого. Немедленно вышлите на ст. Переяславскую роту пехоты. Если отряд Афанасьева еще не вышел из Киева, дайте ему срочное задание двинуть со ст. Переяславская на г. Переяславль".

Тотчас же указано—никаких переговоров не вести. Действовать энергично. Отряд Афанасьева (500 штыков, 8 пулеметов) направлен из Киева 14-го. Послана также рота 21-го полка (3-й стрелковой дивизии).

Существенным недостатком являлась неналаженность связи меж штабом Шафранского и Днепровской флотилией.

И, несмотря на все старания установить необходимое согласование, происходили печальные недоразумения.

Начальник отряда Днепровской флотилии сообщал:

„14 мая 1919 г. вооруженные пароходы 9, 11, 12 и 13 вышли к Черкассам для препятствия переправы григорьевских банд через мост. До 12 часов ночи велись переговоры с т. Богунским относительно совместных действий и связи. Вечером (часов в 9) приехал в Канев член Реввоенсовета т. Рославлев и категорически подтвердил приказ о наступлении на Черкассы. Подходя к Черкассам, мы обнаружили движение броневых поездов с левого берега на

правый. Один поезд прошел без обстрела из-за дальности расстояния, другой был обстрелян, как только появился на мосту, так как по имевшимся сведениям здесь могли быть только григорьевские поезда. После обстрела второй поезд ушел обратно на левый берег. Оказалось, что наш поезд, посланный без предупреждения, без условного белого флага. Одним снарядом, попавшим в вагон поезда, убиты 4 человека и ранен один".

Мы вновь овладели Черкассами. Положение казалось устойчивым. Из Черкасс сообщали:

„15 мая около 4 часов дня броневой поезд противника подошел к Черкассам, высадил полевую батарею и открыл артиллерийский огонь по нашим двум бронепоездам и по станции. Поединок затих только в 10 часов вечера, после чего один из броневых наших поездов отошел на левую сторону Днепра, а другой остался на правой стороне под прикрытием судов флотилии. В 10 часов вечера наша пехота пошла в наступление и часам к 12 заняла Белозерье. Эшелон григорьевцев человек в 500 15-го утром высадился в районе Черкасс и направился через Дихловку, Свидовок на Мощный; для противодействия ему был выслан отряд Кудрявцева".

Но на следующий день противник обрушился на наших.

Из Черкасс сообщали:

„Мы не имеем связи с Шафранским, который находится в Золотоноше. Противник с увеличенной силой наступает, неизвестно выдержим ли натиск. Наш броневик отступил вчера в Золотоношу за снарядами, обещал быть утром, но его нет, что страшно отражается на фронте. Прошу спешно снестись с Золотоношей и немедленно нас информировать, в каком мы положении".

А Шафранский из Золотоноши настойчиво и нетерпеливо требовал присылки подкреплений и заявлял, что слагает командование. Его призвали к порядку. Броневой послан из Киева в ночь на 16-е.

17/V 0 ч. 10 м. (из Золотоноши):

„Противником заняты Черкассы, наши отступают к мостам железнодорожному и стратегическому, флотилия обстреливает подступы, отряду Кудрявцева приказано занять Русская Поляна".

В 17 часов 17-го из Золотоноши:

„В Черкассах бой продолжается. Противником занята станция, высылайте подкрепление. Наш броневик не работает, отряд Кудрявцева из Секирной двинул на подкрепление к Черкессам".

17 мая 19 часов:

„Черкассы в руках неприятеля. Сейчас в Черкассах погром. Наши части отступили, охраняя мосты. Кудрявцеву дана задача занять Поляну Дохновку. Результат неизвестен".

Приказ т. Полупанова:

„Приказываю начопер т. Клищенко держать тесную связь с т. Шафранским. Тремя судами бомбардировать Черкассы, а четвертый поставить в Секирной для прикрытия пехоты Кудрявцева".

17 мая 19 ч. 15 м. (из Золотоноши):

У аппарата Рославлев. Прошу освободить меня от обязанностей ко-

мандующего, так как вопреки неоднократным категорическим обещаниям из Киева прислать броневик до сих пор таковой не только не прибыл, но, по наведенным справкам, никакой броневик по линии не проходил, что сильно тормозит и подрывает мои действия. Это я передаю по просьбе т. Шафранского. Что касается операций, то, на мой взгляд, нужен крепкий нажим на григорьевцев со стороны Бобринской-Смелы на Черкассы, так как с местными силами вряд ли удастся сделать больше, чем безусловно не допустить перехода противника через Днепр.

Ответ т. Антонова:

„Большего у вас никто и не требует, только необходимо держать мосты за собою и приковывать противника к Черкассам, так как удар на Бобринскую идет. Передайте Шафранскому приказ не нюнить, а держаться стойко. Все, что можно, делается. Бронепоезд сможет выйти завтра".

17 мая 24 часа Шафранский сообщал:

„Вчера противник при двух броневиках, 1 легкой и взводом тяжелой батареи обстрелял наши окопы в 5 верстах от Черкасс, вынудив нас оставить Черкассы и отодвинуть наши части по правую и по левую сторону Днепра, и сегодня орудийным огнем речной флотилии и бронепоезда удалось укрепиться правому флангу моей группы в районе деревни Русская поляна. Невыполнение обещания о высылке бронепоезда окончательно убило во мне веру, что из Киева можно будет что-нибудь получить. Только что говорил с Ромоданской группой. Если положение там не улучшится, я для обеспечения своего тыла вышлю им сильное подкрепление. С большим трудом удалось отправить на фронт незначительные части".

Ему была обрисована обстановка и приказано сковывать противника.

18 мая 18 часов из Золотоноши докладывали (по прямому):

„Наши части стоят на охране мостов. Замечены попытки противника переправиться лодками через Днепр, а также через стратегический мост. Попытки эти были прекращены пулеметным огнем. В Черкассах паника, части Григорьева разбегаются, в городе грабежи, погромы, наша артиллерия обстреливает город и вокзал".

Картина вторичной сдачи Черкасс описана нелицеприятным свидетелем т. Грибаном, политкомом 2-й бригады Днепровской военной флотилии, в рапорте (19 мая):

„16 мая в пять часов вечера вооруженные пароходы № 9 и 13 вышли из Черкасс. В Черкассах вооруженный пароход № 13 стал у стратегического моста, а пароход № 9 у железнодорожного. Задачей было, в случае сдачи города Черкасс неприятелю, не пропускать его через мост. Я и начальник 3-й бригады на пароходе „Доротея" подошли к пристани для переговоров с Черкасским исполкомом. После разговора по телефону отправились в город, чтобы лично переговорить с военкомом и исполкомом. Когда пришли в город, то узнали, что чрезвычайка, военком и исполком спешно эвакуировались. В городе большое волнение. Наши части в панике стали бежать на окраину

города к стратегическому и железнодорожному мостам. Незначительные части григорьевцев, отрезав левый фланг наших частей, произвели страшную панику в частях, находящихся в городе. С левого фланга убежали только кавалерия и часть пехоты, правый же фланг выкинул белый флаг и сдался целиком. В городе уже началась перестрелка отступающих частей с григорьевцами. По стратегическому мосту в карьер мчится кавалерия и бежит пехота, не оказывая никакого сопротивления. По железнодорожному мосту сначала бегали люди, а потом полным ходом прошли три наших броневых поезда, тоже без сопротивления. Через несколько минут после этого наши пароходы подверглись ружейному и пулеметному огню. С судов в ответ открыли орудийный огонь. Со стороны неприятеля сначала были одиночные орудийные выстрелы, а потом беглый огонь легкой и 6-дм. артиллерии. С наступлением темноты наши суда вынуждены были отойти, так как неприятель беглым огнем, не прекращая, обстреливал те места, где хотели заночевать. В 11 часов вечера отошли к Секирной".

19-го части Фастовской группы заняли Бобринскую. Григорьевцы ослабили сопротивление у Черкасс.

Шафранский ожил:

„20-го под прикрытием артиллерии высадил десант для усиления правобережной группы т. Кудрявцева. Снабдив речную флотилию снарядами, в 4 часа утра 21-го после сильного обстрела неприятельских укреплений повел наступление на Черкассы. В 8 часов утра передовые наши части, выбив противника, заняли станцию и город. Наступление продолжается".

От Черкасс григорьевцы отходили на Чигирин.

И Шафранский двинул свои части к Знаменке по шоссе на Чигирин и флотилию—по Днепру также к Чигирину. В дальнейшем командование на правобережьи было подчинено т. Ленговскому, т. Шафранскому же было указано заняться окончательной очисткой левобережного участка от мелких банд.

Бригаде Богунского, ввиду крайней ослабленности людского состава, приказано было остаться гарнизоном в Черкассах. Доблестное поведение этой бригады было подтверждено нашими политкомами и комиссаром Рославлевым. В частности Лопаткин, командир 1-го Золотоношского полка этой бригады, проявил много инициативы. Полком захвачено на Бобринской и Белозерье два броневых поезда и один эшелон награбленного имущества.

Командукр отметил успехи богунцев:

„Полкам бригады Богунского, самому комбригу и командирам полков.

Именем Красной советской армии выражаю вам признательность трудового народа Украины за доблестное поведение в боях. Указания относительно вас даны начдив второй. Реввоенсовет сделает все возможное, чтобы ваши части были снабжены всем необходимым".

В боях под Черкассами, по донесению т. Шафранского, особо отличилась также команда бронепоезда им. Дубинина во главе со своим командиром Блинковым. Раненый Блинков остался при бронепоезде,

руководя им, исполняя обязанности машиниста-кочегара. По нашему ходатайству Совет обороны наградил бронепоезд почетным знаменем, командира—почетным оружием за проявленную геройскую самоотверженность.

Посланный к концу мая из штаба фронта специальный инспектор выяснил следующие подробности.

„Система сопротивления противника—активные действия партизан: противник при подходе советских войск к какому-нибудь пункту разбегается по деревням и лесам и, после того как наши части займут намеченный пункт, обрушивается со всех сторон и старается уничтожить наши войска. В районе Золотоноша—Черкассы противник при наступлении Богунской бригады после короткого боя отступил к Черкассам, понеся крупные потери (до 1 500 убитыми и ранеными, взято три орудия, четыре пулемета, 475 винтовок, 85 000 патрон). Два его полка разбежались, унося оружие. Наши потери до 200 человек. При дальнейшем развитии наступления 1-м Золотоношским противник отступил от Черкасс на Чигирин, оставив на ст. Черкассы эшелон военного и награбленного имущества, до 12 вагонов снарядов, убитых 19, наших 6. Между ст. Белады—Бобринская противник оставил два бронепоезда. 28 мая в Чигирине до тысячи человек противника при 20 пулеметах, изредка высылая разведку до Цесарской Слободы“.

IV. Кременчугское направление.

К 10 мая точно выяснилось, что Григорьев бросил значительную часть своих сил к Кременчугу и Екатеринославу.

Уже 9-го в Харькове понимали, что с Григорьевым неладно. Григорьев уклонился от условленной встречи с Л. Б. Каменевым, который в особом поезде прибыл в Екатеринослав и пытался снестись по телефону с Александрией.

Правильно оценив это поведение „атамана“ и, ввиду известий о подозрительном продвижении григорьевских эшелонов, тт. Каменев и Ворошилов поспешили в Кременчуг.

Состоялся ряд совещаний с Кременчугским исполкомом; создан штаб обороны. В 12 часов ночи в Полтаве т. Каменев принял парад войск, направляемых в Кременчуг. На красноармейском митинге выступили с бодрящими речами тт. Каменев и Ворошилов. Затем поезд Каменева спешно отбыл в Харьков, где пошла лихорадочная работа по организации поддержки Екатеринослава и Кременчуга, угрожаемых Григорьевым. Работа эта сильно оживилась с принятием т. Ворошиловым обязанностей командующего военным округом.

В связи с выступлением Григорьева наблюдался подъем антисоветских настроений в левобережьи.

В Особый отдел фронта доносили (11 мая):

„В Полтаве среди мобилизованных проводится антисемистская и противосоветская агитация. В особом батальоне на почве недоедания и плохого обмундирования начинается недовольство. Во всех частях имеются органи-

заторы гетманских и петлюровских времен. Кременчуг просит помощи, которой дать ни в коем случае не могу. Мною разбросаны по всем уездам сотрудники, которые рисуют тяжелую картину как в воинских частях, так и среди обывателей".

Несколько иначе реагируют на известия о григорьевской измене в пролетарском Харькове:

„12 мая на Сумской улице масса народа, особенно у расклеенных телеграмм об измене атамана Григорьева. Настроение публики повышенное, многие говорят, что сюда идет Григорьев с пьяной бандой разбойников, устраивает погромы, что своим приходом он хлеба не даст, а наоборот затянет развитие революции. Рабочие призывают не верить изменнику Григорьеву, который идет грабить рабочий народ. Конечно все это вызывает большое волнение окружающих. На вокзале, особенно среди служащих, распространились слухи и много говорилось о взятии петлюровцами Полтавы и критическом положении Киева.

На Павловской площади тоже много народа, особенно у городской железной дороги, где повешена карта военных действий советских войск. Слухов и здесь много; одни говорят, что Махно присоединился к Григорьеву и вместе под одним лозунгом идет на советскую власть.

На заводе Мельгозе, где был устроен митинг, настроение всецело в пользу советской власти. Предложение о поступлении в ряды Красной армии было встречено единогласно. На митинге, устроенном на заводах паровозостроительном и всеобщей кампании электричества, обсуждался вопрос об опасности, идущей от Григорьева и других изменников, желающих взять власть в свои руки. Настроение рабочих больше чем удовлетворительно, число добровольцев в Красную армию с каждым днем увеличивается. Вообще же настроение против Григорьева и очень повышенное можно наблюдать на каждом шагу. В связи с еврейскими погромами, устраиваемыми Григорьевым, в городе среди евреев царит растерянность.

Настроение в Харьковском гарнизоне в течение последних дней таково: 34-й Украинский полк—настроение повышенное. Есть и недовольство командным составом по поводу высокомерного отношения к подчиненным, говорят, что опять возвращаются к старому порядку командования и скоро опять пожалуй будут бить, как раньше били. Есть недовольство на недостаток обмундирования. В других группах ведутся разговоры о еврейских погромах и всюду слышно одно поощрение. В общем создается впечатление, что если что-либо могло бы случиться в Харькове, то из 34-го полка были бы участники погрома.

Караульный полк—настроение после недавних событий в полку на первый взгляд улучшилось, но какая-то сдержанность.

Особый батальон при ЧК—насчитывает 400 красноармейцев. Отношения батальона к текущему моменту бодрые.

В последний момент получены тревожные сведения о крайне повышенном настроении в расквартированной в г. Харькове артиллерийской бригаде, где явно ведется противосоветская агитация".

Пролетарский Харьков уже в ночь на 10-е отправил на Кременчуг: 3-й полк особого назначения, 3 броневика, эскадрон кавалерии, роту курсантов с 6-ю пулеметами и взвод артиллерии. 11-го высланы в этот отряд еще пять пулеметов. Одиннадцатого же послано в Екатеринослав—346 штыков, 4 пулемета, одна батарея, 2 броневика, пехотных курсантов 120 штыков.

Следом (до 14 мая) к Кременчугу посланы еще мелкие части—в общем до 1 500 штыков, 50 сабель, 4 броневика, две платформы с орудиями и взвод артиллерии.

Тогда же в Екатеринослав—800 штыков, 600 коммунистов, бронеплощадки с 2 орудиями. Одновременно т. Ворошилов сообщал, что Харьков более дать ничего не может, так как все регулярные части направлены в Донбасс.

Положением Кременчуга обеспокоился и начальник Черкасского боевого участка (т. Шафранский). Он (12-го) выделил к Ромодану-Кременчугу бронеплощадку с пехотным прикрытием из состава отряда, направленного Черниговым (300 штыков, 4 пулемета).

Подкрепления к Кременчугу запоздали. Утром 11 мая Григорьев, путем обхода со стороны Свинарки, занял Кременчуг. Наши ввиду измены Кременчугского караульного батальона, оказали незначительное сопротивление и отошли к Кобелякам; батарея курсантов отрезана григорьевцами на правом берегу Днепра. Григорьевцы выдвинули в направлении Кобеляк бронепоезд с 3 орудиями, батальон пехоты и взвод артиллерии. Приблизительно такие же силы брошены ими к Ромодану.

Григорьевцы слишком медленно наступали от Кременчуга к Ромодану и потому подошедшему из Чернигова отряду т. Никифорова удалось 13-го отбить их наступление в 60 верстах к северу от Хорола.

13-го же командир Кременчугского отряда (т. Козюра) сообщил, что Кобеляки нами заняты без боя и что эшелон григорьевцев сдался в плен.

В ночь на 13-е т. Ворошилов и Козюра выехали в Полтаву для мобилизации всех местных сил и развития наступления к Кременчугу.

Но попытка развить успех к Кременчугу не удалась: 14-го под давлением противника мы отошли от Ганoвки к Кобелякам.

Командукр придавал наступлению на Кременчуг особое значение, рекомендуя создать угрозу в направлении главной базы Григорьева Користовка—Александрия. Такой удар становился тем необходимее, что григорьевцы овладевали Екатеринославом. А здесь был расположен штаб 2-й Украинской армии (Скачко), отошедшей к Южному фронту и действовавшей главными силами в Донбассе, и кроме того тут же находились тылы армии и производились значительные формирования.

15—16-го мая—в Полтаво-Кременчугском направлении наши наступают, противник отходит; у него—батальон пехоты, бронепоезд, батарея тяжелой и взвод легкой артиллерии.

На Ромодановском направлении отряд т. Никифорова, не имевший артиллерии и крайне слабо (однозарядными винтовками) вооружен-

ный дважды атаковал противника, но вновь под артиллерийским огнем отступил к Хоролу. Противник развивает наступление. Начальник участка у Хорола заявлял, что не сможет продержаться более 12 часов, если не получит взвода артиллерии. Правда, прибыла с командиром Полтавской группы т. Егоровым одна шестидюймовка на площадке, но после первого же выстрела ее пришлось убрать, так как она грозила взрывом.

Командукр тотчас же распорядился направить в поддержку Ромодановской группе взвод тяжелой артиллерии из Ромны (артдивизион 3-й дивизии).

И 16-го уже было доложено об исполнении этого распоряжения—Никифорову направлены из Ромны одно 42-линейное орудие и 6-дм. гаубица при соответствующем обслуживающем составе и прикрытии (с 1 пулеметом). В ночь с 17 на 18-е в поддержку Никифорову отправлен также (из Киева) отряд т. Маркова—до 500 штыков (инструкторские курсы и т. д.) при взводе артиллерии и двух бронеавтомобилях. Штаб фронта проследил передвижение этого эшелона до Ромодан.

16-го из Киева запрос от командукра:

„Полтава комучастка Егорову. Можем под прикрытием вооруженных пароходов высадить отряд у Крылова в тыл (Кременчугу). Связь необходима с вами через Градижек—Максимовку. К 12 часам восемнадцатого можем быть под Крыловым. Немедленно ответ".

Егоров ответом замедлил. Вместе с тем положение наше у Черкасс ухудшилось. Затеянная операция сорвалась.

Наступление в Полтаво-Кременчугском направлении все развивалось.

В ночь на 17-е занята (отрядом Беленковича) ст. Гановка, подбит неприятельский бронепоезд.

18—19-го сильные бои у Галещено.

18-го из Киева направлен в распоряжение т. Егорова в Полтаву бронепоезд им. Руднева (командир—т. Золотов).

18-го же в то же распоряжение послан 1-й полк червонного казачества с конным дивизионом (1 200 сабель, 8 орудий).

19-го (должно быть) из Москвы прибыл в Харьков и направлен под Кременчуг 13-й Московский полк ЧК.

И уже в 13 часов 19-го—Кременчуг и посад Крюков взяты!

Мы намеревались вновь использовать десант с пароходов и сообщили т. Егорову, что предполагаем направить в Кременчуг Днепровскую флотилию с десантом для действий у Верхнеднепровска.

Для развития успеха т. Ворошилов лично выехал в Кременчуг и сообщил оттуда:

„Прибыл ночью в Кременчуг. Базар и лавки григорьевцами разгромлены. Масса еврейской бедноты замучена и расстреляна, замучен насмерть старик 72-летний—отец председателя местного исполкома Богуславский. Григорьевцы пытались переизбрать Совет, но встретили отпор со стороны местных эсеров и меньшевиков. На созванном уездном съезде получили отпор. При вступлении наших войск в Кременчуг население города с ликованием встречало наши красные войска, ста-

раясь всячески выразить свою признательность советским войскам, избавившим город от кошмара грабежей и насилий. Настроение наших красных войск прекрасное. Банды преследуются. Командвойск Харьковского округа Ворошилов".

20 мая в 24 часа мы получаем от Ворошилова следующие сведения:

„Авантюрист Григорьев, утерявший вчера Кременчуг, сегодня сам приехал с четырьмя бронепоездами и массой темных солдат вернуть обратно город в руки своих бандитов, которые еще не успели всех вырезать, все разграбить. Под моим личным руководством банды были разбиты и один из четырех бронепоездов нами взят в полном вооружении. К вечеру Григорьев повел бешеное наступление пехотой, кавалерией и артиллерией. Идет жестокий бой. № 105/П. Мая 20 дня 24 часа. Командвойск Харьковского округа Ворошилов".

К вечеру 21 мая мы узнаем: „Кременчугская группа, развивая успех, отбросила противника после упорных боев у Свинары, Бараиловки, Кручиновки к ст. Полынин, куда подоспело из Користавки подкрепление—5 эшелонов. В бою нами взяты пленные, бронеплощадка и 1 пулемет.

А в 23 часа 23 мая нам сообщают, что:

„В ночь с 21 на 22 мая бронепоезд „Руднев", под непосредственным руководством командующего Полтавской группой Егорова при поддержке наших цепей, ворвался на ст. Александрию, где находился штаб Григорьева и большинство стянутых для решительного боя резервов, и открыл в упор артиллерийскую и пулеметную стрельбу. Рассеяно до 12 эшелонов противника, оставивших на месте до 3 тысяч убитыми. Противник бежит. Меры преследования приняты. В наши руки попали: бронепоезда, большие запасы вооружения, снаряжения, продовольственных припасов, паровозов и вагонов. В настоящее время нами заняты ст. Знаменка и Новая Прага, а также вся линия до ст. Пятихатка. После этого разгрома состоялось соединение с группой войск Екатеринославского направления. Продвижение на юг идет быстрыми шагами. Уже близок конец григорьевской авантюры! Да здравствует Красная армия! Наштаба Генштаба Скляр, Алексюк".

И дополнительно:

„При разгроме главных сил григорьевских банд Кременчугской группой в бою под Корыстовкой и г. Александрии захвачены 5 броневых поездов, тридцать орудий, два эшелона артиллерийских снарядов и много другого имущества".

(Впоследствии выяснилось, что эти первоначальные данные о потерях противника преувеличены: по официальному сообщению П. Дыбенко, противник потерял в указанном бою до трехсот человек, взято нами не тридцать, а всего несколько орудий, пять бронеплощадок, а не броневых поездов).

Это событие нашло свое отражение в приказе по фронту от 25 мая:

„В разгроме банд Григорьева у Александрии главная заслуга принадлежит бронепоезду им. Руднева, ворвавшемуся в расположение неприятеля и рассеявшему его под убийственным огнем артиллерии, которой руководил главный инструктор Куликов.

В воздаяние за означенные подвиги бронепоезд им. Руднева награждается Почетной красной звездой, а инструктор Куликов—почетным отзывом".

Эти решающие успехи были достигнуты благодаря взаимодействию многих факторов—давление с юга Одесской группы (на Елизаветград—Знаменку); давление с запада частей 2-й дивизии (на Бобринскую—Знаменку), в связи с обороной Черкасс отрядом Шафранского, энергичная работа Екатеринославской группы Дыбенко П. (с 16 мая П. Дыбенко принял командование ею); наконец совершенно исключительное значение имело личное воздействие т. Ворошилова, сумевшего воодушевить к беззаветной доблести незначительные силы нашей кременчугской группы.

V. Екатеринославское направление.

Наступление Григорьева к Екатеринославу явилось полной неожиданностью для командования 2-й армии и местных властей.

Т. Данишевский, секретарь политуправления фронта, проезжавший из Киева в Крым, говорит в своем докладе от 16 мая, что, прибыв в Екатеринослав 9 мая, сообщал члену РВС 2-й армии т. Тищенко о том, что, проехав только что через Знаменку, убедился в подготовке Григорьевым восстания,—„все происходящее на линии Знаменка—Пятихатка—есть не местные вспышки, а организованный крупный мятеж, к ликвидации которого необходимо принять немедленно же самые решительные меры".

В ответ услышал, „что все это известно, что все это ерунда и что сегодня приедет Григорьев для переговоров с Реввоенсоветом и с т. Каменевым, остановившимся для этого в Екатеринославе". Тогда Данишевский обратился к другому члену Реввоенсовета т. Шпенцеру; но и от него он услышал такие же заверения в неосновательности подозрений: „Тов. Шпенцер, утверждал, что положение Екатеринослава вне всякой опасности, имеется 8-тысячный гарнизон, из них больше половины совершенно надежных".

В ночь с 9-го на 10-е был получен по телеграфу в Екатеринославе „Универсал" Григорьева, и в то же самое время Махно отказался разговаривать по проводу с командарм т. Скачко.

„Сразу же наступила паника. Началась лихорадочная поспешная бессистемная и беспричинная эвакуация".

Конечно командование 2-й армии знало, что нам пришлось отказаться от направления дивизии Григорьева в Донбасс, так как мы опасались сговора Григорьева с казаками. Были известны и данные о погромных выступлениях григорьевских войск. По меньшей мере надо было держаться в отношении „атамана" настороже.

Впоследствии Скачко представил обстоятельный рапорт о своем поведении в Екатеринославе. Согласно этому докладу Скачко и его штаб „были убеждены, что со стороны Григорьева никакой опасности не ожидается". 9 мая в 17 часов получилось известие, что со стороны Пятихатки двигаются на Екате-

ринослав 17 эшелонов. Предполагали, что это идет ожидаемая 2-я дивизия Ленговского, и в 18 часов запросили Знаменку, какие это эшелоны. Знаменка ответила—„не могу сказать“. Этот ответ впервые породил беспокойство стали связываться с Александрией. Разговор вести не удалось. Запросили Одессу. Наштарм 3 ответил, что имеются сведения о брожении в григорьевских войсках и якобы даже об открытом восстании Григорьева; но все это пока только слухи. Пробовали связаться с Киевом—это не удалось. Тогда в 20 часов послали разведку—пять комиссаров на паровозе. В 23 часа было получено сообщение, что идут григорьевские эшелоны с броневиками впереди. Было отдано распоряжение испортить путь. В 24 часа были собраны на совещание начальники отдельных частей и представители гражданской власти. Выяснилось: в городе—Управление 1-й бригады 7-й дивизии комбрига и подчиненные ему 56-й, бывший 16-й полк в составе 800 штыков, 57-й, бывший Черноморский полк, только три дня тому назад пришедший из Николаева (1 100 людей, только 400 вооруженных), интернациональный полк (500 штыков), учебная команда запасной резервной бригады (200 штыков), части, подчиненные Губвоенкому: 40-й полк (бывшие 10-й и 12-й запасные батальоны)—1 000 штыков, караульный батальон—500 штыков, инженерные курсы, комендантская команда — 250 штыков, отряд Чрезвычкома — 400 человек. Всего—4 250 человек вооруженных, из них 57-й Черноморский полк и два батальона 40-го полка абсолютно ненадежны. Ни одного орудия. Было приказано всем начальникам частей привести войска в боевую готовность и ждать приказа о выступлении. Гражданским властям было указано на необходимость мобилизации коммунистов и рабочих и организации отряда из рабочих в Каменке и Верхнеднепровске. С утра 10 мая стали поступать донесения от всех начальников частей о ненадежном состоянии людей. В 11 часов 10 мая было получено сообщение от Шульженко, что им разобраны пути на ст. Эрастовка (первая от ст. Пятихатка). Эшелоны стоят на ст. Пятихатка без движения. В 16 ч. 35 м. было получено донесение, что григорьевский бронепоезд обстрелял подрывную команду, портившую пути на ст. Эрастовка. Шульженко доносил, что эшелоны начали двигаться вперед. Было приказано начать портить пути самым энергичным образом, не останавливаясь перед взрывом моста на р. Лозоватке, и особенно привести в непроходимое состояние узловую ст. Верховцево и на ней организовать задержку наступления. В 17 часов I батальону 40-го полка приказано грузиться и двигаться в Верховцево. Батальон выехал в 2 часа ночи 11 мая. В 3 часа 11 мая была получена наконец посланная из Киева в 24 часа 10 мая телеграмма Раковского об измене Григорьева и объявлении его вне закона. В 4 часа 11 мая был издан оперативный приказ, которым приписывалось войскам 1-й бригады 7-й дивизии занять позицию на линии ст. Запорожье—Каменка. Начальником боевого участка назначался комбриг Трифонов. Трифонову была придана единственная имеющаяся батарея Крымского дивизиона. В 5 часов эшелоны для частей бригады были на станции не готовы; от комбрига Трифонова получилось донесение, что 56-й полк не готов, а 57-й отказывается от посадки и требует посылки делегации Григорьеву. В 6 часов 11 мая было получено донесение Особого отдела, что в городе готовится выступление среди частей местного гарнизона. В 8 часов получено донесение от командира I батальона, что противник занял Верхне-

днепровск. Отряды каменских и верхнеднепровских рабочих оказались неорганизованными и сопротивления не оказали. В 10 часов получено донесение о занятии с. Каменского. В 12 часов о занятии Запорожья. Внутри города в 57-м полку ведутся безрезультатные митинги. Полк отказывается выступать. Настроение 56-го полка ненадежное, грузится неохотно, предъявляя все время требования о довольствии и обмундировании. Получена телеграмма Совета обороны республики об образовании Совета обороны Екатеринослава; в 13 часов состоялось собрание совета для распределения функций, понимая свои функции как непосредственное участие в военном командовании. Один Берг исполняет возложенное на него поручение. В 14 часов доносят, что бригада Трифонова все еще не погрузилась. В 15 часов 56-й полк наконец отправляется из Екатеринослава. В это время получается донесение от командира I батальона 40-го полка, что он уже около Сухачевки, в 18 верстах от города, и противник непосредственно перед ним. Сведений о двух других батальонах 40-го полка, вышедших для охраны фланговой позиции и Краснополя не имеется. Командир полка связи не установил. В 16 часов получены сведения от помощника комбрига Никифорова, что 56-й полк прибыл в Сухачевку и развертывается на позиции. В 17 часов получается донесение, что некоторые части 56-го полка выкинули белые флаги и перешли на сторону Григорьева, другие части отступают, ввиду обхода Сухачевки григорьевской кавалерией. Есть донесение, что ее разъезд в 12 верстах от города. Единственная надежда на Интернациональный полк, держащий входы в город у железной дороги, но он не может охранять от обхода города с юга, а части 40-го полка, стоявшие у Краснополя, исчезли неизвестно куда и связи с ними нет. 57-й полк сидит в казармах и по донесению политкома волнуется. Политком боится итти в полк, чтобы его не убили. Докладываю Совету обороны и прошу разрешения эвакуировать штаб. Совет обороны разрешает эвакуировать штаб; об эвакуации городских учреждений, комендатуры и милиции вопрос не ставится. В 18 часов Совет обороны, все время толкущийся в штабе, ввиду того что комбрига Трифонова нет на позиции и его нигде не могут найти и ввиду того, что Совет обороны находит Трифонова неспособным,—предлагает назначить особым начальником всей обороны Екатеринослава т. Мартыненко. Соглашаюсь и подчиняю Трифонова, как начальника боевого участка, Мартыненко, как начальнику всей обороны. Местом штаба обороны Мартыненко выбирает Брянский завод. Эпштейн и Аверин все время пытаются командовать сами непосредственно даже отдельными воинскими частями. Полагая, что теперь главная моя обязанность состоит в скорейшем подведении резерва, отправляюсь в 21 час на ст. Нижнеднепровск, где уже установилась армейская связь. Предварительно излагаю Совету обороны, что мой план— использовать все силы и средства для недопущения противника в город, но будь он ворвется в город, не вести бесполезно растрачивающего силы боя на улицах, отойти к мосту и защищать переправу до подхода подкрепления, а после их подхода взять город не в лоб, а демонстрируя на мост, обходным движением с юго-запада. В 22 часа 11 мая, получив донесение, что наши части отступили уже к Деевке, командарм прибывает на ст. Нижнеднепровск. Станция загружена всевозможными эшелонами, эвакуированными гражданскими учреждениями. В час ночи 12 мая пришел наконец бронепоезд № 10 и направлен к Мартыненко. Со слов Аверина и Эпштейна, прибывших в

Нижнеднепровск, они не давали приказа. В $2^1/_2$ часа 12 мая явился комендант и заявил, что, по приказу т. Мартыненко, он оставил город. Скачко приказал ему немедленно вернуться обратно, что он и исполнил. Со штабом Мартыненко связи не было. Мартыненко ни одного донесения в штаб армии не прислал. Интернациональный полк за ночь выдвинулся к Деевке и вместе с бронепоездом 10 ведет бой, ему помогают оставшаяся рота 56-го полка и разрозненные кучки коммунистов, прочие части разбежались. 11-го утром явился комендант Булгаков и доложил, что его комендантская команда арестована и обезоружена 57-м Черноморским полком, который ночью выпустил из тюрьмы арестантов и, соединившись с бандитами, под начальством Максюты и матроса Орлова захватил город и объявил его во власти Григорьева. Эта неожиданная опасность вызвана ночным уходом из города комендатуры, милиции и чрезвычкома. Пришлось ждать подхода 5-го кавалерийского полка, который был расположен в Синельникове. Этот полк был вызван еще 9-го утром, но после получения сведений, что Махно действует совместно с Григорьевым, вызов его был отменен. По новому вызову 5-й кавалерийский полк прибыл в Нижнеднепровск к 14 часам 12 мая. 1 эскадрон его был пущен на разведку берега к Запорожью, а остальные три с инженерными курсами, кучкой коммунистов, командой китайцев Особого отдела направлены в город для борьбы с бандитами. Командование отрядом, согласно постановлению Совета обороны, было поручено Губвоенкому Бергу. Отряд этот занял вокзал и очистил главные улицы города от бандитов. Совет обороны вносил страшную дезорганизацию—каждый член совета командовал и распоряжался сам, не спрашивая согласия командарма. У Скачко был свой заведывающий передвижением войск, совет назначил параллельно своего; у Скачко был свой комендант—совет назначил своего. Члены совета старались изо всех сил, но вносили только дезорганизацию. Прибывающих коммунистов они не давали свести в более или менее правильные команды, а хватали кучками, приказывали давать им винтовки, и, не согласовав, не назначив начальников, гнали их в город без определенных указаний, что делать и кому подчиняться. Эпштейн отдавал приказания начальнику штаба армии, начсабу, начальникам отделов и сбил с толку всех людей и расстроил всю работу. У Скачко в купе сидел уже не только Совет обороны, но почти весь исполком и все кричали, совались в командование, давали указания и приказания. Связи с Мартыненко не было, связи с Бергом также не было, никто из них не присылал донесений. К 2 часам бронепоезд № 10 получил повреждение паровоза и отошел в Нижнеднепровск. Его отход был сигналом отступления наших войск с позиций. Пошли уговоры сменить бронированный паровоз на простой и с ним выйти на позицию. В прикрытие дана рота охраны штаба армии и под командой т. Покуса этот последний отряд отправлен в город. Поезд № 10 ушел в город в 22 часа. В это время из города стали прибывать разрозненные люди наших отрядов. Наконец прибыл начальник обороны Мартыненко и заявил, что все части покидают Екатеринослав, дальше держаться нельзя, противник уже завладел подступами к городу, и его броневики подходят к вокзалу. Получив такое донесение, Скачко приказал бронепоезду № 10 с ротой охраны штаба держать мост через Днепр. Собрав с помощью состоящего для поручений т. Ахметова остатки разбитых частей и поручив Ахметову командовать ими, с задачей

удерживать во что бы то ни стало мост до прихода подкрепления, Скачко выехал навстречу Пархоменко (из Харькова). На разъезде у ст. Игрень Пархоменко заявил Скачко, что едет с чрезвычайными полномочиями подчинить себе все войска, действующие в Екатеринославе, и сам никому, кроме Ворошилова не подчиняется. Скачко передал ему в подчинение все части, действующие в Екатеринославе, а сам решил выехать со штабом в Синельниково (в 3 часа 17/V). В 8 часов 13 мая отсюда направил в Нижнеднепровск вагон снарядов и летучку с продовольствием на 5 000 человек. В 12 часов 13 мая сорганизован и выслан в Екатеринослав распределительный продовольственный пункт.

Эти сообщения Скачко однако не дают достаточных мотивов в оправдание крайней медлительности в оказании сопротивления Григорьеву; не объясняют они и бездеятельности Скачко в отношении ненадежных частей. Следовало во всяком случае принять немедленно меры к обезвреживанию Черноморского полка, настроенного явно антисоветски. Ссылка на полное отсутствие сведений о ненадежности Григорьева, как уже выше отмечалось, совершенно неосновательна; такие сведения у Скачко были еще с февраля месяца и поступали непрерывно. Конечно нельзя доверять и всем показаниям Скачко относительно помех его плодотворной работе со стороны екатеринославских товарищей. Кажущийся хаос их распоряжений мог лишь отражать растерянность самого командующего армией.

Уже 10-го Скачко слал в штаб Укрфронта паникерские телеграммы, заявляя, что вынужден покинуть город, так как некем его защитить. Командукр отвечал:

„Екатеринослав ни в коем случае не может быть оставлен. Вы этим дадите пример непростительной паники и совершите преступление. Город ни в коем случае не может быть отдан Григорьеву. Учтите мобилизацию рабочих. Вам идет подкрепление из Харькова. Дыбенко тоже придет на помощь“.

Тотчас же, по назначении т. Ворошилова командующим Харьковским округом, Скачко указано (из штаба Укрфронта) подчиниться в отношении операций против Григорьева—т. Ворошилову. Когда же прибыл под Екатеринослав посланный из Харькова отряд т. Пархоменко, указано: „Передайте командование против Григорьева т. Пархоменко“.

Тов. Ворошилову мы рекомендовали (12 мая):

„Вам следует держать Екатеринослав, ударной группой бить от Кременчуга“.

13 мая подоспел к Екатеринославу отряд харьковцев (Пархоменко). Скачко, сообщая об этом, добавлял, что передает Пархоменко командование по обороне Екатеринослава.

Командукр отвечал Скачко:

„Взаимоотношения с Пархоменко вами поняты правильно. Чтобы не отвлекать вас операционно от Донбасса, операции у Екатеринослава и Кременчуга подчинены Ворошилову, назначенному комвойск Харьковского округа. Помогайте Пархоменко вовсю, резерв у него Дыбенковская армия“.

В 21 час 14-го штаб Харьковского округа сообщал:

„Передовыми разведывательными частями Пархоменко был занят вокзал, разогнаны бандиты Максюты. Во время продвижения передовых частей в город завязалась перестрелка, легкая артиллерия противника обстреливает город и вокзал, дав несколько удачных попаданий. Пархоменко вводятся главные силы для очищения города. В течение суток противник вел сильное наступление на Нижнеднепровск при 5000 пехоты, многих тяжелых орудиях, восьми легких и двух броневиках, город переходил из рук в руки и только к 6 часам 14-го был окончательно закреплен за нами; взято 1000 человек в плен, много перебежчиков, масса винтовок, пулеметов, четыре легких орудия и много другой военной добычи. В войсках Григорьева началось разложение. В Екатеринославе наши части вытеснили противника на окраину города; бой продолжался с переменным успехом“.

Скачко докладывал о тяжелом положении у Екатеринослава, судачил о неумелости нового командования:

„Командование Екатеринославскими операциями целиком перешло в руки Пархоменко; руководит Совет обороны. Екатеринослав, включая и вокзал, наполовину в наших руках. Против нас действуют три бронепоезда Григорьева, второй Херсонский полк и кавалерия. К нему со стороны Верховцева идут подкрепления эшелонами и в бою три густые цепи. Наши силы—жалкие остатки второго интернационального полка, харьковские курсанты, батальон чрезвычайной комиссии, мобилизованные коммунисты, 5-й кавалерийский полк, артиллерия. Командует Пархоменко очень неумело. Ожидаются от 9-й дивизии 73-й полк и от Дыбенко 4-й полк. В Александровске стоит бронепоезд „Грозный“, но что-то там неисправно. Ожидаем бронепоезд „Спартак“. Вчера был в Павлограде. Собрал там 150—200 коммунистов, но остановка за винтовками. Уверен, что григорьевцы были бы разбиты, если бы не был создан Совет обороны и сменено старое командование. Отсутствуют связь и питание фронта. Новое командование всюду назначает с налету новых начальников. По последним сведениям в городе шел бой с григорьевцами, и половина города со стороны артиллерийских казарм была в руках противника. Вчера к нам приехала делегация Махно в составе 5 человек, в которую входят: Григорьев, Колосов, Павленко, член Гуляйпольского совета и еще двое из штаба анархистов. Они ставят себе задачей, по их словам, выяснить настроение войск Григорьева и, если это движение не массовое, то провести соответствующую агитацию. Делегация отправилась вчера в Екатеринослав. В Нижнеднепровске Совет обороны, переговорив с делегацией, под предлогом сплошного фронта и невозможности им дать гарантию их перехода в Екатеринослав, вернул ее обратно. Вчера действительно Григорьев открыл ураганный огонь по мосту из артиллерии и даже захватывал Нижнеднепровск. Делегация прибыла вчера ночью к нам в Синельниково и сообщила, что ее нарочно не хотят пустить“.

Но вопреки пессимизму Скачко 15 мая противник выбит при поддержке броневтомобилей с окраин Екатеринослава; захвачены—легкая батарея, 10 пулеметов и до 1000 винтовок. Преследуя григорьевцев,

нами заняли ст. Диевку, к 8 часам заняты Старокайдаки, Краснополье и Сухачевка; в 2 верстах к западу от последней за последние три дня взято до 2000 пленных, 7 орудий, много пулеметов и т. д.

В Екатеринославе восстановлен полный порядок.

16 мая—противник бежит к Александрии в панике; на Пятихатке григорьевцы не задержались.

В среде григорьевской дивизии ширится разложение, солдаты требуют роспуска по домам. Занята ст. Запорожье, захвачены 4 орудия и пленные. Однако 18 мая дальнейшее наступление приостановлено подоспевшими подкреплениями противника и огнем его бронепоезда. Наши отошли в Запорожье и, получив поддержку, возобновили атаку; Противник отступил, преследуемый нашей кавалерией и броневиками.

Но 19 и 20 мая григорьевцы вновь наступают, происходит сильный бой у Сухачевки. Лишь 22 мая противник окончательно сломлен.

В 13 часов 23 мая П. Дыбенко доносил:

„21 мая 17 часов, войдя в соприкосновение с бандами Григорьева возле ст. Эрастовка, вступил в бой. После первого натиска с нашей стороны григорьевские банды были отбиты и обращены в бегство. Доблестный 4-й советский полк преследовал банды на расстоянии 15 верст до ст. Пятихатка, бегство противника было столь паническое и поспешное, что не успел даже снять со ст. телеграфные аппараты. В 23 ч. 45 м. 21 мая Пятихатка была занята 4-м полком и бронепоездом „Грозным". Во время боя 4-го полка захвачено 5 вполне исправных пулеметов, винтовки и много пленных. На ст. Пятихатка захвачено 8 вполне исправных паровозов. К 8 часам утра 22 мая занята ст. Яковлевка. Кроме того нашими частями заняты (со стороны Александровка) ст. Долгинцево, Кривой Рог, Кархаватка. Противник разбит на мелкие отряды.

К 11 часам 22 мая в Александровском направлении заняты ст. Янов, Апостолово. В штаб приезжает из Апостолова делегация от крестьян для выяснения мятежа Григорьева, а также для ликвидации такового в Мелитопольском и Днепровском уездах".

Эти действия Дыбенко сильно помогли натиску Егорова прямо к Александрии. Лихим ударом отряд Егорова, во главе с бронепоездом им. т. Руднева, разгромил, как выше сказано, ядро сил Григорьева.

С 23-го установлено взаимодействие различных наших воинских групп.

Штаб Ворошилова сообщал:

„23 мая 19 часов. К 8 часам, развивая наступление по направлению Пятихатка-Александрия, наши части соединились с Кременчугской группой. Нами заняты ст. Долгинцево и Кривой Рог. Накопившиеся банды Григорьева понудили нас перейти в решительное наступление по направлению от Апостолова. В районе Шульгивка—Могилев—Орлик и Китай-город (к Бобринской) банды противника окончательно уничтожены (очевидно из Хировки отрядом 5-й дивизии). После продолжительного, упорного боя заняты Шульгивка и Могилев. Александрийское направление—нами с боем занята ст. и г. Александрия и ст. Знаменка".

Дыбенко сообщал (24-го 23 часа):

„Преследуя противника, части 4-го Заднепровского полка ворвались на ст. Знаменка. Противник оставил колоссальную добычу—пулеметы, винтовки, пульман с орудием, броневой поезд, исправный бронеавтомобиль, который уже пущен преследовать бегущие банды, эшелон со снарядами и несколько вагонов с продуктами. Преследование банд продолжается, некоторые банды разбежались по деревням, приняты меры по обезоружению их и отправке на Керченский фронт. Имеется связь с Елизаветградом (Хировка), где находится отряд Ткаченки".

К 24-му в Александрийском (к Бобринской) направлении на ст. Каменка захвачены три орудия, 18 пулеметов, бронеплощадки с 1 орудием и шестью пулеметами, 18 вагонов снарядов. Заняты ст. Цвенорки и Брайлов-Кручиновка, противник отступает к ст. Павлошь. В Криворожьи сбитый в 18 верстах к югу от Апостолова противник поспешно отходит.

Уточнения о работе П. Дыбенко доставлены особоуполномоченным фронта („по обследованию линии Екатеринослав-Александрия") в докладе от 29 мая:

„16 мая т. Дыбенко прибыл в Екатеринослав для организации штаба. На ст. Запорожье находился 59-й железнодорожный полк, 150 штыков, особый кавалерийский полк, 200 сабель, 4-орудийная батарея т. Коваля и 5-й кавалерийский полк т. Черняка. На ст. Екатеринослав два броневика: „Грозный" и № 10, на фланге находились малоорганизованные части из рабочих коммунистов г. Екатеринослава, 200 штыков. Начальником боевого участка являлся т. Маслов. 18 мая прибыл из Крыма особый кавалерийский полк т. Маркозашвили, до 200 сабель. 18 мая предпринято противником наступление на ст. Запорожье, после двухчасового боя наши отступили до разъезда между Сухачевкой и Запорожьем. 20-го противник в 4 часа повел наступление и принудил опять наши части отступить на ст. Сухачевка. Красноармейцы перебегали на сторону Григорьева. Тов. Дыбенко был затребован 4-й Заднепровский полк из района ст. Волноваха, прибыл 21 мая вечером. Утром началось обоюдное наступление, окончившееся разгромом григорьевских войск. Противник отступил за ст. Верховцево, нами были взяты в бою 7 орудий, около 10 пулеметов и много винтовок, пленных взято с оружием около 3 000 человек, которые были обезоружены и распущены по домам, так как они были этого района и насильно мобилизованы Григорьевым. За день было пройдено 64 версты и никак нельзя было догнать противника. 23 мая наши части повели наступление на Пятихатку. У ст. Эрастовка произошел бой, продолжавшийся 4 часа. Наши войска перешли реку вброд, обратили в бегство противника, захватили несколько пулеметов. 24 мая достигли Александрии, где встретились с войсками Кременчугского направления. 25 мая заняли Знаменку. Между Знаменкой и Александрией захвачены 2 броневых площадки. 26 мая войска стояли впереди Знаменки, выслав разъезды до ст. Шаровки по направлению Долинской. 27 мая в 2 часа войска перешли в наступление и прошли к вечеру до ст. Новополтавка, южнее Нового Буга. После первого поражения григорьевских войск они настолько были деморализованы и так панически бежали, что не в состоянии были принять боя. Потери наши за все время

на этом протяжении были около 100 человек убитыми и ранеными, противника же превосходили в 10 раз. На ст. Александрия и Користовка захвачено было около 800 вагонов, винтовки, пулеметы, патроны, снаряды, орудия, продовольствие, интендантское имущество, инженерное, масса мануфактуры. Путь между Знаменкой—Екатеринослав совершенно очищен, набегов на полотно железной дороги не было, от Знаменки до Александрии на станциях и разъездах стоят наши карательные отряды численностью от 50 до 150 человек, на линии Знаменка—Долинская—также очищен, набегов не было. На ст. Куцовка стоит карательный отряд численностью до 150 человек, на ст. Долинская стоит штаб Дыбенко. Линия Долинская—Верховцево через Кривой Рог, Долгинцево также очищена, налетов не было, на ст. Долгинцево стоит штаб Пархоменко".

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Политические итоги восстания Григорьева. Саморазоблачение кулацкой авантюры. Некоторые выводы. Наши части выдержали экзамен, но с тяжким надрывом. Провокация вокруг червонных казаков. Эпопея 9-го полка. Бытовая обстановка в наших частях

К 26 мая банды Григорьева были выбиты из „родных районов", уничтожены или рассеяны; в наших руках оказались 9 из 11 бронеплощадок, которыми располагал Григорьев,—45 орудий из 52, числившихся у Григорьева. Захвачено до 7 000 пленных. Григорьев сведен к роли бандитского атамана типа Струка или Ангела.

27 мая при занятии нами Куцовки вновь захвачены 7 орудий (2 горных), 50 вагонов снарядов и т. д. Того же дня наши части заняли ст. Долинскую и, соединившись с частями Александрийского направления, подошли к Новому Бугу, где вели бой с бронеплощадками Григорьева. Николаев и Херсон прочно заняты нами.

27 мая УЦИК в воззвании к трудящимся Украины подводил итоги григорьевскому восстанию.

„Восстание бывшего начальника „Н" стрелковой дивизии Григорьева является кулацким восстанием против советской власти и трудящихся. Григорьевщина как кулацкое движение не могло и не может выдвинуть каких-либо серьезных политических лозунгов, а преследует исключительно дезорганизацию и полное расстройство того нового рабоче-крестьянского порядка и того народного хозяйства, которое создается советской властью на Украине. Это как раз нужно англо-американо-французскому капитализму, который теперь уже откровенно признает, что он бессилен победить советскую власть. Вот почему в тот самый момент, когда Советская Украина протянула братскую руку Советской Венгрии и предъявила ультиматум румынским боярам, Григорьев поднял знамя нелепого кровавого восстания и начал избиение коммунистов и беднейшего еврейского населения. В настоящее время это восстание в корне ликвидировано. Лучшие трудовые элементы григорьевских частей, освободившись от обмана, перешли на нашу сторону. Завзятые бандиты и хулиганы, которые составляли ядро его воинства, разбиваются нами и разбегаются. Горячо приветствуя нашу Красную армию, ЦИК призывает всех красноармейцев, крестьян и рабочих еще теснее сплотиться вокруг своих Советов рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов".

Но считать григорьевщину окончательно ликвидированной конечно не приходилось.

Еще 2 июня из Александрии нам сообщали:

„Распоряжением командующего Полтавской группы, стоящей здесь в Александрии, 12-й Московский полк Всероссийской ЧК отзывается в Полтаву, что никоим образом недопустимо, так как уком совершенно безоружен и банды Григорьева гуляют по уезду группами человек по 100—150. Поэтому просьба Исполнительного комитета оставить этот полк до полного разоружения уезда, уничтожения банд, что может сделать эта часть, так как она приезжая из Москвы. Сам Григорьев находится в нашем уезде. 31 мая говорил по телефону со мной, выяснилось, что из района Дмитровка—Бандуровка, Иванковцы. Организует свои отряды. Необходимо прекратить это в корне, иначе работать в уезде невозможно“.

Полку предписано было остаться в Александрии.

Тов. Петровский, председатель ВУЦИК, тем временем указывал:

„Командующему армиями Украины т. Антонову.

Когда быстро идет подавление шаек бандита Григорьева и воинские части приближаются к кулачеству Таврии и Херсонщины, позвольте напомнить вам, что вся история нашей революции показала необходимость быстрой и решительной расправы с бандитами, были ли это московские, воронежские или других городов анархисты, правые или левые эсеры, или максималисты; всякий раз ослабление репрессий против них возбуждало у них шансы на господство. Так сложились обстоятельства и для Григорьева, возомнившего себя со своей шайкой владельцами страны.

Поэтому в момент настоящего подавления необходимо отдать приказ всем командирам и начальникам частей и армий о решительном истреблении разбегающихся григорьевцев и особенно командных составов их, возымевших дерзость свергнуть советскую власть, учинивших погромы как евреев, так и коммунистов, чем принесли громадный тяжелый ущерб для Советской республики. Все эти банды, разбегающиеся по деревням подлежат беспощадному и наибольшему преследованию и истреблению так, чтобы другим не было повадно. О вашем на этот предмет мнении прошу сообщить. Председатель Центрального исполнительного комитета Петровский“.

Мнение командукра „на этот предмет“ совпадало с мнением председателя ЦИК и потому он отдавал приказы вроде следующего:

„Лихим ударом наши красные войска разгромили банды Григорьева. Сам „атаман“ удрал с сотней ближайших ему разбойников. Захвачен его штабной поезд, почти вся артиллерия, бронепоезда, пулеметы. Взяты тысячи пленных. Их ждет справедливый народный суд. Подстрекателям-предателям он даст смерть. Обманутые искупят свою вину на фронте Донецкого бассейна.

В освобожденных от григорьевцев городах и селах найдены десятки и сотни замученных мирных жителей. Подлые бандиты жестоко грабили население.

Теперь оно с восторгом встречает наши полки, несущие твердый

порядок, охраняющие трудовую бедноту, карающие врагов народа.

Солдаты Красной армии! Преследуйте бандитов до полного уничтожения.

Покончив с изменниками, мы вновь вернемся к фронту, к борьбе с иноземными насильниками. Полковник палач Шкуро, поляки-шляхтичи и румынские жирные помещики использовали передышку, что дала им измена Григорьева. Они напирают на Советскую Украину, грозят удушить ее.

Они встретят готовую на отпор вооруженную руку рабочих и крестьян Украины. Они встретят сильную духом непобедимую Красную армию.

Светлым именем рабоче-крестьянской революции выражаю всем частям Красной армии Украины признательность трудового народа.

Начальникам боевых участков представить к награде особо отличившиеся части и отдельных красноармейцев".

Конечно мы не ограничивались подобными приказами. В основных районных пунктах были оставлены сильные гарнизоны, выделявшие ударные отряды для ликвидации банд; железнодорожные станции были охраняемы с помощью бронепоездов, на крупных станциях организовались особые подвижные группы.

Но для погони за подвижным противником нехватало сил, особенно кавалерии. Целый ряд частей пришлось вскоре снять для отправки на Южный фронт, нехватало таких организаторских сил, которые смогли бы в достаточной мере мобилизовать к защите революции местное трудовое население. Эта слабость организационного закрепления советской власти в районах, очищаемых от банд, являлась одной из помех в тогдашней нашей борьбе с бандитизмом.

Начдив 2 Ленговский справедливо отмечал (14 июня):

„За последние дни определенно выяснилась бесполезность боевых действий против повстанцев в районе Звенигородского, Чигиринского, Таращанского, Каневского, Уманьского уездов, если каждый раз вслед за очищением местности войсками от бандитов в этой же местности не будет произведена очистка местной власти от единичных личностей. Григорьевщина пустила глубокие корни, рвать которые можно только планомерным систематическим очищением волости за волостью и немедленной организацией волостных комиссариатов с достаточной силой, которые смогут защитить население, переловить отдельных бандитов. Прошу назначить и прислать в штаб войск правокиевского участка представителей ЦИКа, Наркомвнудела и Наркомвоена или одно лицо с чрезвычайными полномочиями по организации местной гражданской и военной власти, которое, работая со мною в контакте, могло бы после планомерного очищения волостей организовать, а местами реорганизовать власть, способную в дальнейшем собственными силами бороться с бандитизмом. Есть некоторые волости, где войска уже по четыре, пять раз разбивали отряды бандитов, наносили им страшные потери, но вслед за уходом их в другие районы бандиты понемногу вновь собираются. Если будем продолжать только одни боевые операции, то дезорганизацией на местах разложим свои части и не достиг-

нем никаких результатов. Будет лишь безостановочная переброска, выматывание войск".

Одним из мероприятий по борьбе с бандитизмом было разоружение населения, и оно проводилось порой весьма энергично; отдельные командующие участками доходили иногда до мер исключительно свирепых: так например начальник Винницкого боевого участка в приказе по г. Виннице и окрестностям грозил расстрелом за несдачу оружия в двухдневный срок. Но это мероприятие не было решающим и не устраняло тех затруднений, которые возникали вследствие организационной слабости советской власти на местах и недостаточного использования классового расслоения в деревне: комитеты бедноты не были еще как следует организованы, кулацкая агитация находила очень слабый отпор со стороны местных парт- и соворганизаций. Это приводило к тому, что как раз бедняцкие районы Литинского и Летичевского уездов дали особо значительный подъем бандитизма. Восстание было поднято здесь под григорьевскими же лозунгами: против насильственной коммуны, против евреев-комиссаров, в защиту религии и за „свободные Советы"—без коммунистов и с пропорциональным ограничением евреев. 17 мая атаман восставших прислал обращение:

„Товарищу Подольскому губернскому комиссару:

Все крестьянское население Литинского уезда в течение двух месяцев было узурпировано диктатурой кучки проходимцев, большей частью евреев, не избранных ими, почему крестьянство, сорганизовавшись, стало под красный флаг и сбросило навязанное ему правление евреев, называющее себя крестьянским. Город Литин и его уезд заняты красноармейскими крестьянскими войсками вчера 16 мая в 5 часов дня. Порядок в городе образцовый, что засвидетельствует посылаемая для вручений сего делегация от всех групп трудового населения.

Прошу не присылать во избежание братского кровопролития войск. Если есть хорошие агитаторы (не коммунисты) христиане, прошу прислать. Всем советским учреждениям мною приказано возобновить работы.

Красноармейское крестьянское войско, стоя за советское правительство—власть, противится лишь:

1) насильственно проводимой коммуне, на которую напрасно идут трудовые народные деньги;

2) воспрещению крестных ходов, воспрещению обрядов крещения, браков и пр.;

3) занятию ответственных должностей комиссаров евреями, которые могут занимать должности соответственно своему процентному отношению, и добивается: немедленного переизбрания уездного совета и исполкома, ибо первый был семейным очагом из ряда братьев; прилагаю список".

К этому было приложено объявление по г. Литину и его уезду от комиссии по выборам в Совет о созыве на 30 апреля пленума с перечислением фамилий членов Совета. В списке красной чертой отмечены из 50 членов 23 еврея, семейственность—в десятке случаев.

Характерно, что и бандитские „батьки“ усердно открещиваются от Петлюры. Вот пример:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

„До меня дошли слухи, что по селам появляются провокаторы, которые, дабы как-нибудь помешать народному селянскому движению, говорят селянам, что вожди восставших крестьян хотят заводить в уезде „петлюровскую власть“. Категорически заявляю, что лица, распространяющие подобные слухи, являются врагами селянства. Вожди восставших крестьян в нашем уезде строго придерживаются следующей политической платформы: долой еврейскую власть, долой коммуну и да здравствуют Советы селянских, рабочих и красноармейских депутатов.

В связи с этим приказываю всем волостям и селам организовать революционные комитеты из христиан не коммунистов. Когда только весь уезд будет очищен от еврейских наемников, то сейчас же будет выбран уездный совет на новых началах из беднейших и заслуживающих доверие христиан. Настоящее объявление телефонограммой немедленно передать во все волости и волостям в села. За сокрытие от селян настоящего объявления виновные председатели комитетов понесут строжайшее наказание вплоть до расстрела. Литинский уездный комендант Тищенко“.

В занятом бандитами Литинском районе проводится соответствующая реорганизация власти, сущность которой: „Советы—без коммунистов“.

Схема организации волостных, городских и уездных революционных комитетов.

С падением еврейско-коммунистической власти революционные комитеты до избрания на новых началах Советов истинно крестьянских и рабочих депутатов должны быть сейчас же избраны на следующих новых основаниях:

§ 1

Правом участия в выборах комитетов пользуются все граждане, живущие только своим трудом, крестьянство, рабочие, служащие учреждений и прочие трудящиеся классы.

§ 2

Права участия в выборах не имеют: помещики, капиталисты, спекулянты, торговцы и прочие лица, живущие чужим трудом, и коммунисты, желавшие пожить на чужой счет.

§ 3

Волостные революционные комитеты составляются из выборных представителей от сел не менее одного от каждого села.

§ 4

Городские революционные комитеты избираются населением в таком числе, чтобы на каждую тысячу населения приходилось не больше одного члена.

§ 5

Уездный комитет, дабы быть истинным выразителем воли всего трудящегося населения уезда, составляется из представителей: по одному из волостных и городских революционных комитетов по их избрании.

§ 6

Революционные комитеты (волостные, городские и уездные) избирают из среды себя представителя, его заместителя и секретаря.

§ 7

Уездный Революционный комитет обязан немедленно переизбрать заведывающих отделами: Управления народного хозяйства, юстиции, здравоохранения и пр., потребовав от прежних дела, наряды и деньги с отчетностью.

§ 8

Тот же уездный комитет обязан принять все меры к скорейшему ходу работ по выбору уездного совета крестьянских и рабочих депутатов и созыву сего последнего".

Одновременно с этим провозглашается мобилизация, создаются вооруженные отряды по селам, развертывается агитация за расширение района восстания. Такова типичная обстановка тех дней и „липия" мелких повстанческих банд.

Григорьев спекулировал подобным же образом.

Он хорошо учел настроения широких крестьянских масс, их недоверчивое отношение к лозунгам, идущим к бедноте, но не поддержанным и организацией этой бедноты.

Повсюду его агитаторами распространялись воззвания среди крестьян с провокационными лозунгами коммунизма, а также обещанием крестьянам земли. Воззвания кончались словами: если нет оружия, то возьмите в руки вилы, топоры, колья и идите „вперед".

Перехвачена телеграмма Григорьева к Махно:

„Секретно Роджино почтово-телеграфной конторы Гуляй-Поле через Никополь батько Махно. От комиссаров, чрезвычаек не было житья, коммунисты диктаторствовали, мои войска не выдержали и сами начали бить чрезвычайки и гнать комиссаров. Все мои заявления Раковскому и Антонову кончались обыкновенно присылкой комиссаров; когда их набралось 42 души, когда они меня измучили,—я их просто выгнал вон. Они меня тогда объявили вне закона. Вот я, незаконный атаман, гоню вон из пределов Украины. Пока на всех фронтах мой верх, ко мне присоединилось несколько полков и эскадронов неприятельской кавалерии. Не пора ли вам, батько Махно, сказать веское слово тем, которые вместо власти народа проводят диктатуру отдельной партии. Нр 549 атаман Григорьев, пом. атамана Горбенко, наштаба Бзенко".

Характерно еще следующее полное похвальбы и наглой лжи воззвание Григорьева (от 13 мая):

„Селяне и рабочие. Коммунизм трещит по всем швам. В Москве восстание—рабочие изгнали коммунистов. В Харькове восстание мобилизованных против коммунистов. В Николаеве бьют коммунистов. На всех фронтах коммунисты бегут. На нашу сторону от коммунистов перешло 8 батальонов пехоты и пять эскадронов кавалерии. Нами взяты 11 тяжелых пушек и 27 легких. Взят город Екатеринослав, взяты Кобеляки, взята Золотоноша. Тов. Зеленый идет на Фастов. На всех узловых станциях организовались партизанские отряды из селян и занимают станции. Ленин, Троцкий, Каменев бежали из Москвы и соединились с Раковским, хотят проситься через Кременчуг на Одессу, чтобы удрать той же дорогой, которой удрали—народный душитель—гетман, немцы и французы. Сейчас компания находится на станции Лещиновка в 11 верстах от Кобеляк. Вот тут их последняя коммуна. Кто только сунет свой нос на Украину ,тот уйдет отсюда с разбитым носом. 40-миллионный народ сам знает, как защищать ему право свое. Да здравствует на Украине советская власть! Да здравствуют мозолистые руки трудящихся! Долой насильников! Вся власть Советам—свободно избранным трудовым людям! Скорее избирайте Советы, скорее организуйтесь! На 18—19—20 мая нового стиля созывайте уездный съезд представителей от селян и рабочих Александрийского уезда, который произойдет в здании советского театра г. Александрии. На съезд приглашаются селяне и рабочие волостей, представители на каждые 2 000 человек и кроме того от каждого села по одному представителю, сто и больше дворов, каждый завод присылает на съезд по одному представителю. Если же на заводе больше тысячи—по одному представителю от 1 000 человек; каждый профессиональный союз присылает одного представителя; от войсковых частей присылать от каждого полка и от каждой артиллерийской бригады по два представителя. На этом съезде будет решен вопрос об избрании уездного совета и организации власти уезда. Атаман Григорьев, помощник атамана Верещенко. Наштаба Бзенко“.

Но по мере развития нашего контрнаступления все яснее обнаруживается оголтело контрреволюционная подоплека григорьевского восстания, отбрасываются всякие фиговые листки.

19/V открывается крестьянский съезд Александрийского уезда. На съезде Григорьев долго ведет несвязную речь, полную бахвальства. Он обещает в два дня взять Харьков и угрожает растоптать всякого, „кто осмелится подойти к занятой им территории“. На протест съезда против еврейских погромов Григорьев пожимает плечами:... „Я здесь не причем... ваши сыны“.

Комедия съезда продолжалась три дня. Он решил войти с советскими войсками в мирные переговоры. На это решение съезда Григорьев не ответил и продолжал мятеж.

К вечеру 21/V среди григорьевцев начались брожения. 2-й и 6-й полки отказались драться с советскими войсками, солдаты разбрелись по деревням. 22/V, когда советские войска гнали григорьевцев

от Кременчуга, рабочие взяли в Александрии власть в свои руки: бандиты устроили на окраине погром, убили до 150 человек бедноты. Назначенный комендант города т. Степанов (б. военный комиссар одного из районов Москвы) пытался ликвидировать этот погром, но был убит. Погром продолжался до 3 часов дня. К 4 часам дня подошли советские войска, и Григорьев бежал по направлению к с. Верблюжка.

Черносотенно кулацкий характер григорьевщины нашел особенно яркое проявление в еврейских погромах, этих неизбежных спутниках „атамана". Во всех пунктах, занимаемых григорьевцами, прежде всего вырезывалась еврейская беднота: до 3000 жертв в Елизаветграде, свыше 200 в Кременчуге, 120 в Черкассах, и т. д. и т. д. Эта погромная григорьевская волна, сливаясь с петлюровской, обнаруживала полную социальную их родственность (за Петлюрой счет еврейской крови еще гуще—Проскуров с 3500 убитых, Фельдштин—с 2000 убитых и еще и еще).

Интересны замечания т. Кривошеева (Одесского окрвоенкома), вскрывающие причины влияния Григорьева на крестьян и указывающие меры ограничения и ликвидации этого влияния:

„Григорьев при взятии Одессы развивал демагогию, стремился при всяком удобном случае показать, что он является их защитником и что в центре делается много не так, как этого требуют интересы крестьян.

Много из его отряда принадлежат к жителям местностей, прилегающих к Одессе, Николаеву, Херсону. Это еще усугубило такое отношение, так как все его хвалили, потому что он при этом не забывал своих солдат.

Настроение рабочих исключительно в нашу пользу, крестьяне же были рады приходу советской власти, которую они понимали неполностью.

Когда мне пришлось выехать в Николаев и по пути обратно остановиться в деревне, то я заметил образцовый порядок среди крестьян, а именно: ими на ночь назначались дежурные из села вооруженные, которые проверяли едущих из Николаева в Одессу и обратно. Настроение в Красной армии было прекраснейшее, так как многие деревни почти еженедельно собирали деньги и приносили той или иной части.

Но когда Григорьев, затеяв авантюру, бросил в темные крестьянские массы лозунг: да здравствует социализация земли, а также о том, что нами управляют евреи, то мигом все изменилось, крестьянство стало колебаться, а во многих случаях даже сочувствовать предателю.

Только в тех местах, где григорьевцы занимались своим излюбленным делом—грабежом, только там крестьянство отрезвлялось; но это делалось им только в городах и поэтому борьба была неравномерна и затяжна. Главная же причина—полное отсутствие работников в деревне. Лично я с членом Реввоенсовета фронта т. Щаденко на второй день приезда приказал собрать три волости крестьян, куда и выехал: провели митинг крестьян. Правда, пришлось добрых два часа разъяснять значение коммуны, то, что в нее никого не зовут, и характерно, что эти волости и при григорьевщине остались верными настоящей советской власти. Начатая мобилизация лошадей давала прекраснейшие результаты. Если бы было хотя недостаточно, но

вообще были какие-нибудь силы, которые можно было бы послать в деревню, то ничего подобного случившемуся не произошло бы.

Деревня отрезана совершенно, а агитаторы даже из центра не могут принести пользы, иногда даже вред, так как ничего общего с деревней не имеют. В настоящее время вместо настоящих агитаторов мы посылаем рабочих как на фронт, так и в деревню, выбирая даже не коммунистов, а просто честных товарищей. Положение крестьян Одесского округа далеко лучше, нежели Киевского, так как здесь совершенно не имеет популярности киевская самостийность. Если бы только сюда дали хоть десятка три работников из крестьян, все можно изменить в течение двух месяцев, так как это удалось в губерниях в Великороссии".

Там, где удавалось сколько-нибудь серьезно наладить советскую работу, положение наше было гораздо устойчивее. Тов. Ефимов (член правительственной комиссии по продовольствию) сообщал (3 июня):

„Я выехал 15 апреля с. г. из г. Киева по направлению Помошной, Елизаветграда и Александрии. Настроение крестьян в указанных местностях в то время было довольно благоприятное по отношению к советской власти вообще и в частности коммунистической партии. Войска Григорьева были отпущены в отпуск с определенными директивами и специальными наказами произвести в селах и деревнях агитацию против коммуны и существующего правительства.

Затем я уехал в г. Ананьев, где существовал один ревком. Немедленно мною был созван уездный съезд советов, на каковой явилось около трехсот крестьян с определенным наказом: „Як тилько прийдэтэ в дэревню с коммуною, то навэть нэ вэртайтэсь, бо убьем". Партийных людей среди них почти не было, если не считать двух левых эсеров, которые развели бешеную агитацию против партии коммунистов. На этот съезд я был избран почетным председателем съезда как представитель правительства и после трехчасового доклада по текущему моменту крики „ура" и „да здравствует коммуна" оглашали весь зал. В это время левым эсером, он же военный комиссар города, велась в городе погромная агитация. Узнав об этом, мною было предложено съезду устроить демонстрацию по городу со знаменами и музыкой, которая была принята; в самом городе погромная толпа, выслушав речи, присоединилась к съезду и вынесла порицание организаторам и инициаторам погромной агитации. Съезд после этого прошел довольно деловито. Был избран исполком, куда вошли все коммунисты, и этот уезд до сих пор считается одним из самых надежных уездов Херсонщины. После этого я выехал в район Голта—Бирзула, где появились уже тогда григорьевские агитаторы, распространяя погромные прокламации, и где мною были устроены митинги и лекции рабочим и окружным волостям. Прибыв вновь в Одессу, я застал полное отсутствие политической работы. Политические комиссары в полках сплошь и рядом были люди совершенно неспособные, стоящие далеко от масс; кроме того благодаря широкому антисемитизму евреи-комиссары почти никакого влияния в частях не имели. Я временно принял должность заведывающего политическим отделом 3-й армии и приступил к чистке всех политкомов.

17 Записки о гражданской войне, т. IV

Должен заявить по совести, что кроме меня, Щаденко и Кривошеева, в среде никто активной политической работы не вел, да и никто кроме нас не имел никакого влияния на массу. Херсонский партком и исполком, как только собрался лево-эсеровский крестьянский съезд в Херсоне, который и не думал принять репрессивные меры в отношении коммунистов, вместо того чтобы выступить на съезде и разбить контрреволюцию, и исполком, и партком частью разъехались, частью скрылись, и съезд несколько раз запрашивал Одессу,—где власть. Высылаемые парткомами агитаторы в деревни совершенно непригодны для этой цели и своими разъяснениями только помогают контрреволюции. На-днях я выехал с командующим армией т. Худяковым, в г. Елизаветград, в связи с предполагавшейся изменой Нечехонова, где производили смотр войскам 5-й дивизии. Настроение артиллерии и пехоты было удивительно хорошее, но кавалерия определенно была настроена погромно. После осмотра мною был созван митинг всех частей гарнизона при участии кавалерии, после которого с небывалым энтузиазмом была принята резолюция, осуждающая погромную агитацию. В самой Одессе заговоры контрреволюции раскрываются ежедневно. То, что сделали Щаденко и Кривошеев, безусловно спасло и 3-ю армию, и григорьевский фронт. Карательными отрядами украинских крестьян успокоить ни в коем случае нельзя будет, а необходимо не только поднятием рук, но и на самом деле всех лучших работников вплоть до наркомов бросить в деревни. Если можно, надо было бы декретом партии заменить слово „коммуна“ словом „общество“, чтобы украинская партия носила название: Украинская партия большевиков-общественников. Ефимов“.

Примерно то же отмечал и Киевский окрвоенком.

Мысль ответственных работников нашей армии не могла остановиться только на крутой расправе с бандитами. Но зачастую она «ковыривалась на совсем уж недопустимые, граничащие с контрреволюцией выводы.

Так т. Вишневецкий, комиссар 2-й армии, прикомандированный к штабу П. Дыбенко, докладывал (27 мая):

„Для окончательной ликвидации восстания Григорьева, Зеленого, Казакова и пр. необходимо, кроме посылки воинских частей, принятие других мер, которые устранили бы причины восстаний:

а) Развитие политической работы среди населения, так как оно несомненно сочувственно в большинстве относится к восстающим. Рабочие Елизаветграда встречали наши войска с оружием в руках. Крестьяне обеспечивали Григорьева продовольствием и добровольно приносили ему тысячи пудов хлеба. Желающих вступить в ряды войска Григорьева было столько, что у него нехватало оружия.

Деревни встречали наши отряды ружейным и пулеметным огнем.

б) Несомненное сочувствие населения Григорьеву (по крайней мере на той территории, которая временно принадлежала ему), свидетельствует о том, что выдвинутые им в „Универсале“ лозунги, несмотря на политическую неграмотность, находили отклик у населения, вернее у крестьян-середняков и рабочих, имеющих собственность, каковым является большинство населения этого района.

Главный лозунг Григорьева—долой ЧК—встречает отклик и сочувствие у мелкой буржуазии всей территории Украины. Красная армия, тоже состоящая в большинстве из середняков, определенно присоединяется к этому лозунгу. Случаи разгона ЧК на фронте, как всем известно, бывают очень часты.

Полагаю, что на основании постановления 8-го съезда РКП относительно крестьян-середняков в вопросе о ЧК необходимо сделать следующее: 1) ликвидировать уездные ЧК; 2) отнять у ЧК работу по борьбе со спекуляцией, оставив ей работу только политическую по борьбе с контрреволюцией. Кроме того необходимо переменить назначение ЧК с отъятием от нее работы по борьбе со спекуляцией и обновить ее состав. ЧК в значительной части явно не соответствует своему назначению. Необходимо подтянуть органы советской власти вообще. Недопустимо, когда крестьяне Белоцерковского уезда (район Зеленого) считают коммуну „бараками, куда их намереваются сгонять". Недопустимо, когда екатеринославская ЧК бежит от Григорьева в Белгород"[1].

Григорьевцы, пытаясь опереться на широкие массы крестьянского населения Украины, поддерживали в то же время непосредственную связь со всеми антисоветскими элементами: тут и открытые петлюровцы, и гетманцы, и добровольцы, и польские разведчики, и униатские попы.

Наша разведка сообщала:

„В районе Черкасс григорьевцы находятся под командой многих добровольческих и гетманских офицеров. Относительно крестьян григорьевцы ведут себя неплохо, так как в их рядах масса селян из мест, где они находятся, но евреев вырезывают „с корнем". В среде солдат усиленно распространяются „известия" о поддержке Антанты и о победоносном движении Колчака и поляков. Энергично в пользу Григорьева действуют униаты. Говорят, что Григорьев сейчас входит в контакт с Деникиным и с Колчаком. Имеются денежные знаки Колчака. Настроение в среде солдат поддерживается обещанием огромной добычи, которую возьмут в Киеве. Безалаберщина и всеобщее смятение невероятное: советские, григорьевские так спутаны, что иногда

---

1 Этот документ, правильно подчеркивая необходимость сочетания боевых действий против бандитизма с развернутой политической работой в массах, является недопустимым, политически вредным обобщением фактов, характеризовавших положение того времени. Крестьянство рисуется сплошь антисоветским, рабочие встречают Красную армию с оружием, Красная армия якобы определенно присоединяется к контрреволюционному кулацкому лозунгу ликвидации ЧК; и т. д. При такой концепции будет совершенно непонятен сравнительно быстрый разгром григорьевщины местными украинскими силами и то быстрое разложение григорьевских частей, которое подчеркивает т. Антонов-Овсеенко. Этот документ является ярким показателем того, как анархо-кулацкие контрреволюционные в своей сущности влияния охватывали даже крупнейшие фигуры тогдашнего украинского советского командования—*Ред.*

не разберешь. Переходы от одних к другим—обычная вещь, причем сейчас же спешат заручиться соответствующим удостоверением. В деревнях жители пристают к тем, кто меньше в данный момент обижает. В одном все согласны: бей жидов. И что крайне печально—это слышно и в советских войсках. Униатские священники работают во всю, в пользу Григорьева—явно, а тайно для интересов Польши, на которую указывают, как на освободительницу от беспорядка. Много в уезде поляков, несомненно польских разведчиков".

Итак, от борьбы за Советы, через погромную деятельность, перемежевывающуюся и прикрывающуюся революционными лозунгами, к откровенно антисоветским, контрреволюционным выступлениям в союзе с недавними „врагами"—гетманцами, петлюровцами и поляками—таков путь „атамана" Григорьева, каким он вырисовывался перед нами к моменту подавления григорьевского восстания.

Но мы бы совершили большую ошибку, если бы предположили, что григорьевщина окончательно ликвидирована.

Начальник Особого отдела т. Апетер докладывал (1 июня):

„После разгромов некоторых отрядов григорьевцев почти все главари и примкнувшие к ним офицеры из одесских и иных „добровольческих" отрядов разбежались по Украине и живут по документам, сфабрикованным ими на настоящих бланках и с настоящими печатями своих советских полковых, дивизионных и т. д. штабов и управлений. Кроме того огромная масса бунтовавших солдат с оружием и без него разбежалась по деревням и лесам. В последнее время замечен усиленный поток разного рода беглецов на юго-восток Украины. Усиленно на юге Киевской, Полтавской и Екатеринославской губерний говорят о новом восстании Махно, к которому и бегут григорьевцы. Карательные отряды советской власти иногда действуют немного поспешно и довольно сурово по отношению к крестьянам, главным образом за укрытие у себя „григорьевцев", которых, тоже грозящих и вооруженных, они не могли не принять. Они, крестьяне, между молотом и наковальней. Народ страдает и обезумел от отчаяния и озлобления. Этим пользуются враги и, учитывая довольно значительное участие евреев в делах местной власти, ведут антиеврейскую и попутно антисоветскую агитацию.

Григорьевский бунт не совсем подавлен, а рассосался по всему телу Украины, „загнан внутрь", ибо десятки тысяч (?) разбежавшихся, спрятавшихся, сдавшихся и вновь присоединившихся к советским войскам „григорьевцев", крестьяне, жестоко наказанные, и все они, имеющие руководителей тех же своих начальников, которые теперь скрываются и снова обещают им ставший уже привычным разгул и разбой и кроме того теперь еще и месть, дадут обильный материал для появления множества мелких и более крупных банд.

„Левые эсеры-активисты ведут в деревнях усиленную агитацию в связи с „незалежниками".

Несомненно предстояла еще упорная и решительная борьба с рассеявшимися остатками григорьевских банд, с разными его „отпрыска-

ми",—бандитскими „батьками" и „атаманами", политическое закрепление очищаемых от банд районов, подрыв самых корней григорьевщины, полная ее ликвидация.

Борьба с Григорьевым отвлекала громадное количество наших сил. Из 1-й армии—вся 2-я дивизия, 2 бронепоезда и затем 1-й кавалерийский полк; из 3-ей—5-я дивизия и отдельные части (в общем не менее бригады); из 2-й и Крымской армий—бригада Покуса, 2 кавалерийских полка, 4-й ударный полк, 2 бронепоезда; из резерва фронта—бригада Богунского и два полка пограничной дивизии. Из тыловых частей: Харьковский военный округ дал под Черкассы около 1 000 штыков с пулеметами, под Кременчуг—1 500 штыков, 50 сабель, 4 броневика, 2 орудия, 2 платформы с орудиями. Под Екатеринослав—1 850 штыков, 6 орудий, 2 площадки с орудиями и 2 броневика. Киевский: под Черкассы 1 200 штыков, 4 орудия, бронепоезд им. Дубинина, под Кременчуг—500 штыков, 2 броневика; под Мироновку—Бобринскую 200 штыков, 3 броневика, 2 орудия; к Виннице—350 штыков, 6 пулеметов; в действии также караульные части Винницы (600 штыков, 12 пулеметов, 4 орудия), Черкасс, Звенигородки, Чигирина, Жмеринки, Гайсина, Литина и т. д. (всего свыше 2 000 штыков при пулемете).

Из неукраинских частей против Григорьева действовал (с 19 мая) полк московской ЧК.

По истечении двух недель со дня своего восстания Григорьев был сломлен нашими частями. Борьба с Григорьевым сопровождалась колебаниями в наших частях, иногда весьма значительными, все же эти колебания разрешались в громадном большинстве случаев в пользу советской власти. Лишь 1 эскадрон и 1 батальон из состава 5-й дивизии (Пешехонова) и команда бронепоезда „Черноморец" перешли открыто на сторону Григорьева. Все остальные фронтовые части устояли. Значительно хуже с тыловыми формированиями: во многих случаях они оказались нестойким и в борьбе с бандитизмом и изменили советской власти (Кременчуг, Черкассы, Николаев, морские части Одессы, Черноморский полк в Екатеринославе, некоторые части в Подольской губернии).

Григорьевские части проявили малую устойчивость в поддержке контрреволюционных замыслов „атамана". Помимо двух полков григорьевской дивизии (Крымского и Тилигульского), которые оставались с нами с самого начала, к нам почти целиком перешли после первого же боевого столкновения Верблюжский полк, 2-й Знаменский (в Елизаветграде), 4-й Херсонский (у Золотоноши); устойчивость остальных частей Григорьева тоже быстро расшаталась под ударами Красной армии.

Командукр был в общем прав, утверждая, что „григорьевщина была экзаменом для нас, и экзамен армией выдержан".

Но выдержан... с трудом, с надрывом.

Еще в середине апреля с настроением ряда наших частей было неблагополучно.

В конце апреля, когда многие политработники и местная железнодорожная охрана были высланы против банды, пробиравшейся со сто-

роны Коростышева на соединение с Зеленым, „нежинцы" учинили в Казатине еврейский погром и избили железнодорожных служащих. Командукр, проезжая Казатин (2 мая), приказал собрать 4-й полк и крепко поговорил с красноармейцами. Командиру полка предписал арестовать громил, передать их полковому суду для высшей меры наказания. Реввоентрибуналу армии—проследить.

Как сказано выше, и таращанцы (2-й полк) поколебались благодаря провокации, жертвой которой едва не сделался их „батько". И боевой 6-й, соприкоснувшись с контрреволюционными бандами и городским мещанством, начал явно разлагаться—в середине апреля его части устроили погром в окрестностях Белой церкви. Комполка крутыми мерами прекратил погром.

Под влиянием красноармейцев III батальона Осинского в 8-м полку стало развиваться анархическое и антисемитское настроение. Принятыми мерами брожение прекращено, Осинский бежал.

Много хлопот доставил 9-й полк. Для прочистки он был вызван в Киев.

10-й полк, после расстрела за измену (в начале апреля) его командира, почти развалился.

14-й Миргородский перешел в бою под Шепетовкой на сторону противника и ударил в тыл нашему 5-му полку, спасая этим предательством петлюровцев от окончательного разгрома.

Мало надежны были 1-й и 5-й кавалерийские полки. В пограничной дивизии—неблагополучно: 11-й полк „разлагается под влиянием влившихся пополнений" (ахтырский батальон), настроения в 12-м пограничном полку „неблагоприятны".

Григорьевщина обострила эти болезненные проявления. Все наши части прошли через серьезную „переоценку ценностей", но почти все устояли.

Осложняющим моментом явилось весьма распространенное среди тыловых работников паникерство, неумение подойти к красноармейской массе, а местами и прямое вредительство.

Антисемитское и противочекистское настроение разлилось широко. На бронепоезде „Гром" в отсутствие командира (т. Алексанкина)—некоторое волнение. (Алексанкин немедленно направлен к броневому). Интернациональный полк вдруг замитинговал, под призрачной угрозой какой-то незначительной банды отступил из Мироновки, послал делегацию к Х. Раковскому, требуя отвода в тыл на доформированье. В 22-м полку (у Бердичева) неблагополучно,—9 мая разгромил ЧК и выпустил заключенных. Один (из 9) эшелонов 5-го полка произвел грабежи на ст. Фастов. Распространяются нехорошие слухи и о 6-м полку.

В район Фастова направлен т. Затонский, который сообщал, что сведения о погромах наших частей преувеличены:

„Говорил с командиром полка, смотрел эшелон № 1002, около 800 человек. Ничего страшного. Митинга не было, помешал дождь. Нужна

политическая работа. Разгромили не Ростовскую, а фронтовую, следовавшую эшелоном,—чисто семейная вспышка; дисциплина есть. Еду в Фастов".

Некоторое разложение наблюдается даже в частях и органах ЧК. 14 мая нами арестован и расстрелян председатель ЧК в Фастове.

15 мая в Белой церкви нами же арестована часть сотрудников ЧК, остальные разбежались.

Выше приводились паникерские сообщения о бригаде Богунского, о командире Золотоношского полка Лопаткине. На деле именно последний полк разбил григорьевцев под Золотоношей—Черкассами.

Много неладного—об интернациональном полку (Фекете), как впрочем о всех интернациональных частях. Здесь действовал особый мотив; части эти были сформированы из румын и мадьяров для похода в помощь Венгрии. И когда их направили на наш внутренний фронт, возникли крайнее разочарование и острое недовольство.

Вместе с тем участие интернациональных частей в подавлении кулацких восстаний на Украине крайне будоражило население, разжигая шовинизм. К этому прибавлялся избыток революционной энергии таких командиров, как т. Фекете.

То издает приказ (приведен выше), грозящий расстрелом на месте, без суда, за обнаруженное оружие и уничтожением сел за сокрытие бандитов. То отдает советским властям Винницы следующий ультиматум (на русском и украинском языках):

Приказ № 2 по г. Виннице, копия Исполкому, Губвоенкому, Чрезвычайной комиссии и Городской советской милиции.

„Мною наблюдается усиливающаяся с каждым днем преступная спекуляция и взвинчивание цен на все продукты первой необходимости, что вызывает возмущение красноармейцев, могущее привести к нежелательным результатам.

Объявляю ультиматум Исполкому, Губвоенкому, Чрезвычайной комиссии и Городской советской милиции в самое короткое время принять меры к пресечению в корне преступной спекуляции и взвинчивания цен.

За неисполнение сего моего приказа виновные будут привлекаться к Военнореволюционному трибуналу по всем строгостям осадного положения, а лица, занимающие ответственные должности, будут расстреливаться без суда и следствия. Начальник боевого Винницкого участка Фекете".

Много вздора распространялось про 6-й полк 2-й дивизии. Когда по распоряжению начдива полком уничтожена деревня Германовка (в районе Таращи) за активное содействие бандитизму, то это взволновало даже самого предсовнаркома Х. Раковского.

Волновали Раковского и скверные (совсем неосновательные) слухи о славной боевой Днепровской флотилии. С возмущением обращал он наше внимание между прочим на следующий приказ т. Полуманова:

ПРИКАЗ

Командующего Днепровской военной флотилией по району боевых действий флотилии

№ 329

„В случае появления где-либо агитации и натравления темных масс против матросов Днепровской военной флотилии или распространения в среде их настроений, враждебных рабоче-крестьянской власти или ее работников, как в центре, так и на местах,—уличенные в этом будут немедленно арестовываться и расстреливаться на месте без суда и следствия.

Знайте, темные силы контрреволюции, что матросы много жизни отдали для дела революции, и живые братья их не поддадутся ни на какую вашу выходку и не выпустят из рук оружия до полной победы над вами.

Да здравствует советская власть!

Да здравствует рабоче-крестьянская Красная армия!

Да здравствует Красный флот!

Командующий Днепровской военной флотилией Полупанов.

30 мая 1919 г.“

Из ряда частей—усиленное дезертирство: так, из 3-го полка 1-й дивизии, сформированного из черниговцев, скрылись несколько десятков красноармейцев, образовав грабительские банды в Новгород-северском уезде.

Тревожные сведения о Чигиринском полку (Проскуров-Гусятин)—настроение антисемитское, часть комсостава ведет антисоветскую агитацию; красноармейцы участвуют в грабежах.

Постоянное брожение в 8-м полку (2-й дивизии),—половина полка заражена мародерскими настроениями; однако полк исполняет все оперативные приказы.

Открытые антисоветские действия 20-го полка: в Радомысльском уезде, по распоряжению командира полка Дробенко, арестован ревком м. Иваноков и командир Черниговской роты; в полку—много бандитов, перешедших от Струка. Полк впоследствии пришлось расформировать.

Серьезно и с командиром 1-го кавалерийского полка Гребенко. Конфликт с ним разразился уже после разгрома нами Григорьева. На почве личных счетов с комбриг Крючковским Гребенко перестал исполнять оперативные приказы и 1 июня, внезапно снявшись с позиций, выступил из Староконстантинова. Этот полк насчитывает 950 сабель при пулеметах. Остальные два полка—2-й и 3-й—небоеспособны: в обоих—160 сабель.

На это сообщение командукр отозвался: „Неоднократно приказывалось—убрать Гребенко, выполнить приказ!“

Но командование 1-й армии всячески выгораживало Гребенко, смазывало его проступок, верило клятвам Гребенко.

(Недоверие командукра к Гребенко оправдалось. Впоследствии в

борьбе с деникинцами Гребенко вел себя изменнически и был нами расстрелян.)

Крайне показательна суматоха, поднятая вокруг славного 1-го полка червонного казачества.

В начале григорьевского мятежа полк был вызван нами в Киев для дальнейшего направления к Кременчугу против Григорьева. Полк девятью эшелонами в составе 1200 сабель и двух батарей сосредоточен в Киеве к 16 мая. Прекрасное впечатление на смотру от его боевой выправки. Но бросается в глаза сильная усталость и плохое обмундирование.

Не дав полку отдохнуть, уже 18-го первый эшелон полка направили против Григорьева.

И пошло...

Комполка сообщает (20 мая) из Лубен:

„Неизвестно, какие лица распространяют слухи и ведут агитацию, что 1-й полк червонного казачества по пути своего следования бесчинствует, грабит и на ст. Лубны будто бы произошел бой между нашим полком и чрезвычайкою. Агитаторы, пользуясь телеграфом, остановили пассажирско-товарное движение: чрезвычайка сняла аппараты и возвратила поезда № 77 и 3001, шедшие на ст. Лубны из Ромодана. Прошу срочного расследования и предания суду.

Политком Спасский.

Комполка Богинский".

Телефонограмма т. Лацису (Вучека):

„Обратите внимание и примите немедленно меры к прекращению подлой провокации вокруг полка червонного казачества.

Антонов".

И телеграмма по линии:

„Всем ЗК, исполкомам и ЧК по линии Лубны, Ромодан, Кременчуг, копия комполка червонного казачества.

Первый полк червонного казачества—доблестный и славный, им гордится Красная армия. Всякие слухи о его бесчинствах и т. п. есть подлая провокация. Этот полк никогда и нигде не допускал никакого бесчинства. Примите меры к недопущению провокации, арестовывайте провокаторов и под суд их, как черных предателей. 20 мая".

А паника росла.

Наштаба Наркомвоена получил такое сообщение:

„В Лубнах бунт, тюрьма открыта, арестованные распущены, настроение тревожное. Имущество грабят. Из советских работников никого нет. Что прикажете делать? Дальше оставаться невозможно. Вышлите части для ликвидации мятежа. Я ухожу, теряется связь с Вами. Доношу, по имеющимся

сведениям, в Лубнах стоит часть полка особого назначения, присланная из Киева“.

И в пояснение из Лубен же (21 мая):

„Посланной Антоновым на подкрепление частью в Лубнах устроен погром, разграбление казачества. Нами послана комиссия, которая арестовала виновников погрома, командный состав червонного полка. Сегодня Антонов прислал телеграмму освободить и прекратить дело. Протестуем. Это поощрение бандитизма. Председатель Исполкома Полтавщины Я. *Дробнис*“.

„Доношу, что посланные вами в мое распоряжение 1 500 сабель, дойдя до Лубен четырьмя эшелонами, захватили станцию и город Лубны, обезоружив милицию и ЧК с лозунгом: „Бей жидов и коммунистов“. Для ликвидации мятежа приняты меры. Прошу со стороны Киева через Гребенку выслать надежную часть, дабы не отразилось это на настроении частей фронта.

Командующий группой Егоров“.

Тогда же от червонных казаков из Лубен (21 мая):

„Сего числа отдельными личностями нашего полка были произведены грабежи в г. Лубны, к ним присоединился местный преступный элемент, который разыскивается. Мне с командным составом полка удалось уладить инцидент своими силами и средствами. Бандиты преданы трибуналу полка, причем трое были расстреляны, ведется следствие. Разложения в полку не замечается. К происшедшему отношение солдат отрицательное.

Политком первого полка червонного казачества Спасский“.

И из Полтавы:

„О событиях в Лубнах, после личного разговора с командиром 1-го Червоного полка, сообщаю: беспорядок в настоящее время окончательно ликвидирован, все произошло по вине местных властей, посеявших панику, и командного состава, не принявшего сразу должных мер противодействия. Приняты энергичные меры к восстановлению боеспособности и дисциплины полка, а также к аресту всех участников беспорядков.

Командвойск Полтавской группой Егоров“.

И командукр „крыл“:

„Полтава председателю исполкома Дробнису, копия предсовобороны Раковскому.

На НР 3357. Зря клеплете на меня. Моя телеграмма послана до известия о Лубнской истории, вызвана сообщением о провокационных слухах, распространяемых о первом полку Червонного казачества, и вовсе не заключает требования освободить бандитов. Сообщения же о Лубянской истории от комвойск Егорова гласят: все произошло по вине местных властей, посеявших панику, и командного состава, не принявшего сразу должных мер противодей-

ствия. Приняты энергичные меры к восстановлению боеспособности, дисциплины полка, а также к аресту всех участников беспорядков. Политком полка т. Спасский сообщает, что сам полк расправился с провокаторами-бандитами. Уездвоенком также сообщает: порядок восстановлен усилиями самого полка. Зачинщики расстреляны, дознание ведется. Так что и на полк клеплете зря. Надлежало бы меньше нервничать и не поддаваться провокации. Первый полк Червоного казачества существует полтора года. Никогда еще не опозорил себя бандитскими поступками, всегда сам справлялся внутренними силами с проникавшими в его среду провокаторами".

23 мая полк проследовал на Кременчуг. Но провокационная работа не прекращалась. Командование полка нервничало.

„Все время передвижения—Киев, Новая Прага, разные командующие грозят нам сугубыми наказаниями. Сообщаем вам для сведения копию нашего ответа на одну из таких грозных телеграмм: „Первый червонный полк уже 18 месяцев сражается на всех фронтах не из-за боязни наказаний, а считаясь с требованиями революции. За все время полк истрепан и устал сугубо. Об этом послана телеграмма правительству и комфронту. До получения ответа грузиться не будем. Ждем срочного телеграфного ответа на наше ходатайство, изложенное во вчерашней телеграмме.

Вридкомполк Бочинский, помкомполк Туровский, комбатр Горный, Медянский, Полевой, Зюк, политком Спасский".

А грузиться полку указано для направления в Донбасс. Но полк запросил отдыха. Основой брожения в нем явилось недовольство эскадрона из мадьяр, требовавших отправки против румын.

Пришлось экстренно вызвать в полк его командира т. Примакова, бывшего в отпуску.

Вместе с тем командукр телеграфировал:

„Командиру полка червонного казачества Бочинскому. Оперативный приказ должен быть выполнен независимо от Вашего возмущения незаслуженными угрозами. Вы больше, чем жизнью,—вы честью своей отвечаете за его выполнение. Недопустимы угрозы в отношении полка, до сих пор бывшего образцовым. Но недопустимо постыдно не исполнять приказ. Воодушевите полк, не заставьте Красную армию Украины краснеть за вас. Вы утомлены, вы устали, но в таком положении все наши лучшие части, лишь враг наш не знает устали. Жду извещения, что полк весь, как один человек, выполняет приказ, покрывая себя и своих командиров новой неувядаемой славой. Слава вечная, слава героям. Позор малодушным, смерть предателям. 30 мая НР 1293/д".

Комполка отвечал:

„Полк приветствует командующего армиями Украины. Приказ будет выполнен".

И приказ был выполнен, хотя и с величайшим недовольством.

Этот „эпизод“ с одним из лучших наших полков очень характерен для тыловой паники тех дней.

Большая „буза“ с 9-м полком. На фронте, в апреле, полк отличался неисполнением оперативных приказов. 21 апреля комполка Богацкий во главе делегации от полка заявил, что полк не пойдет в наступление (от ст. Горбаши и м. Чернигов к северу), пока не получит денег и обмундирования. Комбригады Шкуть велел прежде всего безоговорочно исполнить приказ. Приказ выполнен не был. 22-го вновь прибывшая делегация от полка была арестована, вместо Богацкого направлен комполка т. Дуда. Но полк не признавал нового командира.

Командование 1-й с этим примирилось...

В конце апреля полк стоял на ст. Тетерев, красноармейцы безнаказанно бесчинствовали—грабили, избивали пассажиров, убили нескольких евреев.

В мае решено вызвать полк в Киев для чистки и влития в 5-ю внеочередную дивизию, предназначенную для Донбасса. Командукр распоряжался о встрече 9-го полка в Фастове (начдив 2):

„К вам прибывает 9-й полк—голодный, плохо обмундированный, приготовьте политработников, белья, баню, встретьте полк хорошо, полк настроился плохо из-за голодухи. Не допустите провокаций“.

Ответ:

„К полку отнесусь с должным вниманием. Белья и обслуживания в районе Фастова не имеется, первая армия на мой запрос отказала в выдаче. Денег в полевом штабе также нет“.

Командукр: „Все необходимое будет послано для полка Фастов. Деньги 8 млн. будут отправлены телеграфно вам. Старайтесь по мере возможности удовлетворить полк до прибытия необходимым. Полк отправится с поста Волынь ночью—эшелонов всего 3. У них довольствия всего на один день, больше нет“.

В Фастове 9-й полк пробыл всего день, снабдить его всем необходимым не удалось.

19 мая—полк в Киеве в Луцких казармах.

26-го он должен быть направлен в Донбасс.

Командукр (19 мая) указывал начальнику политотдела фронта т. Басову, что на него лично падает ответственность за политработу в полку (рекомендовалось использовать тт. Мещерякова и Пятакова).

„Каждый день в полку должно быть собеседование. Следует разъяснить наше отношение к коммуне и среднему крестьянству, обрисовать работу рабоче-крестьянского правительства и систематически исподволь бороться с антисемитским настроением“.

Наркомвоен мы указывали на необходимость „перевоспитать полк и улучшить его состав“; для этого прежде всего безотлагательно направить в полк на пополнение до 300 рабочих.

Но Наркомвоен имел свои виды, и на повторное указание о посылке рабочих в полк отвечал (22 мая).

„9-й полк временно не может пополняться—его должно оздоров-

ливать другими путями. Полк не менее 10 дней должен оставаться в Киеве для обработки. Прошу дать распоряжение о переводе его на десять дней в мое распоряжение".

Еще до передачи 9-го полка в распоряжение Наркомвоен в полку намечалось некоторое оздоровление.

Каждодневно в полку велись представителями политотдела фронта собеседования; они проходили вполне благополучно,—красноармейцы видимо удовлетворялись даваемыми разъяснениями на обычные вопросы—о коммуне, о продполитике, о ЧК.

Но 20 мая командукру пришлось отдать следующее распоряжение:

Командиру 9-го полка т. Богацкому.

„Красноармейцы вашего полка позволяют себе срывать красноармейский значок—красную звезду с проходящих красноармейцев других частей.

Немедленно отдайте в приказе по полку, копию приказа пришлите мне, что подобное действие преступно пред делом рабочих и крестьян.

Красноармейские звезды—это знак союза рабочих и крестьян в борьбе за их освобождение. Подлые провокаторы те, которые ведут агитацию против этого знака. Их надо уничтожать на ряду с другими бандитами. Держите в руках полк, т. Богацкий.

Командующий всеми вооруженными силами Украины Антонов, член Реввоенсовета Савицкий".

Богацкий распоряжение выполнил,—отдал требуемый приказ, дословно повторив выражения командукра.

Но вскоре обнаружилось, что в частях Киевского гарнизона идет подпольная агитация за предъявление сообща требования созыва „всефронтового съезда" под антисемитскими и античекистскими лозунгами. Эта агитация в конце концов стала проводиться вполне открыто.

25 мая во дворе казарм 2-го полка Особого назначения состоялся митинг с участием 9-го полка во главе с командиром Богацким, представителей 30-го полка и нескольких человек 1-го запасного полка. Красноармейцы 9-го полка явились в полном составе с винтовками и с тремя пулеметами. Богацкий и другие выступили с открыто погромными речами, агитацией против ЧК. Масса собравшихся отнеслась к этому сочувственно, постановлено созвать совещание для обсуждения вопросов „борьбы с чрезвычайкой и еврейским засильем".

Наркомвоену становилось после этого ясным, что невозможно ограничиться одной политической агитацией. Следовало устранить комполка Богацкого, а полк расформировать.

К этому времени произведена была инспекция в 9-м полку. Установлено: по списку в полку 2 298 (из них больных 367), налицо 1 663 человека; при полку 42 пулемета и батарея в 3 орудия; комсостав (все называют себя „большевиками") по своей подготовке явно не соответствует своему назначению. Красноармейцы-добровольцы, преимущественно из Курской и Харьковской губерний. Видно

желание придать полку надлежащий строевой вид. Нехватает шинелей, белья лишь по одной смене, очень плохо с продовольствием,— иногда сидят целый день без хлеба, не варят каши из-за недостатка крупы; врачей нет, медикаментов мало. В полку преобладает антисемитское настроение... Политкомом назначен т. Шестаков, уже полку известный и очень популярный. Он надеется все наладить в кратчайший срок.

Но „все уладить" не удалось.

10 июля т. Пуке, начоперод Киевского окрвоенкома, докладывал:

„Спровоцированное командным составом и бандитской частью выступление 9-го стрелкового полка против советской власти, начавшееся в 14 часов 9 июня, после провокационно созванного командным составом митинга во главе с командиром полка Богацким, к 10 часам 10 июня энергичными мерами без особых жертв (с нашей стороны 2 раненых, у противника 3) ликвидировано и 9-й стрелковый полк, численностью 1 500 человек, после отклонения предъявленного ему в 9 часов 10 июня ультимативного требования—положить в течение пяти минут оружие и выдать провокаторов и преступников и выпуска нескольких орудийных залпов—разоружен и временно, до изъятия преступников против советской власти, арестован вместе с командным составом и командиром полка Богацким, которые допрашиваются, и ведется следствие Особым военнореволюционным трибуналом при окрвоенкоме.

Ликвидация преступной антисоветской авантюры 9-го стрелкового полка, несмотря на праздник, когда военнослужащие расходятся, произошла быстро и успешно, главным образом благодаря исключительной энергии и решительности красноармейцев частей гарнизона и его красного командного состава. Все угрозы и провокационные выходки бандитов, направленные против наших осаждающих частей, не имели успеха, и агитаторы их тотчас арестовывались, а на угрозы бандитов наши части ответили тем, что все теснее сжимали кольцо и вечером можно было быстрым натиском ликвидировать все, и только распоряжение Наркомвоен, вызванное желанием дать 9-му полку время образумиться и без сопротивления сдать оружие, что не имело успеха, отсрочило это до утра, когда наши молодцы быстрым натиском ворвались в казармы и обезоружили преступников. Красноармейцы были возвращены в свои части и с песнями и с музыкой разошлись. Для охраны 9-го полка и казарм остался 1-й Особого назначения полк".

Брожения в наших частях неудивительны, скорее удивительно то, что они в большинстве случаев не были особенно заострены и что мы с ними справлялись... голой агитацией!

Бытовая обстановка фронтовых частей оставалась ужасающей.

С фронта неслись отчаянные призывы:

Центральному комитету коммунистической партии Украины.

„Наш коммунистический долг заявить вам, что первая армия переживает острый кризис. Деморализация, грабежи, пьянство, антисемитизм приняли колоссальные размеры. Корень зла в полнейшей

организации дела снабжения армии. Красноармейцы голодны, разуты. Бань нет. Белье не сменяется по месяцам. Развиваются эпидемические, жестокие болезни. Красноармейцы обозлены на тыл, который не обеспечивает их семьи. Красная армия разлагается. Если не будут приняты меры к организации снабжения армии материальными, агитаторскими и культурно-просветительными средствами, нас ждет крах. Действовать нужно решительно и энергично. Промедление равносильно подписанию себе смертного приговора. Немедленно пришлите максимум имеющихся у вас политработников. 10 мая. Заместитель начальника политотдела 1-й армии Гозенпуд".

13 мая т. А. Бубнову—Ткалун (уполномоченный Реввоенсовета):

„Нажмите на кого следует, чтобы немедленно доставили для армии деньги, хлеб, белье, сапоги и иное обмундирование. Если это не будет доставлено в кратчайший срок, то мы снимаем с себя всякую ответственность за могущие произойти печальные последствия в армии. Мобилизуйте хотя бы временно человек сто партийных работников в армию, ибо, ввиду отсутствия вышеуказанного снабжения, контрреволюционная сволочь нашла жирную почву для выполнения своих задач.

Вчера проездом Бердичеве 22-й полк во время стоянки вошел в город, окружил чрезвычайку, разоружил охрану, забрал имеющееся там белье, о чем даже оставил расписку. Помимо этого уничтожены документы и расхищены золотые и серебряные вещи. Дело ликвидировано. Жертв не было, отобрано все барахло.

Я и командарм выезжали на место происшествия, где некоторые красноармейцы плакали, показывая нам одетые на них ватные штаны без кальсон, а также снимая грязные, рваные гимнастерки без нижних рубах. Если нет возможности удовлетворить из складов магазинов и мастерских, то пусть догола разденут всю буржуазию и отдадут белье фронту теперь же. Сейчас заканчиваю и ухожу для выяснения дел с прибывшим 8-м полком, который только что, по примеру 22-го полка, оцепил ЧК и все имеющееся разгромил, забрал. Жертв, как сейчас сообщил посланный мною ответственный работник, не было".

Еще документ инспекции политотдела Реввоенсовета:

„Убедившись в критическом положении финансов армии, мы вчера точно телеграфировали вам просьбу о высылке 25 000 000 рублей, ввиду того, что красноармейцы не получали жалованья за февраль и март и отсутствуют продукты, на почве чего в частях беспрерывно происходит волнение. Не будет никакой возможности бороться с нарастающим среди красноармейцев волнением. Вчера 4-й полк прислал за обмундированием своего представителя в Реввоенсовет. В требовании было указано, что 80% красноармейцев совершенно голы, но Реввоенсовет вынужден был отказать. Такие же требования и ответы на них в отношении 7-го и 5-го полков. Относительно продовольствия все части телеграфно и нарочными доносят, что вместо хлеба выдадут полфунта в день крупы. Несмотря на неоднократные требования прислать и снабдить армию про-

довольствием, фуражом, обмундированием, бельем, деньгами, за последний месяц ничего не отпущено из продовольствия и фуража. Прошу принять меры и выслать к 15 мая на недельный срок на армию продовольствия на сорок тысяч человек, фуража на семь тысяч лошадей, денег не менее 10 000 000".

Наконец и Наркомвоен признал положение с довольствием абсолютно нетерпимым и указал начальнику политуправления:

„Первая армия переживает острый кризис. Снабжение армии совершенно дезорганизовано. Красноармейцы голодны, без обуви, без белья, не мыты за отсутствием бань. Свирепствует жестокая эпидемия. Армия деморализована. Среди красноармейцев ропот на тыл о необеспеченности их семей. Необходимы экстренные меры для снабжения армии материальными, агитаторскими и культурно-просветительными средствами. Необходимо двинуть максимум политработников в армию. Войти в соглашение с политотделом фронта и ЦК партии. Донести мне. Наркомвоен Подвойский".

16 мая в 21 час командарм 1 говорит, что „положение критическое", политкомы не могут показаться в частях; будь продовольствие, Петлюры бы не было", „продвопрос погрознее, чем григорьевщина" и т. д.

Командукр распорядился решительно:

„Бердичев Мацилецкому:

Сообщите, где есть хлеб на колесах, и заберите половину его в счет необходимого для вас. В Гайсинском уезде таковой хлеб должен быть. Действуйте за моей личной ответственностью".

В таком же отчаянном тоне были и обращения из 3-й армии (Одессы):

„Армия остается такою же раздетой, разутой, голодной, как и до взятия Одессы, благодаря деятельности т. Рузера и других. Необходимые продукты, вместо того чтобы отпускать в первую очередь армии, разрешают вывозить Центросоюзу, потребительским обществам и др. Вывезли всю обувь, оставив всю армию босой, почему происходит брожение, полки приходится отправлять на позицию разутыми и раздетыми. Если так будет продолжаться, то, заявляю, мы создадим не одного Григорьева, а десятки. Мною сделано распоряжение: без моего разрешения не вывозить ничего необходимого для армии, так как Рузеру доверять больше не могу".

„Фронт" дрался с „тылом" за очередь в снабжении:

В Наркомвоен Украины:

„Находим совершенно неприемлемым издание распоряжений, касающихся порядка снабжения действующей армии без предварительного сговора с Реввоенсоветом фронта.

Лишение действующей армии снабжения является актом антигосударственным и содействующим разложению армии.

Надлежит немедленно восстановить приказ о снабжении в первую очередь частей, действующих на фронте. Командующий всеми вооруженными силами Украины Антонов, член Реввоенсовета Бубнов".

Командукр нервничал:

„Предсовобороны Раковскому:

Вот одна из десятков телеграмм одинакового содержания, полученных мною за последние дни: „Комфронт Антонову: положение серьезное, отлагательства не терпит, солдаты волнуются, начинаются грабежи, давайте скорее хлеба, иначе вспыхнет голодный бунт. Прошу ответа № 1123. Начдив 1 Шорс, начснабдив 1 Тищенко, политкомдив Исакович, военком Гольдштейн“. Два месяца тому назад я заявил, что мы входим в голодный район, где армия будет нуждаться во всем. До сих пор реально продовольствия нам не дано. Надо дать нагруженного хлеба, а не обещать мелитопольский хлеб. Вместо помощи армии я слышу только нападки на ее недисциплинированность. В этих условиях я лишен возможности держать части в подчинении и выдвигаю обвинение против наркомпрода и снабарм в содействии разложению армии. Если в течение двух суток положение не изменится, подаю в отставку (17 мая)“.

Положение конечно в два дня не изменилось. И командукр в отставку конечно не подал.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Наш ультиматум сковывает румын. Советская Венгрия одерживает победы. Ультиматум Клемансо. Наши демонстрации в Бессарабии. На фронте 1-й армии поляки наблюдают и нацеливаются. Мы тесним Петлюру и договариваемся с галичанами. Петлюра переходит в наступление. Наш контрманевр

Перед нашей еще не вполне сформированной, плохо снабженной, распатанной в борьбе с внешним и внутренним врагом армией стоял ряд задач исключительного значения и в числе важнейших— помощь Красной Венгрии.

Вспомним, что 3 мая Венгрия предложила Румынии мир, но что последняя ответила совершенно неприемлемыми требованиями полного разоружения и передачи всех крепостей и всей территории до р. Тиссы в полное ее (Румынии) владение.

Удовлетворение этих требований было бы равносильно полной капитуляции. Они были венгерским советским правительством отвергнуты и борьба продолжалась.

На смену руководимой с.-д. и распавшейся, при первом натиске румын „Красной армии" советское правительство Венгрии выдвинуло наспех сорганизованные рабочие батальоны, и наступление румын было приостановлено[1].

К 3 мая венгры держат фронт на линии р. Тиссы. Челнок в руках румын. 6 мая официальное румынское сообщение признает неудачу наступления румын (за р. Тиссу).

Сдержав напор румын, венгерская Красная армия обернулась против чехов, вторгнувшихся вместе с румынской армией в Венгрию. 11 мая чехи были выбиты из Карапче и потеряли 4 пулемета. В районе Мискольчер и Эгер венгры заняли ряд селений; захватили два пулемета и 27 вагонов угля.

12-го утром чехи отступили на Фюлек и Лестиц, но под натиском венгров вынуждены были поспешно оставить и эти пункты. 12-го правый фланг венгров достиг Фюлекнюспоя.

13 мая венгерские полки—46-й, 101-й и 53-й при поддержке артиллерии, продолжая наступать к северу от Сальчо Тарьяна, заняли прежние позиции венгерской армии, вдоль р. Иноли, между Фюлек и

---

[1] Конечно здесь сказалось и действие нашего ультиматума, предъявленного Румынии 1 мая.—*А. О.*

Сексени. Но к северу от Эгера венгры были оттеснены чехами на прежние позиции.

К 15 мая чехи силами до 100 000 занимают фронт по границе Теренгинской, Кометара(?), пересекая Дунай восточнее г. Коморна (штаб чешских войск Кошицы). Румынский фронт—западнее г. Дебричина. Югославы не наступают, так как спорят с союзниками из-за Фиуме.

Положение к началу мая рисуется в следующем письме (неизвестного товарища из Будапешта):

„Если вы можете иметь на Румынском фронте хоть маленькое завоевание, хоть маленькую акцию, если вы сможете перейти через Днестр хоть на 3 дня, а потом обратно, то паника будет громадная.

В Германии настроение рабочих революционное, но там страшный голод, потому что господствовала белогвардейская офицерская армия. После подавления баварской диктатуры положение ухудшилось. Там были ужасные зверства, русские все без исключения были замучены (был русский батальон, который воевал в германской форме в Мюнхене, Нюренберге и других городах). Теперь в рабочей одежде по Мюнхену совершенно нельзя итти. Там положение было такое, что или должна была господствовать белогвардейская шайка или рабочие должны были взять в свои руки власть. Они соединились с независимцами, которых в правительстве было большинство, и которые со временем совсем их вытеснили. Ни одного серьезного декрета не было, так что в Мюнхене рабочие ничего не получили. В общем в Мюнхене уничтожили несколько тысяч человек.

Во Франции 1 мая были довольно значительные кровавые столкновения, в Лионе была всеобщая забастовка; в Италии идет рабочее движение.

Железные дороги не расстроены. Железнодорожники не саботируют. В общем диктатура у нас железная, железнее чем в России, Бела-Кун не мягкий человек.

Рабочие сами руководили набором Красной армии и заявили, что в рабочих батальонах не нужны политические комиссары; там каждый рабочий—политический комиссар. Настроение среди них энтузиастичное, мы мобилизуем до 45 лет, а приходят старики и просят разрешения поступить в армию. На Буковинском фронте можно с 15 000 человек в течение 15 дней устроить связь с Россией, расстояние приблизительно 300—350 верст. Есть сведения, что через Триест отправляются 4—5 французских и 1 английская дивизии, но это неточно.

Здесь стоит 9-я Сербская дивизия. Сербы продавали 1 мортиру за 3 млн. рублей, продают они минометы и прочее имущество; был случай, когда перешла полная рота. Эту дивизию сменила особая кавалерийская дивизия, но в первую же ночь пришли представители сербов и, показав членские профессиональные билеты, заверили, что они хорошие люди.

С французами боев нет никаких и активности не проявлялось. Австрийцы организовали патриотическую бригаду из офицеров, чтобы, как они говорили, занять Восточную Венгрию. Но все же на этом фронте мы ничего не боимся, хотя там стоит только один полк.

Бела-Кун переговорил с Шробаном (сербский военный министр), и он сказал, что наступать не будет через Дунай (к тому же там положение географическое крайне неудобное). Главная наша опасность—это юг. Чешские войска деморализованы. Румыны же на занятие территории должны иметь много сил, а сил мало, армия дезорганизована, хоть дисциплина есть,—офицеры держат крепко солдат. У населения отнимают все, что имеется; буржуазия за одно с румынами, крестьяне—против, но повстанческого пыла нет.

Наша сила—2 дивизии в Кечкеше, 1 в Цергинте, 2 дивизии чисто рабочая и одна из солдат; стоят также 2 русских батальона и сражаются очень хорошо. Мы ждем, что французы будут наступать на нас. Были даже сведения, что они будут наступать 19—20 мая; если они не будут наступать, то мы будем. Венгерцы только на наступление, на отступление—не пойдут.

Быстрота формирования нашей Красной армии объясняется как энтузиазмом рабочих, так и тем, что все внимание наше обращено на военное дело и в каждой части находится народный комиссар...

Все идет, по русскому примеру, без ошибок.

Винтовок приблизительно 150 000 с теми, которые на руках. Дивизия образуется в 2 недели. Начальником дивизии или корпуса является или народный комиссар или из самих партийных работников. Есть несколько честных офицеров, которые с нами работают.

Для наступления вам надо иметь одну хорошую дивизию, для резерва можно иметь какую-нибудь часть, мы же будем наступать со своей стороны. Когда объявили войну Румынии, у них была громадная паника, и, когда мы еще не хотели верить, их части уже все знали, никто из них не хочет итти в Бессарабию".

Венгерские рабочие проявляли большое воодушевление. Рудокопы и сталелитейщики Сальго Тарьяна больше недели сражались против чехов, пока не подошла (к 11 мая) 6-я дивизия Красной армии, отбросившая противника.

К 22 мая венгерская Красная армия одержала блистательную победу над чехами. Город Мискольц отбит, захвачено 35 пулеметов, 300 пленных. Севернее Солнока 1-й Будапештский полк, перейдя Тиссу, отбил несколько румынских атак, захватил 4 пулемета и пленных. Попытки румын перейти Тиссу у Кискоре не удались.

23 мая чехи, подтянув резервы, перешли в контрнаступление у Мискольца, но были отбиты, потеряли много пленных, 2 орудия и 12 пулеметов.

25-го румыны под натиском Красной армии отступают в беспорядке в направлении к Сошетпетер, Шикло—Тиссацук. 74-й Семиградский румынский полк целиком уничтожен.

Прибывший (к 26 мая) в Москву (вылетел из Будапешта должно быть 24 мая) наркомвоен Советской Венгрии т. Тибор Самуэли сообщил:

„На наших фронтах в настоящее время Красная армия обезопасила себя от тех многочисленных угроз и козней, которые пытались создать союзники. Сами рабочие выдвинули вопрос о мобилизации про-

летариата, и нам пришлось волю венгерского пролетариата, возмущенного предательским нападением, только зафиксировать. Весь пролетариат Будапешта как один человек поднялся на защиту Советской Венгрии. На чехо-словацком фронте мы отвоевали значительные пространства и дезорганизовали чехо-словацкие войска. Они бегут и в некоторых местах даже не принимают боя. На румынском фронте положение без перемен. Румынские войска попрежнему стоят у р. Тиссы, не проявляя никакой активности. У нас имеются сведения, что они производят перегруппировку и что часть войск уведена в Бессарабию. Военные операции Украинской советской армии вызвали большую панику среди румын. Они с тревогой следят за развивающимися событиями и боятся, что их армия в один прекрасный день окажется неспособной не только к агрессивным операциям, но и к защите румынских бояр. С Южного фронта поступают сведения об усиленной деятельности союзников. Они собирают французские и английские войска, главным образом „дикие бригады". Намерения их нам неизвестны. Зато на Сербском фронте мы достигли больших успехов. Сербы с нами не воюют, а братаются. Целыми ротами во главе с офицерами переходят на нашу сторону. Дезорганизация и развал сербской армии достигли таких размеров, что сербское правительство вынуждено было расформировать целую дивизию. Сербские солдаты продают нам свои винтовки и пулеметы. Был случай, когда сербы предложили нам купить у них стоящий на Дунае монитор".

26 мая венгры продолжали продвигаться к югу от Мискольца. (У венгров против чехов 98 батальонов пехоты, 70 пулеметных рот, 80 батарей).

Чешская армия отступала деморализованная.

9 июня в Чехо-Словакии была объявлена всеобщая мобилизация для борьбы с венграми.

Перспектива разгрома „верных чехов" заставила забеспокоиться самого „тигра":

„Париж, 7/VI, 22 часа. Передать всеми путями в Будапешт. Крайне срочно. В первую очередь венгерскому правительству в Будапеште. Союзники и ассоциированное правительство намереваются в ближайшем будущем пригласить представителей венгерского правительства в Париж, чтобы сообщить последним, как они смотрят на вопрос о справедливых границах Венгрии. Как раз в этот момент венгерцы совершают против чехо-словаков ничем неоправдываемые энергичные наступления и вторгаются в Словакию. Однако союзники и ассоциированное правительство уже проявили свою твердую волю положить конец всем ненужным военным действиям, два раза приостановили наступление румынских армий, перешедших вначале линию, указанную перемирием, а затем линию нейтральной зоны, помешали им продолжать свой путь на Будапешт и приостановили наступление сербских и французских войск на Южном фронте Венгрии. При этих условиях будапештское правительство формально приглашается безотлагательно положить конец нападениям на чехо-

словаков. В противном случае союзники и ассоциированное правительство имеют твердое решение немедленно прибегнуть к крайним мерам, чтобы принудить Венгрию приостановить военные действия и сообразовать с непреклонною волею союзников беспрекословно осуществлять свои постановления. Ответ на эту телеграмму должен был дан в течение 48 часов. Клемансо—председателю мирной конференции".

На это последовал ответ советского правительства Венгрии:

„Будапешт 10/VI. Бела-Кун.

Прошу передать главе французской миссии следующую телеграмму: „Намерения союзных правительств пригласить Венгрию на Парижскую конференцию с удовольствием приняты к сведению правительством Венгерской советской республики. Венгерская советская республика не питает ни к какому народу мира враждебных намерений. Она желает находиться со всеми в дружбе и мире, тем более, что она придерживается принципа (пропуск)... территориальной неприкосновенности. У Венгерской советской республики не было никакого намерения произвести нападение на Чехо-словацкую республику и она не нападала на нее. Она желала и желает жить в дружбе и мире с этим народом... Они нарушили заключенную 13/XI военную конвенцию, вторглись в область Венгерской советской республики, стремясь задушить ее, только после чего мы, в виде крайней необходимости, были принуждены взяться за оружие. Мы с радостью принимаем к сведению, что союзные государства предложили Чехо-словацкой республике, Румынскому и Югославскому королевствам прекратить наступление, но тем не менее мы вынуждены указать, что названные государства не выполнили распоряжения союзников. Их наступление приостановлено лишь нашим контрнаступлением, но все их войска еще и по сейчас находятся по ту сторону демаркационной линии, установленной конвенцией, заключенной 15/XI. Правительство Венгерской советской республики не раз выражало свою готовность прекратить враждебные действия против этих государств, чтобы избежать невинного кровопролития (пропуск)... Правительство Венгерской советской республики готово заключить справедливо и прочно мир между народами для достижения взаимного согласия и для прекращения кровопролития".

Конечно сладкие речи лютого Клемансо были вызваны стремлением оттянуть время и дать союзникам оправиться, организоваться для отпора надвигавшейся с востока „большевистской опасности", опасности, уже проникающей в слабый организм вновь образованных государств. И Чехо-Словакия и Югославия не были в состоянии вести новую захватническую войну, Румыния же была охвачена паникой перед угрозой нападения Красной украинской армии.

Наступление венгров между тем развивалось.

9 июня 16-й пехотный военный полк вступил в Родош, к северу от Касса. Преследуя разбитых чехов, венгерская армия минула Сатуральо и Гели. 10 июня венгерская Красная армия заняла Эпернош.

13 июня радиограмма сообщила, что: „Венгерская Красная ар-

мия заняла города—Росны, Тиссокольц, Бартфу и Киссельбен. К северу от Цолнош чехи оказывают успешное сопротивление".

14 июня венгры успешно отражают повторные атаки чехов у Мадьярсельджана и к западу от Леви; к западу от Эперьса противник сбит с укрепленных позиций. У Кишкора отбиты попытки румын перейти р. Тиссу.

15 июня появляется новый враг: поляки перешли границу Венгрии в округах Арве и Зине.

17 июня Бела-Кун обратился к Масарику, президенту Чехо-словацкой республики с предложением прислать уполномоченных для выработки мер к отводу войск за указанную Клемансо линию. Венгерское советское правительство, говорилось в этом обращении, пошло навстречу предложению держав и отдало уже своим войскам приказ приостановить наступление.

* * *

Таково было положение на фронтах Советской Венгрии.

Положение в высшей степени благоприятное для нашего наступления.

Но мы пока что действовали угрозами и речами.

1 мая мы предъявили ультиматум Румынии, требуя очищения Бессарабии и Буковины. 4 мая на заседании Всеукраинского ЦИК мы торжественно обещали Советской Венгрии вооруженную помощь.

10 мая Х. Раковскому пришлось, обращаясь к войскам изменника Григорьева, напоминать о наших торжественных обязательствах, говорить о кровной связи Советской Украины и Советской Венгрии,— говорить, обращаясь к войскам изменника Григорьева.

Бунт Григорьева сорвал уже вполне подготовленную военную операцию против Румынии.

И все же украинское советское командование не отказалось от поставленной себе цели.

Громя бандитские шайки, выделяя посильную помощь Донбассу, украинское красное командование усиленно подготовляло специальные части—бессарабскую и интернациональную дивизии—для похода в помощь Советской Венгрии.

Командукр сообщал Ленину, что рассчитывает не только справиться с бандитскими выступлениями и выполнить все требования главкома для Южного фронта, но и осуществить поход против Румынии при условии заключения мира с Польшей и Галицией.

Но несмотря на срыв намеченных переговоров о мире мы продолжали все же подготовку к действиям против румын.

Усиленно проводившаяся нами разведка установила совершенно точно дислокацию неприятельских войск в оккупированной Бессарабии.

Приостановка наступления на Венгерском фронте дала возможность румынам перебросить сюда часть своих сил.

К 14 мая в Бессарабии еще оставались французские войска—в Аккермане кроме 300 румын—1 500 зуавов при 6 легких орудиях; вдоль Аккерманского побережья до кордона Бурнасский расставлены 10—12 орудий; в районе

Бендер—части 10-й пехотной дивизии; в районе Вилков—Килия-Измаил—части 33-го пехотного полка.

Наш разведот числил к 23 мая в Бессарабии:

1. Части 9-й Румынской пехотной дивизии (штаб г. Бельцы), 34-й пехотный полк (Атаки-Неславичи—Окница), 35-й пехотный полк (против Ямполя и Сороки), 40-й пехотный полк (Окница-Бельцы) и 41 пехотный полк (район Хотина по Днестру).

2. Части 7-й Румынской кавалерийской дивизии (штаб—м. Новоселица), 5-й кавалерийский полк (Липканы-Новоселица) и 9-й кавалерийский полк (Хотин). В пехотных полках от 600 до 1 000 штыков, в кавалерийских полках—по 400 сабель.

Артиллерия противника—16 трехдюймовых и 2 шестидюймовых орудия.

3. Ганчешты—35 верст от Кишенева (штаб 2-й Румынской кавалерийской дивизии).

4. В Бендерах—штабы 30-й и 16-й пехотный дивизий французских колониальных войск, основная часть этих двух дивизий—в Кишеневе.

5. В Аккермане—167-й пехотный французский полк, незначительный кавалерийский полк и 2 батареи, польская стрелковая дивизия (1 500 штыков) при одной батарее.

6. В Яссах—польский кавалерийский полк и 216-й французский полк; постепенное сосредоточение румынских войск (к 3 июня до 10 000 пехоты, 1 600 сабель).

К 12 мая наша 5-я дивизия (т. Пешехонов) растянута вдоль Днестра на протяжении 280 верст (от Рыбниц до Маяка).

Большую часть ее пришлось повернуть против Григорьева, как и особый отряд Дмитриева-Воля.

Однако уже 15-го наши части произвели в некоторых местах набеги через Днестр, вызвав панику у румын и восторженные реляции наших газет.

На тревожный запрос главкома командукр пояснил (17 мая):

„Газеты преувеличили. Был набег, предполагался большой маневр, но сорван восстанием Григорьева. От действий против Румынии не отказываюсь. Интернациональные и бессарабские части для этого; патронов мало, еще готовимся".

22 мая наш отряд, форсировав Днестр, подошел на 8 верст к Кишиневу.

Командукр указывал командарм 3 (Одесса):

„Не совсем приятны известия, что вы берете Кишинев. Нужно быть чрезвычайно осторожным. Ведь фактически силы у нас нет, патронов тоже, снабжение слабо, с Григорьевым не кончено. Займитесь лучше усиленно рекогносцировкой и не втягивайтесь в серьезные бои".

29 мая нами взяты Бендеры. Румыны и сенегальцы отступили вглубь Бессарабии; „39-й французский полк отказался выступить против советских войск, французы сдаются".

Но и этот успех развить мы не смогли, ибо реальных сил не было и был запрет ввязываться в серьезные операции.

Вскоре мы вновь отошли за р. Днестр.

Положение складывалось таким образом, что мы, несмотря на наши решительные намерения, вынуждены были в отношении румын ограничиваться пышными декларациями и пустяковыми военными демонстрациями.

К тому времени за спиной Петлюры, с которым 1-я Украинская армия не вполне еще справилась, вырисовывался новый враг—поляки.

К 8 мая на фронте Ковель—Сарны обнаружены поляки. В Ковеле штаб польской дивизии; р. Стоход форсирована в направлении Сарны. Маневичи заняты пехотным полком и 2 эскадронами польской кавалерии.

12 мая поляки заняли ст. Антоновку (к западу от Сарн на линии железной дороги Сарны—Ковель), г. Луцк и ст. Киверцы. В связи с с наступлением поляков петлюровцами очищена железнодорожная линия Олевск—Ровно и бывший в районе Олевска Луцкий пехотный полк переброшен под Ровно в район Тучин. К северо-востоку от Ровно на ст. Александрия и в дд. Шпанок и Городок появились польские части.

К 24 мая в Сарнах выгрузился польский кавалерийский полк, за за ним—эшелоны польской пехоты.

На ст. Олевск—кавалерийский полк (500 сабель), в Домбровицы пехотный полк.

30 мая военком Мозырского уезда сообщал:

„Поляки наступают со стороны ст. Сарны Юго-западной железной дороги по направлению к линии Полесских железных дорог Лунинец—Гомель, имея намерение отрезать железнодорожный узел Лунинец. 29 мая 1919 г. в 16 ч. 30 м. противником занято м. Давид-Городок (кавполк 800 сабель). Противник продвинулся из Давид-Городка вниз по р. Припяти и в данное время в 20—22 верстах выше им. Турова. Бронепароход № 11 в Туровье. У нас 200 штыков без артиллерии и бронепароход № 11. Мозырь не в состоянии дать подкрепления.

Состав нашего отряда в районе Плотница—Давид-Городок: 34-й пехотный полк, 1-я рота 22-го пехотного полка. Офицерский отряд, (250 человек), рабочая дружина из местных крестьян и рабочих и четыре эскадрона. Речная флотилия—6 вооруженных катеров и понтонов.

По правому берегу Припяти противником заняты с. Стахов и ст. Видибор Полесских железных дорог, причем войска, занимающие означенные пункты, соединились с группою войск, оперирующих в Туровском районе. Силы противника значительно превышают наши.

Противник предпринял обходное движение к Озерянскому стратегическому мосту, дабы подойти к линии Полесских железных дорог в районе ст. Лихва и Житковичи (от левого берега р. Припяти 12—18 верст).

В районе Ровно—по занятии нами этого пункта—к концу мая поляки отходят к Луцку, уклоняясь от боя.

К 6 июня получены сведения, что позиция поляков пересекает линию железной дороги Сарны—Ковель у ст. Маневичи. Передовые заставы и постои доходят до р. Стырь. В Маневичах стоит: III ба-

тальон 24-го полка при 14 пулеметах и 8 гаубичных орудиях. Полку приданы кавалерийские части. Полк относится к дивизии Пилсудского. Железнодорожная линия Ровны—Ковель пересекается позицией противника близ ст. Пальча, где находится 1 рота при 8 пулеметах. По шоссе у селения Роддубцы стоит батарея в 4 легких орудия.

В район Ковель—Луцк—Владимир-Волынский прибыл корпус Галлера, в составе 1-й, 2-й и 3-й дивизии.

1/VI в Ковеле находились штабы 1-й, 2-й и 3-й дивизий, 12 легких и тяжелых батарей и 2 танка. Корпус Галлера сформирован из поляков Франции и Америки, хорошо вооружен и одет и отличается большой дисциплинированностью сравнительно с дивизией Пилсудского. Штаб Галлера находится во Владимире-Волынске. 30/V. в Луцк прибыло 2 эшелона в 58 вагонов с американским хлебом.

К 15 июня разведка Днепровской флотилии выяснила, что противник занимает фронт по левому берегу р. Стыри по линии Речица—Гривковичи—Вульвичи и по р. Стубле по линии Особовичи—Поросцы, причем резервы первой линии в селе Конюхи, а второй в с. Лопатино. Штаб противника в с. Чернове и его силы в с. Лемешевичи состоят из бригады пехоты, шести тяжелых и 4 легких орудий; одного кавалерийского полка и саперно-понтонной роты. По линии фронта Речица—Гривковичи—Вульвичи—Особовичи—Поросцы, действует бригада в составе 22-го и 34-го пехотных полков, 3 эскадронов кавалерии, 1-го уланского полка и легкой 4-орудийной батареи.

7 июня нами отбита попытка взрыва Волянского моста. Между станциями „Разъезд реки Припяти"—„Горынь" при последнем налете противника взорван мост через р. Безылянскую.

Поляки пока что избегали боя с нами, ограничиваясь активным наблюдением на закрепленных позициях и сосредоточивая силы против галичан.

Разведка доставила нам и более общие сведения о военной активности Польши.

Поляки заключили секретный договор с румынами и наступают в Галицию, предоставив румынам свободу действия в Буковине. В период с декабря 1918 г. по май 1919 г. между Петлюрой и Польшей, при усердном содействии французов неоднократно велись переговоры о мире. Но поляки проявляли неуступчивость—не соглашались с линией на р. Сане, требуя Львова и всей Восточной Галиции, дабы иметь общую границу с Румынией.

В конце апреля переговоры были перенесены в Париж; французы добивались прекращения борьбы в Галиции, ввиду „большевистской угрозы". Комиссия под председательством ген. Бота предложила компромисс—временно уступить Львов полякам, а индустриально-нефтяные районы Дрогобица и Борислава—украинцам. Но поляки уклонились.

Тем временем в Польшу прибыл корпус Галлера, и польский сейм благословил правительство на наступление в Галицию. Парижу было объяснено, что галичане хотят отдать немцам нефтеносные районы и пропустить большевиков в поддержку Венгрии.

Интересны и следующие сведения, которые мы узнали из перехваченного нами польского письма (письмо было предназначено для секретной информации и доставлено в Киев 25 мая).

„В Париже польские делегаты обратили внимание на слишком благосклонное отношение конференции к украинским делам. Это было сочтено опасным, и польские делегаты добыли от правительства Голубовича документы, явно доказывающие его связь и переговоры с советской властью и намерение его пропустить большевистские войска в Венгрию. Тогда отношения конференции к украинским делам резко изменились. А чтобы доказать свою реальную силу, наши польские войска коротким ударом овладели Луцком, разбив 2 украинские дивизии; причем взяли в плен ген. Осецкого. В то же время Оскилко в тылу петлюровских войск поднял против Петлюры восстание, которое кончилось неудачно, ввиду измены одного отряда Оскилки. Оскилко бежал к нам (полякам) и был нами арестован. В Галиции украинцы разбиты и загнаны в самый дальний угол Восточной Галиции. В связи с этим украинские войска оставили Дубно и Ровно и ушли на юг. После чего эти места были заняты большевиками, которые конечно создали из этого победу, тогда как здесь имели место только стычки с ослабыми разъездами и патрулями польских войск. На Польском фронте нет никаких немцев: это войска ген. Галлера, одетые в форму германского образца. Выехавшая из Киева делегация Польского исполнительного комитета (Едерский, Березовский) была принята ген. Галлером. Им же сообщено, что наступление на Украину решено, но прибывший из Парижа Падеревский привез директивы: крайне осторожно относиться к украинскому вопросу и к возможности оккупации Украины нашими войсками. В Польше призваны на военную службу сроки: 1892, 93 94, 95, 96, 97 и 98 гг.

Все дело формирования армии и ее боевая работа поставлены под наблюдением и контролем французских генералов Боз и др. Из Познани на фронт отправлено несколько „батальонов смерти". В Познани еще 17 мая были небольшие схватки наших (польских) войск с немцами, переходившими демаркационную полосу".

Согласно этому документу, поляки как будто отказываются от наступления вглубь Украины.

Но от нашей польской военной агентуры мы получали сведения совсем иного порядка:

„Мир с немцами подписан. Украинский вопрос не рассматривался, так как было доказано, что правительство Голубовича „провокационно" вело переговоры о пропуске советских войск в Венгрию и о контакте с советской властью. Поэтому никакой Украины нет. С Румынией Польша заключила официально союз и единство фронта. А восточные границы Польши определяются тем, куда дойдет польский меч. Начиная с 28 мая в шесть недель должно окончиться это очищение Украины до Днепра".

Любопытны также донесения польских контрразведчиков, рисующие картину состояния Красной армии и ее тыла. Часть этих донесений, пересы-

лаемых курьерами в Польшу, была перехвачена управлением Особого отдела и приводится нами:

„Восстание не имело успеха, ввиду несогласованности действий. Многие даже не знали о нем; слишком издали начато движение и слишком много об этом движении говорили. Оно не подавлено, а загнано внутрь и рассосалось всюду; в нужный момент оно вскроется, особенно в Киеве (очевидно о восстании в начале апреля).

Материальная часть артиллерии изношена, но люди, особенно старослужащие полевой артиллерии, отлично обучены и имеют хороший вид. И здесь приходится отметить крайне нежелательное явление: офицеры из бывших русских офицеров слишком уж втянулись в работу и действуют больше, чем нужно для пользы большевистских войск. В штабах и артиллерийских управлениях тоже много бывших офицеров, чересчур усердно работающих на большевистскую пользу.

Равным образом и в кавалерии слаб конский состав. Сейчас инспекция кавалерии ведет ревизию состояния кавалерии...

Относительно находящихся в Киеве войск опять приходится отметить, что многие, особенно пехота, очень бодро и воинственно настроены и боеспособны. Но ненависть к евреям очень велика и на этой почве пропаганда идет успленно и сами евреи во многом помогают. Сила их (большевиков) в том, что при соприкосновении с ними всякое другое войско видит ту показную привлекательную большевистскую внешность, которая так заманчива для всякого солдата, на своей спине неиспытавшего, что такое большевизм: вольная воля сражаться или нет, бездельничание, вольность в обращении, распущенность, возможность каждому быть командиром. И, разлагаясь сами, они внешним видом разлагают других. Надо парализовать это влияние.

Настроение общества в Киеве такое: огромное число так называемой буржуазии, утомленное и втянувшееся, особенно из числа так или иначе пристроившихся на службу, боится всяких перемен и даже готово примириться с большевиками. Средний класс (низшая буржуазия), железнодорожники, торговки, прислуга, лавочники, извозчики, официанты, мастеровые (от себя) и большое количество рабочих, настроенных крайне антисоветски и антисемитски. Жители города и окраин: Куреневка, Приорка, Лукриновка, Шулявка, Демиевка, Зверинец—благодарный материал для антисоветской работы. Они ждут всякого, лишь бы он сверг жидов и коммунистов. Оружия у населения масса. Надо учитывать в Киеве множество деятелей украинского самостийного направления. Их работа нам полезна в том отношении, что, озлобляя массы, разочаровавшиеся в украинстве и самостийности, они расшатывают большевиков, кроме того, имея очевидно возможность влиять на верхи большевистской власти, они направляют ее внимание в желаемую для них сторону.

Общее состояние советской власти на Украине таково, что приходится удивляться, на чем она держится. Очевидно будет достаточно энергичного нажима военной силы и умеренного отношения к населению, чтобы свалить на Украине большевиков. Настроение у них подавленное и тревожное“.

Ясно, что такие „обнадеживающие выводы“ подмывали поляков к активности против нас.

Так обстояло дело с новым врагом—поляками.

Петлюра. В начале мая подтвердились сообщения о восстании в Ровно атамана Оскилко и о неудачной его попытке арестовать Петлюру и членов Директории. Петлюра овладел положением. 30 апреля Оскилко бежал к полякам.

К 8 мая штаб Петлюры в Ровно, Петлюра лично—в Здолбуново. Основные силы петлюровцев сосредоточены в районе Ровно.

В этот район стягиваются под давлением поляков и незначительные части петлюровцев из-под Сарн. К 20 мая это сосредоточение закончено.

В Ровно к 8 мая штаб 17-й пехотной дивизии и пять ее полков (4-й Холмский, 49-й Франковский, 51-й Наливайковский, 56-й Немировский и 57-й Гайсинский), разбитых нами под Коростенем. В Ровно еще 2 Брестлитовских и 4 полка неизвестного наименования, формирующиеся из мобилизованных крестьян; в каждом—не более 300 штыков. В общем в Ровно—до 5 000 пехоты.

К 15 мая противник укрепляется на линии Тучина-Гоща и далее по р. Горынь от м. Острог до м. Кунева.

В Гоще—14-й пехотный полк, сдавшийся Петлюре под Шепетовкой, и отряд полтавских добровольцев.

В районе Здолбуново-Оженино—3-я Запорожская бригада из состава корпуса сичевиков.

Ровно эвакуируется. Директория—в Галиции.

К 18 мая в Ровно не более 1 200 штыков и 2 бронепоезда; основные силы на р. Горынь, пытаясь сдержать наше наступление. В Гоще—19-я пехотная дивизия; у Кривина—3-й сичевой и Стародубский полки с 2 бронепоездами.

В бою 21 мая 19-я дивизия нами разбита, 57-й и 6-й Гайсинский ее полки сдались в плен, приведя с собой весь штадив с атаманом Мелиховским во главе; остальные три полка дивизии—51-й Наливайковский, Стрелецкий и 56-й Немировский—отступили к Ровно.

К 20-му на линии Тучин-Гоща 1-я (7) пехотная дивизия в составе 3-го Луцкого (прибывшего из Олевска), 2-го Галицийского и 3-го Брестлитовского полков численностью по 300 штыков и „русская бригада"—1-й и 2-й полки по 200 человек (очевидно последние Петлюровские формирования).

Части 19-й дивизии—от м. Гоща до Вильгоров.

Названные части составляют „северную группу" под командой атамана Мелиховского (брата захваченного в плен начальника дивизии).

Разбитая под Корестенем 17-я пехотная дивизия в составе 4-го Холмского 49-го Франковского и 10-го Липовецкого полков—всего 750 штыков—в движении к Радзивиллову (на переформирование).

Южнее—Здолбуново—Шумск—действует группа атамана Кмета. В ней: 3-й полк сичевиков (700 штыков, 12 пулеметов), 4-й полк сичевиков (600 штыков, 12 пулеметов), Стародубский полк (300 штыков), бригада Беня—1-й железнодорожный полк (320 штыков, 10 пулеметов) и 2-й железнодорожный полк (600 штыков, 12 пулеметов) и 5-я кавалерийская дивизия—47-й Чертомлыновский полк (50 сабель), 28-й Максима Железняка (40 сабель, 8 пулеметов) и 29-й кавалерийский полк (70 сабель, 6 пулеметов). Всего

в группе—2 500 штыков, 160 сабель, 38 пулеметов и 16 орудий (артбригада).

В районе Кременец—Радзивиллов—ударная сичевая группа (250 штыков, 130 сабель, 42 пулемета).

В Кременце—штаб IX корпуса сичевых стрельцов, к которому и принадлежат группа Кмета и ударная группа.

В Радзивилловском направлении—остатки 6. Запорожского корпуса, разгромленного нами в начале апреля под Вапняркой и т. д., бежавшего большей частью через Румынию.

Одна группа частей корпуса (до 900 штыков, 180 сабель, 42 пулемета, 8 орудий) к северу от Кременца; вторая (1 100 штыков, 100 сабель, 13 пулеметов, 12 орудий)—в районе Вишневецк—Збараж.

В Радзивиллове полк им. Божка (900 штыков); в движении от Кременца на Тарнополь 1-й полк сичевиков (900 штыков, 20 пулеметов); в Збараже 2-й полк сичевиков (400 штыков, 8 пулеметов); в Тарнополе—штаб 1-й дивизии сичевиков.

В районе дд. Скорики, Подволочиск и Тарноруда—Станиславский полк (1 000 штыков, 25 пулеметов) и части дивизии Балбачана (1 800 штыков, 200 сабель при 8 трехдюймовках и 15 пулеметах). В Подволочиске, Заднишевке, Пеньковцах по одной легкой батарее, в Молчановке—тяжелая батарея.

Станиславское направление: в районе Гусятина—19-й полк (425 штыков, 8 пулеметов), 20-й пехотный полк (400 штыков, 8 пулеметов) и кавалерийская сотня (75 сабель); в районе Жабница—окопы, отряд гайдамаков (1 550 штыков),—последнее не проверено.

В общем к 24 мая Петлюра, по данным нашей разведки, располагал на фронте 1-й Украинской советской армии—около 18 000 штыков, 800 сабель, при 240 пулеметах, 50 легких, 10 тяжелых орудиях и нескольких (6—8) бронепоездах.

Эти сведения несомненно преувеличены (для некоторых частей вдвое).

Настроение петлюровцев было подавленное. Некоторую боеспособность сохраняли лишь сичевики.

Часть петлюровских сил отвлекалась пассивным сопротивлением польскому наступлению, поведенному, как выше указано, из Ковеля.

В районе Ровно силы Петлюры были подорваны крестьянским восстанием.

О нем сообщалось (к 20 мая):

„В районе Ровно, Здолбуново, Дубно подготовлено повстанческое движение. Центр—деревни Аристово, Пятигорье. Здолбунцы—около 4 000 человек. Другой центр восстаний—с. Дерман, 2 000 человек. Третий район—Дубно. Этими повстанцами около недели тому назад был даже взят Дубно, но вследствие неорганизованности они были разбиты Петлюрой. Состав штаба: матрос Демид Трофимов, матрос Рокунов и прапорщик Мельник. В конце апреля состоялся съезд нелегальных ревкомов в Здолбуново, но был провален провокаторами. Почти все участники съезда расстреляны. Петлюровская контрразведка работает прекрасно. Нами был захвачен курьер, который письмами поддерживал связь между Зеленым и Петлюрой. В петлюров-

... частях полное разложение. В полках осталось в среднем по 150 человек. В Ровно численность гарнизона доходит до 300—400 штыков. В рядах армии противника сильное брожение. Дезертирство в галицийских частях приняло массовый характер".

К 20-м числам мая „наднипрянской" армии Петлюры на деле не существовало.

Запорожский корпус и части юго-западной группы, прижатые нами в начале апреля к Днестру,—как уже выше сказано,—частью сдались нам и большей частью перешли в Румынию, где были разоружены. Румыны отобрали при этом 80 орудий, 700 пулеметов, 15 000 винтовок, 7 млн. патрон, 37 транспортов снарядов и до 140 эшелонов. Жалкие остатки Запорожского корпуса обнаружены к 24 мая в районе Радзивиллова.

Центральная группа Коновальца была размозжена нами в конце марта; сформированная наспех Петлюрой для удара от Коростеня группа атамана Беня разбита богунцами.

Восстание Оскилко, ушедшего затем к полякам, дезорганизовало остатки армии, надорванной в бешеном лобовом ударе на Киев (начало апреля).

Единственная сохранившая боеспособность сила у Петлюры к концу мая—это части сичевиков—галичан. Но корпус сичевских стрелков на деле был сведен к незначительным кадрам. На довольствии сичевского корпуса были (к 20 мая) 6 000 человек. Боевой состав: в 1-м полку 250 штыков, 2-м—250 штыков, 3-м—500 штыков, 4-м—45 штыков, 5-м—90 штыков, 6-м—80 штыков; полевая жандармерия—120 штыков, охранная сотня—100. Всего пехоты—около 1 500 штыков, 520 сабель, 8 батарей, 100 пулеметов, 2 инженерных сотни. Масса больных, до 15% босых.

Мы имели подавляющий перевес сил против Петлюры. Но силы эти были крайне разбросаны и нецелесообразно направлены.

Вот краткий очерк боевых действий 1-й Украинской армии.

К началу мая основными оперативными задачами для 1-й армии, по заданию командукра являлись: уничтожение центральной петлюровской группы (Ровно), выдвижение к прежней австрийской границе и подготовка к прорыву через Галицию на помощь к Красной Венгрии.

Все возрастающие требования центра в связи с неудачами на Южфронте и вспыхнувшее восстание Григорьева крайне сузили боевые возможности 1-й армии.

Пришлось радикально ослабить отдельную кавалерийскую бригаду, повернув лучший из ее полков—полк Червонного казачества—на Южфронт.

Дано было задание—в экстренном порядке вести пополнение 1-й пограничной дивизии и переформировывание остальных частей 1-й армии, дабы возможно было 1-ю Украинскую дивизию снять на Южный фронт, сменив ее пограничниками.

Советом обороны (под воздействием командукра) принято было решение для операций в Бессарабии и в помощь Венгрии использовать

лишь интернациональные и бессарабские части с поправкой „а также части, не могущие быть использованными для других целей“.

Много сил 1-й армии пришлось расходовать на подавление непрестанно вспыхивавших кулацких восстаний.

И одновременно приходилось переорганизовываться.

Тем не менее оперативные действия развивались.

К 10 мая—в направлении на Ровно наши передовые части достигли линии р. Горынь (в 30 верстах к востоку от Ровно).

Ведутся бои у Острога.

К этому времени—командукром был дан 1-й армии следующий приказ:

„Ввиду бегства петлюровцев из района Ровно в Галицию и возможности наступления поляков, вам надлежит: 1) выдвинуть разведку и занять наблюдательным постом ст. Сарны и мост на р. Случ; 2) прочно закрепив свое положение в районе Староконстантинов, Изяслав, Шепетовка, занять, авангардом Ровно—Здолбуново, выслав разведывательные части к линии прежних Брусиловских позиций по р. Горынь и Стубель; 3) повстанцев в Дубно—Здолбуново частью взять в пополнение частей 1-й дивизии, частью отвести для переформирования в тыл; 4) срочно выяснить благоприятны ли наши условия для наступления к Тарнополю и вглубь Галиции. Наступление это не предпринимать до особых указаний“.

Но командарм бросил основные силы в наступление на Волынь, откуда петлюровцы уже начали отход (к югу).

20 мая в Ровенском направлении происходили бои за переправу на р. Горынь.

21 мая—на р. Горынь заняты Тучин и Гоща и на нашу сторону перешли части 19-й дивизии (230 человек при 5 пулеметах), выдав штадив и начдив. Продолжаются упорные бои с наступающим противником у Острога.

23 мая, форсировав р. Горынь, наступаем к г. Ровно, преследуя бегущего противника.

На Кременецком направлении—заняты Катербург, Мизгоринцы и Яхновцы (20 верст юго-западнее Шумска и в 15 верстах юго-восточнее Кременца), захвачены 4 орудия, 30 пулеметов, пленные. Развивая успех, через несколько часов овладели Кременцом, взяв еще 9 пулеметов, пленных и т. д.

24-го ворвались в Ровно, но выбиты огнем бронепоездов.

25-го прочно заняты Ровно и ст. Здолбуново. Огнем нашего бронепоезда разбиты два бронепоезда противника: „Запорожец“ и „Стрелец“.

Успешно и в Тарнопольском направлении.

К 10 мая разбитый под Волочиском противник отошел к юго-западу; 12-го —он перешел к контрнаступление.

Три пехотных полка (1500 штыков) при кавалерии повели наступление на Волочиск, подойдя к р. Сбручь; встреченный огнем нашей артиллерии и пехоты и ударом батальона Чигиринского полка в правый фланг,—противник отступил. По шоссе Богданов-

ка—Волочиск два броневых автомобиля выведены нашей артиллерией из строя, в полутора верстах к западу от ст. Збруча огнем нашей артиллерии уничтожена батарея противника.

Приводим расположение частей 1-й армии к 25 мая: штаб армии—Бердичев. В Коростене штаб 3-й пограничной дивизии и 11-й пограничный полк; 12-й и 13-й пограничные полки выдвинуты до р. Уборть в направлении Сарн.

В Житомире—штаб 1-й дивизии, Богунский полк, 21-й и 22-й полки и кавалерийский дивизион (резерв армии).

В Шепетовке—штаб особой кавалерийской бригады.

В Ровно—3-й Новгород-Северский полк.

В Здолбуново—2-й Таращанский полк.

Острог—3-й кавалерийский полк, 4-й Нежинский пехотный полк, 1-й и 2-й кавалерийские полки Кременец.

Проскуров—15-й пограничный полк, Волочиск—Чигиринский полк, Гусятин—Волочиский полк, Жмеринка—штаб отдельной Бессарабской бригады.

Каменец-Подольск—3-й и 2-й Бессарабские полки в Могилеве—1-й Бессарабский полк.

27 мая наши передовые части у Сарн. В Здолбунове захвачены 70 орудий, 5 бронепоездов; занят г. Александрия, в 15 верстах севернее Ровно. У Александрии—стычка с польской кавалерией. Заняты дд. Золотаревка, в 5 верстах севернее Ровно и Ористово, в 5 верстах западнее Здолбуново. Наш бронепоезд ворвался на ст. Дубно.

28 мая к западу от Ровно заняты Местный дворец, Юхновцы, Оголев. Среди захваченных к 27—28 мая 17 орудий исправных, захвачены 2 исправных санитарных поезда с персоналом, 706 вагонов, много паровозов и т. д.

29 мая днем из штаба 1-й армии передают по прямому в штаб фронта:

„Положение на фронте великолепное. Поляки отошли по линии железных дорог на Сарны и Луцк. Здолбуново, Ровно, Дубно заняты нашими войсками. Поляки начинают эвакуироваться из Луцка, Сарны и отходят к Ковелю“.

К этому времени, используя наш успех против Петлюры, мы развили серьезные переговоры с галичанами, дабы окончательно ликвидировать петлюровщину и сосредоточиться на иных задачах.

Еще 7 мая предсовнаркома Советской Украины направил „Восточно-галицийскому республиканскому правительству“ (в Станиславов) следующую ноту:

„Очистив территорию Украинской социалистической советской республики от войск Директории, пытавшихся против воли рабочих и крестьян Украины установить здесь буржуазную власть, красные украинские войска пришли к границам Восточной Галиции. Приветствуя рабочих и крестьян Восточной Галиции, освобождению которых от всякой буржуазной власти мы горячо сочувствуем, считаю нужным заявить от имени рабоче-крестьянского правительства

Украины, что вопрос внутреннего управления Галиции считаем делом галицийских рабочих и крестьян. Рабоче-крестьянское правительство Украины отказывается от всяких военных действий на территории Восточно-галицийской республики при условии, что галицийское правительство прекратит всякие враждебные действия против Советской Украины. Предлагаю вам послать делегатов для определения демаркационной линии. Киев. 7 мая 1919 г. Председатель Совнаркома Украинской социалистической советской республики Раковский".

9 мая УЦИК принимает особое воззвание к „трудящимся массам Галиции и рабочим всего мира". В нем—тот же основной мотив: Красная армия Украины не имеет никаких завоевательных целей, она будет двинута за пределы Галиции только по призыву ее трудящихся масс. „Эта армия не пойдет против вас, она станет на границах Галиции и будет ждать, не понадобится ли помощь восстающим... братьям ее". Особенное ударение делалось на необходимости отказа петлюровцам в помощи. „Не мешайте нам добить эту „гадину" и знайте, что если, чтоб разрушить ее военную базу и вернуть награбленное этой бандой имущество, советская армия и перейдет местами границу Галиции, то по выполнении указанной задачи, вернется на эту границу, „пока вы сами не позовете нас". И дальше шли лозунги, призывающие к объединению с Венгерской советской рабоче-крестьянской республикой и рабочими и крестьянами Венгрии.

По существу мы довольно беспомощно топтались на галицийской границе затевая переговоры с правительством Голубовича. Впрочем, мы находились постоянно в сношениях и непосредственно с галицийским войском, особенно в Тарнополе.

Утром 24-го из Волочиска командир нашего Чигиринского полка сообщил по прямому командукру:

„Я сейчас отправил в Киев делегацию из Тарнопольского округа для спешных, очень важных переговоров. В то же время отправил от себя делегацию в Тарнополь для выяснения положения на месте".

25 мая Х. Раковский писал командукру:

„Прошу принять делегацию галицийских представителей Тарнопольского гарнизона и принять срочные меры. У них полномочия".

Представитель Тарнопольского гарнизона С. сообщал, что среди галичан настроения сплошь за Советы, только командная верхушка—против. Галицийская армия почти небоеспособна, вследствие отсутствия снаряжения. Меж тем она под тройным натиском,—наседают поляки, уже занявшие Львов, Стрый; 24 мая румыны вступают в Галицию и должны по слухам занять Станиславов, Коломню, Надвиру; чехи заняли Мармореш-Сигет; в Мазикач—наполовину румыны, наполовину чехи.

В Галиции действует польский корпус Галлера,—в нем будто бы до 80 000 человек, много кавалерии.

Тарнопольцы предлагают нам—слить фронт против общих врагов.

Но С. не мог отрицать, что все же в галицийской армии нет

единодушия и что вопрос о соединении с нами неокончательно разрешен даже с принципиальной стороны. Прежде окончательного его решения делегат хотел бы знать, готовы ли мы вступить по данному вопросу в переговоры, каково наше отношение к полякам, согласимся ли дать патроны и снаряды и в случае нужды допустить отступление галичан на нашу территорию.

Командукр ответил, что Красная армия стоит за свободную Галицию и готова содействовать ее укреплению; советское правительство учтет возможности, отмеченные делегатами, и конечно в принципе не будет против совместных действий.

Вместе с тем командукр просил делегата представить штабу Украинского фронта записку о конкретных нуждах галицийской армии.

Делегат отозвался недостаточной компетентностью по данному вопросу.

Командукр, отпуская С., вручил ему такой документ:

„Дело рабочих и крестьян Галиции, дело их освобождения и защиты от польских шляхтичей и иных капиталистов—близкое и родное нам, и мы окажем всемерную помощь галицийскому селянству и рабочим в этом деле.

Советская Украина не захватчица земли чужой, не насильница свободы галицийского народа—она его друг и брат“.

С. только что отъехал, когда из Проскурова т. Шмидт (комбриг) вызвал по прямому командукра:

„Шмидт. Отношения между галичанами и Директорией враждебны. Если мы настоим, они могут арестовать и выдать нам весь главный штаб, кроме Петлюры. Им нужны только патроны, и наступление поляков будет остановлено. Затем они просили в случае неустойчивости отступать на нашу территорию. Прошу, чтобы сейчас же приехал кто-нибудь из членов правительства. Тем временем вызову командующего галицийской армией.

Антонов. Снесусь с Раковским и возможно приеду сам. Помочь галичанам патронами можно только тогда, когда будут вывезены грузы из Тарнополя, причем снабжать патронами так, чтобы они чувствовали зависимость от нас.

Передайте, что происходит в Галиции. Можно ли рассчитывать на то, что галичане нас не подведут в борьбе с поляками. У вас в Проскурове есть т. Фрейлих,—он их хорошо знает, найдите его и разузнайте. Мы можем снабжать оружием и патронами только сторонников советской власти. Необходимо вывезти вагоны из Тарнополя. Шифром сообщите, какие у вас силы и что сможете предпринять, какие силы у поляков, каково отношение меж ними и галичанами, меж Директорией и секретариатом, каково отношение к советской власти. Отвечайте точно, спешно и действуйте смело, чтоб не дать полякам тарнопольских запасов“.

Предложения галичан ставили нас в довольно затруднительное положение. Объединение фронта с ними означало вступление в боевые операции против поляков, с которыми на Украинском фронте мы еще по существу не соприкоснулись и с которыми думали до-

говориться, чтоб освободить силы для поддержки Южфронта против Деникина и для операций в помощь Красной Венгрии.

Обсуждение вопроса в Совете обороны привело к следующему решению: командукр совместно с тт. Затонским и Шумским попытаются договориться с галичанами о содействии им с нашей стороны вооружением на условиях: 1) полного разрыва с Петлюрой,— содействия его ликвидации; 2) переорганизации галицийской армии с изгнанием контрреволюционного офицерья; 3) передачи нам грузов, эвакуированных петлюровцами в Галицию; 4) пропуска наших войск против румын.

Ночью 26 командукр выехал в Проскурово.

Проскуровский увоенкомат произвел самое жалкое впечатление. Формирования слабы. Вооруженных всего 600; есть еще 400 винтовок, 9 пулеметов, но вовсе нет патрон. Есть на учете артиллеристы, упряжь на батарею, но нет орудий.

Шмидт докладывал:

1. Наши силы: Чигиринский полк—„банда“, 1505 штыков, патрон достаточно, пулеметов тоже, 2 батареи при полку, конная разведка в 60 сабель. Расположен—Волочиск, Ожоговцы, Тарнаруды—по батальону. В Волочиске еще блиндированный пульман с 2 орудиями.

В Ожоговцах—Белозерске—партизанский полк в 500 штыков без пулеметов.

В Гусятине—Волочиский полк (1500 штыков, 3 пулемета), 2 орудия и броневик.

2. Противник: в районе Гусятина 2 куреня Шаповала (до 1500 штыков с пулеметом) и 2—3 батареи. В Подволочиске—галичане—1 полк (1500 штыков) с батареей; в Богдановке—штаб бригады, в Тарнополе—петлюровцы и галичане.

Жалобы—на крайний недостаток снабжения, особенно сапог; мало патрон; нет запасных частей к пулеметам, нет веретенного масла, орудийного сала и т. д.

С указанными силами Шмидт не считает возможным вести активные операции. Нужны подкрепления.

От галичан до сих пор нет точных известий. Они обещали прислать военную делегацию для переговоров с нами. Делегация ожидается в Волочиске.

Выехали—с Шумским и Затонским—в Волочиск. Командир Чигиринского полка Кацура устроил „торжественную встречу“.

Полк нуждался прежде всего в обмундировании и затем в основательной чистке. Кацура просился в тыл для переформирования. Но ведь заменить его полк некем было.

Мы осмотрели внимательно расположение полка, окопы у моста на галицийскую сторону, дошли по мосту до самой границы, всполошив сторожевку противника...

Тщетно мы ждали галицийских делегатов. Наконец наш посланный вернулся с сообщением, что среди галичан—споры, петлюровцы их переубеждают, дело затягивается. Вместе с тем галицийское командование вновь просит о помощи против поляков.

Мы ответили галичанам:

„Никакой помощи не может быть оказано, пока: 1) не будет возвращено вывезенное из Украины—подвижной состав и всякого рода имущество и 2) пока галицийские войска вполне определенно не порвут с Петлюрою и не выдадут его и его штаб советскому правительству Украины".

Одновременно наметилось накопление серьезных неприятельских сил против правого фланга бригады Шмидта.

29 мая командукр сообщал в Киев:

„Наши части у Проскурова в безобразном состоянии и совершенно не смогут вести серьезного наступления в Галицию. Бессарабская бригада почти никуда не годится. Ее формировали предатели. Их всех надо отдать под суд. Представителей от галичан еще не дождались. Наступление поляков продолжается. Тарнополь эвакуируется в Бирки. Секретариат из Станиславова перешел в Чертков. Тарнополь занять Петлюрой, который держится двулично, видимо ищет ходов к Антанте. Если представители галичан согласятся добровольно нас пропустить к линии р. Серет, продвинемся к ней. Наступать не будем. Первым условием поддержки галичан поставим решительный разрыв с Петлюрою и выдачу его со штабом и возмещение Украине заграбленного у нее имущества".

Личное ознакомление с нашим положением под Волочиском побудило командукра постараться подкрепить бригаду т. Шмидта. Вызван из Киева венгерский полк; его отъезд был задержан штабом фронта и Наркомвоен. Командукр резко реагировал, и 30 мая полк начал погрузку.

Одновременно—дан приказ интернациональному полку (т. Фекете) в Винницу направиться в распоряжение комбриг Шмидта, взять в Жмеринке в пополнение батальон интернационалистов. Проскуровский увоенком обязался сформировать батарею для этого полка.

В Жмеринку приказано перебросить из Василькова—15-й пограный полк.

Озаботились и снабжением Чигиринского полка (в Волочинске): 31 мая из Киева посланы—обмундирование на 1 000 человек и 500 пар сапог.

Но движение интернационального полка (Фекете) к Проскурову было задержано в Жмеринке. Об этом сообщал (31 мая) командукру т. Шугар, помощник начальника управления по формированию интернациональных частей штаба Наркомвоен,—полк, мол, предназначался для Киева, где должен был доформировываться. Тов. Шугар не понимал, что полк нужен в Проскурове для боевой задачи; т. Шугар увлекался формированием как самоцелью, в то время когда пришла пора действия и надо было вводить в бой хотя б и недоформированные части.

Командукр отозвался очень резко—предложил Шугару „не вмешиваться не в свое дело", Фекете был дан строгий выговор с требованием выполнить боевой приказ (этот полк и без того был весьма склонен к бесконечным „формированиям" в тылу; задержка в пути и

непосредственному назначению конечно была недопустимым потаканьем к уклонению от исполнения боевых приказов).

Меры в поддержку бригады Шмидта запаздывали.

31 мая он сообщал:

„Получены сведения из достоверного источника, что из Белозерки на Черный остров кружным путем направлялось две сотни кавалерии, три сотни пехоты с тремя орудиями. На Ольховица продвинулись из Куратино три сотни пехоты и человек пятьдесят кавалерии. По сведениям, войска противника продвинулись с Гронималова на Скалат под Волочиск. В Скалате много легкой артиллерии. В Збараж переехал штаб действующей армии; разъезды противника вечером были в Базалии, оттуда направились на местечко Купель; под Волочиском появились петлюровцы,—три сотни слева у Тарноруды,—и местные конные разведчики противника. Противник обходит наш правый фланг. Под Волочиск прибыло еще три эшелона противника. Положение серьезное, немедленно направляйте интернациональный полк на участок тринадцать“.

Одновременно от т. Фрейлиха поступают такие известия о положении в Галиции:

„Поляки, занявшие нефтяной район Галиции и города Старый Самбор, Дорогобыч, двигаются дальше на восток. За ними в тылу следуют чехо-словаки, которые находятся уже в Стрые... Румыны заняли Коломыю и уже во вторник обстреляли Станиславов. Предполагают, что последний тоже занят румынами. Правительство Голубовича распалось, образовалось новое с Витиком во главе. 26 мая состоялся в Тарнополе митинг с участием 2 000 человек, на котором принята резолюция о совместных действиях с большевиками. Между Петлюрою и галицийскими властями полный раскол. Мы обсуждаем положение и меры, которые нужно предпринять. Сегодня последует еще детальная телеграмма“.

Далее приводится нота галицийского правительства мирной конференции о том, что 25 мая польская армия в Галиции перешла установленную демаркационную линию. „Армия Галлера под предлогом борьбы с большевиками заняла на Волыни Луцк и другие территории, принадлежащие украинскому правительству, напала на войска атамана Петлюры, которые борются с большевиками. Украинское правительство Западной области УНР в Станиславове обращается к представителям четырех великих держав с просьбой немедленно дать категорический приказ по радио, потому что наступление польской армии может повести к разгрому украинских войск, борющихся на двух фронтах, что нежелательно в интересах общей борьбы с большевизмом. Это может иметь последствием лишь деморализацию украинских войск, которые до сих пор были верны программе союзников“.

Эти два сообщения—о народном митинге в Тарнополе, вынесшем резолюцию за объединение с „большевиками“, и об обращении правительства Галиции к союзникам,—свидетельство резкого раскола в рядах галичан.

Мы не сумели закрепить, развить этот раскол, использовать порыв галицийских трудовых масс.

Впоследствии мы узнали, что Петрушевич, фактический диктатор Западной Украины, высказался резко против посылки делегатов к большевикам, так как это поссорит с Антантой и Петлюрой. Как известно, Петрушевич договорился, напротив, с Петлюрой, и двинул свою армию против Советской Украины.

31-го из штаба армии сообщают:

„Противник в районе Ямполя—Шумса—Теофиполя перешел в наступление. 4-й Нежинский полк отступает. 1-й и 2-й кавалерийские полки, не оказывая сопротивления, также отходят. Дивизион Сорокина наполовину разоружен теофипольскими повстанцами Вятецкой волости. Потерял два орудия с лошадьми и пулеметы.

Противник, продвигаясь совместно с повстанцами в направлении на Острог, Изяславль, Шепетовка и Староконстантинов, подходит к Бразилии, Белогородке и Куневу. Меры к ликвидации—посылка из Житомира через Бердичев, Шепетовку Богунского полка. В распоряжение Антонюка направлен „Киевский коммунист“. Командарм (т. Дубовой) отдал распоряжение о продвижении частей из Дубно через Кременец и далее через Катербург в тыл противнику. На фронте участка Шмидта и Мазурова заметно усиленное оживление противника; силы, прикрывающие этот участок, недостаточны и по своим моральным качествам слабы“.

(Теофипольские повстанцы до той поры были „нейтральны“; держали крепко свою „республику“, объединившую несколько сел. Но поддались агитации петлюровцев и внезапно ударили на нас, разоружив из трех эскадронов дивизиона Сорокина—два, захватив 2 орудия и 5 пулеметов).

Завязываются бои и под Волочиском. Наш Чигиринский полк, взятый во фланг, отступает.

2 июня отбито наступление 7-й дивизии сичевиков на Проскуров, захвачены батарея (4 орудия) и 16 пулеметов. Но на следующий день противник возобновляет атаки. Части бригады т. Шмидта отходят.

Впоследствии заведующий военным отделом уездпарткома г. Проскурова т. Шварцман сообщал:

„Партком, не имея связи со штабом, узнал о наступлении противника только после посылки своей разведки, когда петлюровцы по железной дороге находились от города в 7 верстах и по шоссе в двух. Красноармейцы 1-го Чигиринского полка дезертировали и когда начальник 1-го Интернационального полка т. Фекте хотел их остановить, то был 1-м Чигиринским полком обезоружен и арестован; кроме того они убили 20 мадьяр из 1-го интернационального полка, тогда последний отказался выступать на фронт. Из 400 человек рабочего полка вышли из города только 50. Оружия совершенно не было, на винтовку приходилось 50 патрон, пулеметов было только 2—3. Отступили до Жмеринки. Настроение железнодорожников хорошее, но вооружения нет“.

Командукр на это сообщение указывал Наркомвоен:

„Партком Проскурова никакой работы в частях войск не вел и надо притянуть эту публику к суду.

Факты изложены не вполне верно.

Назначено следствие для выяснения истины и предания суду виновных. Пятьдесят патрон на винтовку немало, если части дисциплинированы".

Тотчас по сдаче нами Проскурова командукр распорядился командующего участком т. Шмидта и всех командиров отдельных частей привлечь к ответственности, командование участком от Шмидта принять т. Мазурову.

Эти меры не спасали положения. Политико-моральное состояние наших частей не улучшалось и отступали без боя пред натиском, хотя и численно слабых, но отборных войск Петлюры. Направленный из Жмеринки в поддержку Шмидту Полтавский интернациональный полк (1 000 штыков, 7 пулеметов) отказался выступать. Фронт удерживают 15-й пограничной охраны и бронепоезд „Киевский коммунист". Чигиринский полк рвется в эшелонах в тыл. Деморализация усиливается поведением 1-го кавалерийского полка (Гребенка), который, самовольно снявшись с фронта, очутился в Виннице.

К 15 часам 7 июня наши части расположились следующим образом: 1-й Бессарабский полк—село Иванковцы, 2-й полк и батальон особого назначения—в резерве, в местечке Минковцах, I артиллерийский дивизион Бессарабской бригады по-батарейно при частях; II артиллерийский дивизион этой бригады—в Жмеринке (из 8 орудий только два с запряжкой); 1-й кавалерийский Бессарабский полк—один эскадрон в Жванчике, другой в Иванковцах. Волочиский полк после боя у Фельдшина отошел и прибыл в Бар. Противник занимает: Дунавецы—Китайгород, Поджванчик и местечко Винковцы.

Пришлось направить экстренно к Жмеринке из Киева 2-й полк особого назначения (9-го утром отбыл его 1-й эшелон).

Но 8 июня противник отступил от Дережни на Богдановку. Наши части, заняв Дережню, двигаются к Богдановке, которая нами занята на следующий день. По непроверенным сведениям Проскуров обстреливается со стороны Заречья из леса нашими частями, подошедшими со стороны Шепетовки. Наши части двигаются к Проскурову.

Командарм 1 выехал в Жмеринку. 9-го он сообщал, что за неисполнение боевых приказов снят и предан суду командир Киевского интернационального полка Тардин.

Противник ожил по всему фронту:

11 июня. В Сарненском направлении противник занял на правом берегу р. Стыри дд. Бабка, Рафаиловка, Черторайск,—на переправах у Вараж и Магоничи выдвинул заставы с пулеметами.

Утром 9-го большими силами он наступает от Луцка к Ровно, наши части отбросили врага; нами занят ряд деревень, в 10 верстах северо-западнее Ровно и в 7 верстах южнее Клевани. В районе Дубно отбиты атаки противника на Млынов. В районе Кре-

менца, развивая контрнаступление, мы еще 6 июня заняли Шумск, Катербург и Винневец в 15—20 верстах к юго-востоку и югу от Кременца, южнее Изяславля; в сильном бою мы удержали сс. Сохновку и Владимировку.

Развивается наше наступление во фланг продвижению петлюровцев к Проскурову, но развивается слишком медленно (конница парализована внутренними неполадками).

Петлюра, проявляя, как обычно, гибкую маневренность, сосредоточил почти все свои силы в кулак, которым и ударил в направлении на Жмеринку, прорываясь на соединение с рассеянными, но еще не уничтоженными нами бандитами Григорьева.

Его торопили поляки, наседающие на Тарнополь.

К середине июня наша разведка сообщала:

„К Жмеринке наступают 5-я, 6-я, 7-я и 8-я дивизии Петлюры[1].

6-я наступает вдоль железной дороги Проскуров—Жмеринка; 5-я севернее ее, со стороны Черного острова; 7-я со стороны Староконстантинова. В резерве в районе Проскурова стоит 8-я дивизия.

Части 3-й и 4-й дивизии сичевиков прикрывают тыл от наступающих со стороны Тарнополя поляков.

Главный штаб Петлюры 12/VI в Черном острове, там же—главная база снабжения, обозы 2-го разряда. Штаб 6-й дивизии 14/VI в Проскурове. Там же штабы 3-го Гайдамацкого и Дорошенковского полков. Штаб Богдановского полка на ст. Дережня.

На участке 6-й дивизии 14/VI наступает Богдановский полк (200 штыков, 20 пулеметов) и часть 3-го Гайдамацкого полка (300 штыков). Главные силы 3-го Гайдамацкого полка южнее в районе селения Гатин (в полку 800 штыков, 20 пулеметов). Третий полк 6-й дивизии—Дорошенковский (400 штыков, 20 пулеметов) левее и сзади Богдановского. При каждом полку—конная команда. Артиллерия этой дивизии (6 орудий) придана Богдановскому полку.

В 3-й и 4-й дивизии сичевиков в районе Гусятина (1 500 штыков, 2 батареи и 6 орудий). Эти дивизии состоят исключительно из галичан. В занятом Петлюрой районе объявлена мобилизация всех от 18 до 65-летнего возраста. Мобилизованные собираются плохо, большею частью по нужде.

Тарнополь занят польскими частями группы ген. Динак ....(   ), состоящей из 2 пехотных и 1 кавалерийской дивизии. В каждой дивизии—по 3 000 солдат“.

Своевременное и энергичное наступление частей нашей 1-й армии от Ровно—Острога—Староконстантинова к Волочиску—Проскурову брало в тыл петлюровскую армию. Но по существу это не ликвидировало бы противника, задачей которого являлось прорваться на Правобережье, в район григорьевского восстания.

Отчаянный план Петлюры был ставкой на силу этого восстания и на нашу ослабленность, в результате борьбы с „внутренним врагом“ и врагом внешним—добровольческой армией, угрожающей нам из Донбасса.

---

[1] Очевидно Петлюра провел переорганизацию своих сил.

Но григорьевское восстание к началу июня уже едва тлело. И не будь добровольческой угрозы, завершение маневра 1-й Советской украинской армии должно было повести к полному окружению и уничтожению петлюровской армии (конечно при условии, что она не будет поддержана армией Западной Галиции).

Задача украинского советского командования сводилась к тому, чтоб, не допустив проникновения Петлюры в „григорьевский район“, задержав его войска примерно в районе Жмеринки, отрезать их от Галиции, в направлении Проскуров—Каменец-Подольск.

Мы усиленно подкрепляли бригаду т. Шмидта, прикрывавшую Жмеринку, и требовали энергичного наступления в тыл Петлюры.

14 июня мы предписывали:

„Бердичев командарм первой.

Для немедленного исполнения. Нельзя допускать углубления Петлюры в ваш тыл. Надо прочно держать линию Бердичев—Шепетовка, прикрыв ее у Любар и Лабунь и закрепив район Хмельник, Литин, Винница. Не рассеивайте сил—надежно закрепив за собою железную дорогу Ямполь—Шепетовка. Сосредоточьте главный удар Староконстантинов с одновременным нажимом от Деражни на Проскуров. При активности поляков ваше фланговое движение от Кременца может стать для вас опасным. Все зависит от энергии и быстроты в ликвидации Петлюры прежде всего у Староконстантинова, затем у Проскурова. Неясно, что за силы противника наступают на вашем крайнем левом фланге. Где Чигиринский полк и каково его состояние? О получении обязательно известите“.

16 июня юго-восточнее Радзивиллова (в 15 верстах) нами заняты—Немировка, Подлипки, Будки; юго-западнее Кременца заняты Ляховцы, Ямполь, Белозерки (в 20 верстах к северу от Волочиска). Юго-западнее Изяславля, на участке Корница—Кульчины, наши части перешли в наступление; заняты Катюржицы, Воршевка, Лютаровка, Большие Зазюлинцы. (С последнего пункта—мы нависаем на железную дорогу Волочиск—Проскуров.) Западнее и южнее Староконстантинова заняты Красилов, Катюржинцы, Митинцы, Веремеевка, Пашутинцы, Перелешинцы (пункты ок. 15 верст к северо-западу и к северу от Проскурова). Наступление к Волочиску и Проскурову продолжается. Отбита контратака противника в Слободке, в Волочисском направлении.

18 июня в Волочисском направлении наши части перешли в стремительное наступление; после упорного боя при поддержке бронепоездов нами занята Деражня, у которой захвачен бронепоезд противника с 2 орудиями и 4 пулеметами. Юго-западнее Бара упорный бой.

Наш план действий против Петлюры успешно осуществился, когда последовал приказ о ликвидации украинского советского командования...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Момент ослабления противника в Донбассе упущен. Конфликт с Махно разрастается. Положение Южфронта критическое. Центр торопит. Командукр нервничает. Усиление мобилизационной работы на Украине. Слаживание работы «тыла» и фронта. Переформирование армии и командования Укрфронта. Централизация военноорганизационной и боевой работы

К началу мая наше положение в Донбассе резко ухудшилось.

2 мая командукр получил следующую директиву от главного командования:

„Наши противники развили максимум своей вооруженной мощи— большая часть таковой уже на боевом фронте. В общем итоге наши многочисленные противники обладают весьма значительными и боеспособными войсками, снабженными хорошей артиллерией, хорошим командным составом и всеми средствами военной техники. в частности Колчак двинул на фронт стотысячную армию, которая одерживает над нами временный успех. На Южном фронте рядом крупных кровопролитных сражений, длившихся более шести месяцев, нами достигнуты весьма крупные успехи. В настоящее время на Южном фронте мы находимся в стадии наибольшего упорства борьбы с обеих сторон. На Западном фронте после быстрых и крупных успехов наступила реакция. Противник усилился введением в бой польской армии и германских добровольческих формирований. На Финляндском фронте возможно наступление финляндцев на Петроград с силами, численность которых по сведениям доведена до семи дивизий. Решение судьбы гражданской войны будет зависеть от исхода сражений на двух главных театрах военных действий: восточном и южном. В силу чего все вооруженные силы РСФСР должны будут проявить всю напряженность вооруженной мощи для достижения успеха над противником на двух названных фронтах. Что же касается задач Украинского фронта, решившего почти все представлявшиеся ему задачи, то его роль в ближайшем будущем заключается в оказании ближайшей помощи Южному, Восточному и Западному фронтам. Ввиду этого приказываю вам: создать стратегический резерв на Украинском фронте в составе трех стрелковых дивизий, которые расположить в районе ближе к северным границам Украины с таким расчетом, чтобы части этого стратегического резерва в случае надобности могли бы быть переброшены прямым путем или на Южный фронт, или на

Восточный, или на Западный, смотря по надобности. Этот стратегический резерв должен быть на моем учете и расходование его производиться будет исключительно по моему указанию. Об исполнении донести мне, председателю Совета обороны Ленину и председателю Реввоенсовета республики Троцкому. № 2010/ОВ".

На эту директиву командукр ответил:

„Новая директива окончательно ставит меня в тупик. Южфронту уже отдано более половины наших сил, предстоит отдать, во исполнение прежних директив, еще одну треть, оставив для борьбы с поляками, румынами и, может быть, галичанами едва одну шестую. Требование выделить три дивизии в стратегический резерв главкома равносильно требованию не только отказать в поддержке Венгрии, но просто очистить Украину".

Видимо под влиянием нашего ответа главком поясняет (5/V):

„Положение на Южном фронте сильно осложнилось численным приростом сил противника, превосходящих наши силы на Южфронте на 20 000 штыков и сабель в общей сложности, а равно восстанием в Донецкой области в тылу Южфронта. Наши резервы отвлечены на Востфронт. В дальнейшем усиление Южфронта будет производиться за счет войск Укрфронта. Вам придется двинуть на Южфронт все те силы, которые останутся после выделения достаточных сил для действия в направлении Буковины—Будапешт и для обороны в юго-западном направлениях, которые в настоящее время являются второстепенными. Вы должны выделить такое количество частей, чтобы в самом срочном порядке выполнить мои приказы, переданные телеграммами за № 1935/оп, 2029/оп".

5-го же нами получен выговор от ЦК партии за медлительность в поддержке Южфронта.

Выше было указано, как недопустимо обидчиво ответил командукр на этот выговор.

Мы конечно учитываем необходимость содействия Южному фронту. Мы внимательно следили за положением на нем и усиленно работали для его подкрепления.

28 апреля нами были посланы на имя главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики следующие сообщения агента, „заслуживающего доверия" (З.) о ближайших задачах высшего командования добровольческой армии:

„Из крупных операций намечается удар на Царицын. Судя по сведениям из штаба армии, этот удар разовьется в двух направлениях: по линии Великокняжеская—Царицын и по правому берегу Дона с выходом на линию железной дороги Лихая—Царицын. Для проведения этой операции генералу Кутепову (бывшему командиру Корниловского полка, начальнику 2-й дивизии, Черноморскому генерал-губернатору) поручено сформировать ударный корпус в районе Торговая—Новопокровск (штаб в Песчанокопской) для движения на Великокняжескую—Царицын.

Этот корпус должен быть сформирован к первым числам мая, удар же

на Царицын будет произведен в зависимости от подхода Колчака к этому городу.

Задача же группы, действующей на правом берегу Дона—прикрытие наступления ударного корпуса со стремлением раздавить и сбросить в Дон части Советской армии, действующей вдоль реки на правом ее берегу.

Одновременно с этим будет произведена десантная операция на Астрахань, для чего назначенному на должность командующего всеми морскими силами добровольческой армии на Каспийском море контрадмиралу Сергееву приказано подготовить достаточное количество транспортов и военных судов к 15 мая в Петропавловском порту".

Командование Южфронтом опередило указанное намерение противника (развить наступление к Царицыну). К середине апреля части нашей 10-й армии подошли, тесня добровольцев, к переправам на р. Маныч. 24 апреля р. Маныч ими форсирована в трех пунктах, противник наголову разбит (потерял в общем более 3000 пленных, 12 тяжелых, 19 легких орудий и свыше 60 пулеметов).

К 3 мая фронт противника прорван по линиям: Хомутовка—Кагальницкая—Мечетинская—Егорлыкская—Торговая—Новый Егорлык и у острова Манцаи Хош (30 апреля занято Кистенское).

Создалась угроза тылу Донской и Донецкой групп противника, угроза основной его коммуникационной линии (Батайск—Тихорецкая).

Для ликвидации этой угрозы противник использовал все свои резервы.

Разведывательная сводка РВСР от 10 мая устанавливала, что в Донбассе действуют лишь конный корпус ген. Шкуро и 2-й армейский корпус Май-Маевского. Конный корпус Покровского (3 конные дивизии) был переброшен в район Батайска для противодействия нашему наступлению.

С 29 апреля белые производят сильные демонстрации у Торговой, отвлекая к этому пункту наши резервы. 4 мая противник обрушивается на наши фланги, отрезает на линии Егорлыкское—Мечетинское—Качальницкая наши чрезмерно увлекшиеся преследованием части от главных переправ и прижимает их к степи. Начинается панический отход наших войск.

Одновременно разгромлена и отброшена за Маныч наша группа, занявшая Кистенское и нацеленная на Дивное.

В пору этих боев мы получали серьезное ослабление сил противника в Донбассе. Надо было во что бы то ни стало использовать передышку; надо было подкрепить крайний правый фланг Южфронта (группа Махно), действовавший к Таганрогу.

Как уже было отмечено, к 15 мая части бригады Махно, наступая по линии Морде—ст. Моспино, овладели железной дорогой и ст. Кутейниково — Амвросиевка; под угрозой оказалась железная дорога Иловайское—Таганрог —основная коммуникация Донецкой группы добровольческой армии.

К этому времени из штаба Махно сообщали:

„Согласно приказу по армии, наши части перешли в наступление

11 мая по линии от Морде до ст. Моспино. Наступление развивалось успешно, были заняты главные опорные пункты. Отсутствие налаженной и срочной доставки патронов заставило оставить многие позиции и приостановить наступление. Кроме того части совершенно не имеют патронов и, продвинувшись вперед, находятся в угрожающем положении на случай серьезных контрнаступлений противника. Мы свой долг исполнили, но высшие органы задерживают питание армии патронами. Просим устранить это и регулярно в достаточном количестве высылать патронов, и мы не только полностью выполним задание, но сделаем больше того.

Наштаб 1-й Украинской повстанческой дивизии Озеров, младший помощник Бурыба".

Если б не заминка в соседних частях и если б во время подоспели подкрепления, мы могли бы рассчитывать на серьезные успехи в Донбассе.

Но в соседних частях было неблагополучно:

Скачко докладывал о странном поведении комбригады 9-й резервной дивизии Берзилова. Он вдруг „присвоил себе звание комгруппой и, вразрез оперативному приказу, отдал словесные распоряжения—двигаться к Суходельской. Из-за него 13-й, 3-й рез., 79-й, 81-й и особый железнодорожный—бежали до Пологˮ.

Наши подкрепления запаздывали.

Вспомним печальную картину этих бесплодных усилий Укрфронта (в апреле) помочь Донбассу:

Посланные в середине апреля с Укрфронта—бригада Покуса (15-й и 16-й полки, кавдивизион) и 5-й кавалерийский полк подтянулись к Екатеринославу лишь в конце апреля и направлены: в Полтавщину на пополнение—5-й кавалерийский полк—в Синельниково в резерв. Наркомвоен отказал в посылке маршевых рот (из 9-го и 11-го запасных батальонов, стоявших в Екатеринославе) в эту испытанную в боях под Одессой (15-й полк в бою под Сербской разбил французов и захватил 5 танков) и под Житомиром бригаду.

Тщетно командукр рекомендовал Наркомвоен передать командарм 2, сформированную в Харькове бригаду 4-й стрелковой дивизии.

22—25 апреля командукр настойчиво добивался от камандарма 3 отправки в Екатеринослав добавочно Вознесенского полка. Но Худяков оттянул эту отправку до начала мая, до восстания Григорьева.

В конце апреля по инициативе командукра прибыла из Николаева в Екатеринослав прислуга для бронепоезда, и мы затребовали для нее первый же бронепоезд, наконец-то выпущенный на Днепровском заводе. Было дано распоряжение приостановить отправку на север моряков с бронепоездной бригадой (тов. Лепетенко) и предписано этой бригаде с кончавшими ремонт двумя бронепоездами („Грозным“ и „Десятым“) перейти в распоряжение командарм 2. Командукр пытался лично протолкнуть формирование Особой крымской бригады, дабы заменить ею части Дыбенко и перебросить последние в Таганрогское направление. Но он не решился настоять на переброске П. Дыбенко основных своих сил в это решающее направление.

Командукр предполагал двинуть в Таганрогском направлении дивизию Гри-

...ева, но вынужден был отказаться от этого, выяснив склонность Григорьева „поладить миром с трудовым казачеством".

В начале мая по требованию главкома Советская Украина должна была дополнительно выделить Южному фронту две стрелковых дивизии и бригаду кавалерии, одновременно образуя стратегический резерв главкома в три дивизии.

Наркомвоен обязался дать пятую внеплановую (выше рассказано, как он ее формировал); командукр предписал—направить на Южный фронт 2-ю стрелковую дивизию и кавалерийскую бригаду Крючковского, начав с 1-го полка червонного казачества (лучшая наша часть) с артиллерией.

Он предполагал вслед затем,—развернув до полных штатов 3-ю пограничную дивизию, сменить ею части 1-й, которую и направить в резерв главкома.

Но все же командукр рассчитывал выполнить все задания главкома и при успехе формирований интернациональной и бессарабской дивизий и при удаче попыток „замирения" с поляками и галичанами сверх того победоносно провести поход на Румынию (с частями—Григорьева, интернациональными и бессарабскими).

9 мая мы сообщали главкому о возможности перебросить для ударной группы Южфронта к 1 июня до 30 000 штыков, 3 000 сабель, 60 орудий. Но тут же отмечали, что необходимо время для приведения частей в порядок и что „внутренние осложнения могут затруднить переброску". Опасения оправдались,—2-я дивизия была отвлечена на внутренний фронт, а формирование 5-й внеплановой дивизии было далеко не закончено. Более или менее боеспособной представлялась лишь ее 1-я бригада (37-й, 38-й и 40-й полки).

Но уже 10 мая главком требует 5-ю дивизию немедленно на Южфронт, а 12-го бригаде предписано сосредоточиться на ст. Переездная, в распоряжение командюж.

Но уже 15 мая Харьковский окрвоенком вынужден был сообщить командюж:

„1-й бригады 5-й дивизии нет. Разложилась. Из нее можно образовать маршевые роты для отсылки на фронт. Сороковой полк дрался (прорыв Григорьева в Кременчуге) превосходно. Полк понес сильные потери, одна рота погибла целиком. Вывести его из боя не представляется возможным".

17 мая начдив 5 Слувис сообщал, что кроме 37-го, 38-го и 40-го полков (мы знаем уже, что они не могли быть посланы на Южфронт) отправляет на Южфронт артиллерийский дивизион; 39-й полк не готов, 2-я бригада—одни кадры; мобилизованные отправлены за ненадежностью обратно в Харьков, а кадр сведен в батальон и с артиллерией (2 гаубичных батареи и одна легкая) послан против Зеленого.

Восстание Григорьева сорвало начавшуюся отправку на Южфронт 2-й Украинской дивизии. Пришлось ее двинуть от Фастова правым берегом Днепра против кулацких банд.

Резервы, подготовленные 2-й армией, также не могли быть использованы для поддержки бригады Махно.

Скачко докладывал (20 мая):

„Сведения о подготовлявшемся прорыве нашего левого фланга имелись в штабе армии к 8 мая. Для противодействия штармом 2 подготовлялась 1-я бригада 7-й дивизии, 6. бригада Покуса в составе 55-го, 56-го, 57-го пехотных полков, 5-го и особого кавалерийского; 55-й полк был отправлен из Екатеринослава в Волноваху 7 мая. Остальные заканчивали снабжение и должны были двинуться 10 мая. Но 9-го числа началось наступление Григорьева на Екатеринослав, и 56-й, 5-й кавалерийский, особый кавалерийский были брошены против Григорьева, 56-й полк небоеспособен, 57-й из черноморцев не пожелал сражаться против Григорьева и был разоружен, расформирован и отправлен в Харьков. Все остальные части вошли в состав вновь образованной для действия против Григорьева армии Дыбенко и вышли из распоряжений 2-й армии. Таким образом 11 мая в нашем распоряжении в 1-й повстанческой дивизии Махно 20 000 штыков и 2 000 сабель при незначительном количестве пулеметов, пяти легких орудиях и двух 48-линейных гаубицах. Эти части несут охрану побережья от Гурзуфа до Новониколаевской и занимают позицию от Новониколаевской по р. Грузки Еланчик до Покровского Киреева и далее на северо-запад на ст. Моспино, имея на фронте около 9 000 штыков и 1 000 сабель при семи орудиях; прочие части дивизии в периоде формирования. Кроме того придан начдиву Махно 55-й Украинский полк“.

Скачко должен был бы дополнить, что П. Дыбенко ослабил силы Махно, сняв против Григорьева Крымский ударный полк из-под Волновахи.

Не получив должной поддержки ни боевым снабжением, ни свежими частями (предназначенные из Крыма кавалерийский полк и бронепоезд повернуты также против Григорьева), Махно не устоял под ударом конницы Шкуро. 9-й Заднепровский из дивизии Махно и 55-й Украинский полки были сильно потрепаны в бою 17 мая в районе Моспино, причем в 55-м полку выбыл почти весь комсостав и осталось около 500 штыков.

Шкуро, развивая успех, сбил всю дивизию Махно.

21 мая Скачко сообщал:

„Волновахский прорыв собственными силами армии не только не может быть ликвидирован, но не представляется возможным приостановить развивающийся успех противника. Для ликвидирования прорыва и восстановления прежнего положения необходимо срочно не менее одной пехотной бригады при соответствующей артиллерии и коннице. Дивизия Махно испытывает нужду в ружейных патронах и артиллерийских снарядах. В резерве 2-й армии лишь 2-й интернациональный полк (400 штыков)“.

К 20 мая, когда определился неуспех Григорьева, мы запросили начдив 2 о возможности немедленного перевода дивизии на Южфронт. Он ответил:

„Никак невозможно. Во-первых банды окончательно уничтоженными считать нельзя, ибо большая часть из них рассеялась по лесам и сейчас опять начинают скопляться в некоторых районах и во-вторых главные части дивизии прошли всю Украину от границы до границы, не имея

абсолютно никакого отдыха, сильно потрепаны, в некоторых всего до 400 штыков, а кроме того части нуждаются в политической обработке, в особенности 6-й и 8-й полки".

В начале мая был отозван в Киев для подготовки к отправке на Южфронт 9-й Украинский полк с батареей. Но его, как уже выше рассказано, пришлось разоружить и расформировать.

К середине мая снят с фронта и 18 мая двинут из Киева на Южфронт 1-й полк червонного казачества (1200 сабель, 8 орудий). Но тут командукр допустилл ошибку и совершенно напрасно, направил этот полк также против Григорьева, где он и завяз до конца мая в районе Александрии из-за категорического отказа эскадрона мадьяр итти на Южфронт взамен прежней задачи—пробиваться в Красную Венгрию.

Многое можно было бы создать в районе 2-й армии (Скачко), отошедшей к Южфронту, но ее работа подрывалась организационной путаницей и политической неурядицей.

Трудные задачи стояли перед Реввоенсоветом 2—задача переорганизации повстанческих мелкокрестьянских частей в регулярную Красную армию и задача длительного их перевоспитания, основанного на солидных кадрах выдержанных политработников и военных инструкторов.

Для выполнения этих задач мы предлагали направить в район Махно части „Крымской армии" П. Дыбенко и 6. 2-ю особую бригаду т. Покуса; из этих надежных частей и бригады Махно сложить 7-ю Украинскую дивизию. Начдивом последней назначить т. Чикванайя, отлично себя зарекомендовавшего в борьбе против немцев на Украине весной 1918 г. и затем на Южном фронте.

Но командарм 2, проводя чисто „соглашательскую" политику, пошел по иному пути: допустил развертывание бригады Махно в дивизию, избрание партизанами командиром этой дивизии „батька Махно".

Реввоенсовет Южного фронта реагировал очень резко на этот поступок Скачко:

„Произвести радикальный перелом в строении и поведении войск Махно, истребовав для этого из Козлова необходимое число политработников и командного состава. Если в двухнедельный срок окажется невозможным произвести этот перелом, то Реввоенсовет 2-й армии должен войти с рапортом об открытом сопротивлении Махно. Развертывать непокорную, недисциплинированную бригаду в дивизию под тем же командованием есть либо предательство, либо сумашествие. Во всяком случае подготовка новой григорьевщины".

Скачко опротестовал, ссылаясь между прочим на телеграмму Нарком Украины Межлаука: „против переформирования бригады Махно в дивизию препятствий не имею".

Реввоенсовет 2 аргументировал:

„Реввоенсовет 2-й армии отлично знает, чти бригада Махно представляет из себя крестьянскую массу, пропитанную мелкобуржуазными лево-эсеровскими, анархическими тенденциями, совершенно противоположными государ-

сов..ному коммунизму. Столкновение между махновщиной и коммунизмом рано или поздно неизбежно. Еще при образовании бригады Махно командармом 2 были даны ей итальянские винтовки с тем расчетом, чтобы в случае надобности имелась возможность оставить их без патронов. Но Реввоенсовет 2-й армии убежден, что до тех пор, пока общий враг, хотя и мелкобуржуазного, но безусловно революционного крестьянства и коммунизма,—монархическая реакция не будет окончательно побеждена, пока добровольческо-казачьи войска не будут оттеснены на Кубань, вожди махновщины не пойдут и не будут иметь возможности итти против советской власти с оружием в руках, а потому до тех пор мы можем использовать войска Махно в борьбе с добровольческими, в то же время внутренней работой в них постепенно обращая их в более регулярные и более пропитанные духом коммунизма. Переформирование бригады Махно в дивизию может быть благоприятным для внутренней работы в ней, ибо дает повод прислать большое количество своих политических работников и лиц командного состава. Махно принадлежит весь Гуляй-польский район со всем его населением. Это население выделяет из себя около 20 000 вооруженных людей, которые составляют бригаду Махно и которые будут составлять и дивизию Махно. Троцкий понял обращение бригады в дивизию как развертывание, но это фактически неверно, это изменение организации, благоприятное для внедрения в массу войск Махно наших политработников и военспецов. Резкая перемена политики сейчас, которая первым делом выразится в отмене одобренного Наркомвоеном Межлауком переформирования бригады Махно в дивизию, заставит Махно насторожиться и возможно сократить действия на белом фронте. Сокращение Махно боевых действий на белом фронте конечно поведет к увеличению нажима со стороны белых на другие части Южфронта и ухудшит общее положение. Южфронт начнет требовать более энергичных действий со стороны Махно. Махно начнет не исполнять боевые приказы, и дело очень быстро придет к открытому разрыву между нами и Махно. Вся 2-я Украинская армия только и состоит сейчас из бригады Махно. Украинские части из других армий, все сплошь вышедшие из повстанческих отрядов, не пойдут против Махно. Для ликвидации Махно необходимо иметь не менее двух хорошо вооруженных полночисленных дивизий.

Командукр отозвался на это заявление:

„С доводами командарм 2 совершенно не согласен. Махно в командном отношении слаб и его надо непосредственно подчинить начдив Чикванайя. Я ни в малейшей степени не ответственен за расширение бригады Махно в дивизию. Мой оперативный приказ был—бригада Махно входит в 7-ю Украинскую дивизию, которой командует Чикванайя и в которую входят, соответственно меняя нумерацию, бывшая бригада Покуса, 9-й греческий полк, 1-й ударный и запасные полки из бывшей дивизии Дыбенко. Утверждение командарм 2, что кроме Махно нет других частей в этом районе, удивительно, так как названные мною полки были направлены в этот район больше месяца тому назад“.

К сожалению было поздно. Реввоенсовет 2, допустив преобразование бригады Махно в дивизию, был прав, отмечая, что отмена этого санкционированного им переименования вызовет открытый бунт махновцев. Южфронт однако настоял на исполнении его приказа. Ответ дивизии „батьки Махно“ на это „оскорбление“ звучал прямым вызовом всему советскому командованию. Приводим этот ответ полностью.

„Козлов Комюжфронту, Киев, комфронту Антонову, Совнарком Раковскому, Наркомвоен Межлауку, Москва Кремль Ленину, Харьков Совобороны Каменеву.

Штаб 1-й повстанческой дивизии, обсудив сообщение Южфронта о том, что 1-я повстанческая Украинская дивизия вновь обращается в 3-ю бригаду, выражает свое категорическое несогласие с постановлением Южфронта. Штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии глубоко протестует против несправедливого обращения Южфронта с вождем повстанцев т. Махно, и кроме того усматривает в постановлении Южфронта роковые последствия, могущие принести неисчислимые бедствия революции как на фронте, так и в тылу. В этом отношении штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии войск имени батько Махно считает обязательным для себя высказать Южфронту, а также центральным властям Украины и России следующие соображения: повстанчество на Украине началось отчаянными схватками борьбы крестьян против поработителей всякого рода, начиная с гетмана и кончая Петлюрой. С течением времени... (неразборчиво...) повстанчество сформировало регулярные полки и развернуло широкий фронт против контрреволюции со стороны Деникина. С самых первых дней повстанчества, душой его и неутомимым работником был т. Нестор Махно, который и оказался естественным командиром бригады и дивизии, поставленным на эти посты фронтовым съездом повстанцев. Все одиннадцать полков повстанцев, входящие в 1-ю повстанческую Украинскую дивизию, считают т. Махно своим наиболее близким и естественным вождем, поставленным всеми трудностями и длинным путем революции. Абсолютно достоверно, что с уходом т. Махно со своего поста, целые бригады не примут ничьего другого командования. Несомненно это отзовется губительным образом на фронте и на тыле революции. Поэтому штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии войск имени батько Махно постановил: 1) настоятельно предложить т. Махно остаться при своих обязанностях и полномочиях, которые т. Махно пытался было сложить с себя; 2) все одиннадцать вооруженных полков пехоты, два полка конницы, две ударные группы, артиллерийская бригада и другие технические вспомогательные части преобразовать в самостоятельную повстанческую армию, поручив руководство этой армией т. Махно. Армия является в оперативном отношении подчиненной Южфронту, поскольку оперативные приказы последнего будут исходить из живых потребностей революционного фронта. Все оперативные распоряжения повстанческой армии будут неукоснительно сообщаться всему командованию. Доводи обо всем до сведения Южфронта и центральных властей Украинской и Российской советских республик, штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии предлагает центральным властям республик обратить настоятельное внимание на следующее дополнительное заявление: как т. Махно, так и весь штаб повстанческих

войск являются подлинными революционерами, борющимися за идеалы социальной революции. Поэтому они считают оскорбительным для себя и недопустимым для революционера отношение к ним тех или иных ответственных членов советской власти с задними мыслями, как например брошенное в присутствии делегации нашей по адресу т. Махно туманное, двусмысленное выражение Дыбенко: „одному бандиту намял бока, другой не полезет". И это в то время, когда авантюра Григорьева встретила в т. Махно, как в революционере, самого энергичного и непримиримого противника, о чем говорят три номера газеты „Путь к свободе" и специально выпущенное воззвание к населению Украины. Веря в торжество социальной революции, абсолютную преданность ей как со стороны ответственных вождей советской республики в лице Ленина, Луначарского, Каменева, так и со стороны вождей революционного повстанчества, т. Махно и других, которые в общем являются сынами революции, штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии категорически заверяет, что все возможные недоразумения, создаваемые обыкновенно неверной информацией агентов власти, безусловно могут и должны быть устранены товарищеским путем. Штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии войск имени батько Махно. 29 мая 1919 г. Гуляй-Поле".

Реввоенсовет Южфронта при сложившейся обстановке был бессилен предпринять что-либо реальное против Махно и ограничился такой словесной угрозой:

„Реввоенсоветюж указывает, что действия и заявления Махно являются преступлением. Неся ответственность за определенный участок фронта 2-й армии, Махно своими заявлениями определенно вносит полную дезорганизацию в управление, командование и предоставляет частям действовать по усмотрению, что равносильно оставлению фронта. Махно подлежит аресту и суду Ревтрибунала, почему Реввоенсовету 2-й армии предписывается принять немедленно все меры для предупреждения возможности Махно избежать соответствующей кары. НР 4633. Реввоенсовет Южфронта В. Гиттис. А. Колегаев".

А меж тем Шкуро развивал свой успех. Расстроив части Махно и отбросив их к югу и западу, Шкуро воспользовался образовавшимся прорывом на участке Рутченково-Доля, ударил на Гришино и, выдвинув заслон к Чаплино, рядом ударов в направлении Констатиновка—Бахмут—Попасная и далее к северо-востоку вошел в тыл частям Южфронта.

Высшее командование энергично нажимало на командукра, требуя поддержки Южфронта.

К 25 мая основные григорьевские силы смяты. Командукр предписывает—Екатеринослав Дыбенко:

„Немедленно расшифруйте и исполните. Оставив строго необходимые силы для преследования разбитых банд, остальные полевые войска и бронепоезд „Десять" направьте в Синельниково командарм 2".

Тогда же мы телеграфировали РВСР об успехах Укрфронта:

„Район Сарны, Ровно, Дубно петлюровцами очищен. Польские разъезды приблизились на 18 верст к Ровно и находятся у Сарн. Мною приказано занять Ровно, Здолбуново и выдвинуться на Брусиловские

позиции. На р. Збруч петлюровцы перешли в наступление. Наши медленно отходят к Жванцу. В направлении Кишинева нами поведено наступление, наши части сейчас в 7 верстах от Кишинева. Это наступление ведется частями, которых только этим остановили от присоединения к Григорьеву. Ликвидация Григорьева идет успешно—заняли Бобринскую, расчищаем путь к Знаменке, к которой ведется наступление и от Користовки, от Елизаветграда наступаем к Куцовке—Долинской, от Александровска достигли Апостолово. Николаев, Алешки в наших руках. Один из наших полков с батареей сегодня передан начдив пять для спешного пополнения, упорядочения и направления к Южфронту. Стараемся спешно исполнить свои обязательства".

Троцкий очень резко реагировал на эту телеграмму, так как считал, что бросать ненадежные части в Бессарабию, это—создавать новую григорьевщину.

Подчиняясь директиве РВСР, мы отдали приказ—начатое наступление против румын приостановить...

Через день от главкома было получено следующее распоряжение:

„Ввиду крайне тяжелого положения Южфронта в направлении на Гришино в стыке 13-й и 2-й Украинской армий срочно направьте на Синельниково указанные мною подкрепления для Южного фронта, в первую очередь боеспособную бригаду пехоты с дивизионом артиллерии. Также донесите, сколько вы можете еще дать фактически в ближайшие 10 дней на Южный фронт".

Мы отвечали:

„Банды Григорьева только рассеяны, но не уничтожены, деревни не разоружены. Херсон, Николаев (вновь) в руках григорьевцев. Бой с поляками развертывается в большое сражение[1]. Поляки соединились в Галиции с румынами и чехами, наступают к нашей границе, находятся в одном переходе от Тарнополя. Галичане ими разбиты и просят нашей помощи. Станиславов, Коломня 24 мая должны быть заняты румынами, на Стыре—чехи. Спешное выделение частей на Южфронт сейчас поэтому крайне затруднительно. Однако мною затребована от 3-й армии бригада и вся 2-я дивизия готовится к отправке, но ее придется снимать частями, ибо резервов нет никаких. Не могу ответить точно, сколько будет выделено в течение десяти дней".

Но настояния центра не прекращались.

И мы вновь писали:

„Григорьевские банды разбиты, но не уничтожены, рассеялись по селам и лесам. Херсон и Николаев еще заняты ими. Проводим разоружение сел. Вчера погружен Кременчуг—Александрия и направлен Синельников 1-й полк червонного казачества—1 200 сабель, 56 пулеметов Льюиса, 12 пулеметов, при нем одна конногорная и одна конная батареи. Это лучшее, что имею. В Киеве готовится к отправке полк с батареей, но надо еще прочистить; с Западного фронта отзывается Киев для спешной прочистки и затем отправки еще полк. 3-й полк готовится к отправке из Умани. Если обстановка не усложнится, воз-

---

[1] Неправильная оценка—поляки уклонились от боя, отходя к Ковелю.—*А. О.*

можно вскоре отправить остальные две бригады 2-й дивизии и бригаду 6-й. Но до отправки на Южфронт мы должны вентилировать, доснабжать—в этом задержка".

Но 1-й полк червонного казачества завяз в районе Александрии; 9-й полк с батареей более двух недель „чистившийся" в Киеве, считался ненадежным. 2-я дивизия еще не вышла из боев с григорьевцами...

27 мая из Козлова командюж Гиттис, сообщая о критическом положении 13-й армии, отброшенной от ст. Железная и Горловка, просит ускорить присылку подкреплений.

На немедленной помощи Донбассу настаивал и Ильич:

Киев Совнарком Раковскому:

„Повторяю свою просьбу дважды в неделю телеграфировать мне о фактической помощи Донбассу. Настаиваю на исполнении этой просьбы. Не пропускайте момента победы над Григорьевым, не отпускайте ни одного солдата из сражающихся против Григорьева. Декретируйте и проведите в жизнь полное обезоружение населения. Расстреливайте на месте без пощады за всякую скрытую винтовку. Весь гвоздь момента—быстрая победа в Донбассе, сбор всех винтовок из деревень, создание прочной армии. Сосредоточьте все силы на этой задаче, не ослабляйте энергии, мобилизуйте рабочих поголовно. Прочтите эту телеграмму всем видным большевикам. 26 мая. № 326/С. Ленин".

И командукр, в знак полного отказа от каких бы то ни было наступательных операций на Украинском фронте и сосредоточения на задаче помощи Донбассу, приказывал (28 мая):

Наштафронта Бабину, Члену Реввоенсовета Бубнову.

„Передать экстренно с копией Серпухов и Москве Троцкому по всем армиям—первой, третьей, Крымской и Ленговскому: Во исполнение приказа главного командования, ввиду затруднительного положения на Южфронте, приказываю: вверенным мне армиям—первое—сохранять на внешнем фронте оборонительное положение, второе—на внутреннем фронте продолжать энергичную ликвидацию бандитских выступлений, третье—принять самые решительные меры к приведению в кратчайший срок в порядок своих частей, четвертое—переброску предназначенных для Южфронта частей проводить самым спешным порядком. Копии всех отданных распоряжений доставлять мне".

И через пару дней:

„Козлов командюж Гиттису. Копия Серпухов главком Вацетису. Москва—Ленину, Троцкому.

Из Киева сегодня отправлен вам бронепоезд „Ворошилов", грузятся два бронеотделения и особый кавалерийский полк. Полк червонного казачества расстроился из-за нежелания эскадрона мадьяр итти на Южфронт. Комполка просит пять дней, чтоб привести полк в полный порядок. Мною потребовано исполнение приказа. Ваше дело согласиться или нет на просьбу командного состава. Повторяю, полк все 18 месяцев был образцовым. Приказ будет выполнен во всяком случае. Из Одессы штарм 3 доносит после моего категорического приказания,

что высылает 3-ю бригаду 6-й дивизии с батареей и дивизионом кавалерии. Погрузка начнется немедленно".

31 мая было получено от ЦК требование—в три дня дать Южфронту все затребованное главкомом.

Командукр отвечал:

„Выполнить предписанное вами—дать в три дня все затребованное главкомом для Южфронта—не могу. За последний месяц затребовано от меня пять бригад пехоты с артиллерией, одна кавалерийская бригада. Пока послано Южфронту два кавалерийских полка, две бригады пехоты, три бронепоезда. Сегодня и завтра отправляются два бронеотделения и 8 броневиков и кавалерийский особый полк с двумя броневиками. Вчера начали грузиться в Одессе два пехотных полка с батареей. Остальные 7 пехотных полков не смогу отправить даже в течение недели. С Западного фронта уже сняты и находятся на чистке в Киеве два полка, один из них всего 650 штыков, другой 1 500, но командный его состав нужно сменить; через два дня снимается с фронта Чигиринский полк—1 300 штыков, и может быть Новгород-Северская бригада до 2 000 штыков. Все это страшно переутомлено от почти непрерывных походов, боев и лишений, нуждается в чистке и пополнениях. Новгород-Северская бригада сдерживает на Шепетовском направлении напор шести гайдамацких полков и сменить ее трудно.

Восстания не прекращаются во всей правобережной Украине. Григорьев действует партизанскими отрядами. Все узловые станции приходится занимать сильными частями и кроме того иметь маневренные группы. Поэтому, в полном сознании своей ответственности за оборону советской власти на Украине, заявляю: выполнить ваши приказания не могу. Делаю все, что могу, в понуканиях не нуждаюсь. Или доверие или отставка"[1].

Настойчивость центра была вполне понятной. Положение на Южном фронте складывалось для нас угрожающе.

14 мая еще победная реляция:

„Наши части успешно ведут наступление по всему фронту. Нами взято вновь Кутейниково, а также взяты с боем Кузнецово, Михайловка, Александровка, Безыменная и с боем подвигаются на Мостино и Квашино".

Но это был лишь временный успех. 22 мая мы получили из Синельникова сведения уже совсем другого рода.

„Противник значительными силами прорвал стык между 9-й и 1-й повстанческой (Махно) дивизиями. Его конница, заняв к вечеру 21 мая Максимилияновку, Марьевку, Александровку (Кременная), распространяется на север и северо-восток, угрожая далее прорывом на ст. Железнная и Гришино, которые эвакуируются. Я отдал категорический приказ для ликвидации прорыва Шкуро и образования ударной груп-

---

[1] Конец этой телеграммы явно неделовой, самолюбиво-истерический, совершенно недопустимый, ничем не оправдываемый. Этаким ответом командукр конечно свидетельствовал о своей нервной несостоятельности.—*А. О.*

пы у Махно, снять с его боевых участков все части, не останавливаясь даже перед временным оголением Мариупольского узла, и бросить все к Волновахе с целью развить энергичный контрудар в северном и северо-восточном направлении, дабы спасти катастрофическое положение 13-й армии. Еще раз убедительно прошу в силу критического момента на Донбасском фронте о высылке обещанных подкреплений. Только что получено от 9-й дивизии, что части Шкуро продолжают обход в тыл дивизии и уже находятся в двенадцати верстах от станции Гришино, где никаких заградительных отрядов нет. 9-я дивизия просит немедленной присылки подкреплений, которых у меня нет".

И тогда же из Харькова нам сообщили:

„Луганск сдан, немедленное выполнение обещаний Антонова становится абсолютно необходимым. Впредь до их выполнения считаю решительно неизбежным приказ Харьковскому Окрвоенком дать все, что может. Каменев".

Отразив угрозу Батайску, Деникин перебросил с удивительной быстротой основные силы добровольческой армии в Донбассе.

Разведка РВСР (от 7 июня) сообщала: 1) на Таганрогском направлении (северный берег Азовского моря—ст. Еленовка) действуют 1-я пехотная и 2 конных дивизии противника (1 800 штыков, 3 500 сабель при 44 пулеметах и 8 орудиях);

2) На Бахмутском участке (ст. Еленовка—ст. Шпилово)—5 пехотных и 4 конных дивизии (13 400 штыков, 4 800 сабель при 277 пулеметах, 70 орудий, 12 танков);

3) на Луганском участке (ст. Шипилово—ст. Тарасовка)—3 пехотных и 3 конных дивизии (6 500 штыков, 9 600 сабель, 195 пулеметов и 56 орудий);

4) на Миллеровском участке (ст. Тарасовка Обрывская)—2 пехотных и 5 конных дивизий (4 200 штыков, 10 300 сабель, 183 пулемета, 51 орудие, 4 танка);

5) на Новочеркасском участке (Обрывская-Чекалов)—5 пехотных и 5 кавалерийских дивизий (10 450 штыков, 9 350 сабель, 139 пулеметов, 605 орудий).

Остальные—8 пехотных и 12 кавалерийских дивизий противника—главным образом в царицынском направлении.

31 мая командарм 2 Скачко докладывал:

„Прорыв 13-й и 2-й Украинской армиями распространяется от Межевой до Славянска и достигает до 80 верст. На этом промежутке у нас нет никаких войск. Спасти положение и уничтожить прорыв сейчас возможно только исключительно при помощи смелого маневра во фланг и тыл зарвавшемуся противнику, для чего необходимо сосредоточение всех подходящих войск не в Барвенкове, а на Гришинском направлении и оттуда ударить прямо на восток, захватить Юзовский район и перерезать железную дорогу Иловайская—Таганрог, отрезав противника от его базы. Ввиду того что разведкой дока-

зано, что противник действует тонкой линией, не обеспечивая тыл и не имея в тылу резервов, нашим войскам, которые займут Юзовский район, будет нетрудно соединиться в Дебальцевском районе с остатками 13-й армии и 8-й армией, и тогда прорвавшиеся кавалерийские отряды противника окажутся за сплошной линией фронта и будут уничтожены, так же как были уничтожены немецкие кавалерийские дивизии после ликвидации Молодечинского прорыва. Если эти отряды сумеют наделать до их ликвидации беспорядки в нашем тылу, это не принесет существенного вреда. Пусть они даже займут временно тыл. Этим временем мы, действуя в их обнаженном тылу, занимаем Таганрог. Предъявляя изложенные соображения на благоусмотрение Реввоенсовета Южфронта, просим распоряжения 1-й Червонный кавалерийский полк и бригаду, идущую из 3-й Украинской армии, направить не в Барвенково, а сосредоточить на Гришинском направлении с целью захвата Юзовского района и замыкания нашего фронта в тылу прорвавшегося противника".

Но наши подкрепления запаздывали. А противник развивал свой успех.

2 июня командукр писал наркомвоен Подвойскому:

„Дорогой Николай Ильич!

Не время воевать меж собою. Назначьте время и место на сегодня к вечеру для встречи. Нужно столковаться о возможной помощи Донбассу и всему Южному фронту. Там положение грозное. 13-я, 8-я и 10-я армии почти уничтожены. Потеряны не только Юзово, Гришино, но Бахмут, Попасная, Миллерово (уже стоим у Чертково) потеряна не только линия Маныча, но бой идет на р. Аксай в 130 верстах к югу-востоку от Царицына и в 150 от Торговой, на которой недавно стояли. Астрахань под угрозой. Царицын в клещах (уральцы развивают наступление и находятся верстах в 100 к северо-востоку от Царицына). Советская власть на всем юге под вопросом. Кольцо черносотенное грозит сомкнуться. Необходимо при свидании иметь точные данные о наших силах и средствах. 2 июня 1919 г. 11 часов. Антонов".

Одновременно отдавался ряд распоряжений по армиям Укфронта:

„Бердичев командарм первой. Южфронт требует помощи. Центр приказывает нам экстренно ее послать. Немедленно замените нежинцев богунцами и направьте нежинцев в Киев. Это выполнить экстренным порядком. Выполните с остальными частями перегруппировку, прикрывающую основные направления, не давайте частям зарываться. Спешно доформировывайтесь, приводите части в порядок. Немедленно точный ответ, сколько у вас бронепоездов и бронеплощадок, в каком состоянии, какие меры для их починки. Необходимо немедленно их чинить, их надо использовать для закрепления железнодорожных узлов. Послан ли бронепоезд к Проскурову и на Шепетовское направление, убран ли Гребенка? Имейте в виду, что нам придется крайне ослабить вашу армию и поэтому напрягайте всю силу, чтоб сколотить ее покрепче".

„Екатеринослав, Александровск, Симферополь Нарком Дыбенко. Все

что можно снять с Крыма перебросьте в поддержку второй армии. Точно сообщите, что именно сделано".

„Одесса Худякову, Щаденко.

Положение Южфронта: потеряны—Константиновка, Бахмут, Миллерово и вся линия от Великокняжеска до Котельникова. Только удар на Таганрог может улучшить положение.. Этот удар начат, взята обратно Волноваха; надо развить успех. Оставьте только самое необходимое для удержания линии Днестра и очищения местности от шаек и все остальное экстренными поездами направляйте Синельниково командарм 2. Копию сделанных распоряжений пошлите мне".

„Бобринская начдив 2 Ленговскому.

Предписывается вам перевести курсы из Винницы в Екатеринослав в связи с переводом второй дивизии в распоряжение Южфронта".

Тогда же мы сообщали:

„Харьков Межлауку, Ворошилову. Копия: Козлов командюж Гиттису.

Переброска вам частей задерживается чисткой их в Киеве. Если возьметесь за эту чистку и пополнение частям давать в Харькове, то это ускорит отправку до Харькова на одну неделю. Сейчас в Киеве два полка с батареей, предназначенной вам, их чистит Наркомвоен. В очереди вся вторая дивизия. Полагаю, что если имеете вполне надежный полк в Харькове и твердое настроение в массах, то с этой работой справитесь. Сомнение есть в слишком большой близости к неустойчивому фронту".

„Командюж Гиттису. Копия—Серпухов главком Вацетису. Москва—Ленину.

За последние три дня отправлены из Киева в Харьков два бронеотделения, кавалерийский полк особого назначения и бронепоезд „Ворошилов"; из Александрии в Синельниково полк червонного казачества с двумя батареями, из Одессы в Синельниково бригада пехоты с артиллерией. Об отправленном из Крымской армии сведений нет. Кроме строго необходимого для обороны определенных рубежей и ликвидации григорьевщины, все остальные наши силы будут двинуты вам с физически возможной скоростью (2 июня)".

„Серпухов наштареввоенсовет; Козлов командюж; Изюм командарм 13; Александровск командарм 2.

Первый эшелон полка червонного казачества отправился из Александрии по назначению 1 июня в 20 ч. 15 м., второй эшелон 2 июня в 6 ч. 50 м. Из состава 3-й армии выбыли на Южфронт: бригада имени Ленина (6. Белорусская) в составе инструкторов 270, бойцов 3 118, лошадей 40; отряд Дмитриева, в который включены эскадрон Гурьева и отряд Лагуты. Боевой состав точно не выяснен. Вознесенский кавалерийский полк в составе 380 лошадей, 20 пулеметов, одна легкая батарея и броневик „Смерть Директории". Бригада им. Ленина и отряд Дмитриева выезжают сегодня, Вознесенский кавалерийский полк, легкая батарея и броневик из Елизаветграда находятся в пути. Эскадрон Гурьева и отряд Лагуты выехали первого июня в 19 ч. 18 м. с эшелоном № 1016. Киев 2 июня. НР 01739. Подписал: Начоперупр. Генштаба Давыдов".

„В дополнение. Из Николаева отправлен Крымский полк; в общей численности на Южфронт отправлено до пяти тысяч бойцов. Первый эшелон отправился четвертого июня в 6 ч. 17 м., проследовал Знаменку, последний эшелон сегодня 5 июня в 13 часов. Киев. № 01784. Начоперупр Давыдов".

Энергично действовал Харьков:

„Киев Наркомвоен Подвойскому, Предсовнарком Раковскому, ЦК партии.

Положение в Донбассе стало катастрофическое: тринадцатой армии больше не существует, часть восьмой армии перешла, часть разбежалась. Восьмая армия медленно отходит. Девятая армия бежит, обнажая бассейн с востока. Ворошилов и я выезжаем в Синельниково. Временно отзываем Кулика из Полтавы. Формирование пятой и четвертой не нарушаем. Из донецких рабочих формируем особую бригаду для нашей армии из первого Луганского и второго Бахмутского полков. Винтовки, захваченные Слувесом в Полтаве, мною приказано доставить в Харьков. Пятьдесят процентов снаряжения пустим на рабочие полки; просим вас с своей стороны выслать всевозможное снаряжение и вооружение, но самое главное винтовки, пулеметы, патроны. Нажмите на Мацилевского. Ответственность за спасение всего бассейна возложена Ильичом на нас, ответственность за снабжение фронтовых войск—на вас. Ждем вашей действительной помощи в в создании второй армии, которой уже нет, так как Махно выделился в самостоятельную армию, а больше ни одного солдата в ней нет. Только наша напряженнейшая совместная работа может помешать тому, чтобы на Южфронте водворилось положение, бывшее осенью прошлого года. НР 67. Командарм 2 Ворошилов. Член Реввоенсовета 2 Межлаук".

„Москва Центральному комитету РК партии. Копии: Москва Кремль Ленину, Киев Центральный комитет КПУ.

Сегодня (1 июня) провели постановление о мобилизации пятидесяти процентов коммунистов для включения в рабочие полки, снимая с постов ответственных коммунистов, включая полки. В Харькове была спячка, колебание насчет необходимости поголовной мобилизации рабочих. Мы, Ворошилов, Межлаук ударили в набат в газетах. плакатах, воззваниях, митингах. Создается определенная атмосфера. О результатах будем сообщать регулярно. Завтра с утра создаем специальную комиссию железнодорожников для обыска железнодорожного узла, железнодорожных линий на предмет отыскания воинского груза. С продовольствием положение из рук вон скверно. Дыбенко телеграммой из Херсона от 30 мая сообщает: захвачено колоссальное военное имущество. По нашим сведениям, Дыбенко все тащит в Крым. Прикажите ему именем ЦК отправить нам в распоряжение Харьковского окрвоенкома винтовок, патронов, пулеметы в максимальном количестве. Повторяем с оружием дело обстоит катастрофически; из-за этого может сорваться вся мобилизация. НР 69. Пятаков. Бубнов".

Боевая тревога охватила Советскую Украину. Партия мобилизовала всех своих членов. Все партийные силы брошены на укрепление воин-

ских частей, на проведение мобилизации рабочих, и беднейших крестьян в ряды Красной армии.

Наконец-то проводится в жизнь постановление РВС Республики от 9 мая: о мобилизации рабочих на Украине в пополнение частей Юж-фронта.

Информационные сводки Наркомвоен сообщают:

ПОЛТАВА. На чрезвычайном объединенном заседании Центрального совета профессиональных союзов и заводских комитетов постановлено объявить мобилизацию рабочих, а также 10 процентов членов правлений для проведения мобилизации в жизнь и работы на фронте. Учреждается рабоче-социалистическая инспекция из представителей профессиональных союзов, губисполкома и железнодорожников.

ГАДЯЧ. Мобилизация кавалеристов протекает успешно.

ЛУБНЫ. Объявлена мобилизация членов профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов. Настроение рабочих масс революционное. Открылся съезд волостных исполкомов. Настроение създа бодрое, устойчивое. Объявлена мобилизация в тыловое ополчение.

ХАРЬКОВ. Город с прилегающей 40-верстной зоной объявлен на положении осадной крепости. Председателем крепостной обороны назначен т. Кин. Под председательством т. Пятакова организован чрезвычайный военный трибунал для борьбы с контрреволюционными преступлениями и для внесения твердой дисциплины в ряды армии.

Мобилизована буржуазия от 18 до 40 лет для рытья окопов. Мобилизованы модистки и сапожники до 45 лет".

И давнишнее предложение командукра—использовать для формирований рабочих—выходцев из Донбасса также стало наконец проводиться в жизнь: приступили к формированию дивизии донецких рабочих.

Особенно энергичную работу развивали тт. Ворошилов, Бубнов и Пятаков в Харьковском районе.

4 июня из Харькова:

„Объявлена мобилизация 15 лет. Каждая волость должна мобилизовать по 20 человек. Коммунисты мобилизовали $^{9}/_{10}$ членов партии и половину Губернского комитета. На фронт уходит половина членов Губернского исполкома".

Перед лицом все растущей белогвардейской угрозы командукр вновь поднял пред ЦК партии вопрос о централизации военной работы (31 мая):

„Необходим Реввоенсовет Украины,—наркомвоен председатель в нем. Централизуйте ответственность и работу. Слейте тыл с фронтом и и сможем как следует работать над армией. Сейчас идем вразброд, во всем параллелизм, несогласованность, путаница. Если сомневаетесь в нашей послушности, то введите в Реввоенсовет Украины пару надежных центровиков".

Это предложение было отклонено. Одновременно командукр, как указано, обратился к Наркомвоен т. Подвойскому с предложением,

забыв обоюдные обиды, объединить усилия по помощи Южфр... состоялся ряд совещаний с Наркомвоен. Признали, что для правильного снабжения необходимо:

1) установить единый оперативный план снабжения, 2) установить единый план и порядок формирований и очередь их снабжений, 3) создать окружные и армейские базы, 4) в связи с установлением единого плана все излишки предметов военного снабжения отправлять с фронта в соответствующие окружные базы, 5) регулярно осведомлять РВС фронта через Главначснаб о состоянии всех складов и ходе военных заготовок.

Был согласован единый план формирований. Наркомвоен признал требование командукра пополнять в первую очередь испытанные фронтовые части и отказался от параллельных формирований. Договорились о создании в Киеве центра для поочередной прочистки частей, отзываемых с Укрфронта на Южный фронт.

30 мая в Киев введен с фронта для пополнений 15-й Констатиноградский полк (742 штыка, комячейка в 200 человек) при 12 пулеметах и 4 орудиях.

Намечены (1 июня) к отправке через Киев (прочистка и доснабжение) на Южфронт 14-й и 13-й полки. Дано распоряжение заменить на фронте Чигиринский полк и Нежинский, разворачивающийся в бригаду.

(Надо отметить, что кадры 3-й стрелковой дивизии, бывшей в распоряжении главкома,—в конце мая отправлены через Москву на Северный фронт).

Дыбенко (из Долинской), Ленговский (Винница) требовали подкреплений против оживших григорьевских банд.

Отвечено—никаких подкреплений не будет,—все, что можно, на Южфронт. И Дыбенко отправил—1-й Севастопольский пехотный полк и 3 бронепоезда. Договорились наконец и о пополнениях для 3-й пограничной дивизии (штаб в Коростене), получившей весьма лестную характеристику Высшей военной инспекции.

„Командный состав вполне надежный; но это недостаточно, антисемитизм наблюдается; комиссарами и ячейками принимаются меры к борьбе с ним. Борьба затрудняется из-за отсутствия евреев в рядах красноармейцев и обвинения в сосредоточении их в правительственных и советских учреждениях; отношение к коммунизму сочувственное. Ядро полков революционное в полном смысле этого слова. Пополнение до некоторой степени действует дезорганизующе; прибывающая масса политически не вполне воспитана и невозможно быстро перевоспитать ее. Отношение красноармейцев к командному составу дружеское. Провокационные элементы немедленно устраняются. Поддерживается революционная дисциплина и ведется беспощадная борьба с бандитизмом, пьянством и т. п. Трибунал в стадии развития. Ротные суды упразднены.

При штабе дивизии имеется политотдел, который развивает усиленную деятельность.

Еженедельно устраиваются собрания ячеек. Ячейки под руководством комис-

сара дивизии. Из газет получаются: „Коммунист“, „Известия ЦИК“ и „Красная армия“ по расчету 1 экз. на 10 человек. Литература, доставляемая агитпросветом при Наркомвоен, получается в достаточном количестве.

Культурно-просветительная работа дивизии, благодаря энергии комиссара Левицкого и его помощника т. Лазаренко, стоит на сравнительной высоте. Несмотря на недостаток культурно-просветительных пособий и политработников, в частях наблюдается революционно-бытовая дисциплина, товарищеская спайка, стремление помочь деревенской бедноте, понимание значения Красной армии и стремление к социализму.

В общем дивизия представляет твердый фундамент Красной армии и опору советской власти“.

В разгар этой работы в Киев приехал Л. Д. Троцкий.

Состоялось (2 июня) собрание ЦК партии. Троцкий сделал краткий доклад о положении на фронтах. Борьба достигла крайнего напряжения. Исход ее зависит главным образом от Южного фронта. На Южном фронте—„катастрофа“. Все на Советской Украине должно быть отдано одной задаче—содействие Южному фронту. Для этого необходимо подчинить всю военную работу на Украине этой задаче, соответственно переорганизовав Укрфронт. Предреввоенсовета не уточнял, как он мыслит себе это переорганизование. В докладе Троцкого было несколько намеков на „самостийничество“ укрсовкомандования.

Троцкий, поддержанный еще некоторыми членами ЦК, коснулся и „западной ориентации“ укркомандования, отвлекавшей-де от помощи Донбассу.

Тов. Семен Шварц, помахивая запиской командукр о Григорьеве (от 2 мая), говорил о крайней близорукости укркомандования в отношении этого авантюриста и т. д.

Командукр ответил кратко на эти обвинения ссылками на факты, достаточно обильно приведенные нами выше; вместе с тем командукр приветствовал предложения Реввоенсовета республики, приведенные Троцким. На обвинениях никто более не останавливался.

Предложения Троцкого были приняты ЦК партии и почти немедленно проведены через ЦИК Советов.

4 июня командукр подал по сговору с Троцким особую оперативную записку, в которой между прочим отмечал:

„Для плодотворности работы по созданию прочной регулярной армии на Украине необходимо помимо подчинения этой работы руководству общественных органов, согласно состоявшемуся решению ЦИК также:

1) Объединение таковой работы, ведущейся в настоящее время разрозненно Наркомвоен и Реввоенсоветом Укрфронта. Объединение мыслимо в форме создания Реввоенсовета Украины под председательством Наркомвоен...

2) Разработка Реввоенсоветом Украины оперативного плана, основанная на заданиях главкома, оборона достигнутых рубежей и всемерная помощь Южному фронту.

Главная угроза советской власти на Украине извне исходит от по-

...ков. В настоящее время поляки находятся в непосредственном соприкосновении с нашими частями в направлении Коростень—Сарны, Ровно—Сарны, причем силы противника, занимающие Сарны и выдвигающие разведывательные части в указанных направлениях, достигают полка пехоты и полка кавалерии и имеют повидимому задачей как разведку нашего расположения и наших намерений, так и разрыв связи между Запфронтом и Укрфронтом. В направлении Ровно—Луцк, Ровно—Ковель поляки отходят и соприкосновения с ними не установлено.

Большими силами (по разным сведениям до 80 000 штыков) прекрасно снабженными, поляки наступают в Восточной Галиции, где 28 мая вели бой с галицийскими войсками у Золочева, Перемышля, Стрыя и установили через Бескиды связь с чехо-словаками и румынами, находящимися у Мункача.

Галицийские войска находятся в полудезорганизованном состоянии и постепенно оттесняются к востоку поляками и за Днестр румынами, занявшими уже Коломыю и по некоторым сведениям Станиславов (галицийское правительство перебралось в Чертков).

„Против нас галичане прикрываются остатками армии Директории, руководимыми Петлюрой (штаб Збараж) и достигающими до 20 000 штыков и до 1 800 сабель. Петлюровские части пытаются наступать в направлении Збараж, Шепетовка с обходом нашего расположения под Волочиском на Черный остров, ведут перестрелку с нашими частями по восточной галицийской границе.

Румыны и французы в Буковине и Бессарабии усиленно укрепляются, спешно эвакуируя все склады из Бессарабии. Их силы в Буковине в самое последнее время увеличены на одну бригаду, но не превосходят одной дивизии; в Бессарабии две дивизии румын и две дивизии французов (последние выдвинулись из Галаца, куда передвинуты из Салоник в начале марта).

Для успешной обороны достигнутых нами рубежей (так называемые Брусиловские позиции, галицийская граница, линия Днестра) необходимо—три дивизии полного состава на линию фронта и одну в резерве.

Это независимо 1) от обороны побережья и Крыма (Крым надлежит отнести к Южному фронту) и 2) от внутренней охраны. Оборона побережья требует создания отдельной бригады морской пехоты, ряд приморских батарей и технических частей.

„Внутренняя охрана сводится: 1) железнодорожные бригады (на 100 000 верст железной дороги пути необходимо до трех бригад трехполкового состава—до 30 000 штыков при бронепоездах); 2) речные флотилии—Днепровская (сформирована), Бугская и Днестровская; 3) караульные части военкомов, особенно развитые на правобережной Украине—в общем до трех дивизий; 4) погубернские отряды ЧК, как маневренные части,—всего семь полков; 5) отряды особого назначения при правительстве—не менее бригады; 6) запасные части—на каждую стрелковую бригаду по батальону; 7) инструкторские курсы,—на каждую строевую дивизию по одному пехотному, сверх того для всех фор-

мирований два кавалерийских, два артиллерийских, одно военноинженерное...

В настоящее время на Украине имеется: 1) на фронте—3-я пограничная дивизия (как кадры четырех полков); 1-я, 2-я, 5-я, 6-я стрелковые дивизии; две отдельных бессарабских бригады, два интернациональных полка, кавалерийская бригада (3-я, 7-я дивизии и два кавалерийских полка отданы Южфронту, частью находятся в Крыму; одна бригада 5-й дивизии на пути в Южфронт). Эти части сильно потрепаны и представляют собою в большинстве только кадры; 2) в тылу формируются 5-я дивизия (нумерация дана Наркомвоен, не считаясь с наличием на фронте 5-й дивизии), 4-я и интернациональная; имеется соответственное количество запасных частей; караульные части крайне слабы и не в состоянии своими силами держать внутренний порядок; отряды ЧК также слабы; из полков особого назначения один отправлен на Южфронт, два еще организуются; 3) для железнодорожной охраны имеется восемь полков, в общем до 9 000 штыков, что явно недостаточно.

Предложение:

По отзыву Специальной военной инспекции необходимо установить, какие части могут быть приняты как кадры для формирования. Эти части должны быть доформированы посылкой маршевых рот по возможности по отводе их в тыл.

Остальные отведены в тыл для прочистки и переформирований.

Полагаю, что большего, чем эти восемь дивизий, кроме уже данного на Южфронт, Украина поднять не сможет, и предлагаю Реввоенсовету республики утвердить таковое задание.

1. Доформировать 3-ю пограничную дивизию; 1-ю, 2-ю, 3-ю (3-ю дивизию в Крыму Дыбенко уже именует „Крымской“, поэтому нашу 5-ю можно переименовать в „3-ю“), 4-ю, 5-ю и 6-ю Украинские стрелковые дивизии; 1-ю кавалерийскую дивизию; Бессарабскую и интернациональную стрелковые дивизии.

2. Доформировать три железнодорожных охранных бригады.

3. Сформировать бригаду морской пехоты.

4. Доформировать Днепровскую флотилию и сформировать Бугскую и Днестровскую.

5. Соответственное распоряжение по запасным частям, караульным, ЧК и т. д. и по инструкторским курсам“.

Но в центре назрели иные намерения. Они пояснены следующим приказом РВСР от 4 июня (получен нами 6-го):

„Принимая во внимание расформирование Украинского фронта, Реввоенсовет Российской Социалистической Федеративной Советской Республики постановляет:

1. Части нынешней 2-й Украинской армии совместно с теми частями, которые прибыли и прибудут сюда из других областей Федеративной Республики, объединяются в одну армию, которой отныне именоваться 14-й армией. Означенная армия во всех отно-

щениях подчиняется Реввоенсоветюж. Первая и 3-я Украинские армии объединяются под общим командованием и образуют 12-ю армию РСФСР. Командующим 12-й армии назначается Генштаба Семенов, членами Реввоенсовета Семашко и Пацаренус. 12-я армия во всех отношениях подчиняется Реввоенсовету Запфронта. Новую разграничительную линию между Западным и Южным фронтами определить полевому штабу. Председатель Революционного Военного Совета Республики Л. Троцкий, Главком Вацетис, член Революционного Военного Совета Республики Аралов". Во исполнение этого постановления: 1. Разграничительные линии между 12-й армией и 14-й (бывшей 2-й Украинской), т. е. между Южным и Западным фронтами назначается Курск, Балки, Екатеринослав и далее по левому берегу Днестра до Херсона. Все пункты, кроме Екатеринослава и Курска, для 12-й армии включительно.

2. На сформирование укрепления 12-й армии обратить штаб бывшего Укрфронта, выделив в распоряжение командарма 12 Генштаба Семенова, весь личный состав штаба и Управления бывшего Укрфронта, а также штабов и Управлений бывшей 1-й и 3-й Укрармий и передав в 12-ю армию все дела, документы, денежные суммы и инвентарь этих штабов и Управлений.

3. 12-я армия включается в состав Запфронта и во всех отношениях подчиняется Реввоенсовету Запфронта.

4. В связи с увеличением протяжения Запфронта штазапу перейти в Смоленск, штабу Белитармии перейти в Оршу и штарму 12 расположиться в Бахмаче или Конотопе.

5. На 12-ю армию кроме задач, указанных в последней телеграмме Укрфронту от 5 мая за № 2097/ОП, возлагается задача: подавление в кратчайший срок восстания, поднятого Григорьевым, и формирование из всех украинских частей, входящих в состав 13-й армии (бывшей 1-й и 3-й Укрармии), двух—трех стрелковых дивизий и одной кавалерийской дивизии, включая в это число и пограничную дивизию.

6. Генштаба Семенову вступить в командование 12-й армией немедленно по получении этой телеграммы. Передачу 12-й армии Запфронту произвести по переходе штазап в Смоленск, которую закончить не позже двенадцатого июня, а до тех пор 12-я армия непосредственно подчиняется мне.

7. О получении настоящей директивы срочно донести.

219/Б. Главком Вацетис. Член РВСР Аралов".

Сдача нами украинских армий затянулась по разным причинам до 14 июня.

В этот день командукр писал:

„Реввоенсовет 12-й армии.

Считаю долгом, передавая вам 1-ю и 3-ю армии, дать некоторые указания:

1-я армия: 1. Направление Ковель—Киев прикрыто нами весьма ненадежно: пограничная бригада численно очень слаба, артиллерия ее до сих пор округом не сформирована. Необходимо во что бы то

ни стало эту бригаду развернуть, затребовав для этого пополнений от Наркомвоен, но отнюдь не из приднепровских пограничных бригад, насыщенных весьма подозрительными элементами. Необходимо придать бригаде артиллерийский дивизион.

2. 1-я дивизия прочно занимает район Ровно—Дубно и совершает в настоящее время фланговое по отношению к полякам движение, берущее во фланг петлюровцев, сосредоточивающихся Волочиск—Проскуров—Староконстатинов. Это движение может стать при активности поляков очень опасным для нас. Оно грозит петлюровцам окружением, но при условии достаточной прочности тыла. Между тем тыл наш крайне слаб—направления Киев, Жмеринка, Казатин, Шепетовка и район Хмельник—Литин прикрыты весьма слабо. Петлюра имеет стремление прорваться из оккупируемой поляками Галиции на сообщение с бандами Волынца (Гайсинский уезд) и Григорьева (Звенигородский, Знаменский и т. д. уезды). Необходимо: а) энергичное, спешное уничтожение указанных банд, б) прочное обеспечение магистрали Киев—Жмеринка (особенно район Винница—Хмельник—Литин), в) развитие наступления от Деражни к Проскурову в связи с фланговым движением 1-й дивизии.

3. Части 1-й дивизии еще не вполне оформлены. Богунский, Таращанский, Новгород-северский полки представляют вполне устойчивые кадры, которые и ныне уже используются как кадры для трех бригад дивизии; необходимо все остальные части, расположенные в этом районе, влить как пополнение в эти бригады (так Миргородский, Волочиский, 21 и 22-й полк). Нежинский полк нуждается в основательной чистке, хотя полк очень боевой и может дать хорошие кадры. Отрывать его от 1-й дивизии не следует.

4. Части 2-й дивизии, Бессарабская бригада и интернациональный полк, действующие в Проскуровском и Каменец-подольском направлении, весьма плохо оформлены и мало боеспособны. Необходимо эти части 2-й дивизии, как это отмечено выше, влить в 1-ю дивизию; Бессарабскую бригаду переорганизовать, приняв за основу ее 1-й полк и имея в виду крайнюю ненадежность ее стальных полков; интернациональный полк совершенно переформировать, ввиду слабости его командного состава.

5. Обеспечение линий железных дорог, играющих в этом районе весьма важную роль, требует самой энергичной работы по развертыванию железнодорожных полков, снабженных бронеплощадками. Для района 1-й армии нужна железнодорожная бригада в три полка. 1-й полк Киев—Сарны, Житомир—Мозырь, при одном техническом поезде и не менее двух бронеплощадок; 2-й полк Киев—Казатин, Казатин—Ровно, Изяславль—Коростень при техническом поезде и трех бронеплощадках; 3-й железнодорожный полк Казатин—Вапрянка, Жмеринка—Волочиск, Каменец—Шепетовка, и узкоколейка Калиновка—Хмельник при техническом поезде и не менее трех бронеплощадок плюс одна на узкоколейке. Сейчас железнодорожная охрана очень слаба. Третий железнодорожный полк совсем без оружия. Надо добиться вооружения железнодорожников, хотя бы винтовками Гра.

6. Отдельная кавалерийская бригада—4 кавалерийских полка—легко могут быть развернуты в кавалерийскую дивизию при наличии командного состава. Опасно настроение командного состава 1-го полка. Реввоенсовету 1-й армии предписано убрать комполка Гребенко и других подозрительных командиров. Сейчас кавалерийские части используются крайне неумело, разрозненно и безрезультатно.

7. Крайне ненормально дело с артиллерией. Об этом рекомендую выслушать доклад инспектора Лаппо. Необходимо провести то объединение снабжающих органов, о котором печется Лаппо. Без этого надежной артиллерии при дивизиях не будет.

8. При 1-й армии порядочное количество бронепоездов, но они нуждаются в спешной починке, каковую и надо подтолкнуть. Починкой занят между прочим и технический поезд, который послан в Бердичев.

9. При 1-й дивизии великолепная инструкторская школа, которую ни в коем случае не следует отдавать Наркомвоен, ибо засохнет.

10. Снабжены части плохо и крайне неравномерно; иные, особенно Бессарабская бригада и части 2-й дивизии, прямо в заброшенном состоянии. Боеспособность частей благодаря этому крайне понижена.

11. Политическая работа в Бессарабской бригаде и вообще в частях на левом фланге армии крайне слаба.

12. Санитарное состояние мало удовлетворительное. Поездов бань-прачечных, несмотря на заказы воензагам, все нет, медикаментов недостаточно; гигиена за отсутствием белья слаба.

2-я дивизия. (Штаб Бобринская). Разбросана. Одна ее бригада в проскуровском направлении и должна отойти к 1-й дивизии.

1. 15-й Констатиноградский и одна батарея (хорошие кадры) в Киеве.

2. Чигиринский полк с батареей у Вапнярки совершенно ненадежен, нуждается в большой чистке, надо вызвать для чистки в Киев.

3. Бывший 8-й полк в Умани, весьма боевой, но он нуждается в чистке (особенно конная разведка)—надо вызвать для чистки в Киев.

4. Бывший 7-й полк—хорошие кадры—надо послать на смену 8-го полка в Умань для обеспечения этого хлебного района.

5. Бывший 5-й полк—хорошая боевая единица, но страшно утомлен; необходимо дать передохнуть и оправиться недели две, иначе развалится.

6. Бывший 6-й полк (большей частью из рабочих) также страшно переутомлен, необходимо отозвать куда-либо на отдых и чистку, иначе развалится.

7. Два полка бригады Богунского (Золотоноша)—нуждаются в чистке со стороны командного состава, необходимо отозвать из района, так как сами все из него и представляют собственно ополчение Золотоношского уезда, легкую пищу для контрреволюционной агитации.

8. Части снабжены плохо, особенно 8-й, 6-й полки.

9. При дивизии великолепная инструкторская школа, переводимая ныне из Умани в Екатеринослав. Ее необходимо сохранить за диви-

зией и остановить хотя бы в Кременчуге, если дивизия не идет на Южфронт.

10. Дивизия бьется с бандитами, но ее сил недостаточно и необходимы свежие части; при наличии таковых возможно легко покончить с шайками.

11. Железные дороги плохо обеспечены—необходим сильнейший железнодорожный полк на линию Фастов, Екатеринослав, Казатин, Бобринск с тремя бронеплощадками.

12. Частям дивизии необходимо дать пополнение из среды мобилизуемых рабочих и серьезно поработать над ее артиллерией. Дивизия легко станет вполне боеспособной.

13. Для прочного обеспечения очищаемого дивизией района крайне важно усилить караульные части в Василькове, Белой Церкви, Канаве, в Триполье, Черкассах, Смеле, Умани, Гайсине, Новомиргороде, Знаменке, Александрии и т. д.

14. Район Гайсинского и Уманского уездов—особенно кулацкий, и тут нужна настоящая карательная экспедиция.

3-я армия. 5-я и 6-я дивизии еще далеко не оформлены; одна бригада послана на Южфронт.

1. В 6-й дивизии Ткаченко есть вполне боеспособная бригада, один из полков которой вызван в помощь левому флангу 1-й армии. Необходимо дать командный состав и не допустить, чтобы эти части пошли в распоряжение Наркомвоен.

2. Из двух дивизий легко сложить одну, вполне боеспособную. Ткаченко при хороших помощниках может справиться с дивизией, но лишь в организационный период.

3. Необходимо из бессарабцев и приднепровцев сложить пограничные части, способные нести сторожевую службу вдоль Днепра.

4. Необходимо создать Днестровскую флотилию и Бугскую, поручив это т. Кривошееву, Одесскому окрвоенкому.

5. Снабжение поставлено лучше, чем где бы то ни было, но крайне опасен недостаток патрон.

6. При основательной политической обработке и расчистке от бандитов район между рр. Бугом и Днепром может стать прочным плацдармом для сопротивления противнику, наступающему к Днепру (Черкассы, Кременчуг); необходима инженерная подготовка линии р. Буг.

7. Обеспечение железнодорожной линии требует 2 железнодорожных полков: одного Вапнярка—Одесса, Одесса—Бобринская, Одесса—Николаев; другого на железной дороге Криворожья, при каждом по две бронеплощадки.

Левобережный участок.

Левобережный участок важен по коммуникационным линиям, переправам на Днепре, складам. Для его обеспечения необходимо:

1. Усиление караульных частей в Чернигове, Конотопе, Ромнах, Сумах, Нежине, Дарнице, Боорлиспое (где сходятся все телеграфные линии левобережья), Золотоноше, Ромодане, Полтаве, Кременчуге, Константинограде.

2. Кременчуг, Золотоношу закрепить прочными гарнизонами.
3. В Полтаве и Чернигове держать полки особого назначения трех родов оружия как резерв командующего.
4. На ж. д.—ж.-д. бригада с тремя бронеплощадками.

ДНЕПР.

Помочь т. Полупанову в создании Днепровской флотилии. Флотилия может в сутки перебросить на двести верст войска (до дивизии). Возможна установка дальнебойных орудий на пароходах—хорошая защита переправ. Быстроходные катера—хорошая разведка.

Соображения общего порядка.

1) необходимо настаивать на сформировании одной интернациональной и одной Бессарабской дивизии для прикрытия Галицийской границы и Днестра;

2) необходимо настоять на том, чтобы мобилизуемые рабочие шли прежде всего в пополнение укрчастей 1-й, 2-й и других дивизий и пограничной дивизии;

3) необходима и немедленно мобилизация в ряде уездов—Херсонской, Волынской и Подольской губерний;

4) перевооружение тыловых частей однозарядными винтовками;

5) постановка патронного завода (на Шостенском заводе—порох и капсюли, гильзы—от частей);

6) патроны к японским винтовкам (в Одессе таких 10 000);

7) усиленная закупка лошадей для артиллерии и обоза;

8) усиленная эвакуация Ровно—Здолбуново—Дубно—Кременца;

9) усиленное исправление железнодорожных путей и шоссе в левобережной Украине (идет крайне вяло);

10) добиться от Наркомвоен Украины снабжения в первую очередь фронтовых частей;

11) освободить санитарную часть от зависимости от „Главсанитар Украины";

12) добиться права самостоятельных заготовок и подчинения Реввоенсовету армий органов, работающих для продовольствия армии. Командукр Антонов".

И 16 июня был отдан последний приказ укрсовкомандования войсками Советской Украины:

„Центральный исполнительный комитет Советов Украины постановил объединить под общим командованием все фронты социалистических республик. Революционный военный совет республики, орган высшей военной власти, признал, что армии Украинского фронта доблестно выполнили свою великую задачу освобождения украинской земли от врагов советской власти. Новые задачи, стоящие перед украинскими армиями, сливаются с задачами армий Российского фронта и требуют упрощения командования ими и сосредоточения военной воли.

Поэтому Революционный военный совет республики постановил—управление армиями Украинского фронта расформировать, часть ук-

раинских армий подчинить Западному фронту, вторую часть—Южному фронту.

Передавая командование вверенными мне армиями, выражаю глубокую уверенность, что и под новым командованием наши войска проявят ту же несокрушимую доблесть, ту же глубокую преданность рабоче-крестьянской революции, которые воодушевили их на многие славные подвиги. Прощальный привет орлам-командирам и всем красноармейцам. Будьте до конца стойки на своем революционном посту!

Да здравствует революционная дисциплина!

Да здравствует революционная Красная армия!

Да здравствует советская власть во всем мире!

Член Революционного военного совета республики бывший командующий армиями Укрфронта Овсеенко-Антонов".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ к III и IV ТОМАМ

Укфронт и содействие Донбассу. Причины наших неудач на Южфронте. Причины организационной слабости Советской Украины и ее формирований. Истоки революционных и контрреволюционных сил на Украине

На протяжении многих страниц мы рассказали о борьбе за советскую власть на Украине с ноября 1918 г. по июнь 1919 г. Наше изложение было основано на подлинных документах, так как мы стремились к максимальной объективности.

В заключение мы хотим дать сжатое резюме и некоторые выводы из до сих пор изложенного.

Наступление в помощь рабочим и деревенской бедноте Украины, изнывавшим под двойным гнетом—собственных помещиков и капиталистов и иноземной оккупации, было решено ЦК украинских большевиков и Совнаркомом на другой же день по прибытии известий о германской революции. Для проведения этого наступления Реввоенсоветом республики был создан Реввоенсовет „Группы Курского направления", которому подчинялись украинские советские отряды в так называемой „нейтральной зоне" и которому были обещаны значительные подкрепления из РСФСР. Наступление должно было начаться уже в конце ноября 1918 г.

Но высшее командование в лице главкома Вацетиса относилось с самого начала крайне отрицательно к этому предприятию, и „Группа Курского направления" не получала от него почти никакой поддержки. Воинские части, предназначенные для данной „Группы", получали иное назначение. Сформированная усилиями ее „инспекторского отдела" бригада (т. Дмитриева) отвлечена вместе с татарским отрядом И. С. Кожевникова на Южный фронт.

Продвижение на Украину главное советское командование (штаб—Серпухов) признавало пагубной авантюрой; командарму резервной (штаб—Курск) давались предписания не только не поддерживать „украинских повстанцев" в этой затее, но (в декабре 1918 г.) производить усиленные фортификационные работы в районе Курска вдоль демарклинии для обороны от возможного натиска противника от Харькова и Сум!

Наступление Украинской повстанческой дивизии в начале января к Харькову произошло не только по инициативе украинского советского командования, но вопреки прямым директивам главкома (Серпухов), директивам, сводившим нашу задачу к формированию,

Это наступление, начатое с ничтожными силами (до 4 000 штыков в Харьковском направлении, до 2 500 штыков в Черниговском), развернулось в победоносный поход всех революционных сил Украины против контрреволюции и ее пособников.

Только по занятии нами Харькова был наконец признан и оформлен Украинский фронт.

Если 31 декабря главком указывал: „Стратегические задачи на Украине настолько обширны, что для разрешения их требуется несколько армий, что по силам лишь войскам РСФСР", то теперь он обещал командукру дать Укрфронту из РСФСР до 8 дивизий, долженствующих до 10 марта развернуться в левобережной Украине; повстанческие украинские части вовсе не упоминались и как бы скидывались со счетов. Задачей для Укрфронта при этом ставилось: овладение главными переправами на Днепре и закрепление за собою линии по этой реке.

Укрсовкомандование упорно, но тщетно добивалось расширения этой задачи задачею активного содействия Южфронту, добивалось предоставления Укрфронту направления через южную часть Донбасса к Таганрогу. Эти претензии непрестанно отклонялись главным командованием, сводившим роль Укрофронта в отношении Донбасса к чисто пассивной передаче в распоряжение Южфронта тех или иных воинских частей.

Обещание направить в распоряжение Укрфронта 8 стрелковых дивизий так и осталось невыполненным. Укрфронту была передана только 9-я резервная дивизия; но к концу марта и она целиком была обращена на Южфронт. Впоследствии прибыли предназначенные для действий в помощь Венгрии два—три интернациональных полка. Наркомвоен Украины т. Подвойский привез с собою незначительные кадры одной дивизии, предназначенные для формирования. Но это формирование так и осталось незавершенным до самого момента ликвидации Укрфронта, т. е. до июня 1919 г. Кадры 3-й стрелковой дивизии, направленные в Черниговщину в марте,—оставались в распоряжении главкома, не допускавшего пополнения их на месте, дабы дивизия „не украинизировалась"(!).

Итак, без кадров, почти без поддержки „извне", силами самих „украинских партизан" была проделана вся наша боевая работа!

О ней командукр докладывал (в записке ЦК в июле 1919 г.):

„Используя разложение германских оккупационных войск и войск гетманских, мы с ничтожными силами (всего до 4 000 штыков в главном направлении на Харьков) начали наступление вглубь Украины. В то время как военспецы настаивали на необходимости, ввиду намечавшегося глубокого обхода противника на Сумы, отойти к Белгороду, мы, сняв большую часть сил именно из-под Сум, ударом к Казачьей Лопани разбили петлюровцев, превосходивших нас числом, вооружением, опытом, и заняли Харьков. Когда петлюровцы попытались восстановить положение, двойными против наших силами наступая в обход Харькова к Деркачам, они были сбиты ударом во фланг одной из наших частей. В дальнейших боях под Полтавой, Екатерино-

славом, Кременчугом, наши части проявили чудеса храбрости, стойкости. Поведение их по отношению жителей было везде образцовым.

Не менее победоносен был марш нашей 1-й бригады (впоследствии 1-й дивизии) через Черниговщину к Киеву. По сорок верст в день отламывали походы. Когда главком предписал для содействия запарм воздействовать на железную дорогу Бахмач—Гомель, наша бригада сделала большее—не только овладела этой железной дорогой, но и всеми другими путями из Украины к Гомелю. Быстрый фланговый марш через Черниговщину заставил противника очистить всю магистраль Курск—Киев; прикрыл наше продвижение к югу от Курска, создал угрозу Киеву, которая реализовалась после боев под Черниговом, Бахмачом, Нежиным, Броварами настолько, что Петлюра был вынужден бежать из столицы Украины. Когда к концу февраля Петлюра, пытаясь восстановить положение, ведя бой с частями запарм у Сарн и закрепившись лучшими частями Коновальца у Винницы, повел наступление особой ударной группой к Черкассам, угрожая войти в тыл Киеву,—наша Киевская группа, усиленная частями 2-й дивизии, совершившими смелый фланговый марш от Кременчуга, Черкасс к Белой Церкви, прорвала центр расположения противника (у Жмеринки), захватила 4000 пленных, 2 корпусных, 4 дивизионных штаба, громадное количество всякого вооружения; одновременно отрезанная ударная группа противника была обойдена особым отрядом с юга и вынуждена частью сдаться в плен, частью бежать в Бессарабию, где и была разоружена румынами. И если б оставленный в Киеве наштафронта Глаголев протолкнул эту операцию надлежащим темпом, то нет сомнения, что Петлюра понес бы окончательный разгром. Все же поражение войск Директории было весьма серьезным, оно сразу покончило переговоры Антанты с Директорией, уничтожило единый фронт Одесса—Галиция, предрешило судьбу Одессы, судьбу интервенции. Когда, заключив перемирие с поляками, Петлюра освободил часть своих сил для операции против нас и благодаря нестойкости частей запарм под Сарнами и Коростенем создал серьезную угрозу для Киева,—наши части в крайне ударных боях с сичевиками, обладавшими прекрасной артиллерией и великолепным командным составом, не только восстановили положение, но смелым фланговым маневром к Староконстантинову, Изяславлю, Шепетовке стратегически опрокинули наступление войск Директории и уничтожили цвет ее сил.

В искусно руководимых Григорьевым боях под Херсоном, Одессой в бою 15-го Украинского полка под Березовкой, где захвачены пять танков и несколько орудий, в боях, где нам противостояли в подавляющем количестве прекрасные регулярные части: в боях у Сиваша, Перекопа, где были взяты превосходно оборудованные и защищенные деникинскими частями позиции,—проявилась высокая воинская доблесть украинских советских войск. Полураздетые, полубосые и порой полуголодные, эти войска поистине заставляют удивляться тому самоотвержению, с которым они выполняли свою боевую работу.

На Украине велась подлинная маневренная война (и вовсе не всегда вдоль железных дорог) и велась победоносно против противника и численно, и технически нас превосходившего".

В начале апреля украинские советские войска овладели всем побережьем Черного моря от Крыма до Одессы и левым берегом р. Днестра до Могилев-Подольска.

Фронт суживался. Высвобождались значительные силы, и мы готовились бросить их в помощь Красной Венгрии. Готовились к этому на основании прямых указаний центра, ибо никогда центр не снимал с нас задачи—прорыва на соединение с Венгрией, задачи, подтвержденной между прочим главкомом в приведенной выше директиве от 5 мая.

Но дрогнул соседний фронт, и все скрытые болячки наши обнаружились. И мы лишний раз убедились, что фронт пролетарской революции един и един враг ее. Деникин подавал руку Петлюре, вождь оголтелого великорусского, великодержавного шовинизма, вскормленный английскими хлебами,—вождю общипанного украинско-кулацкого национализма, облизывавшего пороги Антанты.

Можно ли сказать, что украинское советское командование забыло о единстве фронта пролетарской революции? Проявило в эти исторические дни украинское самостийничество?

Выше уже говорилось о том, что украинское советское командование упорно и тщетно добивалось от главного командования активных поручений на Южфронте. Но главное командование пренебрежительно относилось к нашим силам, считало их недостаточными и даже для „чисто украинских" задач, не то что еще и для помощи Южфронту.

В начале марта настроение наших военных верхов было настолько радужным, что, по словам Х. Раковского, наштаглав Костяев в официальном ему докладе сообщил, что через две недели будет взят Ростов, и тогда 13-я армия и все взятое от Укрфронта на Южный фронт будет отдано первому.

Многократно и в марте и в апреле 1919 г. Троцкий в своих речах и приказах говорил о решающем перевесе наших сил на Южном фронте. Например, в приказе, изданном 7 апреля в Самаре, он заявлял:

„На Южном фронте перевес несомненно на нашей стороне... Ликвидация донской контрреволюции—дело ближайших недель"...

И прошло всего несколько недель со времени этих невыполненных обещаний, этих победных заверений, как на Украинский фронт, еще не справившийся со своим противником, подрываемый волнами кулацких восстаний, фронт, поставленный пред задачей гигантского исторического значения—задачей прорыва в бурлящую Западную Европу!—на Украинский фронт пытались возложить ответственность за неудачи соседнего Южного фронта!

И все же Украинский фронт оказал громадную поддержку Южному фронту.

В декабре к Южному фронту отошла сформированная укркомандованием из повстанцев и пограничников бригада Дыбенко (брата Павла Дыбенко). В январе Южному фронту передана сформирован-

ная укркомандованием бригада Текнеджанца и бригада интернационалистов. Затем на Южный фронт были даны—из состава войск Украинского фронта—бригада 9-й дивизии, украинский железнодорожный полк, бригада Махно. В период с конца марта по начало мая, когда на Южном фронте обнаружилось неблагополучие, Укрфронт передал Южному фронту все остальные части 9-й дивизии, три полка из Крыма, два полка и дивизион кавалерии бригады Покуса. В мае и до 14 июня переданы были три кавалерийских полка, бригада 7-й пехотной дивизии, два бронепоезда, семь отдельных пехотных полков из Одессы и остальные части Крымской группы. Из числа частей, сформированных Наркомвоен, были посланы два бронеотделения, два полка особого назначения, бригада 5-й дивизии. Таким образом Укрфронтом передано Южфронту 35 пехотных полков, 5 кавалерийских полков, 2 кавалерийских дивизиона и т. д.—всего до 50 000 штыков, 4 000 сабель, 540 пулеметов, 104 орудия, 5 бронепоездов, 12 броневиков. И взамен мы не получили ни одной сформированной части.

Да, но может быть эти части, переданные нами Южфронту, и внесли в него „семена разложения", благодаря своей недисциплинированности, своему „партизанству"?

На этот вопрос командукр отвечал в той же записке, поданной ЦК в июле 1919 г.:

„Прежде всего факты свидетельствуют, что утверждение о слабости самого заразного места—района Гуляй-Поле, Бердянск—неверны. Наоборот, именно этот угол оказался наиболее жизненным из всего Южного фронта (сводки за апрель—май). И это не потому конечно, что здесь мы были наилучше в военном отношении сорганизованы и обучены, а потому, что войска здесь защищали непосредственно свои очаги. Нестойкость же, проявленная этим районом в последнее время, объясняется главным образом недостатками снабжения—патрон совсем не было, винтовки были самых различных систем и т. д.

Махно еще держался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия.

Мало того, неудачи на Южном фронте вовсе не ограничились поражением 13-й армии,—еще раньше начался разгром на другом фланге этого фронта. И этот разгром гораздо внушительнее и опаснее по своим последствиям для фронта нашей революции.

Причины разгрома Южного фронта отнюдь не в украинской „партизанщине". Если части, передаваемые Украиной Южфронту, оказывались недостаточно боеспособны и дисциплинированы, то прежде всего тут повинен аппарат Южфронта, не сумевший сохранить их боеспособность и закрепить их революционную дисциплину.

Причины разгрома Южного фронта в ином.

В то время как Деникин, правильно учтя общестратегическую обстановку, постарался прежде всего надежно прикрыть основную базу донской контрреволюции—район Таганрог—Новочеркасск—Ростов, закрепив за собою Донецкий бассейн, сделав из этого лабиринта же-

лезнодорожных путей настоящую броневую стену, наше главное командование, вместо того чтобы, опираясь на освобождающуюся Украину, развить через Донецкий бассейн наш рабочий район, главный удар на Ростов—Новочеркасск, бросило лучшие наши силы в глубокий обход через малодорожные казачьи земли к естественной преграде (р. С. Донец, Дону и Манычу), надежно прикрывающей эту базу с востока, а в Донецком бассейне ограничилось бесплодным топтаньем, разложившим нашу армию и в конец разорившим рабочий район. При этом наше южное наступление было чрезвычайно затруднено, так как проводилось под знаменем „расказачения казачества".

Напрасно целый ряд ответственных донских работников предостерегал от этого шага. Тщетно и я (в сентябре прошлого года) защищал перед вами идею съезда трудового казачества. Тщетно затем в докладной записке от 14 ноября „об операциях на юге" я, отстаивая необходимость действия против Дона, именно исходя от революционной Украины, повторял: „Необходимо усилить агитацию среди трудового казачества, прежде всего успокаивая на счет вселения на донские земли бедноты из центра, восстановить организационный казачий центр советской власти". Не была учтена вся сила казачьих традиций на Дону и в Кубани. Раковский рассказывал, что было решено искоренить казачество, вселив на казачьи земли бедноту из центра, уничтожив всякую тень казачьих привилегий. Не учли соотношения сил, не попытались пойти на соглашение с трудовым казачеством. Бросили армии в поход под знаменем, вызвавшим против нас почти поголовное восстание на Дону и почти поголовный подъем кубанцев. Вот основная причина нашего временного поражения на юге".

Эти мысли об ошибках нашей стратегии на Южном фронте уточнены в статье командукра: „Наши южные неудачи" 5 июля 1919 г. (киевская газета „Коммунист").

„Наш Южный фронт видел массу неудач—особенно в Воронежском направлении осенью прошлого года. Исправление этих неудач сводилось к штопанью тех или иных прорех. Маневра не было на этом фронте.

Первой попыткой серьезного маневра является образование группы Курского направления (ноябрь 1918 г.), имевшей своей задачей не только подготовку наступления на Украину, но и глубокий фланговый удар (на Миллерово) по Воронежской группе противника. Но опасения за сохранность Воронежа крайне затормозили сформирование этой группы, и она далеко не была готова к действию, сколоченная главным образом из уфимских татар (пример неудачной партизанской импровизации), когда получила решительный приказ начать наступление. Фланговое движение было не только крайне замедленным, но и намечено было высшим командованием очень робко (удар предуказан к Кантемировке, а не вглубь к Луганску—Миллерову); эта робость высшего командования искуплена впрочем инициативностью комгруппы, направившим вопреки заданию главный удар Миллерово и Луганск.

Маневр, проделанный в январе, удался с грехом пополам. Он совпал с переломом, наступившим на всем Южном фронте.

Порыв казачьих частей, не имевших импульса к борьбе с советскими войсками, угас. Среди казаков проявилось сильнейшее разложение. Казаки потеряли боеспособность. Казачий фронт рухнул.

Это совпало с победным наступлением повстанческих украинских войск к Харькову—Екатеринославу—Киеву.

В освобождающейся Советской Украине мы приобретали мощную опору для воздействия на черный Дон.

Совсем другое положение складывалось однако в Предкавказье. Добровольческая армия Деникина, соединившись с кубанским казачеством, уничтожила подорванную сыпным тифом и недостатками снабжения нашу Кавказскую армию и освободилась для поддержки Краснова.

В строгом понимании стратегической обстановки Деникин начал спешно перебрасывать свои части и прежде всего технические средства в Донецкий бассейн.

Из этого района, представляющего настоящий железнодорожный лабиринт, Деникин стремился сделать и сделал надежное прикрытие для основной базы донского казачества—района Таганрог—Ростов—Новочеркасск.

Деникин уяснил себе урок прошлого года, когда удар, поразивший Каледина, пошел именно от Донецкого бассейна (с восточной стороны Донская база прикрыта обширными пространствами малодорожных казачьих земель и р. Донец и Дон).

Учтенное черным генералом не было учтено нашим главным командованием. Увлеченное преследованием разбитых казачьих шаек оно бросило главные наши силы вглубь Донской области, пренебрегая развитием удара через Донецкий бассейн. И этот марш через казачьи земли шел столь успешно, что в начале марта нам официозно обещали через две недели быть в Ростове и передать целую освободившуюся армию Украинскому фронту.

Стремительное наступление через Донскую область сочеталось с безнадежным топтанием в Донецком бассейне. Украинский фронт был отстранен от участия в операциях в этом направлении. А когда из него изошла инициатива наступления внадрез Донбассейна к линии Иловайская—Таганрог, то и единственный живой угол этого гиблого места (Гуляй-Поле—Бердянск) отошел распоряжением свыше к Южному фронту. От Украинского фронта требовалась только поддержка военными силами, и таковая была оказываема в требуемой мере.

Новая попытка стратегического маневра была предпринята нами в марте, когда значительные силы, освободившиеся вследствие сужения фронта были переброшены для удара к Новочеркасску в район между Донецким бассейном и магистралью Миллерово-Ростов.

Произведенный усталыми, расшатанными частями этот маневр не удался, был легко остановлен контрударами по флангам нашего клина.

Для поддержания этого маневра, для удержания в Кубанской области неприятельских резервов было развито поспешное наступление и нашей Царицынской группой (Тихорецкая—Ростов).

Агентурными данными своевременно было установлено, что именно в направлении Тихорецкая—Царицын неприятелем подготовлялось серьезное контрнаступление, долженствующее начаться в первых числах мая.

Царицынцы во исполнение приказа смело, но слепо выдвинулись за

Маныч через безводные степи к путям на Ростов. В этом своем продвижении они были взяты во фланг у Манычской и Торговой, отрезаны от главных переправ на р. Маныч, последовательным рядом ударов зажаты в клещи и, понеся громадные потери, отброшены к Царицыну. Одновременно и наши войска, расположенные по нижнему течению С. Донца до Миллерово, оказались взятыми во фланг, а после прорыва у Миллерово зажатыми в клещи. И одновременно заговорил весь „тихий Дон"—восстания вспыхнули в различных местах пройденной слишком поспешно области, а в Донецком бассейне безнадежно топтавшаяся, изнуренная наша армия после нескольких ударов партизанского корпуса Шкуро просто бежала.

Такова в общих чертах картина нашего разгрома.

В чем же его основная причина?

В том, что вместо маневра через Донецкий бассейн,—рабочий район, ожидавший нас как избавителей, главные наши силы были брошены на Донскую область нам враждебную".

В этом основная стратегическая причина нашей неудачи на Южном фронте. Политическая—указана выше.

От Укрфронта не требовалось активной помощи Донбассу, требовалась лишь посылка подкреплений. И мы эти требования посильно выполняли.

Так обстояло с формальной стороны. На деле же—мы проявляли и некоторую боевую инициативу в поддержке Донбасса. Без всякого приказа свыше, тотчас по занятии Харькова—двинули к Бахмуту особый отряд, развили его действия, развернув боевую группу Гришинского направления; затем—нашей инициативой брошен Махно к Таганрогу (в марте). И мы особенно настойчиво (и тщетно) добивались от главкома передачи нам этого Таганрогского направления, чтоб вложить в него энергию и силы Укрфронта. Недостаточно? Да, недостаточно! Надо было во-первых заставить П. Дыбенко выполнить приказ—лишь заслониться в сторону Крыма, не прорываться на полуостров, но бросить основные силы в развитие удара Махно. Надо было не верить хвалебным реляциям штабов. Не верить, что Южфронт „сам" доломает врага! Надо было не ждать формальных санкций главкома, а „по-партизански" (т. е. в д а н н о м с л у ч а е по-революционному) развивать взятую лично инициативу.

Мы слишком легко поверили победным фанфарам наших соседей и главного командования и были слишком „дисциплинированы"!

Формально неответственный за поражение Южфронта бывший командукр сознает свою революционную ответственность за избыток официального доверия, за недостаточность революционного недоверия, за недостаток революционной инициативы в активной помощи (хотя бы и непрошенной, формально недопустимой) Донбассу.

Надо однако иметь в виду, что если б не восстание Григорьева, сковавшее нас на целый месяц, то мы б еще успели передать Южфронту уже намеченные к передаче—всю 2-ю Украинскую дивизию, бригаду Богунского, ряд частей П. Дыбенко.

И это одновременно с походом против боярской Румынии, в поддержку Советской Венгрии.

Не будь восстания Григорьева?! Но это восстание имело место. В упоминавшемся докладе ЦК командукр объяснял:

„Григорьев, во время борьбы с гетманом и затем с Петлюрой, до связи с нами, действовал по указаниям военного отдела партии украинских эсеров коммунистов, нам родственной, с февраля 1919 г. он стал официальным членом этой партии и вплоть до самого своего мятежа им оставался. В феврале он вошел в подчинение командукра, причем его 26 отрядов было приказано свести в штатную бригаду—бригаду Заднепровской дивизии, которой командовал Дыбенко. Высшая военная инспекция получила предписание наблюдать за этой переорганизацией. Наркомвоен взялся дать политработников и командный состав в эту бригаду. Командного состава совсем не нашлось, политработников дали нестоящих, инспекция послала неавторитетных мальчуганов. Однако Григорьев выполнял наши приказы и неоднократно справлялся с безобразиями в своих частях. Его авантюристские стремления были настолько ясны, что два раза было отдано командарму Скачко предписание его сместить, но это оказывалось невозможным по боевой обстановке. В военном отношении Григорьев проявил большую личную храбрость и большой маневренный талант. Но его поведение становилось все больше подозрительным, его хищничество и безобразия в частях росли. Нами были направлены несколько десятков работников в его части. И удалось кое-какие из них вывести из-под его влияния, а два полка оторвать—один в Крым, другой в Одессу. Разоружить его части не было силы. И с благословения самых ответственных наших работников было решено стремиться его использовать вдали от его района, удовлетворяя его честолюбие. Посетив лично район, откуда вышли войска Григорьева, командукр убедился, что в этом районе крестьянство настроено явно антисоветски и потому легко может пойти на восстание. Григорьев лишь эксплоатировал в личных целях это настроение крестьянства. И все же, несмотря на это и на большие технические средства, имевшиеся у него, Григорьев был нами разбит.

Выступление Григорьева однако сыграло крайне тяжелую роль для нас, ибо мы не только лишились большей части его дивизии, но и вынуждены были ослабить поддержку Южфронту—четыре полка 2-й дивизии, большая часть сил 3-й армии, один кавалерийский и два пехотных полка 2-й армии были отвлечены против Григорьева. Григорьевщина сорвала нашу дальнейшую поддержку Южфронту.

Махно?—Убежденный анархист, лично честный, за спиной которого совершалась всякая пакость—мог быть великолепно использован нами, если б мы имели недостающий нам аппарат. Утвержденный бригадным командиром 3-й бригады Заднепровской дивизии, отданный под начало Дыбенки, Махно постепенно преобразовывал свои части. Комитеты в частях были упразднены, введены политкомы, но они оказались слабоваты, командного состава не было, поставить правильно снабжения не могли по общим причинам, и части Махно оставались

в преходящем состоянии. Но некоторые из них дрались с казаками превосходно и нет сомнения еще долго б отстаивали свой район, если б у них были патроны (к итальянским винтовкам, которыми многие из них были вооружены, патрон им не дали, хотя они и были переданы 2-й армии). Попустительства нет. Есть лишь стремление использовать наличные силы, способные драться против нашего врага, и взять их в руки. Условия, в которые были мы поставлены, не дали этому совершиться!".

Однако нельзя не признать, что с мая наша Украинская советская армия начала переживать жестокий внутренний кризис, слабея и численно и „морально". Нельзя не признать, что отпор, данный ею добровольческой армии в июне—июле—августе был крайне слабым.

В чем же была причина этого нашего ослабления.

Командукр ответил на этот вопрос в статьях, появившихся в киевском „Коммунисте" (в начале июля) и в уже цитированной нами записке, поданной ЦК партии.

В чем же видел он причину относительной нашей слабости?

„Принято ее искать в так называемой „партизанщине". Неумелое применение слов только путает дело. Партизанщина в военном смысле—это малая война, борьба отрядами, вместо планомерных действий по-военному организованных масс.

Слово „партизанщина" употреблено здесь по недоразумению.

Не „период партизанщины слишком долго затянулся на Украине", а период повстанщины.

Советская украинская армия выросла из повстанческих отрядов. Могучее восстание рабочих и крестьян вызвало к жизни эти отряды. Организуясь по почину какого-нибудь местного вожака, повстанческие отряды связаны с этой личностью, держатся воедино доверием к своему „атаману". Прибывая в отряд добровольно, со своим оружием, повстанцы плохо поддаются дисциплине; не порывая психологически со своей крестьянской средой, неохотно отделяясь от своего „дома", они малоподвижны, малоустойчивы, легко рассыпаются.

Поскольку перед всеми народными силами, поднявшими восстание, существует единая цель и единый враг, повстанческие отряды возможно подчинить единому планомерному руководству. Поскольку таковая цель исчезает, поскольку такой единый враг не чувствуется, повстанческие отряды расползаются.

Повстанчество на Украине выросло из могучего порыва ее крестьян и рабочих к борьбе с оккупантами-немцами, французами и их союзниками—гетманом, Петлюрой,—к борьбе с врагами, преграждавшими крестьянству путь к земле, посягавшими на его хлеб, на труд и свободу рабочих. В этой борьбе крестьянство выступало сплошной массой.

И велик был подъем духа в повстанческих частях. Быстро, как поток горный, росла, питаемая деревенской силой, повстанческая армия.

Но по мере того, как внешний враг был разбит, выброшен за

пределы украинской земли, порыв в рядах армии слабел. Завоеванная земля звала к себе на работу. Разгар классовой борьбы в деревне должен был неизбежно расстраивать повстанческую армию, разрушать ее единство и в зависимости от социального тяготения ее атаманов поставить отдельные ее части на ту или другую сторону в разгоревшейся гражданской борьбе.

На Украине этот перелом наступил с особенной остротой.

Отмеченные опасности повстанчества были с первых шагов учтены украинским командованием. И оно употребило все усилия к их преодолению, к преобразованию армии в регулярную, строго дисциплинированную, планомерно и целесообразно по военному организованную.

Чтоб сделать повстанческую армию, это добровольное крестьянское (в подавляющей своей массе) ополчение, пропитанное разлагающими мелкобуржуазными стремлениями и узкоместными интересами, чтоб сделать эту армию подлинно советской, сознающей общегосударственное свое назначение, необходимо было ее спаять централизованным военным механизмом, способным планомерно удовлетворить все запросы армии и планомерно руководить ее действиями.

Необходимо было прежде всего: 1) от отрядной системы перейти к регулярно-штатной (применив штаты к особенностям нынешней войны и к нашим средствам); 2) правильно поставить снабжение этих штатных единиц; 3) уничтожить все следы выборного начала в частях, провести строго проверенный советский командный состав; 4) планомерно проведенными мобилизациями закрепить за военной службой обязательный характер; 5) напряженной и неустанной политической работой, внутри самих частей, сплотить их вокруг идей советской власти.

Но на Украине не сложилось такого военного аппарата, который смог бы выполнить к сроку указанную работу.

Повстанческие отряды организовались не одними коммунистами. В них сплошь и рядом имели влияние партии, чуждые духу классовой пролетарской дисциплины, вносившие, напротив, в ряды украинской армии начало разложения—своевольства, самостийности. Для борьбы с этим тлетворным влиянием коммунистами на Украине было сделано слишком мало, почти никакой политической работы коммунисты в армии не вели.

Мобилизации стали проводиться на Украине нами только в самое последнее время и принцип обязательности военной службы советскому отечеству остался совершенно не привитым украинскому крестьянству и рабочим.

Надежного командного состава взамен „атаманов" получить было неоткуда. Россия прислала лишь горсточку зеленой молодежи, так называемых „красных офицеров". Украинские военные школы еще не выпустили своих питомцев. Куда надежнее этих последних были бы выученики инструкторских школ, учрежденных нами при наших полевых дивизиях и заполняемых из среды самих повстанцев. Но и тут надо было ждать.

[22] Записки о гражданской войне, т. IV.

Хромала и боеспособность частей и их дисциплинированность—некем было заменить неспособных, но влиятельных повстанческих вождей.

Всего печальнее обстояло дело со снабжением. Центру никак не удавалось поставить воинские части в этом отношении в зависимость от себя, ибо он оказывался бессилен в удовлетворении их не только вещевым довольствием (бельем, обмундированием, обувью), но просто пищей и фуражом. Воинские части и военный центр были лишены права самостоятельных заготовок. Органы Наркомпрода не удовлетворяли и одной сотой потребности армии. Армия оставалась полураздетой, полубосой, полуголодной. Армия жила на подножном корму. И влияние вольных батек и атаманов-добытчиков крайне упрочивалось, несмотря на переход от отрядов к регулярным полкам. Дорога для бандитизма оставалась таким образом широко открытой.

Обеспеченность семей красноармейцев на Украине также была не налажена. И это отсутствие забот со стороны государства мало способствовало закреплению в сознании красноармейцев общегосударственного значения армии.

Господствовала крайняя несогласованность между темпами военной и остальной государственной работы. Вместо того чтобы милитаризировать все органы управления, ввести в них железную дисциплину, непрерывный напряженный труд и тягчайшую революционную ответственность,—стремились отделаться от несносных запросов военщины и ответственность за все растущую разруху сваливали на эту последнюю.

В записке ЦК командукр дополнительно указывал:

„Сюда надо прибавить еще неналаженность самого центрального аппарата. Наркомвоен создал на Украине невозможное положение для Укрфронта—параллелизм целого ряда органов (прежде всего снабжающих), крайне осложнял и спутывал работу. Тщетно командукр настаивал пред Подвойским на необходимости возбудить вопрос о централизации военного аппарата путем создания под председательством Наркомвоен Революционного военного совета Украины.

Вместе с тем Наркомвоен до последних дней почти не помог фронту в переорганизации армии—дал крайне мало и непригодных политработников; не дал командного состава, будучи перенасыщен спецами; не дал ни одного штатного обоза; послал всего 9 маршевых рот на пополнение наших частей; сформировал за шесть месяцев для действующей армии всего два артиллерийских дивизиона с крайне слабым личным составом; не дал ни одной команды разведчиков, ни одной законченной штатной инженерной части. Наркомвоен развернул гигантский аппарат, но такие темпы, что плодов его работы надлежало ждать разве через год“.

В своей организационной работе командукр был почти без помощников. Основными его сотрудниками, и сотрудниками в высшей степени полезными, энергичными и преданными, явились товарищи, присланные на Укрфронт по распоряжению т. Сталина.

Это были работники 10-й армии, победоносно под руководством тт. Ворошилова и Сталина отстаивавшие Царицын, те „царицынцы“, которых Троцкий заставил снять с работы.

Весьма далекие от „партизанства“, но полные здорового недоверия к „военным специалистам“ и умевшие работать с теми из них, кто честно служил советской власти, эти товарищи (Е. Щаденко, Мацилецкий, Худяков, Локотош, Белянкович и др.) дали нам возможность организовать достойные пролетарской революции военные части на Украине и вести их победно в бой.

Необходимо отметить, что т. Сталин постоянной поддержкой и непосредственной работой в Реввоенсовете „группы Курского направления“, из которой вырос Укрфронт, также чрезвычайно содействовал нашей работе. Что же касается главного командования, то помощь с его стороны была самой незначительной. За все время работы командукр не имел вполне налаженного штаба. Вначале до назначения наштаукр Глаголева командукр вовсе лишен был опытных штабных работников. С назначением Глаголева дело пошло лучше, но 1) сам Глаголев оказался в оперативном отношении мало подготовленным для нашей нынешней войны (он упорно не решался выдвинуть 9-ю дивизию из Курска, не веря в прочность нашего положения в Харькове и стараясь прикрыть Курск от возможного контрудара противника; воспитанный на позиционной войне, он, будучи оставлен в Киеве для наблюдения за проведением 1-й армией операций против войск Петлюры, так медленно организовывал движение нашей кавалерии, что допустил войска Директории в главной массе уйти из-под удара); 2) штаб, набранный Глаголевым, не внушал нам достаточного доверия (в марте начальником Особого отдела была обнаружена связь нашего штаба с белыми; у белых найден разработанный нами план укреплений Орла и Курска; сам Глаголев усиленно проводил в штаб армии некоего генштаба Баскова, оказавшегося контрреволюционером, состоявшим по особым поручениям при Скоропадском; штаб был заполнен родичами Глаголева и его близких); 3) оперативная работа отдельных армий Укрфронта была настолько слаба, что требовала личного над нею наблюдения командукра.

Притом у нас наблюдалось полное отсутствие кадров. Кадры 9-й дивизии от нас были отняты. Кадры 3-й дивизии не были переданы; на все наши настояния главком ответил: „не желаю украинизации этой дивизии“... Переданные Наркомвоен кадры были совершенно ничтожны. Так докладывали мы ЦК партии.

К этому командукр должен был добавить и постыдную несогласованность, которая существовала между Укрфронтом и Наркомвоен Украины. Мы привели выше немало фактов этого позорного раздора.

Этот раздор пытались использовать и наши враги.

Вот что передает об этом белогвардейский агент „Генштаба полковник Соколовский“ в докладе полковнику Баумгардену, представителю Деникина,

докладе, попавшем нашей разведке в сентябре 1919 г. (и переданном нам в копии т. Щаденко).

„С приходом большевиков я получил в 15-х числах февраля 1919 г. предложение от представителя Верховного командования добрармии полковника Ерарского, переданное через полковника Станиславского, поступить в один из штабов большевиков для информации доброармии.

Приняв это предложение, я в первых числах марта месяца поступил в Киевский губвоенкомат, мобилизационный отдел. Имея в своих руках дело мобилизации и формирования Красной армии, я сразу же повел дело так, что ни одно формирование не могло пройти, а мобилизация, объявляемая в самые неподходящие моменты, не давала никакого результата. Формируемые 4-я или 5-я Укрдивизии, а также все вспомогательные и местные части так и остались на первой стадии развития. Приказы же о мобилизации пришлось все время отменять.

В оперативном отношении для облегчения положения доброармии было положено в основу не давать ни одного штыка в Донецкий бассейн, а для этого состоялись многочисленные доклады об угрожающем положении внутреннего фронта.

Недоформированные части бросались одна за другой на внутренний фронт и окончательно гибли. Для отвлечения лучших сил был разработан доклад о сформировании полков особого назначения. В полки были взяты лучшие кадры средств полевых формирований, а это окончательно нарушило весь план спешного формирования.

В итоге к концу апреля на Донской фронт почти ничего не было отправлено, мобилизация дала плачевные результаты, внутренний фронт удерживал до 32.000 войск.

Однако к концу апреля я решил перейти в Большой штаб, что и удалось сделать; я занял должность помощника начальника отдела обороны штаба Наркомвоен. Снискав полное доверие, я с первых же дней взял в свои руки дело формирования. В оперативном отношении я составлял только доклады об угрозе развивавшейся анархии внутреннего фронта. Большинство служивших в Наркомвоен офицеров генштаба поддерживали высказываемые мною предложения. Сам же Подвойский всецело подчинялся нашему влиянию.

Программа работы была такова: а) сбор ценных сведений для центра, б) извлечение всех ценных документов, в) получение дислокации и боевых предписаний, г) разрушение вновь создавшейся Украинской армии, д) работа по обострению отношений Укрфронта и Наркомвоен, е) разжигание угрозы внутренней смуты и мятежей, систематическое запугивание, ж) оттягивание всех лучших сил на внутренний фронт, з) борьба всеми силами с посылкой подкрепления на Донецкий фронт. Что касается разрушений армии, то работа дала блестящие результаты. Подвойский, подпавший всецело под влияние моих проектов, одобрил ряд таких неосуществимых формирований, переварить которые Украина не могла бы и в несколько лет. Создавалось сразу шесть дивизий, отдельные бригады, местные формирования, всего общим числом на 280.000 штыков, 85.000 лошадей и масса вспомогательных частей. Планы менялись чуть ли не ежедневно, все это окончательно дезорганизовало все формирование.

В лучшие моменты вся Украинская армия, формируемая Наркомвоен,

зывала такие цифры: 42 000 штыков, 2 200 лошадей. Некомплект был колоссален, официальные отчеты были другие, там цифры были до 100 000 штыков и 100 000 лошадей (все дутые цыфры).

На почве формирования возникла целая переписка упреков между комфронт Антоновым и Наркомвоен Подвойским, переписка и ответы составлялись мною. Ответ Антонову настолько обострял отношения, что вмешался центр московский, и в результате получилась отставка Антонова. Одновременно разжигался вопрос о внутреннем фронте".

(Дальше, в столь же бахвальном тоне, автор записки рассказывает о своей предательской работе после замены Антонова и Н. Подвойского „командующим войсками Киевского района" Павловым и наконец в качестве наштаба внутреннего фронта у т. Ворошилова).

В громадной работе Наркомвоен было конечно неудивительно наличие вражеской агентуры; была она и в работе фронта.

Конечно белогвардейский агент многое привирает, но характерно, что раздор наших украинских военных верхов был таков, что бил в глаза заклятым нашим врагам, и на нем они строили свои разрушительные для Красной армии планы.

Однако вернемся к основной причине слабости нашей работы, как она нам представлялась в ту пору (см. упомянутые статьи в киевском „Коммунисте").

Развитие классовой борьбы в украинской деревне чрезвычайно тяжело отразилось на стихийно сложившейся повстанческой армии, не имевшей еще крепких кадров и работоспособного, боевого политаппарата.

Широкой волной разлившееся на Украине стихийное мелкобуржуазное самостийничество, подогретое частой сменой различных политических режимов, было враждебно централистским стремлениям пролетарской власти и медленно изживалось.

Расстроенная производственная жизнь не давала возможности наладить правильный товарообмен. В условиях безтоварья, не получая в обмен почти ничего необходимого для ведения хозяйства и для личных потребностей, крестьянство крайне неохотно расставалось с хлебом. И там, где мы плохо справлялись с задачей уяснения основным массам крестьянства абсолютной необходимости хлебной монополии в условиях гражданской войны, кулацкие элементы, играя на широком недовольстве крестьянства, вызывали бунты. В некоторых уездах, как например в Литинском, Летическом, эти бунты носили характер прямого похода деревни на город за продуктами фабричного производства—толпы вооруженных крестьян устремлялись из деревень, нападали на лавки, захватывали ситец и прочее добро и возвращались по хатам.

Борьба за хлеб тем более обострялась на Украине, что продовольственная политика вначале проводилась в обстановке, когда еще не сложились на местах крепкие органы советской власти, не налаживалась работа комбедов, как опорных пунктов для проведения советской политики в деревне.

В тесной связи с этим необходимо брать и перегибы в проведении земельной политики, неуклюжий иногда подход к чрезвычайно острым вопросам. В многих приведенных выше документах видно, какую крупную роль играло в ряде бандитских движений использование острого недовольства иногда широких масс крестьянства, насаждением коммун в деревне. Перегибы здесь давали кулацким, контрреволюционным элементам острый материал для развертывания своей подрывной работы, для игры на мелкособственнических предрассудках крестьянства. Ведь даже организация совхозов, а их было организовано и не так много, возбуждала большие толки и недовольство.

В той же плоскости недочетов общеполитической линии лежит допущенный нами ряд национальных бестактностей. Нельзя было конечно не стремиться к объединению родственных советских республик, но совершенно необходимо было, чтоб сознание всей великой целесообразности такого объединения проникло в широкие народные массы и было воспринято ими опытным путем. В силу известных причин национальное чувство было крайне обострено на Украине, особенно в правобережной. Совершенно недопустимо было задевать это больное место, как это нередко делали некоторые не в меру ретивые наши централизаторы...

В достаточно широких слоях рабочих и крестьян Украины призывы „незалежников" уже не встречали никакого сочувствия, но и обратные требования иных централизаторов часто встречались резко отрицательно. Совместная суровая борьба с общим врагом, совместная трудовая жизнь братских республик вскоре сгладили бы все недоразумения, все острые углы, отточенные исторической несправедливостью,—но пока что надо было больше осторожности, больше гибкости в национальном вопросе!

Все это вместе взятое обостряло кризис повстанчества на Украине, сделало возможными такие явления, как бандитизм Григорьева, как раскольнические устремления (а впоследствии открытый мятеж) Махно, отражавшие сопротивление кулацко-самостийнических элементов победоносному развертыванию пролетарской революции.

„Но,—заканчивали мы эти статьи,—судьба самого выступления Григорьева, использовавшего глухое недовольство крестьян Херсонщины для попытки проехать на полштофе водки к гетманской булаве,—показывала насколько прочны были завоевания советской власти, насколько стойка и надежна стала наша украинская армия. Это выступление было экзаменом нашей армии на дисциплину и сознательность, и этот экзамен наша армия выдержала—Григорьев был ею разбит.

Однако его удар в тыл нашему фронту, его предательство сослужило громадную услугу всем нашим врагам и прежде всего деникинцам, ибо на борьбу с Григорьевым пришлось отвлечь силы, предназначавшиеся для Южного фронта.

Теперь, когда черный генерал грозит всем завоеваниям рабоче-крестьянской революции, теперь крестьянские массы становятся вновь способны к могучему порыву на борьбу. И если мы, коммунисты,

стоящие у власти, сумеем этот порыв поддержать своим творческим почином, сумеем его сорганизовать, отлить в надлежащие формы, железной спайкой закрепить поднимающиеся к борьбе массы,—мы не только преодолеем кризис повстанчества, ослабляющий наши силы, мы создадим на Украине нерушимый оплот революции, поднимем тот мощный девятый вал, который снесет белогвардейскую нечисть с Донецкого бассейна".

Правильна ли была эта сделанная по живым следам оценка?

Мы и сейчас считаем ее в основном правильной.

Мы полагаем, что описанное нами свидетельствует о высокой степени зрелости социальной революции на Украине уже в ту пору, т. е. в первой половине 1919 г.

Несмотря на ряд печальных недочетов и загибов, отнюдь не связанных органически с существом советской власти; несмотря на чрезвычайную организационную нашу слабость, связанную и с короткими сроками и с бесчисленностью труднейших задач,—мы все же победоносно держались против всех врагов и отступали пред ними лишь, чтоб вернуться в бой с новыми силами и победить.

Социальная революция не была привнесена на Украину, она выросла на ее почве. Контрреволюция на Украине удушалась руками самих же украинских рабочих и деревенских бедняков. Под их ударами пал гетман, их ударами уничтожен Петлюра, смят Григорьев.

Единственной же надежной силой украинского сепаратизма явились сичевики, корпус Коновальца, набранный из галичан; и именно Галиция поставила на службу этому украинскому сепаратизму главных политических деятелей. Об этом свидетельствуют бесчисленные факты.

Всего разительнее в этом отношении пожалуй знаменитое обращение (от 25 марта) вождей сичевиков к украинскому крестьянству, полное огорчения по поводу непонимания украинским селянством целей, преследуемых сичевиками. Украинская деревня не только отвернулась от сичевиков, но гнала их прочь, избивала их, как прислужников помещичье-буржуазной власти, как пришельцев-насильников (см. об этом между прочим у О. Назарука „Рік на великій Україні Відень", 1920, стр. 142, 158 и т. д.). И галицийские мелкобуржуазные демократы, встречая такое отношение к себе украинской деревни, горько разочаровались в „украинском народе", теряли надежду вовлечь его под желто-блакитное знамя.

А когда они, используя нашествие деникинских офицерско-казачьих банд, попытались все же водрузить это знамя на „ридной Украине", то им пришлось позорно преклонить его пред трехцветным знаменем великодержавной России—подписать (ноябрь 1919 г.) известный договор о подчинении деникинскому командованию своей армии.

Пред лицом „красной опасности" украинский „социалистический" национализм слил свои ряды со своим „исконним врагом". Ибо един фронт контрреволюции, как един и фронт пролетарской борьбы.

Конец четвертого тома.

СХЕМА 1.

Общее положение на фронтах гражданской войны по данным на 3 мая 1919 г. (Перечерчено со схемы Оперативного управления Штаба РВСР — прилож. к развед. сводке № 17/р).

СХЕМА 2.

Группировка войск противника на Южном фронте по данным на 3 мая 1919 г. (Перечерчено со схемы Оперативного управления Штаба РВСР — прилож. к развед. сводке № 17/р).

СХЕМА 3.

Расположение частей Украинского фронта к 20 часам 25 мая 1919 г.

3

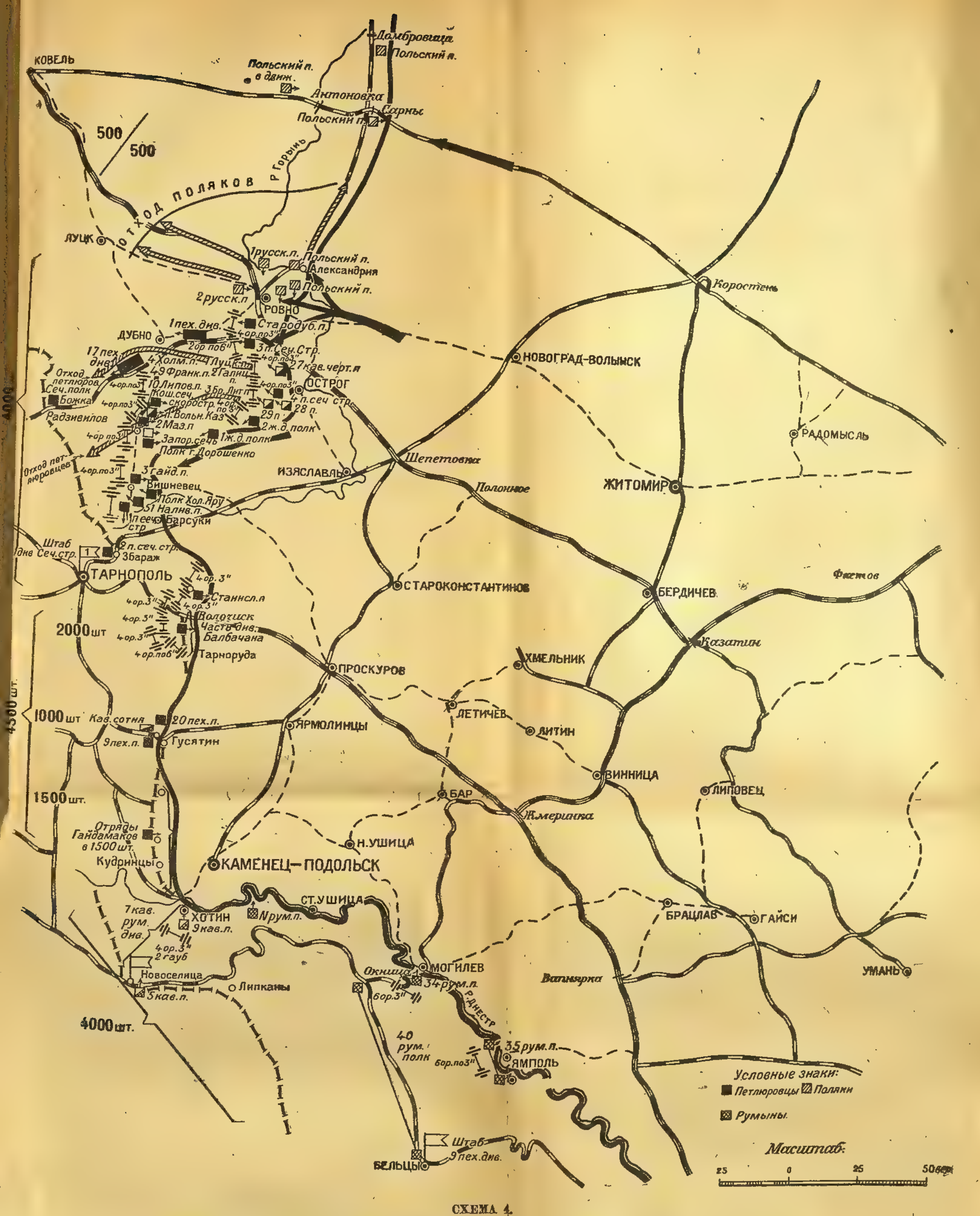

СХЕМА 4.

Расположение сил противника перед фронтом 1-й Украинской советской армии к 25 мая 1919 г. (Перечерчено со схемы Оперативного отдела Штаба армии — прилож. к боевому расписанию).

4

СХЕМА 5.

Кулацкие восстания на Украине. (Перечерчено со схемы, прилож. к сводке № 2 Цебюрсвиндз НКВМ).

СХЕМА 6.

Кулацкие восстания на Украине. (Перечерчено со схемы, прилож. к сводкам № 3 и 4 Цебюрсвиндз НКВМ).

9

СХЕМА 7.

Общее положение на фронтах гражданской войны по данным на 15 июня 1919 г. (Перечерчено со схемы Оперативного управления Штаба РВСР — прилож. к развед. сводке № 23/р).

